

Пленарные заседания

А. А. Алексеев.

ΣΗΜΕΙΟΝ и ΔΟΞΑ в Евангелии от Иоанна

В сопоставлении с Ветхим Заветом, Септуагинтой, арамейскими таргумами и синоптическими Евангелиями выявляется глубоко продуманная система употребления слов ΣΗΜΕΙΟΝ «знамение» и ΔΟΞΑ «слава» в Евангелии от Иоанна. Первое из них находится в корреляции с деятельностью Моисея и проповедью Иисуса как пророка, второе — с божественной природой Иисуса, Сына Божия. Этим путем евангелист производит двойную интерпретацию, с одной стороны, устанавливая прообразовательный характер Ветхого Завета и, с другой, сотериологическую миссию Иисуса.

Anatoly A. Alexeev

ΣΗΜΕΙΟΝ and ΔΟΞΑ in the Forth Gospel.

Comparative study of the Old Testament, Septuagint, Aramaic Targum and Synoptic Gospels reveals a perfectly balanced system of using the terms ΣΗΜΕΙΟΝ “sign” and ΔΟΞΑ “glory” in the Forth Gospel. The first is used to refer to Moses’ activities and Jesus’ prophetic kerygma, the last — to the divine nature of Jesus as the Son of God. In this way the Evangelist performs the twofold interpretation through discovering the Old Testament typology and Jesus Christ’s soteriology.

К. В. Бабаев, к. филол. н., Институт востоковедения РАН (Россия)

О ТИПОЛОГИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СУППЛЕТИВИЗМА

Настоящий доклад представляет собой описание технического задания к комплексному научному исследованию типологии явления супплетивизма в различных языках мира. Супплетивизм (обычно понимаемый как нерегулярный тип словоизменения лексемы с помощью иного корня) является одним из наиболее интересных языковых явлений в словоизменительных системах языка, находящимся в определённом смысле на стыке лексической и грамматической сфер человеческого языка. Его широкая распространённость в языках самых различных типов, регионов мира, языковых семей обусловила довольно

ранний интерес к супплетивизму со стороны научного языкознания. Однако несмотря на то, что само явление было охарактеризовано ещё в работах раннего индоевропейского языкознания в первой половине XIX в. при сравнительном анализе и реконструкции праязыка индоевропейской семьи, собственно типологией и теорией супплетивизма учёные занялись значительно позже.

Первый труд, посвящённый данному явлению, издан в 1899 г. в Германии [Osthoff, 1899]. Позже супплетивизма касались в своих исследованиях представители школ американского структурализма [Bloomfield, 1926], теории генеративной грамматики, естественной грамматики (*natural grammar*) и других [Hippisley & al., 2004]. Однако по сей день остаётся неразработанным как научное определение супплетивизма (см. одно из наиболее удачных определений в [Mel'čuk, 2000]), так и классификация типов данного явления, недостаточно изучены пути возникновения, развития и исчезновения супплетивизма. В целом же теоретической литературы о супплетивизме крайне недостаточно.

Обычно принято делить супплетивизм на «сильный» и «слабый» [Veselinova, 2006]. Одним из очевидных критериев для этого является этимологический: такие глагольные формы, как *иду* и *шёл*, происходят из различных глаголов. К слабому супплетивизму можно отнести различные формы латинского глагола *ferre* ‘нести’: *tulī* ‘я нёс’ — *latum* ‘несение’, этимологически восходящие к одному корню. Однако существует и ряд других критериев для классификации супплетивизма. В частности, она может быть основана на анализе:

- различных частей речи (имена существительные, прилагательные, глаголы, местоимения различных типов, наречия и пр.);
- различных грамматических категорий (число имени, лицо, вид, время и наклонение глагола, степень сравнения имени прилагательного и пр.);
- словоизменительной и словообразовательной систем языка (ср. словообразовательный супплетивизм числительных *один* — *первый* во множестве языков мира);
- статистической частотности семантически различных лексем (известно, что наиболее частотными супплетивными парами являются именные *человек* — *люди*, *ребёнок* — *дети*, ср. также словоформы глаголов со значениями «идти», «приходить», «быть», степени сравнения прилагательных *хороший*, *плохой* и др.);
- морфем / лексем различной степени автономности (так, можно говорить о супплетивизме именных падежных аффиксов единственного и множественного числа в индоевропейских языках, о супплетивизме по числу именных классных префиксов в языках Африки).

Одним из наиболее актуальных вопросов является развитие супплетивизма в диахроническом аспекте, поиск закономерностей такого развития. Представляется, что бытующий в зарубежной литературе взгляд на супплетивизм как на нерегулярное явление, от которого язык по мере сил пытается избавиться, не соответствует действительности: на месте старых, утраченных супплетивных пар появляются новые. Более справедливым является взгляд на супплетивизм как на «нерегулярную регулярность», присутствующую в огромном большинстве языков мира. Однако эта точка зрения должна быть подтверждена комплексным исследованием явления на материале представительной выборки как минимум сотни языков мира, чего пока ещё в научной литературе сделано не было. Подобное исследование, безусловно, представляется целесообразным как в свете типологического, так и в свете сравнительно-исторического языкознания.

Литература:

- Bloomfield, Leonard. 1926. A set of postulates for the science of language. *Language* 2: 153—64.
- Hippisley, A. & al. 2004. Suppletion: frequency, categories and distribution of stems. “*Studies in Language*” 28, 387—418.
- Mel’čuk, I. 2000. “Suppletion”. In: Booij, Geert; Lehmann, Christian; and Mugdan, Joachim (eds), *Morphologie / Morphology. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung / An International Handbook on Inflection and Word-Formation*, 1. Teilband 510-24. Berlin, New York: de Gruyter.
- Osthoff, H. 1899. *Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen*. Heidelberg, Kommissionsverlag von Alfred Wolff.
- Veselinova, L. 2006. *Suppletion in verb paradigms: bits and pieces of a puzzle*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins.

Аннотация

The paper deals with the typological synchronic and diachronic analysis of the phenomenon of suppletion in the languages of the world. Despite its relative cross-linguistics frequency, it has enjoyed few interest in the literature. The most interesting issues to discuss are the classification of suppletion, the origins of the phenomenon and the ways of its diachronic development in the language.

Н. В. Богданова-Бегларян, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ЗВУКОВОЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, СТРУКТУРА И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В докладе представлен *Звуковой корпус русского языка*, разрабатываемый научным коллективом в рамках Института филологических исследований (ИФИ) СПбГУ. Корпус понимается создателями как способ мониторинга и фиксации звукового материала естественного языка, как организация информационной среды и программного инструментария для нужд интегрального моделирования речи, а главное — как источник новых учебных материалов и база для изучения и преподавания языка в его звуковой форме. В докладе представлены две части Корпуса, устроенных принципиально по-разному: сбалансированная аннотированная текстотека (САТ) и блок «Один речевой день» (ОРД).

Представляется, что устная звучащая речь может характеризоваться как естественная в различной степени: 1) *лабораторная речь* — звукоизолированное помещение, диктофон, «речевое задание»; 2) *экспериментальная речь* — запись на «территории информанта» (в «полевых условиях»), диктофон, «речевое задание» (материал САТ); 3) *естественная речь информанта* в проекте ОРД, проживающего свой «речевой день» «с диктофоном на шее»; 4) *максимально естественная речь коммуникантов* в проекте ОРД, которые, как правило, вообще не подозревают о том, что ведется запись. В ходе специальных экспериментов была подтверждена справедливость такого разделения.

Далее в докладе представлены некоторые конкретные результаты анализа материалов Корпуса. Так, был подтвержден спонтанный характер *чтения* — как вида речевой деятельности и типа монолога, в котором обнаруживаются и обрывы слов, и хезитации разного типа, и самокоррекция, и метакоммуникативные вставки, столь характерные для спонтанной речи. На материале монологов-*репродуктивов* были установлены различные коммуникативные стратегии пересказа (с позиции наблюдателя, персонажа, читателя или исследователя) и большой спектр лексико-грамматических трансформаций исходного текста. На материале текстов-*описаний* было выявлено более десятка структурных элементов, также отражающих разные коммуникативные стратегии говорящего (собственно описание, догадки и домыслы говорящего, оценочные суждения и комментарии по поводу изображения, дискурсивные или метакоммуникативные замечания и под.). В ходе анализа удалось получить убедительные свидетельства *влияния профессии* на повседневную речь человека, а также наметить 4 направления лексикографического описания русской спонтанной речи: словари контекстных экспрессем (*красавица с накладными мозгами; гужбанская девка; не гонево тебе?*) и бытовой разговорной речи (новые слова и новые значе-

ния старых слов), дискурсивных единиц (*это самое, так скажем, не знаю*) и редуцированных форм (*щас, здрасьте, ршите, сёння*). Важно, что электронные версии всех предложенных словарей позволят не только дать лексикографическое описание всем единицам каждого словника, но и послушать их в различных контекстах.

В результате можно заключить, что корпусный подход к анализу устной речи позволяет поставить задачу пересмотра на этом материале *всех* накопленных к настоящему моменту лингвистических сведений. Уже первые наблюдения над материалом показали, что проверка на корпусе самых, казалось бы, очевидных и общепринятых лингвистических утверждений иногда приводит к совершенно неожиданным и интересным результатам.

Russian Speech Corpus: Foundation, Structure and Investigation

Russian Speech Corpus is a way of monitoring and fixation of natural speech. On the other side, it is an organized database with certain soft for integral modeling of speech. But the main thing about the Corpus is that it is a source for new study materials and a perfect base for natural speech acquisition. This report consists of two parts dedicated to completely different sections of the Corpus: balanced annotated text corpus and a “One Speech Day” block. Some results of our research are also presented.

Б. С. Жаров, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

УНИКАЛЬНЫЙ ОБЩЕСКАНДИНАВСКИЙ СЛОВАРНЫЙ ПРОЕКТ ISLEX-ШЕСТИЯЗЫЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

16 ноября 2011 г. в столице Исландии в присутствии высоких гостей состоялась презентация шестиязычного электронного словаря исландского языка ISLEX.

Подготовительная работа шла с 2005 г. Необходимые для трудоемкой лексикографической и технически сложной работы значительные средства были выделены правительствами Скандинавских стран. Коллектив из 30 лексикологов и переводчиков из 4 государств работал 7 лет. Главный редактор — Тоурдис Ульварсдоухтир (Þórdís Úlfarsdóttir), руководитель авторского коллектива Халлдоура Йоунсдоухтир (Halldóra Jónunsdóttir). Ответственный за исландскую часть словаря и координирующий центр — Институт исландского языка Аурни Магнуссона в Рейкьявике. Партнерами стали научные центры Скандинавских стран: «Общество датского языка и литературы», в Швеции Гётеборгский университет. В Норвегии существует две равноправных нормы языка: букмол (риксмол) и но-

вонорвежский (ланнсмол), эквиваленты исландских слов создавались в Бергенском университете. К концу 2012 г. в словаре появится пятая переводная часть — фарерская, над которой работает Языковой центр в Торсхавне.

Словарь ISLEX должен был стать электронным. Исландский язык принадлежит к числу малых. Издавать часто много бумажных словарей при небольшом количестве пользователей невозможно. Между тем словарный запас быстро меняется, словари за переменами не успевают. Недавно в Дании издательство, ранее выпускавшие словари, полностью ликвидировало отдел, готовивший их, так как признало, что «за Интернетом не угнаться». Ясно, что решением проблем является электронный словарь, который может расширяться, обновляться и совершенствоваться в любое время по мере необходимости.

Электронный словарь — живой организм, который чутко реагирует на изменения в окружающей среде.

Словарь ISLEX выложен в Интернете и доступен для любых пользователей на соответствующих сайтах. Исландский сайт (www.islex.hi.is) имеет много материалов, рассказывающих о создании словаря. На соответствующих сайтах представлены эквиваленты на датском (www.islex.da), шведском (www.islex.se) и двух норвежских языках (www.islex.no). На каждом сайте можно подключить другой, нужный в данный момент пользователю язык. Можно включить все переводные эквиваленты сразу, что дает возможность сопоставления лексики, фразеологии скандинавских языков.

Объем словаря был изначально установлен в 50 000 исландских лексем. Составители ISLEX не стремились любым способом раздуть объем. Как сказал один из докладчиков, этих слов достаточно для большинства сфер жизни, если же кому-то захочется переводить исландские стихи, то придется обратиться к другим словарям.

Используя богатые возможности электронного словаря, исландские составители сопровождают лемму в некоторых случаях изображением, в других — анимацией (бабочка машет крыльями и т. п.). Предполагается подключение произношения исландских слов.

Большое преимущество электронного словаря проявляется в системе подачи грамматических помет. Исландская грамматика является самой сложной из всех грамматик германских языков. Большим облегчением для пользователя является наличие полной парадигмы изменения слова. В словарной статье следует хорошо разработанная система подачи значений слов с примерами, а также идиоматические обороты.

Словарь ISLEX — очень перспективная разработка и пример для электронных словарей других языков.

Аннотация

Presentation of ISLEX — 6-language electronic dictionary of the Icelandic language was held in Iceland. As Icelandic belongs to minor languages it is impossible to make paper dictionaries so an electronic version can be enriched and developed if necessary. ISLEX dictionary is accessible on the following Internet sites: Icelandic (www.islex.hi.is), Danish (www.islex.da), Sweden (www.islex.se) and Norwegian with two languages (www.islex.no). The Faroes language site is going to appear in 2012. Each site can be connected to another language on demand of a user. The dictionary consists of 50 000 Icelandic words.

**Н. В. Колгушкина, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
(Россия)**

АКАДЕМИК И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Труды и идеи И. И. Срезневского являются основополагающими в науке. Они имеют своё продолжение и органично вписываются в культурное пространство современной России. Они имеют большое значение для научной работы, вузовской и школьной практики. И прежде всего в области филологического образования.

13 июня 2012 года исполняется 200 лет со дня рождения учёного, богатое лингвистическое и педагогическое наследие которого нуждается, на наш взгляд, в тщательном изучении и осмыслении. Исследованные нами историко-культурные и профессиональные связи академика показали, что он находился в центре научной, литературной, духовной и общественной жизни своей эпохи. Собранные и изученные материалы легли в основу вначале школьного музея, затем сельского в родовом селе Срезнево Шиловского района Рязанской области, а теперь вот уже 6 лет в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина. Результаты этой работы обобщены в книге «Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России» [Колгушкина, 2011]. Она готовилась к юбилею почитаемого нами учёного. В ней представлено более 250 документов и фотографий, многие из которых публикуются впервые, подробно указан научно-справочный материал.

Обратиться к работе над книгой заставили факты. Четверть века назад в Рязани, где на родине предков был похоронен по своему завещанию И. И. Срезневский, только в узких кругах знали имя учёного. В с. Срезнево Шиловского района Рязанской области кладбище, где по завещанию похоронен учёный, и школа, построенная на 10-летие со дня его смерти, были в запущенном состоянии.

За два десятилетия изменилось многое: созданы музеи: в школе № 31 г. Рязани, в с. Срезнево Шиловского района, в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина. В них представлен материал о жизни и деятельности учёного и его потомках, составлена родословная, включающая 70 персоналий. Юбилейные даты отмечаются каждые пять лет. Ежегодно проходят научные конференции. Работает Студенческое научное общество *срезневедов* (этот термин получил признание у учёных и преподавателей). Школьники и студенты успешно принимают участие в конкурсах и олимпиадах различного уровня. К 190-летию И. И. Срезневского восстановлены мемориальные места в с. Срезнево, к ним проложена асфальтовая дорога. С 2003 г. учреждена Премия Рязанской области имени академика И. И. Срезневского. Ежегодно её получают учёные, общественные деятели, журналисты, преподаватели, учителя, студенты и школьники.

Книга поможет читателю не только познакомиться с основными этапами жизни учёного, его научными достижениями. Она дополнит новыми фактами сведения о взаимоотношениях с коллегами по университетской и академической работе, такими как Н. В. Гоголь, Ф. И. Буслаев, Я. П. Полонский, Д. И. Менделеев, Л. А. Загоскин, Ф. Солнцев, А. Н. Оленин и другие, в том числе посетители «Суббот Срезневского». В книге рассказывается о предках, о членах семьи и достойных продолжателях семейных традиций в 7 поколениях потомков, материал о которых собирался по крупицам из архивов (особо ценно эпистолярное наследие — неопубликованные письма к священнику с. Срезнева В. Г. Катинскому) и личных общений с родственниками учёного, проживающими в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Таллинне

Всё, что связано с возрождением имени выдающегося учёного в Рязанском крае, отражено в книге. Рязанцы гордятся своим земляком, сохраняют памятные места и надеются, что в Санкт-Петербурге появится памятная доска на доме проживания выдающегося учёного, автора первого исторического словаря древнерусского языка — почётного члена всех Духовных академий России — академика И. И. Срезневского.

Литература

Колгушкина Н. В. Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России / Науч. ред. О. В. Никитин. — Рязань: РГУ имени С. А. Есенина, 2011. — 396 с. + XX цв. вкл.

N. V. Kolgushkina, Ryazan State University named for S. A. Esenin (Russia)

ACADEMICIAN I. I. SREZNEVSKIY IN CULTURAL SPACE OF RUSSIA

The book «Academician I. I. Sreznevskiy in cultural space of Russia» is devoted to outstanding Slavist — philologist I. I. Sreznevskiy. There are facts of his scientific activity, rare biographic details and relationships with the well-known compatriots. Archival materials are included in the edition: documents, photos, epistolary heritage. The scientist is shown in the closest circle among relatives and descendants. It gives an opportunity to speak about a contribution of a dynasty Sreznevskiy in a science, education and culture. The book is written to the scientist's anniversary and helps to comprehend the stages of his biography and it calls for professional communication.

Д. В. Панченко, канд. истор. н., Санкт-Петербургский Государственный университет (Россия)

ТРОЯ И ЛАБИРИНТ

Вергилий, описывая сложное встречное движение всадников — участников «тройских игр», сравнивает возникающую картину с критским лабиринтом. Многочисленные лабиринты Швеции и Англии традиционно именуется «тройскими городами». На этрусском винном сосуде из Тральятеллы изображен классической формы лабиринт с надписью на нем «ТРУЯ». Эрнст Краузе [Krause, 1893] еще в 1893 г. сформулировал гипотезу, согласно которой Троя изначально и есть лабиринт, где чудовище прячет похищенную деву-Солнце. Работы Краузе остались недооцененными. Между тем в пользу исходного родства Трои и лабиринта можно привести ряд дополнительных доводов.

В «Индии» хорезмийца Аль-Бируни (ок. 1045 г.), имеющей репутации глубокой и достоверной книги, приводится план крепости, в которой «укрепился демон Равана, когда он похитил жену Рамы». План этот представляет собой классический лабиринт. Таким образом, подтверждается связь между лабиринтом и местом, где прячут похищенную женщину. Сюжет, упоминаемый Аль-Бируни, хорошо известен по «Рамаяне». Между тем неоднократно отмечалось принципиальное сходство между сюжетом «Рамаяны» и сюжетом, лежащим в основе эпических произведений о Троянской войне [Гринцер, 1971, 172]. Сходство обнаруживается и между всеми важнейшими участниками обоих сказаний. Поэтому ассоциацию между лабиринтом и похищением Раваной Ситы можно с большой долей уверенности распространить и на похищение Елены Александром-Парисом.

Далее, согласно Страбону, в Аравии находится гора под названием «Троянская», а у подошвы этой горы находятся пещеры и селение, называемое Троей (XVII, 1, 34). Если принять связь Трои с лабиринтом, то неожиданное имя становится понятным: вырубленные в горе пещеры с длинными и запутанными переходами (как это бывает в каменоломнях) походили на лабиринт, и потому греки то ли так называли гору, то ли соответствующим образом услышали местное имя. Существенно, что ассоциация между лабиринтами и пещерами надежно засвидетельствована в традиции. Тот же Страбон в описании Арголиды замечает: «Непосредственно после Навплия идут пещеры с устроенными в них лабиринтами, которые называются Киклоповыми» (VIII, 6, 2). В поздней античности критский лабиринт локализовали в гортинской пещере (очевидно, на месте каменоломни). Традиция отождествления лабиринта с пещерой представлена у византийских лексикографов.

Идея, согласно которой схема лабиринта каким-то образом символизирует движение солнца (ее держались и Краузе, и другие ученые), по-видимому, также является верной. Классическая схема лабиринта состоит из семи обводов. Было показано, что в раннюю эпоху число семь — это число солнца, в особенности характеризующее движение светила от летнего солнцестояния к зимнему и соответственно — смену времен года [Panchenko, 2006]. Далее, движение дорожки к центру лабиринта строится так, что ее направление регулярно меняется на противоположное. В этом можно усмотреть отражение представления, которое реконструируется для второй половины II тыс. до н. э. на основании сопоставления археологических памятников, происходящих из Дании, и текстов, сохранившихся на санскрите [Панченко, 2012, 29—31]. А именно предполагалось, что солнце — это диск, у которого одна сторона светлая, а другая — темная. Ночь наступает оттого, что солнце, достигнув западных пределов своего пути, поворачивается к нам темной стороной и движется обратно — к востоку; достигнув восточных пределов, оно вновь разворачивается и снова движется к западу. В результате схема лабиринта символически отображает совокупный суточный и годовой путь солнца.

Литература

- Гринцер 1971 — Гринцер П. А. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М. С. 134—205.
- Панченко 2012 — Д. В. Панченко. Три этюда о гомеровской космографии, географии и навигации (Od. X. 507; III. 318—322; XIII. 28—30) // Аристей. V, 27—51.
- Krause 1893 — E. Krause. 1) Die Trojaburgen Nordeuropas. Glogau; 2) Die nordische Herkunft der Trojasage. Glogau.

Dmitri Panchenko

Troy and the Labyrinth

A strong association between the labyrinth and the so-called Troy towns of Northern Europe, as well as several other facts made Ernst Krause already in the late nineteenth century suggest that Troy and the labyrinth initially belonged to one common myth. Krause's work was largely ignored. It can be shown, however, that his view was essentially correct. Among other things, an early, pre-Roman association between Troy and the labyrinth can be confirmed by the connection established in Al-Biruni's *India* between the story of Sita (which can be said to be a version of the story of Helen of Troy) and the labyrinth.

Л. Н. Семячко, к. п. н., Международный университет природы, общества и человека «Дубна» (Россия)

ВКЛАД И. И. СРЕЗНЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Когда в середине XIX века началась борьба между классическим и реальным направлениями развития школьного образования, И. И. Срезневский (1812-1880) поддержал реальное направление, в рамках которого отечественный язык становился обязательным предметом. И. И. Срезневский написал первую программу по русскому языку и словесности для отечественной школы, которая обсуждалась на заседаниях Учёного Комитета при главном Управлении училищ по русской словесности в 1854 году, а за период с 1854 по 1876 год учёный создал шесть её вариантов, из которых только два были опубликованы.

Знания и умения, положенные в основу программы, выявляют две перспективные линии развития школьного курса русского языка. Первая из них связана с изучением языка как системы, включающей такие разделы, как фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис, а вторая — с воплощением идеи обучения языку как средству общения. Так И. И. Срезневским был реализован важнейший дидактический принцип связи обучения с жизнью.

Большое внимание уделял И. И. Срезневский взаимосвязи процесса обучения родному языку с развитием духовных сил учащихся. В книге «Об изучении родного языка и

особенно в детском возрасте» (1860-1861) он писал о роли учителя в становлении личности ученика. Он подчёркивал, что, если ребёнку чего-либо не достаёт, то это должно быть достигаемо им с помощью учителя. Так, по сути, И. И.Срезневский предвосхитил открытие Л. В.Выготским в XX веке зоны ближайшего развития ребёнка, в границах которой он мог достичь поставленной перед ним цели только в совместной деятельности со своим взрослым наставником.

Поддержав реальное направление, И. И.Срезневский не отрицал того огромного значения, которое имели для учащихся такие дисциплины классической гимназии, как иностранные языки (древние и современные). При этом «коренным средством» общего человеческого образования, инструментом приобщения юношества к культуре он считал русский язык.

Понимая, что в борьбе классического и реального направлений развития русской школы крайности не принесут пользы, И. И.Срезневский вводит в школьный курс русского языка педагогически значимые идеи риторики. К ним относятся: 1) основные единицы языка и речи: слово — выражение — предложение — период; 2) понятие о коммуникативных качествах речи (правильности, уместности, чистоте, выразительности), которые формируются в опоре на риторическую ситуацию; 3) жанрово-композиционные формы авторского текста, ориентированного на адресата (письмо, записка, учебная лекция). Создание такого текста способствовало возрождению в практике обучения русскому языку такой педагогически ценной риторической идеи, как единство этоса, логоса и пафоса в процессе создания речевого произведения. Так обучение соединялось с воспитанием. При этом основным методом был заимствованный из риторики метод живого диалога.

Восходящая к И. И.Срезневскому традиция использовать педагогически целесообразные идеи риторики на уроках развития речи, возрождающаяся в современной школе, способствует формированию представления о русском языке как учебном предмете большой социальной значимости. Приведённые аргументы доказывают значимость методического наследия И. И.Срезневского для исследователей, понимающих, что сегодняшний день науки обусловлен её влиятельным прошлым.

Аннотация

Статья посвящена педагогической деятельности первого доктора славяно-русской филологии в России академика И. И.Срезневского (1812-1880), огромной заслугой которого перед Отечеством является составление первой программы по русскому языку и словесности для русской школы (1854) и разработка перспективных направлений развития русского языка как главного учебного предмета школьного образования.

The article is devoted to the pedagogical activities of the first Doctor of Slavo-Russian philology in Russia academician I. I. Srednevsky (1812-1880) to whom his motherland owes the compilation of the first program on the Russian language and literature for Russian school (1854) and elaboration of perspective directions of development of the Russian language as a key school subject.

К. А. Филиппов, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ЗАМЕТКИ ОБ ЭСТЕТИКЕ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XVIII В.

Определение немецкого Просвещения как «века разума» (*Jahrhundert der Vernunft*) и как «века вкуса» (*Jahrhundert des Geschmacks*) предполагает не только общие закономерности развития европейской науки и культуры XVIII века (приоритет разума), но и своеобразие эстетических взглядов немецких ученых (ориентация на вкус в философском смысле).

Знаменитая метафора Г. В. Лейбница «Язык есть зеркало разума» [цит. по: Pietsch, 1908, 327] стала ключевой для понимания позиции ученых-просветителей в области языка. По Лейбницу, слова — это «разменные монеты» (*Rechen-Pfennige*), «векселя разума» (*Wechsel-Zettel des Verstandes*) [Ibid., 329], используемые вместо образов и вещей. При этом слова должны быть «хорошо оформленными, хорошо различимыми, доступными, употребительными, легко произносимыми и приятными» (*wohl gefasset, wohl unterschieden, zulänglich, häufig, leichtfliessend und angenehm*).

Многие положения Хр. Вольфа созвучны мыслям Лейбница о роли разума в изучении природы и общества. Ключевыми для него оказываются слова *Verstand, Deutlichkeit, verständlich, rein, kräftig*. Его мысль «Разуму нельзя приказать» (*Der Verstand lässt sich nicht befehlen*) [Wolff, 1733, 130] достойна включения в энциклопедию знаменитых фраз немецкой эпохи Просвещения.

Основу грамматики И. К. Готшеда составляет «правильный разумный язык образованных людей» (*die gebildete, geregelte Sprache der Vernunft*) [Eichinger, 2011, 248]. Признаки хорошего стиля, по Готшеду, (*deutlich, artig, ungezwungen, vernünftig, natürlich, edel, wohlgefaßt, ausführlich, wohlgeknüpft, wohlangetheilet*), во многом, соответствуют взглядам другого немецкого просветителя И. К. Аделунга (*Hochdeutsch, Sprachrichtigkeit, Reinigkeit, Klarheit, Deutlichkeit, Angemessenheit, Präzision, Würde, Wohlklang, Einheit*) (Ibid., 258).

В словарной статье *Das Zeitwort* «Грамматико-критического словаря немецкого языка» Аделунг принимает во внимание и разум, и вкус: «*Da der Begriff eines Verbi sehr zusammen gesetzt ist, so wird sich wohl nicht leicht ein schickliches Deutsches Wort ausfindig machen lassen, welches auch nur den Hauptbegriff mit Präcision und Geschmack ausdrückte*» [Adelung, 1808, 1681]. Два вышеназванных критерия — точность (т. е. опора на разум) и вкус (т. е. ориентация на личные пристрастия автора) — полностью соответствуют основным понятиям эпохи Просвещения.

Литература:

Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. 4. Theil. Wien, 1808.

Eichiger L. M. Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732—1806) / Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen, 2011. S.247— 270.

Göttert K.-H. Deutsch. Biografie einer Sprache: 4.Aufl. Berlin, 2010.

Gottsched J. Chr. Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst. Leipzig, 1752.

Pietsch P. Leibniz und die deutsche Sprache // Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins. 4. Reihe. 1908. Heft 30.. S. 313—356.

Wolff Chr. Christian Wolffens / Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften / die er in deutscher Sprache von verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben. 2. Ausgabe. Frankerfurt am Mayn, 1733.

K. Filippov

NOTES ON AESTHETICS IN GERMAN HISTORICAL AND GRAMMATICAL DISCOURSE OF THE 18TH CENTURY

The German historical and grammatical discourse of the 18th century is characterized by two tendencies. These include the general trend of European science and culture (the domination of reason in natural and social studies) as well as the diversity of aesthetic viewpoints between different German scholars (the leading role of personal touch while describing natural phenomena). The approaches of Leibnitz, Wolff, Gottsched, and Adelung perfectly fit the definition of the German Enlightenment as “the Age of Reason” (*Jahrhundert der Vernunft*) and as “the Century of Taste” (*Jahrhundert des Geschmacks*).

З. К. Шанова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

И. И. Срезневский — один из первых открывателей и издателей произведений среднеболгарской литературы [Желязкова, 2002], он также изучал и исследовал и живой болгарский язык, о чем свидетельствуют публикации [Срезневский, 1845; Известия ОРЯС 1852—1863], а также документы, письма и другие материалы, хранящиеся в Санкт-петербургском филиале Архива РАН (фонд 216, состоящий из 8 описей).

И. И. Срезневский, отправляясь в путешествие по славянским землям, включал в свои планы изучение болгарского языка, однако беспокойная обстановка в Болгарии, находившейся тогда в составе Османской империи, не позволила осуществить эти планы. Измаил Иванович неоднократно подчеркивал, что болгарский язык в 1 половине XIX в. является наименее изученным славянским языком, что о болгарском языке существуют лишь «мимолетные замечания» [Срезневский, 1845, 1]. О недостаточной изученности и даже представленности болгарского языка пишут и ученики И. И. Срезневского. В Архиве среди бумаг Измаила Ивановича петербургского периода хранятся студенческие работы, напр., П. А. Сырку, где также отмечается, что болгарский язык «ещё мало исследован учёным миром» [Фонд 16. Описание 3. Ед. хр. 717].

Архивные документы показывают целенаправленность в сборе И. И. Срезневским болгарского языкового материала. Прежде всего это народные песни, которые И. И. Срезневский получал из разных источников. Следует напомнить, что болгарская правописная система не была урегулирована до конца XIX в., поэтому в болгарских песнях, присылаемых болгарами, было много разночтений в правописании. Об этом, в частности, пишет в письмах к И. И. Срезневскому П. А. Бессонов (в Архиве сохранились 18 его писем). В середине XIX в. болгарские песни не только издавались, но и переводились. В бумагах И. И. Срезневского есть запись, касающаяся сборника переводов Н. Берга «Песни разных народов» (М., 1854.), в котором представлены 4 болгарские песни.

Опись 8 содержит большое количество болгарских пословиц, которые И. И. Срезневский готовил к публикации в «Известиях ОРЯС». В черновиках есть разделы «Примечания к пословицам болгарским», «Варианты к академическим пословицам, напечатанным прежде», «Пословицы из издания Богоева, из Цареградского Вестника». И после публикации пословиц И. И. Срезневский продолжал работу по сбору материала из разных болгарских источников.

В архивных материалах хранятся листы с записями болгарских слов, с комментариями И. И. Срезневского, которые называются «Замечания о правописании и грамматическом строе», «К истории болгарского наречия», «Судьбы болгарского наречия» (Фонд.216. Описание 1. 434. 1840-1850-е гг.). Срезневский пытается проследить закономерности фонетических изменений в болгарских говорах., напр., есть замечание: «болгарское наречие не везде удержало одинаковость, напротив того — развило в себе множество говоров, из которых особо отличны горные». Есть запись о «наречии македонском», которое, как пишет И. И. Срезневский, «сохраняя вообще близость родственную с болгарским, отличается от него некоторыми важными чертами».

Архивные материалы (рукописи, письма, черновики) свидетельствуют о внимании, которое уделял И. И. Срезневский исследованию болгарского языка.

Литература:

Желязкова В. Н. (София, Болгария). Вклад И. И. Срезневского в изучение средневековой болгарской книжности // И. И. Срезневский и современная славистика: наука и образование. Рязань, 2002. С.60-62.

Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852—1863. Т. I—X

Срезневский И. И. Очерк книгопечатания в Болгарии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1846. № 9, отд. 5. С. 1-28.

Аннотация

Archival documents, letters and other materials, that are stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences, are an illustration of keen interest of I. I. Sreznevsky to the Bulgarian language. Among archival documents there are materials, that Sreznevsky was preparing to edition — a lot of proverbs, sayings, songs, lists of words as well as remarks and comments. The archive part contains students' works with Sreznevsky's comments, also letters and other materials.

Секционные заседания

Актуальные проблемы переводоведения

В. В. Васильева, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОТСТРАНЕНИЕ СОБСТВЕННОГО ТЕКСТА В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ)

В данном докладе содержатся некоторые наблюдения, появляющиеся у автора как в процессе перевода, так и во время занятий со студентами, которые строятся в основном на переводе английских публицистических текстов. Выбор материала обусловлен особенностями английской публицистики.¹ Как нам представляется, успех перевода определяется не только знанием языка оригинала и умением подбирать равноценные соответствия, но и способностью смотреть на текст со стороны. Каким же образом можно приблизиться к подобной объективности? Отвечая на этот вопрос, мы сначала хотели бы остановиться на восприятии чужого текста на исходном языке, затем рассмотреть процесс формирования вариантов перевода и в заключение обсудить этап редактирования текста.

Перевод начинается с двойного процесса: понимания текста на структурном и смысловом уровне с одновременным его отстранением. Однако оказывается, что в процессе чтения текста его оценочная реакция часто заменяет анализ прагматики и структуры высказывания с последующим искажением смысла и неверным выбором стилистических средств. Нам представляется, что процесс перевода нужно начинать с тренировки восприятия чужого текста. Упражнения первой группы включают комментарий текста; определение его проблематики, резюме. Другая группа упражнений включает анализ грамматических структур, формальных элементов, передающих логические связи, а также подстановку пропущенных слов в небольшом фрагменте текста. Так достигается объективное восприятие текста и формируется представление о средствах его передачи.

Говоря об этапе перевода, необходимо остановиться на обсуждении вариантов в группе. Прежде всего, обращает на себя внимание распространенная эмоциональная реак-

---

¹ «Следует учитывать, что английская публицистика чуть ли не с шекспировской эпохи так тесно соприкасается с художественной прозой, что многие жанровые особенности стали для них общими», [Рецкер, 2010, 120].

ция на чужой вариант: «Так нельзя!». Нам представляется, что для исключения подобного эмоционального компонента, необходимо постоянно подбирать варианты перевода, как на грамматическом, так и на лексическом и стилистическом уровне. Если во время работы в группе у студента формируется навык беспристрастного анализа разных вариантов, он переносит этот навык на самостоятельную работу с текстом. На этом этапе можно выполнять и упражнения на разрушение устойчивых словосочетаний или перевод отдельных предложений с их переносом в разные ситуации и разные стилистические регистры. Подобные упражнения создают предпосылки для объективного восприятия и редактирования собственного текста.

И вот, перевод готов, и наступает ключевой момент: проверка и редактирование. В ситуации занятий в группе мы моделируем самостоятельную работу над текстом. Студенту, читающему свой вариант, предлагается делать это максимально медленно, одновременно слушая себя, добиваясь сценического эффекта. Исправляет себя только читающий, остальные дают свои комментарии в последнюю очередь. На этом же этапе можно самостоятельно определять задачи: студенты находят в тексте аспекты, представляющих особую сложность при переводе. Эти упражнения также служат отстранению и объективизации текста.

Приведенные нами практические наблюдения описывают один из аспектов комплексного процесса перевода: объективизацию текста, как исходного, так и переведенного. Мы постарались показать взаимосвязь между этими двумя процессами и их значение для перевода.

Литература

Рецкер Я. И, «Теория перевода и переводческая практика», Москва, Р. Валент, 2010.

Summary

This article addresses an important stage in translating, namely seeing one's own text as foreign. Why should translators, both learning and practicing, keep training this skill?

The success of translation depends not only on the knowledge of a source language and right selection of equivalents, but also on the ability of a translator of editing their own translation, without any bias. Regardless of the level of language and translation competence, such objectivity should be trained and can be achieved by exercises.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В ДЕПАРТАМЕНТЕ ПОЛИЦИИ И ПОГРАНОХРАНЫ ЭСТОНИИ: ВЗГЛЯД СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПЕРЕВОДЧИКОВ²

Изменения в социополитической картине современного мира и глобализация повлекли за собой увеличение миграционных потоков и расширение национального состава государств. Изменяющийся мир выдвигает новые требования к представителям разных профессий, в том числе и к переводчикам. Так, в настоящее время социальный перевод, к которому относится и перевод в полиции, становится все более востребованным видом устного перевода в разных странах мира. Изменяющиеся потребности рынка переводческих услуг, «профессионализация» [Mikkelson, 2004] социальных переводчиков влечет за собой необходимость их подготовки. В разных государствах существуют системы обучения и аккредитации социальных переводчиков [Niska, 2002], однако прямо перенимать опыт других стран, как правило, невозможно, поскольку институт социального перевода тесно связан с социально-правовой политикой конкретного государства. Поэтому при разработке программ подготовки социальных переводчиков необходимо, учитывая опыт других стран, опираться на актуальное положение социального перевода в конкретном государстве. Под актуальным положением следует понимать не только свод правовых норм, регулирующих посредничество переводчика в диалоге человека и государства, но и опыт переводчиков и работающих с ними государственных служащих. В условиях самоформирующейся специальности едва ли не решающее значение для становления социального перевода на практике имеет представление участников переводческого процесса о том, «как должно» переводить.

В Эстонии системы подготовки и аккредитации социальных переводчиков не существует, между тем услуги социального перевода предоставляются преимущественно в правовой сфере — в суде и в полиции.

В 2011 г. автором доклада было начато исследование в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии, чтобы выяснить, как оценивают свою роль сами переводчики и как воспринимают их роли следователи полиции.

В докладе были рассмотрены некоторые результаты исследования, с описанием и методикой проведения которого можно ознакомиться в [Кару, 2011]. Анализ представленного в докладе материала позволяет сделать три основных вывода:

- 1) Необходимо четко определить функции переводчика и следователя на допросе.

---

² Доклад подготовлен при частичной финансовой поддержке гранта Эстонского фонда науки ETF9098

2) Следователей нужно знакомить с особенностями процесса перевода.

3) Переводчиков нужно знакомить с особенностями тактики ведения допроса.

Соблюдение этих условий при подготовке переводчиков и следователей поможет сделать процесс ведения допроса более эффективным и не вызывающим противоречивых ожиданий у участвующих в нем сторон.

Начатое нами исследование можно рассматривать как существенный этап разработки программ обучения и повышения квалификации, как для переводчиков, так и для следователей полиции.

Литература:

Niska, H. 2002. Community interpreter training: Past, present, future. *Interpreting in 21st Century*. Amsterdam, Philadelphia, 133-144.

Кару К. 2011. О переводе в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии (к постановке проблемы). *Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе*. Материалы II международной научно-практической конференции. 25-28 апреля 2011 г. МГУ им. М. В. Ломоносова. Высшая школа перевода. Салоники, 344-349.

Mikkelson, H. 2004. The Professionalization of Community Interpreting.

<http://aiic.net/ViewPage.cfm/page1546.htm> (23.04.2012)

COMMUNITY INTERPRETING IN THE ESTONIAN POLICE AND BORDER GUARD BOARD: VIEW OF INVESTIGATORS AND INTERPRETERS

The presentation focuses on the results of a study conducted in the Estonian Police and Border Guard Board in the beginning of 2011. The study comprised of questionnaires both for police interpreters and for investigators, the aim of the study was to find out how both parties see the role of police interpreter in the proceedings, as well as, the expectations investigators have to interpreters and vice versa.

М. В. Козылева, аспирантка Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Беларусь)

О способах передачи английских антропонимов на русский и белорусский языки

Имена собственные составляют значительную часть лексических единиц, которые передаются из одного языка в другой в той же материальной (звуковой или графической) форме, в какой они употребляются в языке-источнике. По вопросу перевода личных имен

высказываются полярные мнения. Среди теоретических работ по данному вопросу наиболее значительны исследования В. С. Виноградова, Д. И. Ермоловича, А. А. Реформатского, А. В. Суперанской, Б. А. Старостина, С. Влахова, С. Флорина, Р. Newmark, S. Hervey, I. Higgins, L. Fernandez и др. Несмотря на многочисленные исследования, следует отметить, что перевод и передача имен собственных до сих пор остается одной из центральных проблем теории перевода. Большинство лингвистов полагают, что иностранные личные имена заимствуются потому, что они не связаны с понятиями в силу этого не могут быть переведены. Определенный колорит личных имен воспринимается, как правило, по средствам художественной литературы. Именно там личные имена могут произвести тот или иной художественный эффект, оживляя этимологию или акцентируя новые значения имени, характеризуя обозначаемый объект эксплицитно или имплицитно, выражая к нему эмотивно-оценочное отношение. В этом случае имя собственное способно классифицировать объекты и способно к обобщению, сближаются с именами нарицательными, поэтому являются переводимыми единицами.

Материалом исследования послужили примеры функционирования антропонимов в произведениях английских и американских авторов и их переводы на белорусский и русский языки.

Анализ способов передачи антропонимов выявил следующие способы передачи иностранных имен: 1) передача (транскрипция, транслитерация): англ. *Caroline* — рус. *Каролайн, Каролина*; 2) графический перенос; 3) замена [1, с. 52]: англ. *Ponnonner* — рус. *Йейбогус* — бел. *Зубдамус*; 4) модификация («культурная трансплантация») [2, с. 29]: рус. *Винни Пух* — англ. *Winnie-the-Pooh*; исп. *Sr. Olivares* — англ. *Mr. Ollivander*; 5) транспозиция (англ. *Steven* — испан. *Esteban* — франц. *Étienne* — бел. *Сцяпан* — рус. *Степан*); 6) добавление имени (*She was wearing big round glasses, like Jackie* — *На ней были большие круглые очки, как у Жаклин Кеннеди*); 7) опущение имени (*The Doctor immediately repaired to his wardrobe, and soon returned with a black dress coat, made in Jennings' best manner.* — *Доктар адразу ж скіраваўся да свайго гардэроду і хутка вярнуўся з чорным фракам наймаднейшага крою*); 8) фонетическое замещение (фр. *Dupont et Dupond* — англ. *Thompson and Thomson*); 9) традиционные эквиваленты (англ. *Charles XII* — рус. *Карл XII*).

Имена собственные — это группа лексики, которая обладает однозначной соотносительностью с явлениями действительности. Если внутренняя форма имени не обыгрывается, имена собственные передаются по правилам практической транскрипции или транслитерации, или их совмещения. Имена с внутренней формой («говорящие», «значащие»), которые используются автором для реализации коммуникативного задания через эстетическое воздействие, могут подвергаться переводу.

Литература:

Fernandez, L. Translation of Names in Children's Fantasy Literature: Bringing the Young Reader into Play / Lincoln Fernandez // *New Voices in Translation Studies*. 2. — 2006. — pp. 44 — 57.

Hervey, S. *Thinking Translation* / S. Hervey, I. Higgins. — London & New York: Routledge, 1992. — 258 p.

Аннотация

This paper deals with the main approaches to the transference of proper names (anthroponomy), discusses the possibilities of the translation, highlights the importance of names in translating any text type and that translation of proper names is a non-trivial question, closely related to the problem of the meaning of the proper name. It offers a classification of translation procedures that were identified in the researches of foreign and Slavonic linguists in this regard.

С. А. КokoшкИна, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ЛЕОПАРД, ГЕПАРД, СЕРВАЛ? (к проблеме перевода названия романа Джузеппе Томази ди Лампедуза «Il Gattopardo»)

Спустя более полувека со времени опубликования в 1958 году знаменитой книги Джузеппе Томази ди Лампедуза ее название все еще остается загадкой для исследователей и переводчиков. Поводом для этого является обозначение животного, вынесенного писателем в заглавие романа, повествующего о судьбе старинного сицилийского аристократического рода в период Рисорджименто, накануне объединения Италии.

Название книги связано с изображением на гербе древнего рода Томази, предков писателя, зверя, которого автор обозначил итальянским словом *il gattopardo*. С обликом этого же животного, как единодушно признано исследователями, ассоциируется и образ главного героя романа — князя Фабрицио Корберы ди Салина (дона Фабрицио).

Суть проблемы правильного истолкования названия романа заключается в существующем противоречии между современным значением слова *il gattopardo* и образом главного героя. Ничем непримечательный, мало кому известный *сервал*, средних размеров африканская кошка, никак не соответствует описанию князя Салины, аристократа, главы знатного рода, человека выдающихся физических и интеллектуальных достоинств.

Авторы переводов по-разному пытаются разрешить это противоречие. Так в английском варианте романа, а также в титрах одноименного фильма Лукино Висконти (1963), переведенного на английский язык, используется наименование «Леопард» («The

Leopard», 1960, 1986). Первый немецкий перевод озаглавлен так же, «Der Leopard» (1959, 1984, 1993). Переводчики двух французских версий книги предложили обозначение другого животного — гепарда («Le Guépard», 1959, 1973; 2006, 2007). Испанское, португальское и каталанское названия книги, соответственно, — «El Gattopardo» (1960, 2001, 2002), «O Leopardo» (2000), «El Guepard» (1996).

В последнее время широкое распространение получила версия о якобы заложенной в романе иронии, намеке на мнимое могущество, некогда всесильного, а теперь вырождающегося рода и его последнего представителя — князя Салины. В результате перевод на голландский язык названия романа звучит как «Тигровая кошка» («De Tijger Kat»), а автор последней немецкой версии назвал роман «Der Gattopardo» (2004, 2005), оставив итальянское слово без изменения.

Отмеченные трудности не обошли стороной и отечественных авторов. Первый перевод романа Томази ди Лампедуза был выполнен в 1961 году Г. С. Брейтбурдом и носил название «Леопард». Вторая русская версия, вышедшая в свет в 2006 году, озаглавлена ее автором, Е. Дмитриевой, как «Гепард». При этом в предисловии к книге Дмитриевой содержится критика прежнего названия романа, а наименование «Гепард» определяется как единственно правильное.

В представленном докладе излагается новый подход к решению названной проблемы, основанный на использовании данных текстологического и этимологического анализов, а также результатов изучения традиций итальянской геральдики.

Делается ранее не высказывавшийся исследователями вывод о том, что писатель использовал для названия своего произведения слово *Il Gattopardo* не в его современном значении «сервал», а в старом итальянском и диалектном значении «гепард», но при этом под данным именем (*Il Gattopardo*) он представил образ Леопарда.

Leopard, guepard, serval? (about the problem of the title Giuseppe Tomasi di Lampedusa's novel «Il Gattopardo»)

The paper suggests a new approach to the problem of translating of the title Giuseppe Tomasi di Lampedusa's novel. We conclude an innovative point of view according to whom Lampedusa used the word *Il Gattopardo* not in its modern sense of “serval”, but in its ancient italian and dialectal sense of “guepard”, while he represented under this title (*Il Gattopardo*) an image of a Leopard.

**А. В. Корячкина, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

О ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ И ПЕРЕВОДУ КИНОВИДЕОДИСКУРСА

Долгое время КВП не рассматривался как особый вид перевода и не выделялся в отдельный раздел переводоведения в силу своей близости к письменному художественному переводу, в частности переводу драматических произведений. Первая статья по КВП была опубликована в журнале *Vabel* лишь в 1960 году. В течение 70-90-х годов были отмечены основные отличия киноvideодискурса от других видов текстов, а также ограничения, с которыми сталкиваются переводчики при переводе фильмов. Среди исследователей этого периода можно отметить: Christopher Titford (Великобритания), Robert Mayoral (Испания), Dorothy Kelly (Испания) и Natividad Gallardo (Испания); в России киноvideодискурс как предмет отдельного изучения не выделялся.

К настоящему моменту теория киноvideоперевода (КВД) и киноvideодискурса продолжает находиться в процессе становления. Рассмотрим основные направления исследований.

Дескриптивный подход рассматривает текст перевода как таковой, без уточнения его верности оригиналу. Задачей таких исследований является описание политических, экономических и социальных условий, в которых выполнялся перевод. В определенном смысле данный метод соприкасается с диахроническим исследованием речи и языка и выдвигает на первый план макротекстуальные аспекты, не предлагая решений для переводческих задач на микротекстуальном уровне.

Для практиков КВП наибольший интерес представляют подходы, вбирающие в себя принципы общей теории перевода и лингвистики текста, когда на основе сопоставления оригинала и перевода, анализа успешных стратегий и ошибок вырабатываются рекомендации. В этом ряду можно выделить модели эклектического характера, учитывающие семантический, синтаксический, стилистический, прагматический и культурный аспекты, предложенные в работах Thomas Herbst (Германия), Candace Whitman (Германия), Dirk Delabastita (Бельгия).

Существует также так называемый «жанровый» подход, согласно которому на первый план выступает жанровая принадлежность и стилистика текста, а лишь затем решаются прочие проблемы перевода.

Дискурсивная модель анализа, предложенная Basil Hatim и Ian Mason (Великобритания), близка жанровому подходу: кинодискурс рассматривается как коммуникативное

событие, происходящее в определенных условиях, требующее учета прагматического и культурного контекста страны принимающего языка [Natim, 1990].

Достаточно интересным представляется подход к кинодискурсу как полисемиотической системе, который описал Frederic Chaume (Испания). Этот подход разработан на стыке переводоведения и исследования кино и имеет своей целью установить взаимосвязь между кинематографическими компонентами и переводческими стратегиями [Chaume, 2004].

Немногочисленные исследования киноvideодискурса в России в основном касаются лингвокультурных и стилистических аспектов КВП [Матасов, 2009; Снеткова, 2009]. Подобный подход часто применяется в целях использования КВП как дидактического инструмента, когда внимание студентов заостряют на культурологических особенностях, поведенческих моделях, распределении ролей, языковой политике другой страны.

В нашем исследовании мы предлагаем подход, объединяющий дискурсивный анализ и принципы интерпретативной теории перевода. Согласно нашей точке зрения, именно дискурсивно обусловленные особенности кинотекста, выявляемые на стадии девербализации (вычленения смысла), являются определяющими в выборе дальнейшей линейной или нелинейной стратегии его перевода на стадии ревербализации (перевыражения).

Литература

Diaz Cintas J. Subtitling: the long journey to academic acknowledgement.// The Journal of Specialised Translation, 2004, Vol. 1, pp. 50-68

Chaume F. Film Studies and Translation Studies: Two Disciplines at Stake in Audiovisual Translation.// Meta: Translators' Journal, vol. 49 (1), 2004, pp. 12 —24.

Natim, B. and Mason, I. Discourse and translation, 1990.

Матасов Р. А. Перевод кино/видеоматериалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. МГУ, М., 2009.

Снеткова М. С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов: на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля "Виридиана" и П. Альмодовара "Женщины на грани нервного срыва": автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05, 10.02.20. МГУ, М., 2009.

Аннотация

А. V. Koryachkina

On Analysis and Translation of Audiovisual Discourse

The article explores various approaches to the analysis and translation of audiovisual discourse in Russia and abroad.

М. И. Наумова, доц., Т. Н. Банникова ст. пр. Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

«ПРОБЛЕМА ПОДАЧИ И ОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ В ТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА»

В докладе рассматриваются некоторые проблемы перевода и осмысления реалий современного русского языка и сохранения их в переводе, что является одним из условий адекватности перевода.

Одним из важнейших условий успешного перевода считается адекватное понимание исходного текста. Однако в переводческой деятельности постоянно возникает проблема перевода новых слов (реалий), которые раньше не встречались переводчику. Реалия — материально существующий предмет. Реалии неразрывно связаны с культурой определенного народа, являются употребительными для этого народа и неизвестными для других языков. Отличительными чертами реалии являются связь с определенной страной и принадлежность ее к определенному периоду времени, характер ее содержания, связь с определенной социальной общностью.

Реалия является частью исходного текста, ее передача в тексте перевода является одним из условий адекватности перевода. Поэтому проблемой является перевод реалии, а не вопрос — можно или нельзя ее перевести. Поскольку основной чертой реалии является ее колорит, именно передача его и составляет главную трудность при работе с реалиями.

Вопрос о подаче и осмыслении реалий в тексте важен для переводчика, так как сохранение их в переводе в значительной мере обусловлено, с одной стороны, их местом в подлиннике, а с другой, — средствами, с помощью которых можно сохранить реалии на их месте в переводе.

Трудности перевода новообразований (реалий) успешно преодолеваются благодаря тому, что новое слово подчинено закономерностям языковой системы. Хотя индивидуальный лексикон переводчика не охватывает весь лексический состав языка, он обладает определенными знаниями и это позволяет ему оперировать новыми словами как родного, так и иностранного языка. При переводе приходится понимать и осмыслять новые реалии и это способствует и препятствует принятию адекватного переводческого решения. При выборе решения необходимо учитывать как внутритекстовые, так и внетекстовые факто-

ры. К внетекстовым факторам относят не только внешние условия, но и знания переводчика о той области, о которой говорится в тексте

Существующие трудности передачи реалий — это отсутствие в языке перевода соответствий и сохранение их национальной и исторической окраски. Выбор между транскрипцией и транслитерацией и непосредственно переводом касается, в основном, еще незнакомых носителям языка слов. Если транскрипция или транслитерация нежелательны или невозможны, создается неологизм. Введение неологизма является одним из подходящих способов сохранения смыслового содержания реалии. Путем создания нового слова иногда удается добиться сохранения колорита переводимой реалии. Колорит, которым обладает большинство реалий, выделяет реалию из всей массы языковых единиц. Поэтому при работе с реалиями переводчик должен прежде всего учитывать колорит реалии, характер которого и обуславливает выбор переводческого решения

Литература:

- 1.Алексеева, И. С. Введение в переводоведение. — М.: Изд. центр «Академия», 2004. — 352 с
- 2.Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975. — 237с. 3.Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. — М.: Книжный дом, 2006. — 240 с.
- 4.Гильченко, Н. Л. Практикум по переводу. — СПб: КАРО, 2005. . — 358
- 5.Латышев, Л. К. Технология перевода. — М.: Академия, 2005. — 320 с.
- 6..Нелюбин, Л. Л. введение в технику перевода. . — М.:Изд. «Флинта», 2009. . — 208с.

Аннотация

This report studies some problems of translations and understanding of modern Russian language realia, keeping them in translation very accurately. This is one of the states of adequate translation. Realia are material objects. Realia are connected with the culture of people. The characteristic features of realia are their connection with a certain country and belonging to a certain period of time.

Т. П.Третьякова , доктор. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

КОММУНИКАТИВНАЯ СЕМАНТИКА ПРЕСКРИПЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИКАЗОВ В ПЬЕСАХ А. П.ЧЕХОВА)

Проблемы интерпретации коммуникативной семантики прескриптивных высказываний, связанных с «форматированием» коммуникативной ситуации, определяющейся директивной интенцией одного из коммуникантов. В качестве материала исследования были выбраны пьесы А. П.Чехова, в которых в максимально приближенных к реальной действительности высказываниях того времени представлен психологический и социальный портрет героев. При этом экспрессивность высказываний часто достигается не только в эксплицитных, но и в имплицитных формах выражения.

Коммуникативная доминанта директивной реплики связана с однонаправленностью интенции Говорящего и именно она определяет тип коммуникативного взаимодействия. На уровне семантико-семиотического анализа данная ситуация связана с реализацией ситуации прескрипции. Основное функциональное значение данной ситуации связано с желанием говорящего (Прескриптора) либо изменить действия или состояние собеседника (Исполнителя), либо извлечь у Исполнителя дополнительную информацию. При этом процедурная семантика связывается с выражением категорического или некатегорического волеизъявления и появляется в реализации таких речевых актов как приказы (повеления, запреты), призывы, предупреждения (советы), просьбы, запросы и пожелания. В коммуникативном процессе возникает достаточно устойчивая стереотипная ситуация, в рамках которой учитываются и дополнительные коммуникативные смыслы, которые определяются социально-психологическими отношениями между участниками общения. Эти отношения могут проявляться в эксплицитных и имплицитных способах выражения.

Приказы — такая группа прескриптивных высказываний, в которой не бывает смягчения коммуникативного намерения. Говорящий (Прескриптор) определяет свою позицию как сильную по сравнению с собеседником и выражает ее в категорической форме, о чем часто свидетельствует наличие восклицательной интонации. В ситуации повседневного общения категоричность проявляется только в ситуации либо конфликта, если разговор происходит среди равных по социальному статусу людей, либо в ситуации, приказа слугам. При кооперативном общении приказ скорее выглядит, как призыв последовать волеизъявлению говорящего. При этом переводческие интерпретации возможны следующие варианты решений: сохранение коммуникативной направленности ИЯ и ПЯ; смягчение коммуникативной направленности в ПЯ; использование косвенного речевого акта в ПЯ или добавление отрицательного компонента.

Представляется, что намеченные пути классификации ИЯ и ПЯ в отношении сохранения или искажения функциональной семантики высказываний, связаны с изучением тональности выражения. Представляется, что точной границы между эквивалентами и близкими или приблизительными соответствиями достаточно размыты. Вопрос о критериях переводимости в этом случае определяется реконструкцией контекстуального фактора самой прескриптивной ситуации.

Примечания

Примеры, приведенные в статье взяты из следующих источников:

Checkov A.: <http://www.gutenberg.org/files/1754/1754.txt>

Tshekhov A.: <http://www.archive.org/details/twoplaysbytshekh00chekiala>

Аннотация

The article deals with the translation schemes of interpreting prescriptive situations in A. P. Chekhov plays. Present-day translation studies and recent developments in semantic analysis allow finding new ways of interpretation of shifts in source and target texts. This new perspective deals with the functional approach where prescriptive situation is interpreted through the constituents of social and psychological data. Translation equivalents make a part of contrasting analysis where communicative vector allows spotting out the awareness of functional communicative errors.

Американистика: литературные взаимовлияния, междисциплинарные исследования

Ю. А. Клейман, к. иск., Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства (Россия)

КОЕ-ЧТО О РОДОСЛОВНОЙ ХОЛДЕНА КОЛФИЛДА

Русскоязычному читателю Юджин О'Нил известен исключительно как автор драм и трагедий. В то время как в США одной из самых репертуарных пьес драматурга является фактически единственная в его творчестве комедия под названием «Ах, пустыня!». Сюжет пьесы — изобилующая свойственными жанру несовпадениями и преувеличениями попытка юного Ричарда Миллера отомстить возлюбленной и утвердить свое право на независимость, пустившись во все «тяжкие».

Спустя почти двадцать лет после просмотра премьерной постановки этой пьесы, Джером Д. Сэлинджер сделал главным героем повести «Над пропастью во ржи» подрост-

ка Холдена Колфилда, бескомпромиссно бунтующего против условностей и лицемерия взрослого мира.

Имеющее под собой реальные исторические основания сопоставление пьесы О'Нила и романа Сэлинджера оказывается неожиданно плодотворным путем для обнаружения ряда мотивов, существенных для проблематики авторов.

В пьесе «Ах, пустыня!» возникает излюбленная О'Нилом тема невозможности коммуникации, которая трактуется на этот раз не в трагическом, а в комедийном ключе. Общение героев становится возможным не благодаря словам, а как бы вопреки им. Цитирование Ричардом Уайльда и Ибсена (кумиров юного О'Нила, что является одним из указателей на автобиографичность протагониста) — становится маской, скрывающей ранимость героя. Чужие, книжные, слова заменяют выплеск эмоций. Мать Ричарда принимает эти слова — «маску» — за чистую монету, приходя в ужас от мнимого цинизма сына, что производит комический эффект. Тогда как его отец — Нат Миллер (недаром он — издатель газеты) «слышит» сына помимо слов.

Спектакль театра «Гилд» 1933 года (режиссер — Ф. Мёллер) произвел на будущего писателя Сэлинджера (тогда с успехом игравшего в школьных спектаклях и мечтавшего посвятить себя драматургии) большое впечатление. Его горячий отклик вызвало исполнение актером Джорджем М. Коэном роли Ната Миллера, благодаря которому Сэлинджер, по его словам, впервые увидел на сцене игру, в которой было «чтение между строк» [McCabe, 1973, 259].

Скитающийся по Нью-Йорку герой романа Сэлинджера, конечно, не является слепком с провинциального интеллектуала из пьесы О'Нила. Но помимо внешних различий между двумя бунтарями-ровесниками (обоим — шестнадцать) легко обнаруживаются такие сходные черты, как максимализм и нравственная чистота. У произведений существуют и сюжетные параллели: так, почти зеркальны в пьесе и в романе сцены с проституткой. Напрашивается на сопоставление и попытка обоих авторов создать столь далекий от их жизненных реалий образ любящей семьи (у Сэлинджера она нашла наиболее полное воплощение в цикле повестей о Глассах).

И Ричард Миллер, и Холден Колфилд высмеивают ложь и пафос, но испытывают потребность в позерстве. У Ричарда она выражается в навязчивой декламации стихов, Холден же прямо признается в том, что любит «выставляться» [Сэлинджер, 2003, 578], несмотря на то, что ненавидит любую «липу». Он часто играет и для себя самого, представляя, что у него «в кишках сидит пуля» [Сэлинджер, 2003, 693] и поэтому руку надо держать «под курткой, чтобы кровь не капала на пол» [Сэлинджер, 2003, 693].

Представляется, что «липа» — это как раз неумеренное проявление эмоций, выставленная напоказ искренность, ведь в системе координат Сэлинджера проявленная эмоция есть ложь. Лишь «маска» позволяет сохранить что-то настоящее, поскольку подлинность по Сэлинджеру всегда между строк, всегда в зазоре между «маской» и «лицом».

Заявленная О'Нилом антиномия неоднократно воплощалась у Сэлинджера в прозаической, но столь близкой к драматургии форме — от «Девяти рассказов» до «Над пропастью во ржи». Будучи лишенной негативной окраски у О'Нила лишь в комедии «Ах, пустыня!», она полностью реабилитирована в творчестве Сэлинджера.

Литература:

Kimbel E. Eugene O'Neill as Social Historian: Manners and Morals in "Ah, Wilderness!"// Critical essays on Eugene O'Neill/Ed. by J. M. Martine. Boston: G. H. Hall and Co, 1984. P.137-145

McCabe J. George M. Cohan: The man who owned Broadway. New York: Doubleday and Company, Inc., 1973.

Oldsey B. S. The Movies in the Rye// Critical Essays on Salinger's The Catcher in the Rye. Boston: G. H. Hall & Co, 1990. P. 92-99

O'Neill E. Ah, Wilderness!// O'Neill E. Complete plays. N. Y.: The library of America. V.3. P.3-107

Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи// Сэлинджер Дж. И эти губы, и глаза зеленые... СПб: Азбука-классика, 2003. С.549-752

Something about Holden Caulfield's Heritage

Yulia Kleyman

The issue is dedicated to the searching common motifs in such two texts as comedy *Ah, Wilderness!* by Eugene O'Neill and novel *Catcher in the Rye* by Jerome D. Salinger who has watched the premiere performance of O'Neill's play in 1933 and admired acting in it. Besides plot's parallels essential motif for comparison of two different pieces about 16 years old rebels is the motif of mask and "face" which is crucial for creativity of both authors.

Львова И. В., доктор филол. н., Петрозаводский государственный университет (Россия)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И СИЛЬВИЯ ПЛАТ

Выступление посвящено особенностям рецепции творчества Достоевского одним из крупнейших современных американских писателей С. Плат (1932-1963) и влиянию на создание романа «Под стеклянным колпаком» (1963).

Творчеством Достоевского Плат заинтересовалась еще в школе. В 1949 году она посещала класс литературы, где среди изучаемых писателей был и Достоевский. В Смит колледже С. Плат слушала лекции В. Набокова, курс Э. Симмонса «Произведения Достоевского и западный реализм». В 1954 году под руководством профессора Д. Гибиана начала работу над исследованием, посвященным проблеме двойничества у Достоевского. Работа «Магическое зеркало: исследование двойников в двух романах Достоевского» [Plath S., 1955]. Работа до сих пор не опубликована, находится в Смит колледже.

Критическая работа С. Плат представляет большой интерес для понимания характера восприятия Достоевского писательницей и влияния его на собственное ее творчество. Работа Плат основана на выводах, сделанных американскими и европейскими исследователями творчества писателя. Кроме того, она широко использует психоаналитический материал и подход в исследовании проблемы двойничества у Достоевского.

Проблема двойничества связывается Плат с поисками человеком собственной идентичности, Рассматривая образ Голядкина, она отмечает, что «центральной проблемой «Двойника» является проблема идентичности. Она заключалась в нервных попытках Голядкина доказать, что он такой, как все» [Plath S., 1955, 19]. Плат выдвигает положение о том, что одно из величайших открытий, сделанных Достоевским — это понимание того, что существуют люди, которые сделают что угодно, чтобы избежать разрушения собственных представлений о себе. Отрицание собственной идентичности ведет к утрате чувства реальности, к раздвоению личности душевной болезни и смерти.

Произведения Достоевского подсказали приемы для изображения этой двойственности в романе «Под стеклянным колпаком». Одна из ключевых проблем произведения,— проблема самоидентификации героини. Система двойников и призвана, с одной стороны, передать вытесненные желания главной героини, а с другой стороны, решить проблему идентичности. Плат для этого пользуется опытом Достоевского. В своем сочинении она рассматривает два типа двойников в соответствии с их отношением к объективной реальности.

Как «я» Голядкина, пишет в своем исследовании Плат, «расщеплено на миллионы частей», и эта множественность указывает на сложность проблемы самоидентификации героя, так и героиня Плат имеет множество двойников.

Как и Достоевский, Плат ищет для героини пути примирения с действительностью, «Братья Карамазовы» открыли ей путь для разрешения начинающейся душевной болезни героини. Своего рода примирение, достигнутое Иваном с самим собой через собственное понимание вины и принятие ответственности, обретает и героиня романа Эстер.

Плат использовала опыт Достоевского для изображения больного сознания, нездоровой психики. Система двойников, созданная под влиянием Достоевского, должна была отразить как сложность такого сознания, так и сам процесс зарождающейся душевной болезни.

Литература:

1. Plath S. The Magic Mirror: a Study of the Double in Two Dostoevsky's Novels. — Smith College, 1955.

М. В. Наумлюк, к. филол. н., Мурманский государственный гуманитарный университет

**ДРАМА КАММИНГСА «ANTHROPOS, ИЛИ БУДУЩЕЕ ИСКУССТВА»
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА.**

Пьеса Каммингса «Anthropos, или будущее искусства» («Anthropos or the Future of Art», 1930) — одноактная драма-притча, в гротескной форме высмеивающая ложные доктрины современной цивилизации и культуры.

Название драмы многозначно. Тема человека предстаёт в античном (природном) измерении — Anthropos, а вторая часть заглавия обращается к острой дискуссии конца 20-х годов о будущем искусства и культуры, о разрыве с традицией и свободе творчества. Контекст этого спора — манифесты сюрреализма Андре Бретона 20-х и 30-х годов; статьи Сальвадора Дали (1927-28г.) об искусстве конструктивизма, фильмы Бунюэля и Дали, работы о пересмотре литературного канона В. Вульф, романы Джойса и Пруста, живопись авангардистов. Философской и культурологической основой драмы Каммингса являются работы Ортеги-и-Гассета, Юнга, Фрейда, Ясперса, а также Шпенглера и Ницше.

Моделью мира и одновременно местом действия пьесы становится пещера. Каммингс отталкивается от платоновской метафоры из работы «Государство», где «человеческая непросвещённость» уподобляется жизни в пещере спиной к свету. [Платон, 1998, 311] В драме три неуклюжих «недочеловека» (infrahuman creature) изобретают лозунги («цивилизация — эмансипация — прогресс») для своих подопытных — людей с целью манипуляции их сознанием и поведением. Имя каждого «недочеловека» обозначено Каммингсом одной буквой, совокупно складывается слово — БОГ (G-O-D). [Cummings, 1967] Образ пещеры становится развёрнутой метафорой массового общества 20 века, где новым богам повинуются толпа марширующих «недочеловеков — карликов» (infrahuman dwarfs). Тема массового общества и образ человека-карлика вызваны интересом Каммингса к работам

Ортеги-и-Гассета («Восстание масс») и Юнга («К пониманию психологии архетипа младенца»).

По Юнгу, младенческое сознание, в котором прерываются архетипические связи с прошлым, теряет способность к развитию, им можно манипулировать: потенциальный «младенец — бог» обращается в карлика. Образ пещеры — это символ, включающий и платоновскую метафору, и замкнутую пещеру сознания человека массового общества.

Параллельно происходящему обнажённый художник на стене пещеры рисует мамонта. Прообразом мамонта, по иронии, становится машина — паровой экскаватор, работающий за стеной. Художник — это гармоничный природный человек, свободный в своём творческом поиске. В финале художник покидает пещеру, а «криволапые недочеловеки» застывают в первоначальных позах.

По Каммингсу, пути культуры, художника и цивилизации расходятся, поскольку индивидуальность отстаивает право на свободомыслие и самовыражение, а массовое общество не нуждается в художниках. Универсальные образы и новаторские приёмы, найденные Каммингсом, впоследствии были отражены в жанре антиутопии, драматургии абсурда, авангардных хешпенингах.

Литература:

Berry S. L. E. E.Cummings — Mancato, Minn.: Creative Education, 1994.

Cummings E. E. Anthropos or the Future of Art. In Three Plays and a Ballet. NY, Liveright, 1967.

Wegner R. E. The poetry and prose of E. E.Cummings. Harcourt, NY, 1965..

Ортега- и-Гассет. Восстание масс[Текст]/ Ортега-и-Гассет//Вопросы философии.-1989.-№ 3,4.-С. 114- 155.

Платон. Государство [Текст]//Мыслители Греции.- М.:Эксмо-пресс,1998.-С.311-314.

Аннотация

The play of Cummings “Anthropos, or the Future of Art”, 1930, — is a one-act drama and a parable; it derides the false doctrines of the modern civilization and culture in a grotesque form. The author creates a model of the totalitarian society in a context of anti-Utopias of Zamyatin and Huxley, analyses the role of the elite and masses concerning with the philosophical concepts of Ortega-y- Gasset and Jaspers. The dramatist examines Jung’s ideas about the role of the artist and his creations in the modern society. He combines the elements of the theater of absurdity with forms of the surrealist and abstract painting and the film installation.

Э. Ф.Осипова, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)

РОМАНЫ КУПЕРА ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Первым произведением Купера в жанре исторического романа был «Шпион» (1821), вторым — «Лайонел Линкольн, или Осада Бостона» (1825). В отличие от «Шпиона», «Лайонел Линкольн» насыщен историческими фактами. Его главная тема -- предреволюционная ситуация в Америке и отношения власти и народа. Сюжет разворачивается на фоне исторических событий, составляющих основной пласт романа.

Бостон представлен в романе как «военный лагерь», в котором разместился гарнизон британских войск. Его жители остро чувствовали гнет метрополии: по решению британского Парламента в 1774 году бостонский порт был закрыт; вводились новые пошлины, ограничивалась торговля.

Среди исторических персонажей, которые появляются на страницах романа, — генералы английской армии Хау, Клинтон, Гастингс, Гейдж, Бергойн; Прескотт, Путнэм и Вашингтон представляют лагерь патриотов. Но особый интерес вызывает фигура «незнакомца», которого заглавный герой, Лайонел Линкольн, увидел на тайном политическом собрании в Фэнел-холле. Эта фигура связывает два пласта повествования — художественный и исторический — и отсылает нас к одному из самых ярких деятелей американской революции Сэмьюэлу Адамсу, сыгравшему большую роль в подготовке Войны за независимость. Вероятным прототипом «неизвестного» патриота мог быть и Джозеф Уоррен. Яркий оратор и публицист, он был колоритной фигурой в американской политике 1770-х, а судьба его тесно переплелась с судьбой Сэмьюэла Адамса.

События Войны за независимость нашли отражение и в морском романе Купера, «Лоцмане» (1823). Наиболее интересным является в нем образ главного героя. Это еще один «неизвестный», имя которого нетрудно установить, достаточно обратиться к книге Купера «История военно-морского флота США» (1839). Эпизод, о котором рассказано в «Лоцмане», занимает в ней несколько страниц. Здесь Купер — без художественного преувеличения и свойственных романтизму приемов — описывает подвиги Джона Поля Джонса возле берегов Англии. Этим материалом позже воспользуется Герман Мелвилл при написании «Израиля Поттера». Но «дегероизации» исторических личностей, начатой Мелвиллом, у Купера еще не было. То, что Мелвилл описывает как серию опасных авантур Поля Джонса, Купер представляет как его подвиги.

В 1820-х годах Куперу был присущ исторический оптимизм, однако тенденции американской жизни внушали ему серьезные опасения, о чем свидетельствуют его рома-

ны 1830-х годов. И все же Купер сохранил веру в Провидение, о чем он пишет в предисловии к английскому изданию «Шпиона» 1849 года. Вера в провиденциальный смысл истории пронизывает и поздний роман Купера «Колония на Кратере» (1848). Рассказ о строительстве колонии на вулканических островах Океании представляет собой аллегорию американской истории — от открытия Америки до строительства государства на основе просветительских идеалов. В предпоследней главе, однако, картина всеобщего счастья меняется: утопия превращается в антиутопию. Гибель колонии символична. Ее конец автор сравнивает с последней, четвертой частью из серии картин Томаса Коула «Путь империи», что придает повествованию историческое измерение. В предпоследней главе своего «романа-предупреждения» Купер формулирует телеологическую точку зрения на историю.

AMERICAN HISTORY IN J. F. COOPER'S ROMANCES

E. Osipova

“Lionel Lincoln, Or, The Leager of Boston” gives a vivid picture of pre-revolutionary America and the beginning of the War for independence. Some characters are endowed with features of American revolutionary leaders (Samuel Adams, Joseph Warren). The fictional and factual planes are also combined in “The Pilot”, whose main character, John Paul Jones, features in Cooper’s documentary book “The History of the US Navy”. Cooper's teleological philosophy of history is reflected in his utopia “The Crater”, which may be regarded as a “novel of warning”.

А. Г. Рогова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

РОБЕРТ САУТИ И АМЕРИКА

Тема более сложная и менее исследованная, чем предполагалось в связи с возрождением интереса исследователей к творчеству Саути с конца XX в. Причин тому немало: отсутствие на первый взгляд существенных связей и влияний (в Америке Саути не побывал, а его общение с американцами, согласно опубликованным источникам, не сопровождалось значительным обменом письмами (могли быть утеряны или не публиковались)), ориентация на исследование художественного наследия Саути (а тема Америки в его поэмах возникает только в неоконченной поэме «Оливер Ньюмэн» и отчасти в поэме «Мэдок» (1805)), малочисленность критических отзывов современников-американцев на его сочинения и позднее их исследований (единичные статьи посвящены проекту создания коммуны в Америке, в связи с наиболее очевидным интересом к Америке в этот пери-

од и участием в проекте Колриджа). Более системный подход и глубокие исследования должны привести к интересным результатам, так как взаимный интерес существовал и Саути был достаточно широко известен в Америке.

Саути проявил большой интерес к Америке, единственной стране, где возможно было построить справедливое общество, и в ранние годы даже планировал эмиграцию и создание там коммуны. Эта идея, хотя и не осуществленная, оказала огромное влияние на его мировоззрение и дальнейшую жизнь. 40 лет он провел на лоне природы в Озерном крае, содержал писательским трудом (почти утопия в то время) целую коммуну: жену, ее сестер, детей и племянников. В поздние годы он продолжал верить в то, что эмиграция в Америку — одна из лучших возможностей решения социальных проблем (перенаселения, наказания и др.) и что среди колонистов будут люди достойные, а не только высланные из Англии законом. Он выступал за создание колоний для поддержания неимущих и в своей стране, приветствовал начинания Р. Оуэна (коммуны для рабочих) и формирование кооперативных обществ. Именно эти идеи, осознание единства процессов мирового развития и поиски решения общественных проблем (социально-политических, религиозных, образовательных) и представляют важный материал для исследования и находят отражение в его поздней прозе, и отчасти в статьях и письмах. Выявить некоторые интересные влияния и расставить новые акценты помогут также несколько обзоров записок путешественников об Америке, написанных Саути в 1803-1823 гг.

Саути был знаком со многими американцами, коллегами-поэтами и образованными людьми, которые, ценя его среди значительных поэтов Англии, стремились посетить его в Озерном крае, а после восхищались и его глубочайшими познаниями в американской истории и литературе. Среди них выделяется круг представителей Бостона (исследователи, библиографы, реформаторы образования: Дж. Тикнор, Э. Эверетт, Дж. Когсвелл и др.) Его выявление позволило объяснить превалирование публикаций произведений Саути в Бостоне, принятие его в члены Массачусетского исторического (1821) и антикварного (1823) обществ, наличие всех его сочинений и ряда манускриптов в Бостонской и в Нью-Йоркской публичных библиотеках

Почти все сочинения Саути, начиная с поэмы «Жанна д'Арк» (1796) и включая все его поэмы и стихи (многokrato переиздававшиеся) и прозу публиковались в Америке вскоре после появления в Англии. Самыми популярными были «Жизнь Нельсона» (30 изд. к 1900 г.), «Письма из Англии», записные книжки и «Доктор», отличавшийся согласно рецензии Э. По непревзойденным юмором и остроумием. Их влияние обнаруживают сочинения известных американских авторов («Моби Дик» Мелвилла), другие еще предстоит проследить.

Аннотация

Due to various reasons this subject has been surprisingly neglected. However even initial research proves that existing cross-influences and communication between major English romantic poet and writer Robert Southey and famous Americans (thinkers, reformers of education, writers, etc.) were more important and his popularity in America was greater than it was conventionally thought. This paper is dedicated to consideration of the background and circumstances of Southey's connections with America on a wide scale.

**Ю. Л. Сапожникова, канд. филол. н., Смоленский государственный университет
(Россия)**

ИГРА С ТЕКСТАМИ ПЕРВЫХ АФРО-АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В РОМАНЕ И. РИДА «БЕГСТВО В КАНАДУ»

Афро-американские писатели считают своей главной задачей пойти наперекор устоявшейся монополярной трактовке прошлого, а значит, подвергнуть сомнению канонические произведения, которые закрепляют лишь идеологические клише о природе темнокожего населения Америки. И. Рид относится к тем писателям, которые намеренно помещают свой текст в культурное пространство произведений разных авторов, но он цитирует их в ироническом ключе, подчеркивая тем самым противостояние другим текстам.

И. Рид в своем пародировании и иронизировании не ограничивается исключительно белыми писателями. Его критика направлена и на первых темнокожих писателей, например, на Ф. Уитли. Как известно, из-за сложившихся в ее жизни обстоятельств (добрые хозяева, принимавшие ее почти как члена семьи) Ф. Уитли не выступала яркой противницей рабства и за многое была благодарна белым, о чем и писала в своих стихах. Таким образом, по мнению И. Рида, собственное творчество темнокожих писателей, которое должно было способствовать росту самосознания и улучшению положения всей расы, стало оружием в руках белых и применялось для оправдания угнетенного положения рабов.

И. Рид во многом критикует и целый жанр афро-американской литературы, истории рабов. В первую очередь его критика направлена на ту значимость, которую рабы в своих повествованиях придавали грамотности. В большинстве историй рабов грамотность рассматривается как оружие против системы, как способ обретения свободы. Но, по мнению И. Рида, умение читать и писать не делало рабов свободными, так как слово, исходившее из уст темнокожих беглецов или из-под их пера, все равно принадлежало белым, контролировалось ими либо превращалось ими в предмет потребления. Ведь на различ-

ных антирабовладельческих митингах беглые рабы вынуждены были рассказывать то, что внушали им аболиционисты, и то, что хотела услышать или прочитать белая публика, тем самым они превращали свою историю в товар на продажу.

Пустой фикцией оказывается в романе И. Рида и конечная цель, к которой стремились беглые рабы во всех повествованиях. Север историй рабов (у Рида это Канада) изображен в “Бегстве в Канаду” как место, где избивают и преследуют негров, где им отказывают в жилье, где их детям не дают ходить в достойные школы.

Поэтому столь отчетливыми являются саркастические нотки, когда И. Рид цитирует отрывок из произведения «Наброски из истории “подпольной железной дороги”...» Э. Петита, в котором описывается момент ликования беглых рабов, впервые ступивших на землю Канады. Чтобы создать подобный эффект, писатель предваряет этот отрывок передачей чувств своего героя Рейвена, который кроме усталости и опустошения ничего не чувствует. По мысли И. Рида, эти чувства и должны быть характерны для всех, кто прошел тот же путь, что и Рейвен, но беглые рабы в повествованиях первых темнокожих писателей испытывали исключительно ликование, которое для усиления эффекта иронии автор “Бегства в Канаду” пишет с большой буквы.

Единственным темнокожим писателем, которым восхищается альтер эго И. Рида, поэт Рейвен, является У. У. Браун. Ведь последний создавал художественные произведения, в которых сатирически переосмысливал окружающую действительность, то есть он, в отличие от остальных беглых рабов-лекторов, был свободен в своем творчестве.

Сам И. Рид также иронически переосмысливает историю. Писатель творчески использует чужие тексты для создания своей картины мира, а также и для пересмотра и переоценки традиции и канонов. Эта игра с текстами других авторов является стержнем всего романа, представляющего коллажом из уже готовых и знакомых текстовых блоков, которые восходят к известным произведениям американской литературы.

PLAYING WITH THE TEXTS OF FIRST AFRICAN AMERICAN WRITERS IN I. REED'S NOVEL “FLIGHT TO CANADA”

Yu. L. Sapozhnikova, Smolensk State University

In his novel “Flight to Canada” I. Reed creatively uses other African American authors' texts both to create his own worldview and to revise and to reevaluate traditions. Such playing with these writers' works is the keynote of his novel which looks like a collage of ready and familiar text extracts that go back to well-known works of American literature.

В. А. Щукина, асп., Воронежский государственный университет (Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН РОМАНА ДЖ. ДЖОНСА «ОТНЫНЕ И ВОВЕК»

Роман американского писателя Джеймса Джонса (1921-1977) «Отныне и вовек» (“From Here to Eternity”, 1951) имеет тесную связь с историей, так как повествует об армии США времен Второй мировой войны. В своем произведении автор отражает события Гавайской операции 1941 года. Джонс фиксирует особенности как предвоенных настроений в тихоокеанских вооруженных силах, так и реакции американцев на трагедию в Перл-Харборе.

Изображая седьмую роту гавайского пехотного полка в мирное время, автор на примере взаимоотношений солдат показывает всю серьезность актуальной для 40-х годов XX века проблемы расизма и национализма. Писатель сразу акцентирует внимание на царящих в армейской среде США негативных представлениях о других народах: «жиды, фрицы, итальяшки, испашки, бостонские ирландцы, венгры, макаронники, лягушатники, черномазые ниггеры — те все трусы» [Джонс, 1989, 454]. Тем самым автор подчеркивает парадоксальность рассматриваемой исторической ситуации: готовящаяся к войне с фашизмом Америка сама была близка к подобной идеологии.

В произведении Джонса обнаруживается отсылка и еще к одной важнейшей межнациональной проблеме описываемой эпохи — стремительному увеличению количества японцев, негативно оценивающих США. Так, герои романа замечают чрезвычайно враждебное отношение нисэи (японцев, родившихся в США) к американцам. Это вселяет чувство тревоги даже в тех солдат, которые практически не осведомлены о политических хитросплетениях современного им мира, и заставляет персонажей руководствоваться принципом «жить нужно сегодняшним днем» [Джонс, 1989, 568].

Тем не менее каждый военнослужащий гавайской армии испытывает шок от неожиданного нападения Японии на Перл-Харбор. Джонс не показывает атаку напрямую: он обращает внимание на особенности ее восприятия солдатами седьмой роты, которая на протяжении всего повествования оказывается в центре внимания автора.

В результате события Гавайской операции изображаются с нескольких точек зрения, соответствующих мировоззрению и кругозору различных персонажей: от тонко разбирающегося в политике опытного сержанта (Тербер) до юного рядового, совершенно не понимающего, с кем и для чего он сражается (Пруит).

Кроме того, в «Отныне и вовек» осмысливается и реакция гражданского населения Америки на трагедию в Перл-Харборе. Автор противопоставляет шоковое состояние служащих на Гавайях солдат и заинтересованность жителей США в извлечении из «новости

дня» практической пользы. Наиболее яркой деталью, заостряющей внимание на таком контрасте, становится неоднократное упоминание в романе о настойчиво звучащей по радио обновленной веселой рекламе популярных сигарет: “Your Lucky Strikes have put on khaki and enlisted” [Jones, 1998, 804].

Представляется, что Джонс достоверно воссоздает психологическую атмосферу в американской среде накануне, во время и после Гавайской операции. Не вдаваясь в политические подробности происходящего и не вводя в текст произведения батальных сцен, автор мастерски передает оттенки чувств различных слоев населения США относительно важнейшего события в истории Второй мировой войны, часто именуемого «днем позора».

Литература:

Jones J. From Here to Eternity / James Jones. — N. Y.: Dell Publishing, 1998. — 852 p.

Джонс Дж. Отныне и вовек / Дж. Джонс / Пер. с англ. А. Михалева. — М.: Правда, 1989. — 768 с.

Abstract

James Jones's novel “From Here to Eternity” (1951) reflects some historical facts of the Pearl Harbor’s tragedy. However, the author doesn’t point out political and military details of this event. Jones represents different Americans’ psychological reactions on the Japanese attack.

IV Андреевские чтения: славянские литературы и литературные взаимосвязи

Гедвига Кубишова, к. фил. наук, Университет Матей Бела Банска Быстрица (Словакия)

о философских мотивах в словацкой литературе

На протяжении многих столетий поэты пытались выразить свои размышления по поводу важнейших философских проблем, точно так же, как философы, вдохновленные поэтами, анализировали вопросы человеческого существования. При исследовании художественного произведения опираются ученые на философские знания. А. Червеняк делает акцент на эстетическо-антропологическом аспекте при изучении литературного произведения, так как литература всегда воссоздавала судьбы людей в ходе исторического развития. [2009]. Творчество Э. Фаркашовой — симбиоз философского мышления и художественного мастерства. В одной из своих статей Фаркашова [2009, 153-187] обращает внимание на риск «заменимости» философии и литературы, подчеркивает их самостоятель-

ность, их взаимодействие проявляется и на языковом уровне литературного произведения. В истории словацкой литературы имеется немало примеров использования мыслей великих философов. Вспомним философско-эстетический трактат «О красоте» [1836, 61-77] К. Кузмани. Религию он считает самой лучшей дорогой к нравственному добру, правде и красоте. Изучением данной проблематики в области словацкой прозы занимается А. Г. Машкова в монографии «Словацкий натурализм (30-40-ые г. XX века)» [2005]. Подводя итоги истокам творчества натуралистов пишет: «Натуралисты опирались на философские идеи Шопенгауэра, Ницше, Бергсона. Решая свои творческие задачи, они по-разному использовали философию жизни» [там же, 169]. Проблематику противостояния добра и зла звучала в литературе на протяжении многих столетий. Очень емкая сентенция о противостоянии добра и зла принадлежит А. Солженицыну: «Границы, разделяющие добро и зло, находятся в сердце каждого существа» [цит. по Голема, 2009]. Лирические произведения нередко являются философскими рефлексиями. Данной проблематике Н. В. Шведова предзначила свою книгу «Философские мотивы в словацкой поэзии (конец 19 — 1. пол. 20 в.)» [2005]. Проблема коммуникаций культур проявляется в философской ориентации немецкого писателя Г. Гессе, которому посвятила свое научное исследование М. Биеликова [2007]. И. Янчович [2009, 237-259] подчеркивает в своей статье роль философского знания при интерпретации текста, предпочитает герменевтику. Это же самое относится и к интерпретации произведений изобразительного искусства, как показывает в своем эссе С. Своракова [2001, 49-53]. Основы философских знаний, включающих в себя вопросы логики, а также эстетики и этики, для филологов необходимы.

Литература:

Bieliková, M. Hermann Hesse und das Fremde. Teil I. B. Bystrica 2007.

Červeňák A. Reflexie filozoficko-antropologické. Nitra 2008.

Farkašová, E. O možnosti spojenectva filozofie a literatúry. // O vzťahu filozofie, umenia a vedy. B. Bystrica, 2009, s. 153-187.

Golema, M. K metodologickým dilemám súčasnej literárnej vedy. B. Bystrica 1999.

Jančovič, I. Interpretácia v kontextoch súčasnej literárnej vedy. // O vzťahu filozofie, umenia a vedy. B. Bystrica, 2009, s. 237-259.

Kuzmány, K. O Kráse. In: Hronka I. // B. Bystrica 1836, str. 61-77.

Svoráková, S. Sen alebo skutočnosť? K problematike antinómie realizmu a abstrakcie

// Filozofické koncepcie v hudbe a umení II. B. Bystrica 2001, s. 49-53.

Машкова А. Г. Словацкий натурализм (30-40-ые г. XX века). Москва 2005.

Шведова Н. В. Философские мотивы в словацкой поэзии. Москва 2005.

Summary

The article is concerned with the relationship of philosophy and literature, with the issues of philosophy in the Slovak literature. It deals with the work written by A. Červeňák, with the writer and philosopher E. Farkašová's opinions, it draws attention to the monograph written by A. G. Mašková Slovak naturism (2005) and the work by N. J. Švedová Motives of philosophy in Slovak poetry (2005) as well as the works by other Slovak scholars (M. Golema, I. Jančovič, M. Bieliková).

В. И. Ушинскене, д. гуман. н., Вильнюсский университет (Литва)

РОССИЯ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Особое, в сущности, очень непростое отношение Милоша к России и ее культуре не случайно. Сам поэт неоднократно упоминал об историческом парадоксе, во многом определившем его собственную судьбу и отношение к миру: родившись в Шетейнях Ковенской губернии в семье, принадлежавшей к польско-литовскому шляхетскому роду, он автоматически стал гражданином Российской империи. Именно с Россией были связаны его первые детские впечатления, когда в возрасте всего лишь двух лет ему вместе с матерью и няней пришлось совершить грандиозное путешествие по Транссибирской железной дороге в Красноярск, где по контракту работал его отец. Революция застала семью Милошей под Ржевом. Эти детские, еще подсознательные впечатления во многом определили космополитизм будущего поэта-философа, его особое, многомерное понимание истории и культуры.

Милоша всегда настораживала трагическая двойственность русской национальной идеи, «замешенной на яде гегелевского исторического детерминизма» в сочетании с традициями православия: любовь ко всему живому «уживается в русском человеке с беспрекословным подчинением воле Божией, судьбе или государству, приводя порой к самым жестоким поступкам, мотивированным якобы высокой целью». Отказ от прав и свободы личности во имя общего блага, слепая вера в фатум, в исторический детерминизм (которую в юности исповедовал сам поэт), по его словам, отравила не одну душу и не одно государство. Впрочем, противоядие против «гегелевского укуса» Милош находит также на русской почве в творчестве религиозных философов, труды которых он анализирует в контексте европейского философского дискурса: Льва Шестова сопоставляет с Камю и с

Симоной Вейль, Сергея Булгакова — со Станиславом Винценсом, Достоевского — со Сведенборгом.

Именно Достоевский составил главное направление лекций Милоша по русской литературе во время работы в Калифорнийском университете (став по сути основным источником его заработка). В отличие от многих, он не рассматривает Достоевского как великого психолога, поскольку тот, по мнению Милоша, вскрывает проблемы куда как более серьезные, «обнажая болезни духа, а не души». Отличаясь особой чувствительностью и непримиримостью ко всякого рода угнетению и несправедливости, великий русский писатель не обходит проблему Зла, но, словно зачарованный, возвращается к ней снова и снова, стараясь обнажить Зло и предостеречь от него. В этом позиция Достоевского, с его бессмертным «высшая гармония ... не стоит слезинки хотя бы одного ... замученного ребенка», близка позиции самого Милоша, не раз подчеркивавшего, что до сих пор существенной особенностью представителей Восточной Европы является их неистребимая вера «в примитивные представления о добре и зле».

Духовное родство восточноевропейской литературы воплотилось в содружество поэтов-эмигрантов — Милоша, Бродского, Венцловы. Три поэта представляли народы, и веками враждовавшие, и веками связанные сложными и трагическими историческими обстоятельствами. И Милош, во многом способствовавший этому объединению, создавал, по его словам, «соединительную ткань» там, где национальные противоречия кажутся непримиримыми.

Литература:

Miłosz Cz. *Rodzinna Europa*. Warszawa, 1998.

Miłosz Cz. *Rosja. Widzenia transoceaniczne. T. I. Dostojewski — nasz współczesny*. Wyb. Barbara Toruńczyk i Monika Wójciak. Wstęp Clare Cavanagh. Warszawa, 2010.

Miłosz Cz. *Zniewolony umysł*. Kraków, 1999.

V. Ušinskienė, Vilnius University

RUSSIA IN CZESLAW MIŁOSZ'S DESTINY AND WRITINGS

The article presents the writer's views on Russia found in his key pieces, such as *Russia. A trans-oceanic point of view*, *Family Europe*, as well as in essays and interviews. Miłosz takes on ideas that shaped Russian culture as uniquely expressed in the literary, philosophic and religious thinking of the late 19th—20th century that opposed the rational thinking of the West.

The person of F. Dostoyevsky is in focus of Miłosz investigations.

Балканистика. Неоэллинистика. Византистика

М. В. Алексеевская, бакалавр журналистики, Международный фестиваль Христианского кино «Невский Благовест» (Россия)

Современная иконопись

Одно из величайших открытий XX века — православная икона. Широкая публика по-настоящему поняла красоту древнерусской живописи только в 1913 году, когда в Москве была устроена большая выставка древнерусского искусства. Началось медленное проникновение в духовный смысл древней иконы. Сегодня во времена возрождения Русской Православной Церкви начинает возрождаться и иконопись. Но должна ли икона XXI века отражать дух своего времени или современному иконописцу следует помнить заповедь апостола Павла «Не сообразуйтесь веку сему»? Однозначного ответа на этот вопрос не существует.

Многие дореволюционные исследователи отмечают превосходство древнерусских иконописных изображений в сравнении с академической живописью на религиозные сюжеты: иконопись передает «метафизику бытия», масляная живопись — «чувственную данность мира» [Флоренский, 1985, 268]. Современный искусствовед Лев Лившиц считает разделение истории русского иконописания на период расцвета и период упадка искусственным. По его мнению, забота о каноничности «сдерживает проявление творческой активности иконописцев» [Лившиц, 1998, 189].

Сегодня в качестве самостоятельного явления в иконописи существует копирование. Например, школа А. Н. Овчинникова раскрыла множество секретов древнерусской живописи, проводя тщательное исследование красок и изучая способы их наложения. Сам Овчинников восхищается мастерством древних иконописцев и не уверен в том, что в наше время кто-то может создать что-то подобное [Ржаницына]. Однако заведующий иконописной реставрационной мастерской Александро-Невской Лавры Д. Г. Мироненко полагает, что иконопись не искусство как таковое, а проповедь. И проповедь эта должна быть понятной современному ей обществу. При этом важно, чтобы «при любом стиле соблюдался главный канон, соответствие духовной правде» [Тетерина, 2009]. Современный иконописец Георгий Панайотов считает, что «от предыдущих мастеров нужно брать все самое лучшее, но не забывать, что икона — это живой организм, который развивается и эволюционирует постоянно» [Кутейникова, 2009, 10].

В современной иконописи встречаются необычные работы. Одна из авторских разработок Георгия Панайотова — икона «Святая Анастасия»: на золотистом фоне лик святой Анастасии Узорешительницы, с двух сторон от нее — маленькие фигурки Патриарха Московского Алексия II и Папы Римского Иоанна Павла II. Чуть ниже — космонавты орбитальной станции «Мир». В снежно-белых скафандрах, круглых шлемах, они держат в руках по иконе. Эта работа посвящена миротворческой акции, которую Католическая и Православная Церкви провели в 1995 году из-за сложных отношений между Сербией и Хорватией. На иконе «Чернобыльский Спас» Владислава Горецкого, написанной в память о погибших при катастрофе в Чернобыле и от радиоактивного заражения и во здравие выживших, ликвидаторы аварии: пожарный в респираторе, работник станции, летчик, медсестра. Если исследовать иконописную традицию, то можно заметить, что на иконе издревле изображаются люди самых разных профессий.

Сложность, с которой сталкиваются современные иконописцы, — это написание новопрославленных святых воинов. В камуфляжном костюме с автоматом через плечо или в облачении раннесредневекового воина? Отсутствие иконности военных костюмов Нового и Новейшего времени порождает споры.

Иконопись ставит перед современниками многочисленные, не разрешенные до сих пор вопросы. Хочется верить словам Сергея Булгакова: «Русская душа и русское искусство таит в себе новые откровения, новое творчество иконы, которого мы являемся уже современниками» [Булгаков, 1964].

Литература:

- Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви. www.krotov.info/libr_min/b/bulgakovs/prav_10.html
- Кутейникова Н. С. Сейчас пора иконописцам самим думать, делать открытия // Искусство небесное и земное. 2009.
- Лившиц Л. И. Размышления о современном иконописании // «Искусство и религия» (Материалы научной конференции Государственного Института искусствознания. 19 — 21 мая 1997 г.). М. 1998.
- Ржаницына С. Московская иконопись конца XX века: основные проблемы современного церковного искусства. 1997. www.nesusvet.narod.ru/ico/books/rzhan/diplom2.htm
- Флоренский П. А. Иконостас // Собрание сочинений. Т.1. Статьи по искусству. Р.: YMCA — PRESS. 1985.
- Тетерина С. www.pokrov—forum.ru/blog/test.php?page=post&blog=steterina&post_id=194

Аннотация

In 1913 there was a great exhibition of ancient Russian icons in Moscow. Since that time the comprehension of icons has been continued. There are several complicated questions which contemporary icon painters can't resolve. Should contemporary icon reflect the spirit of the time or be painted due to traditional icon canons? One of the difficulties is the image of modern day warrior-saints because there isn't a canon of military uniform depicting. Should the warrior be in camouflage and with a gun or in medieval clothes and with a sword? This example shows some problems on icon painting development.

Ф. А. Елоева, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАФАРЕВУСЫ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ*

На примере греческого языка выявляется особая роль, которую авторитетная книжная традиция (на определенном этапе диахронического развития неизбежно приводящая к явлению диглосии) играет в консервации языка. В данном случае мы имеем право говорить о наличии «диахронического смешения» (термин Бодуэна де Куртенэ) В докладе выявлена роль своеобразной «рукотворности» греческого. Очевидно, что выработавшееся уже на ранней стадии развития языкознания восприятие языка как некой эстетической ценности, представление об эталонных текстах, напряженный интерес к философии языка отразился на всей последующей истории греческого языка и во многом сказался на консервативности лексики греческого в диахронии.

Противопоставление книжного (кафаревусы) и разговорного (димотики) языков вплоть до относительно недавнего времени (формально до 1979 г.) находило выражение в существовании лексико-грамматической синонимии в письменно-литературном и разговорно-обиходном вариантах языка. В этом контексте интересны ряд явлений:

1. искусственность обоих полюсов континуума «кафаревуса — димотика.» Общеизвестно, что кафаревуса является созданием франкоязычных интеллектуалов эпохи Просвещения (и, по всей вероятности, восходит к еще более искусственной норме эпохи Второй софистики), однако и димотика абсолютно «рукотворна» и даже в большей степе-

---

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 10-04-00168а «Механизмы эволюции перфекта в типологическом освещении».

ни рафинированна, ее создатели по всей вероятности ориентировались на наддиалектное койне димотических греческих песен;

2. корреляции двуязычия с формированием литературной нормы применительно к конкретным лингвистическим ситуациям Интересно, что по пути создания «народного языка» — димотики идут образованные выходцы из областей итало-греческого двуязычия;

В последние двадцать лет кафаревуса вновь входит в моду, при этом носители греческого языка перестали задаваться вопросом, какая форма языка предпочтительнее. Говорение и писание текстов по-гречески обещает сегодня наслаждение удивительной свободой греческой языковой игры — примеры такой безудержной языковой игры мы находим в прозе Париса Такопулоса, а знаменитая в Греции поэтесса Кики Димула со свойственным ей сдержанным изяществом оперирует тремя видами кафаревусы — канцелярской, церковной и высокой и вновь заявляет о стремлении творца переписать мир желание певца, чтобы мир был переписан с начала». ³

DIFFERENT STRATEGIES OF USE OF KATHAREVOUSA IN MODERN GREEK TODAY

The paper presents an attempt of further interpretation of the problem of typology of literary standard. Apparently for the Greek linguistic situation we can speak about the case of diachronic interference (term of Jan Baudouin de Courtenay).

The various strategies of the use and functions of katharevousa in the poetry of modern Greek poetess Kiki Dimoula and poet and writer Paris Takopoulos are being analyzed.

---

³ Возможная отсылка к одному из самых знаменитых поэтических греческих текстов «Отрицание» Арνηση Георгия Сефериса, где герои пишут «на белом песке укротного залива» некое тайное имя, (очевидно — слово «свобода»), но веет северный ветер «батис», волна смывает надпись, но это не страшно, возможно в имени заключалась ошибка, и мы вновь и вновь можем писать что-то на горячем песке...

Заключительные слова стихотворения:

Πήραμε τη ζωή μας λάθος

Και αλλάξαμε ζωή

Букв. « В жизни мы совершили ошибку

И изменили жизнь».

Несмотря на внешнюю невинность и отвлеченность, стихотворение (и песня, написанная Теодоракисом) были запрещены греческой хунтой.

**В. В. Федченко, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

Константинопольский диалект в произведениях Й. Визииноса⁴

Текстами, содержащими в себе элементы константинопольского диалекта греческого языка, традиционно принято считать первую редакцию произведения Й. Психариса «Мое путешествие» (1888) и поэзию К. Кавафиса. Эти тексты являются немногочисленными примерами использования особенностей языка Константинополя в литературе. В греческой диалектологии, в целом, распространено мнение о том, что константинопольский диалект немногим отличается от нормы новогреческого языка. Греческий диалектолог Н. Кондосопулос [Kondosopoulos, 2001, 72] выделяет его три отличительные черты: 1) использование винительного падежа личных местоимений вместо родительного в роли косвенного дополнения (общая черта для северных греческих диалектов); 2) употребление йотированной формы конъюнктива и императива, образованных от аористой основы глагола βλέτω ‘видеть’, — Conj. *να δῶ* вм. нвгр. *να δω*, Imper. *διεξ* вм. нвгр. *δεξ*; 3) широкое употребление союза *που* ‘что’ для ввода разных типов придаточных предложений — дополнительных, цели, следствия и т. д. (общая черта для фракийских диалектов). Дж. Хоррокс добавляет к этому списку также особый тип парадигмы пассивного имперфекта на *οὐμουν*, *οὐταν* и некоторые морфологические особенности глагольных форм.⁵

Писатели поколения 1880-х гг., в частности Й. Визиинос, использовали в своих произведениях два разных стиля греческого языка: сложным архаизированным стилем передавалась авторская речь, в то время как для диалогов впервые начал использоваться средний разговорный стиль, призванный подражать повседневной речи. Анализ диалогических отрывков произведений Й. Визииноса «Ποιος ἦτο ο φονεὺς του ἀδελφοῦ μου;» [Viziynos, 2009] ‘Кто был убийцей моего брата?’ и «Το ἀμάρτημα της μητρός μου» [Viziynos, 2011] ‘Грех моей матери’ дает возможность утверждать, что основными грамматическими характеристиками речи персонажей являются первые две из вышперечисленных черт константинопольского диалекта греческого языка, именно они служат выразительным средством для создания разговорного языка персонажей. Эффект усиливается за счет употребления редкой просторечной и диалектной лексики.

---

⁴ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 11-04-00048а.

⁵ См. подробнее об этом в [Hogrocks, 2010, 449-450].

Λιτεράτυρα

Horrocks, G. 2010. Greek. A history of the Language and its Speakers. 2nd ed. A John Wiley & Sons, Ltd., Publication, UK.

Kontosopoulos, N. 2001. Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα: Γρηγόρης.

Vizyinos, G. 2009. Ποίος ήτο ο φονεύς του αδελφού μου. Δημοσιογραφικός Οργανισμός Λαμπράκη, Αθήνα.

Vizyinos, G. 2011. Το αμάρτημα της μητρός μου και άλλα διηγήματα. Δημοσιογραφικός Οργανισμός Λαμπράκη, Αθήνα.

Αννотация

The paper presents the use of the Constantinopolitan dialectal features by the Greek writer G. Vizyinos as a method to create dialogical speech and the difference between the dialogical and descriptive parts of his novels.

Библия и христианская письменность

Κ. Α. Βιτνερ, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ο ЧЕМ НЕ РАСКАЗАЛ ДЕВТЕРОНОМИСТ В 3-4 КНИГАХ ЦАРСТВ?

Докладчик, сопоставляя текст библейских книг 3—4 Цар с другими историческими источниками первой половины I тыс. до н. э., в частности, с ассирийскими царскими надписями и книгой Иеремии, анализирует факты «замалчивания» девтерономическим автором исторической информации и выявляет его возможные причины.

В большинстве случаев эти причины носят идеологический характер. Для Девтероноμиста судьба Иудеи и Израиля зависит от поведения их правителей «в очах Ягве», от соблюдения ими Его заповедей, а не от внешнеполитических факторов (ср Втор 28.1—68; 17.14—20). По этой причине цари Иудеи и Израиля, изображенные в 3—4 Цар, оказываются более независимыми политическими фигурами, чем они являлись на самом деле. Автор стремится преуменьшить значение Ассирии как политической силы, доминирующей в регионе. Так, например, автор не сообщает о том, что израильский царь Ахав потерпел поражение в битве при Каркаре от ассирийского царя Салманасара III. Ср. надпись на стеле из Курха [Grayson, 11—24]. В 4 Цар не указан тот факт, что израильский царь Ииуй стал вассалом Салманасара III. См. надписи Салманасара III [Grayson, 42—71]. Отсутствует информация о том, что израильский царь Иоас был данником ассирийского царя Адад-Нирари III. См. надпись из Телль аль-Римы [Grayson, 209—212]. В 4 Цар 15.30 в

рассказе о воцарении Осии над Израилем умалчивается тот факт, что царем его сделал ассирийский царь Тиглатпаласар III. Ср. надпись Тиглатпаласара III [Tadmor, 136—143]. Не сообщается в 4 Цар и о том, что иудейский царь Манассия был вассалом ассирийского царя Асархаддона Ср. т. н. Призму А [Borger, 60—61].

Кроме того, автор предпочитает не информировать читателей и о заключении различных военных коалиций с соседними народами, поскольку, с точки зрения девтеронормической идеологии, эти народы считались нечистыми (ср. Втор 7.1—26; 23.3-6). Исключение делается лишь для Едома (4 Цар 3, ср. Втор 23.7—8) Так, например, автор не сообщает о том, что израильский царь Ахав был участником антиассирийской коалиции. Ср. надпись из Курха [Grayson, 11—24]. Умалчиваются в 4 Цар некоторые важные подробности политической биографии иудейского царя Езекии. Из анналов Синаххериба [Frahm, 53—55] мы узнаем, что жители города Екрона выдали Езекии своего царя Пади, вассала Ассирии, и он содержался под арестом в Иерусалиме до тех пор, пока его не освободили ассирийцы. В описании царствования Седекии (4 Цар 25) отсутствует информация о совещании представителей Иудеи и соседних государств, которое прошло в Иерусалиме и, видимо, имело антивавилонский характер. Ср. Иер. 27:3.

Кроме того, автор, по возможности, старался скрыть негативную информацию о судьбе тех царей, которых считал праведными. Автор не сообщает о том, что царь Ииуй, ревностный ягвист, стал вассалом Салманасара III (см. выше). В 4 Цар 18.13—16 указан размер дани, выплаченной Езекией Синаххерибу серебром и золотом, но не сообщается о том, что Езекия был вынужден отправить в Ассирию своих дочерей и дворцовый персонал. Ср. анналы Синаххериба [Frahm, 53—55].

Литература:

Borger R. Die Inschriften Asarhaddons Königs von Assyrien. Graz, 1956.

Frahm E. Einleitung in die Sanherib-Inschriften. Vienna, 1997.

Grayson, A. K. Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC 2. (858—745 BC) // Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods. Vol. 3. Toronto, 1996.

Tadmor H. The Inscriptions of Tiglath-Pileser III King of Assyria. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 1994.

Аннотация

By contrasting the biblical books of the 1 and 2 Kings with other historical documents of the early first millennium BC such as Assyrian royal inscriptions and the Book of Jeremiah, the paper analyzes suppression of historical facts and reveals the ideological tendencies within

the biblical text. For instance, the authors of the Kings underestimate the influence of Assyria on the politics of Israel and Judah, "hush up" the alliances of the Israeli and Judean kings with the neighboring states and conceal negative information about the fate of the kings whom they consider to be righteous.

В. Л. Вихнович, Петербургский институт Иудаики (ПИИ)

Сотник в Новозаветной литературе

В корпусе текстов Новозаветной литературы часто упоминаются чины римской армии в Палестине — центурионы, в русском переводе *сотники*. Складывается впечатление, что *сотники* более других чинов были подвержены влиянию иудейского культа. Так ли это? Известно, что легион состоял из 6100 солдат пехоты, делился на 10 когорт разного численного состава, когорта делилась на пять центурий (сотен). Военная служба была привилегией римского гражданина вместе с правом голоса, которым римляне крайне дорожили. Центурион в римской армии периода гражданских войн и последующих десятилетий был как правило выходцем из бедной крестьянской среды. Центурионами становились солдаты, проявившие доблесть и умение руководить. Эта должность больше соответствует нашему понятию старшины, ибо офицером в римской армии мог быть только выходец из сенатского или всаднического сословия. Цезарь поощрял отличившихся в галльской компании центурионов денежными выплатами и военной добычей, но не повышением в звании. Мнение в римском образованном обществе о центурионе как неотесанном мужлане было весьма распространенным.

Было бы противно природе человека, если бы души и сердца хотя бы некоторых из этих заслуженных воинов не протестовали против столь обидного порядка. Не приходится удивляться, что именно в этой среде среди расквартированных в Иудее войск вызывало особый интерес религиозное учение иудаизма, отрицавшее сословные привилегии и провозглашавшее, что все люди созданы по образу и подобию Единого Бога.

Характерным примером этого служат центурион из Капернаума, который, по свидетельству иудеев, «любит народ наш и построил нам синагогу» (Лк 7:5) и центурион Корнилий из Кесарии, о котором сказано: «муж добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским» (Деян 10:22). Такое поведение не оставалось без ответа со стороны иудеев, которые зачастую пренебрегали рекомендацией не «сообщаться и не сближаться с иноплеменниками», и порой восхваляли римских военных за благочестие. Нередко меняли свои взгляды даже некоторые фанатичные борцы за религиозно-

национальную чистоту иудаизма — зилоты. Примером этого служит один из апостолов Иисуса — Симон, прямо именуемый *зилот*.

Таким образом, появление образа праведного сотника и вообще благочестивого воина в новозаветной литературе не является случайным, оно точно отражает социально-историческую ситуацию эпохи.

Аннотация

В новозаветной литературе неоднократно упоминаются центурионы римской армии, («сотники» в русском переводе), благосклонно относящиеся к иудеям иудейской религии, признающей социальное равенство людей. Это объясняется тем, что центурионы — выходцы из солдатской среды, выполнявшие обязанности офицера, были лишены права на повышение вследствие своего низкого социального происхождения. В римской армии все командные должности могли занимать только представители высших сословий.

Ключевые слова: Новый завет, римская армия, центурион, сотник, иудеи, иудейская религия, равенство, высшие сословия

Summary

Vsevolod Vikhnovich (The Petersburg Judaic Institute)

The New Testament Centurion

The Roman centurions are many times mentioned in the New Testament writings as favoring the Jews and their religion. This can be explained by the fact that they came of the low classes of Roman society and experienced all the injustices of their social position. Judaism and even more Christianity attracted them by negation of all the social dignities and divisions.

Key words: New Testament, Roman army, centurion, Jews, Jewish religion, equality, social justice.

В. В. Данко, магистр лингвистики, СПбГУ

ПРОКЛЯТИЯ В КНИГЕ БЫТИЯ

В текстах Ветхого Завета для выражения проклятий используются шесть различных глаголов, изначально не совпадавших по лексическому значению и сфере употребления [Harris, Archer, Waltke, 1980]. Лишь один из них — בָּרַךְ — означает собственно «проклинать», «призывать несчастья на чью-либо голову», причём корневой вариант этого глагола — בָּרַח — имеет исходное значение «сверлить», «буравить», «делать отверстия», что обнаруживает связь слова со сферой симпатической магии.

На языки-реципиенты глаголы этой семантической группы переводятся преимущественно общим техническим термином (*curse, fluchen, проклинать* и т. д.). Традиция нивелирующего перевода может быть возведена к Септуагинте, где этим глаголам соответствует *ʾarboʿal* или, чаще, производные от него *katarboʿal* и *ʾelkatarboʿal*. Исходное значение глагола *ʾarboʿal* «молиться», но чаще он использовался в значении «творить заклинания», «проклинать». Вероятно, к III веку до Р. Х. семантика мольбы была утрачена, ибо переводчики Септуагинты используют эти глаголы в случаях, когда субъектом действия является не только человек, но и Бог.

Нивелирование смыслов в греческом переводе могло быть вызвано тремя причинами: 1) отсутствием различия в значениях соответствующих еврейских глаголов ко времени начала перевода; 2) непониманием переводчиками существовавшего (и, возможно, существенного) различия; 3) сознательной установкой на очищение текста от магических элементов.

Как бы то ни было, сейчас реконструкция исходных смыслов вряд ли возможна и уместна за исключением, вероятно, этиологических легенд начальных глав Бытия, призванных объяснить происхождение явлений окружающей действительности. Во всех таких легендах, включающих в себя мотив проклятия, используется глагол *רָכַח* в форме пассивного причастия породы Qal — *רָכַחְתָּ*, традиционно переводимой как *проклят* (*accursed, verflucht* и т. д.).

Г. Брихто [Brichto, 1963] предлагает интерпретировать еврейское *רָכַח* на базе аккадского глагола *arāru* «поймать в ловушку», «связать», а также существительного *irritu* «петля», «ловушка», «силоч». Он думает, что исходное значение этого глагола было «связывать», «заключать», «ограничивать», «стеснять». При переводе ветхозаветных этиологических легенд подобная актуализация этимологии может быть, на наш взгляд, использована в целях сохранения художественной целостности этих текстов.

В статье приводятся фрагменты авторского перевода 2—5 глав книги Бытия, объединённых мотивом ограничения / связывания / стеснения / смыкания.

Литература:

Brichto H. C. The Problem of "Curse" in the Hebrew Bible. Philadelphia, 1963.

Harris, R. L., Archer, G. L., & Waltke, B. K. Theological Wordbook of the Old Testament. Chicago, 1980.

CURSES IN THE BOOK OF GENESIS

Six different verbs used in Old Testament to express the concept «curse» are translated usually by one technical term. This equalizing translation dates from Septuagint where as equivalents ἁράομαι (initial meaning *to pray*) and its derivatives καταράομαι and ἐπικαταράομαι are used. Presumably this was done in order to clean the text from the magical elements. The tradition of equalizing approach can be broken in case of the etiological legends presented in Genesis. Taking into account Brichto's and Speiser's proposal [Brichto, 1963] to interpret the Hebrew word אָרַר (usually translated by *curse*) as related to Akkadian «arāru» “to noose, snare”, we show through our own translation how some cases of Genesis 2-5 are associated with the motive of restriction / binding / restraint / closing.

Архимандрит Ианнуарий Ивлиев, канд. богосл., СПб правосл. духовн. акад. (Россия)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В 2 КОР 5,1-10

1. Отрывок Второго послания к Коринфянам (2 Кор 5,1-10) относится к наиболее трудным для экзегезы и для перевода текстов Нового Завета. Общий смысл текста понятен: это эсхатологический текст, в котором апостол Павел образно выражает свою надежду на вечную жизнь в прославленном состоянии за пределами сего мира. Что же касается частных, то этот текст подвергся множеству различных толкований. Различия объясняются трудностями в понимании смысла метафорического языка апостола Павла. Метафоры разнообразны и связаны с переплетением антропологических и эсхатологических представлений, так что можно говорить об «антропологической эсхатологии», или «эсхатологической антропологии».

2. Отрывок делится на две части. В первой, 2 Кор 5,1-5, господствуют антропологические метафоры, наглядно изображающие смертное и бессмертное существование человека. **Тело** (sōma) человека представлено: а) как временное или как вечное **жилище**, и б) как временная **одежда** или как вечное **облачение**. При этом используются разные глаголы: одеваться, раздеваться, переодеваться или одевать поверх чего-либо. Во второй части отрывка, 2 Кор 5,6-10, образный язык изменяется. Появляются метафоры «родины, родного дома» и «чужбины», что не отражено в привычном русскому читателю Синодальном переводе. При этом используются разные глаголы: жить дома, у себя на родине; жить на чужбине, быть вдали, или покидать свой дом.

3. Самую большую трудность вызывал в Древней Церкви и вызывает сегодня ст. 3. Трудность в комментировании и толковании этого стиха тесно связана с трудностью в текстологии. Анализ этого стиха показывает справедливость воззрений Рудольфа Буль-

мана, который усматривает в рассматриваемом отрывке непрямую полемику апостола Павла с эллинистической антропологией. Ранний гностицизм презирал тело. Гностицизм учил, что «обнаженное, освобожденное от тела Я восходит ввысь. Христианин, в отличие от гностика, не жаждет быть «раздетым». Наоборот, он желает быть «сверх-одетым» (ст. 4); он тоскует о небесном одеянии, “чтобы, если уж нам и предстоит быть раздетыми (то есть снявшими теперешнее тело), не оказаться нагими”» [Бульман, 2004, 69-70].

4. Христианин хочет избавиться и будет избавлен от «тела» в его земном состоянии. Но это не означает освобождение от соматического бытия вообще. Для библейски мыслящего апостола Павла было абсолютно непредставимо бестелесное существование человека, ибо *sōma* для него и есть человек в его объективной данности. Павел не видит себя бестелесной душой или духом, растворенным в чем-то божественном, но он томится в ожидании того дня, когда Бог даст ему взамен этого тленного и временного тела новое, духовное, нетленное и прославленное тело. Именно поэтому такое большое значение придается **телесному** воскресению, без которого «**проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша**» (1 Кор 15,14).

5. Для античного мира был характерен особый взгляд на одежду, которая понималась как символ внутреннего содержания человека, качества его жизни. Переоблачение всегда символизировало существенное изменение в жизни. Говоря о том, что «мы не будем нагими» (ст. 3), апостол Павел мог иметь в виду возвращение спасенному человеку облачения в некогда утраченную Адамом **славу Божию**, то есть возвращение в его жизнь присутствия Бога.

Литература:

Бульман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I—II. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

ANTHROPOLOGICAL METAPHORS IN 2 COR. 5:1-10

Archimandrite Iannuary Ivliev, Prof. Dr. theol., St. Petersburg Orth. Theol. Academy (Russia)

The article deals primarily the metaphors of “naked” and “clothed” in 2 Cor. 5:3. This Verse is the most controversial in exegesis and hermeneutics. Philological and logical analysis shows the correctness of the concept of Rudolf Bultmann, who argued that in this Verse we have an example of discussion of the Pauline anthropology with Hellenistic anthropological dualism. A possible connection of Paul's thought with the Jewish tradition of the glory of God as human clothes before the fall of Adam is assumed. This garment is given back to man in his eschatological state of salvation.

А. Г. Маштакова, магистр лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет

САЛИМ И ИЕРУСАЛИМ: ТРАДИЦИЯ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ.

Мелхиседек упоминается в Ветхом Завет как царь Салима (Быт. 14:18-20). Как правило, Салим понимается как топоним и отождествляется с Иерусалимом.

Впервые эта интерпретация дана в кумранском апокрифе на книгу Бытия, который датируется концом I в. до н. э. или началом I в. н. э., затем в сочинениях «О Иудейской войне» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия. Эти памятники не дают никакого объяснения отождествления Салима с Иерусалимом и, очевидно, опираются на существующую традицию.

Однако существуют свидетельства вероятной локализации Салима на север от Иерусалима, вблизи Сихема. Об этом говорят библейский текст (Быт. 33:18) и внебиблейские источники. Интерес представляют два фрагмента, ошибочно приписываемых Евполему, иудейскому историку II в. до н. э. Автор строит рассказ в соответствии с идеалами эллинистического мира, объединяя библейскую традицию с вавилонскими и греческими источниками. Здесь Мелхиседек назван царем и священником храма Аргаризин. Упоминание горы Гаризим и отчетливо эллинистические взгляды автора свидетельствуют о самаритянском происхождении этого свидетельства.

Храм на горе Гаризим был построен вскоре после завоевания Иудеи Александром Македонским. Приписывание основания храма Мелхиседеку является иерологией, она придает храму не только и не столько древность, сколько легитимность. Известно, что со смертью Онии III (171 до н. э.) в Иерусалиме была прервана легитимная линия цадокидского священства. Воспользовавшись этим обстоятельством, самаритяне начали выдвигать претензии на легитимность своего храма и представлять себя как единственных наследников культа и священства, для чего и была привлечена фигура Мелхиседека.

Но в иудейской среде также возникла необходимость закрепить связь Мелхиседека с Иерусалимом. Начиная с 140 г. до н. э., когда к власти пришел Симон Маккавей, авторитет Мелхиседека использовался хасмонейской династией для оправдания притязаний на соединение царской и священнической функций и подтверждения легитимности Иерусалимского храма после его осквернения Антиохом IV Епифаном.

Можно сделать вывод, что традиция отождествления Салима с Иерусалимом окончательно складывается во II в. до н. э. в ходе споров между иудеями и самаритянами о легитимности храмов в Иерусалиме и на горе Гаризим. После разрушения самаритянского

храма Иоанном Гирканом в 129 г. до н. э. споры теряют смысл, а представление об идентичности Салима с Иерусалимом становится преобладающим.

Причинами этого, таким образом, стали следующие факторы: (1) Модель имени Мелхиседека позволяла связать этого ветхозаветного патриарха с Адоницедеком и с Цадоком, а соответственно цадокитским (иерусалимским) священством. (2) Упадок Самарии и разрушение храма на горе Гаризим. (3) Широкое распространение сочинений Иосифа Флавия в христианском мире. Последний аргумент имеет немаловажное значение, поскольку местная северная традиция продолжала существовать и даже мигрировала еще севернее на гору Фавор, о чем свидетельствуют средневековые описания путешествий на Святую Землю и топонимика. Например, город, носящий сегодня название Салим, находится в 6 км от Наблуса (Сихема).

SALEM AND JERUSALEM: THE TRADITION OF THE IDENTIFICATION.

Melchizedek is mentioned only twice in the Old Testament. Gen. 14:18 identifies him as the king of Salem. The Christian and early Jewish traditions show that “Salem” was another name for the city of Jerusalem. However there are some sources that clearly indicate the connection of the Melchizedek tradition with Sichem. The most important texts are two Samaritan fragments attributed to Pseudo-Eupolem. In our paper we try to clarify the development of the Melchizedek tradition in the light of the polemic between Samaritans and Jews.

Е. Н. Мещерская, д. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ПРЕНИЯ «НЕВЕРУЮЩИХ» И «ЛЮБЯЩИХ ХРИСТА» В СИРИЙСКОМ АПОКРИФЕ «ИСХОД МАРИИ»

Сирийский апокриф «Исход Марии» представлен несколькими типами текстов, имеющихся в большом количестве рукописей, но лишь частично опубликованных [Smith Lewis, 1902]. Мы объединяем все эти тексты под одним названием «Исход Марии», поскольку, по нашему мнению, все они представляют собой версии одного и того же повествования, рассказывающего о последних днях земной жизни Богородицы, о ее смерти и погребении, о взятии ее со славою на небеса.

Мы представили систему доказательств, подтверждающих, что «Исход Марии» — это часть широкой апологетической программы патриарха Нестория и его сторонников. Сочинение было написано между 431 и 451 гг. и должно было выразить благочестивое отношение к Деве Марии самого Нестория и его окружения и предложить реальные дей-

ствия по установлению ее культа и выработке ритуала ее достойного почитания. [Мещерская, 2011]

Но помимо этой основной темы, в сочинении «Исход Марии» есть еще одна не менее важная тема, посвященная описанию отношений между иудеями и христианами в Палестине. Для ее раскрытия автор повествования привлекает ряд сюжетов, имеющих параллели в других произведениях раннехристианской литературы. Это обстоятельство превращает сочинение «Исход Марии» в сложный компилятивный текст, источники которого требуют выявления и выяснения того, каким образом уже известный сюжет препарируется и видоизменяется автором нашего апокрифа. Особенно важно включение в «Исход Марии» легенды о переписке царя Авгара с императором Тиберием и рассказа о попытке иерусалимского правителя — игемона обрести реликвии, связанные с распятием Христа. Включение в «Исход Марии» этих повествований возводит антииудейскую направленность апокрифа на качественно новый уровень, поскольку согласно им, преследование иудеев рассматривается как государственная необходимость и осуществляется лицами, обладающими властными полномочиями. Такие повествования могли сложиться только тогда, когда христианство получило статус государственной религии Византийской империи, а крест стал не только христианским, но и имперским символом, т. е. не ранее конца IV в.

В докладе устанавливаются возможные источники рассказа о иерусалимском игемоне — «Учение Аддая—апостола», сирийский апокрифическое произведение конца IV — начала V вв. и апокрифический цикл рассказов «Смерть Моисея». Дается сопоставительный анализ фрагмента из «Исхода Марии» с текстом средневекового мидраша на древнееврейском языке «Смерть Моисея» [Jellinek, 1967] и отрывком из произведения отца Церкви Пв. Климента Александрийского «Строматы» [Clem. Strom. 6.15.132:2 — 3], в котором он пересказывает известный ему на греческом языке, но ныне утраченный, апокриф «Смерть Моисея».

Выявленные сюжетные, смысловые и образные параллели являются доказательством того, что «Исход Марии», как и вообще литературная традиция рассказов об Успении Богородицы, оформился под влиянием разноязычных версий легенд об исходе из Египта и Моисее, а сам праздник Успения рассматривался прообразовательно как третья или «Богородичная Пасха».

«Исход Марии», один из первых в христианской литературе текстов, когда образ Богородицы используется в противостоянии иудаизму. Позднее, когда фигура Богородицы превратится в такой же символ христианской империи, как и крест, и она станет рассмат-

риваться как защитница государства, ее использование в антииудейской полемике станет общим местом средневековой христианской литературы.

Литература:

Jellinek A. Bet ha—Midrasch. Bd. I. 3 Aufl. Jerusalem: Wahrman books. 1967. S. 71 —78.

Smith Lewis A. Apocrypha syriaca: the Protevangelium Jacobi and Transitus Mariae. // *Studia Sinaitica.* No XI. London: C. J. Clay & Sons. 1902. P. b — qyh (сир. текст).

Мещерская Е. Н. Времена года и богородичные праздники в сирийском апокрифе «Исход Марии» // Библиистика. Славистика. Русистика. СПб.: Филологический ф—т СПбГУ. 2011. С. 168 — 186.

The Debate «unbelievers» and «lovers of the Messiah» in the Syriac Apocrypha «Transitus Mariae»

E. N. Mescherskaya, Dr., University of St Petersburg (Russia)

The report identifies possible sources of the story about the debate of the Jews and Christians in Jerusalem from the Syriac Apocrypha «Transitus Mariae», which dates, in our opinion, between 431 and 451 y. We give a comparative analysis of «Transitus Mariae» fragment with text of a mediaval midrash «The Death of Moses» and an excerpt from «Stromateis» Clement of Alexandria. Identified plot, semantic and figurative parallels are proof that «Transitus Mariae», as a general the early Christian Dormition tradition, formed under the influence of the different versions of the legends of the Exodus from Egypt and Moses. And the Feast of the Assumption was considered as the third or «Theotokos» Easter. «Transitus Mariae» is one of earliest Christian text, which the Virgin Mary's image for anti—Jewish polemic is used.

С. А. Овсянников, к. богослов., Протестантский Теологический университет (Нидерланды)

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ЛЕКЦИОНАРИЙ И ОСОБЕННОСТИ МИРОСЛАВОВА
ЕВАНГЕЛИЯ**

Классификация славянских апракосов (лекционариев Нового Завета) разработана Л. П. Жуковской [Жуковская, 1968]. При описании полного апракоса Жуковская предложила различать две группы, дав им названия по имени рукописей: Мстиславово ев. и Мирославово ев. (далее: Мир.).

Византийские греческие лекционарии принято делить на типы: Каппа, Альфа и Бета. Классификация основана на наличии или отсутствии чтений ев. от Марка на буднях в последние недели в циклах Матфея и Луки.

В какой степени эти две классификации лекционариев совпадают? Как они соотносятся?

На первый взгляд Мир. совпадает с типом Альфа, ибо цикл чтений Матфея в Мир. по парадигме совпадает с Альфа. Однако в последующем цикле чтений из Луки перикопа Мир. отличаются от византийского лекционария. В лекционариях типа Альфа не должно быть будних чтений в цикле Луки после 11-й недели. В лекционариях типа Бета будние чтения после 11-й недели есть, но их нет в цикле Матфея, в отличие от типа Альфа. В типе Каппа будние чтения из Марка начинаются позже. Т. о., Мир. не соответствует ни одному из указанных типов. Особенность этой рукописи в том, что цикл Луки начинается парадигматически как Альфа, но с 12-й недели переходит на парадигму Каппы. Следовательно, Мир., соединяя особенности Альфы и Каппы, представляет иной тип лекционария, чем известные в греческой письменности.

Можно допустить, что Мир. представляет переходный тип от Альфы к Каппа. Вначале писец использовал один греческий оригинал (более древний?), затем перешел на иной более поздний образец. Наличие такой “двойственной” лекционарной системы может объяснять отсутствие лекционариев типа Бета среди славянских апракосов. Вероятно, отсутствие чтений на буднях воспринималось как нечто недолжное, и составитель искал способа восполнить нехватку чтений на буднях в цикле Луки.

Существуют сложности в выявлении и описании лекционарной таблицы Мир., ибо многие чтения, особенно цикла Луки, не приводятся полностью, но заменяются отсылкой на другую дату, так что вместо ожидаемого Луки может находиться, например, Матфей. Чем вызваны такие отсылки? Обратив внимание на Аммониеву главу, на которую дана отсылка, легко установить, что перикопа из Луки указана точно, тогда как отсылка имеет в виду параллельное синоптическое чтение из другого Евангелия. Например, чтения 13-го воскресения Луки в рукописи нет, но дано указание: “глава 218; ищи в неделе (воскресение) 12 от Матфея”. В 12-ое воскресенье цикла Матфея стоит чтение из Матфея 19, 16—26, тогда как глава 218 действительно относится к Луке. Согласно 2-му канону Евсевия, Луки 218 = Матфея 193, а это и есть Мф 19, 16 и далее.

Еще одно трудное место рукописи это чтения 11-й и 12-й недель Луки. В византийских лекционариях типа Альфа и Бета здесь, в 11-ю неделю, заканчиваются чтения Луки по будням, и в типе Бета начинаются чтения Марка. В Мир. чтения 12-й недели полностью повторяют чтения предыдущей 11-й недели. Таким образом составитель (или переписчик) апракоса “выравнивает” чтения, которые в типе Альфа ушли немного вперед, и подгоняет их под тип Каппа. В рукописи полностью даны чтения среды 11-й и 12-й недель, но с разночтениями. Возможно, в этом месте и произведена стыковка двух протографов.

Литература:

Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. // *Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология.* М., 1968, с. 199-332.

The Byzantine Lectionary and Features of the Miroslav Gospel

S. A. Ovsianikov

A classification of the Byzantine lectionaries is based on the presence or absence the readings from the gospel of Mark in the Lucan and the Matthean periods. The Miroslav gospel gives a combination of two different types of the lectionary — Alpha and Kappa. It follows the Alpha paradigm in the Matthean period and partly in the Lucan. But then the paradigm shifts to the Kappa type. Probably this two-fold type was created in Slavonic land in XI—XII century as a transitional type of the liturgical gospel. It may explain the absence of the Beta type among the Slavonic lectionaries (aparakos).

Е. В.Сергеева, д. филол. н., РГПУ им. А. И.Герцена (Россия)

ИМЯ БОЖИЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

The paper is devoted to the analysis of the God’s names at the Russian poetical texts.

Художник слова воплощает сущность языка, и употребление/неупотребление в его текстах каких-либо лексических единиц и особенности этого употребления многое говорят не только о ХКМ автора, но и о ЯКМ.

Предмет рассмотрения — одиночные лексемы и словосочетания, номинирующие Бога в произведениях русской поэзии 19-20 вв. Материал — тексты наиболее известных

поэтов (В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Тютчева, В. Соловьева, В. и Г. Иванова, Андрея Белого, А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой и И. Бродского), в которых употребляется имя Божие.

В русской поэзии 19-20 вв. употребляются не только все типичные для русского языка номинации Бога, но и некоторые другие общеязыковые и собственно церковные имена Божьи (Бог, Творец, Создатель, Господь, Зиждитель, Всевышний, Всесильный, Судия, Провидение, Дух, Царь, Иегова, Божество, Превечный, Христос, Иисус Христос, Спаситель, Спаситель-Христос, Спаситель-бог, Искупитель, Назарей), а также словосочетания, воспроизводящие общеязыковые номинации или построенные на варьировании их компонентов, такие как владыка дней моих, Бог сил, Царь Царей, Царь небесный, Царь Всевышний (Всевышний Царь), Верховный Промыслитель, Сын Человеческий, Вечный Судия, справедливый Судия, всесильный Бог, всевышний Бог.

Среди перечисленных имен наиболее употребительны те же, что и в русском языке в целом: Бог (самое частотное), Творец, Господь, Иисус (или Иисус Христос, Христос), которые были отмечены у всех без исключения рассмотренных авторов. Намного менее употребительны, хотя выделены у нескольких поэтов, лексемы Отец, Иегова, Всевышний, Божество. Несколько употреблений — лексемы Царь, Судия, Создатель, Спаситель, Дух и словосочетания Сын Человеческий и Царь небесный. Большинство остальных номинаций единичны.

Лексема Творец употребляется не только тогда, когда надо подчеркнуть, что называется создатель мира, но и как имя, в котором данная сема не актуализируется, напр.: *И нет в творении Творца!* (Тютчев), *Творца, друзей, любовь и счастье воспевать!* (Жуковский). Имя Иегова употребляется прежде всего когда речь идет о библейских реалиях, напр.: *Завтра с запада встанет солнце, С Иеговой порвет Давид* (Цветаева). Не менее важно для русской поэзии другое имя — Иисус Христос. Однако следует отметить интересный факт, что имя Бога-Сына почти не упоминается у авторов 19 в., зато весьма часто в текстах поэтов 20 в., напр.: *Говорит с душой Христос* (В. Иванов).

Для многих рассмотренных авторов характерно употребление имени Божия, состоящего из словосочетания, и прежде всего словосочетания структуры «существительное+прилагательное», в составе которого используются узуальные номинации Бога, напр.: *Царь всевышний* (Жуковский), *Вечный Творец, Всевышний Царь* (Пушкин), *Вечный Судия, Всесильный Бог, Всевышний Бог, Великий Бог* (Лермонтов), *Верховный промыслитель* (Тютчев), *Бессмертный Бог* (Соловьев), *Справедливый Судия* (А. Белый), *Небесный отче* (В. Иванов), *Небесный Отец, Вечный Отец, Властитель Творец, Всепобедный Христос,*

Строгий Отец, Тихий Господи (Блок). Часто подобные наименования отражают специфический авторский взгляд на высшее существо/сущность.

В поэзии 19 и особенно 20 в. нередки также индивидуально-авторские номинации, построенные прежде всего либо на основе узуального наименования, либо на основе перифразы: *Тот, кто слышит пролитую кровь* (Тютчев), *С-нами-бог* (Соловьев), *Строгий Отец, Судеб Вершитель роковой, Иной Жених* (Блок), *Сеятель, Отец Любви, Бог духа, Хозяин, Зодчий* (В. Иванов).

Фионин М. В. , магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭПИЗОДОВ «ИСПОВЕДАНИЕ ПЕТРА» (Мк: 8:27-30 и Ин. 6: 67-71) В ЕВАНГЕЛИЯХ ОТ МАРКА И ОТ ИОАННА

В статье мы проведен сопоставительный анализ эпизодов «Исповедания Петра» в Евангелиях от Марка и от Иоанна.

В ходе анализа выявлены следующие сходства и различия в рассматриваемых эпизодах.

Сходства: Слова Петра, выраженные предложениями одинаковой грамматической конструкции, где смысловая часть составного именного сказуемого различна: *su. ei= o` cristo, j* «ты — Христос» (Мк. 8:29) и *su. ei= o` a[gioj tou/ qeou/* «ты — Святой Божий» (Ин. 6:69). Лексема «Христос» и сочетание слов «Святой Божий» являются терминами, характеризующими Мессию. Евангелист Марк использует слово *o` cristo, j*, являющееся переводом древнееврейской и арамейской лексемы *ח; yvim'* «помазанник» на греческий. Первоначально слово «помазанник» относилось к царю или первосвященнику, например, так говорится о царе в 1Цар. 2:10; 2:35, а также во многих других местах текстов Ветхого Завета. Позднее многие из этих мест были истолкованы в мессианском смысле.

Сочетание слов «Святой Божий» также встречается в книгах Ветхого Завета (Суд. 13:7; 16:7 о Самсоне и Пс. 106:16 в отношении Аарона), в этих контекстах оно означает человека, посвященного на служение Богу.

Кроме того в корпусе книг пророка Исаии встречается близкое выражение «Святой Израилев» (Ис. 41:14; 41:20 и др.). Оно употребляется в отношении Бога.

И «Христос» и «Святой Божий» имеют мессианскую коннотацию, отличие же заключается в том, что «Святой Божий» подчеркивает аспект служения.

Различия: У рассказа об исповедании Петра в Евангелиях от Марка и Иоанна разные богословские контексты.

«Исповедание Петра» в Евангелии от Иоанна находится в контексте описания негативной реакции части последователей на проповедь Иисуса. Если у Марка Христос задает вопрос «кем вы меня считаете?» (Мк.8:29) с целью услышать, понимают ли ближайшие ученики суть его миссии, то у Иоанна «исповедание» стало следствием иного вопроса двенадцати: *mh. kai. u`mei/j qe,lete u`pa,geinÈ* «...не хотите ли и вы уйти?» (Ин.6:67).

В результате анализа делается следующий вывод: отмеченные различия показывают, что нет оснований говорить о заимствованиях материала евангелиста Марка Иоанном. Можно предположить, однако, что оба автора были знакомы с общим устным преданием, которое затем было по-разному зафиксировано в тексте их евангелий согласно богословской идее каждого.

The Comparative Analysis of the Episodes Containing Peter's Testimony in Mark and John (Mark 8: 27-30 and John 6: 67-71)

There is a similarity between the narratives describing Peter's testimony of Jesus in the Gospels of Mark and John. In both gospels, Peter describes Jesus in Messianic language: "the Christ" (Mark 8:29) and "the Holy One of God" (John 6:69). Mark and John, however, use the narratives in different theological contexts. Mark is interested in how the disciples understand the nature of Jesus' mission, whereas John employs the motif of the betrayal of the disciples. The Evangelists also differ in the characterisation of Peter by Jesus. In Mark, Jesus explicitly calls Peter Satan. On the contrary, Jesus greatly appreciates Peter's testimony in John.

The comparison showed that both Mark and John differently used the material of the same tradition with no traces of outright borrowing from each other.

М. В. Яценко, к. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Россия)

БИБЛЕЙСКИЕ ЛОКУСЫ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПАРАФРАЗЕ «ИСХОД»

Древнеанглийская поэтическая парафраза книги Исход представляет собой один из наиболее ранних опытов осмысления Библии в Древней Англии (VIII—IX в.). Созданные еще до появления полного перевода Библии на древнеанглийский язык поэтические переложения («Генезис», «Исход», «Даниил» и др.), облеченные в форму германской эпической поэзии, служили пропаганде христианства.

Анализ обозначений пространства (локусов) в поэме позволяет проследить особенности «принятия» библейских реалий в англосаксонской культуре, где природа никогда не становится целью изображения, но только вспомогательным средством [Neville, 1999, 18]. В поэме «Исход» появляются следующие основные библейские локусы: 1) отправная точка исхода — Египет; 2) его цель — земля обетованная; 3) пустыня; 4) море; 5) гора Сион.

1) При описании истории исхода поэт ни разу не использует топонимы для обозначения Египта. Слово *Egypte* появляется в роли прилагательного и лишь в составе этнонима (египтяне). Само описание жизни в Египте представляет собой последовательное развертывание темы смерти, гибели [Exodus, 1953, 45—46]. Это способствует восприятию Египта как средоточия страданий, греха, а не конкретной географической реалии.

2) Земля обетованная в поэме получает наименование одаля, наследственного земельного надела. В качестве локуса она обозначается с помощью заимствованного библейского топонима — *land Cananea*. Сначала она описывается как географическая реалья, которая находится «меж двух морей» [Exodus, 1953, 61], а затем — как награда, которую получают израильтяне за удачное сражение («Нам [в земле] ханаанеев/ [Он] подарил// град и сокровища,/ обширное царство//») [Exodus, 1953, 64]).

3) Обозначения пустыни соотносят ее отчасти с англосаксонским пейзажем, чему способствует появление корней *mor-* («торфянистая местность») и *hæð-* («вересковая пустошь»). Кроме того, путь по пустыне ассоциируется со страхом и опасностью, которая «персонифицируется» с появлением слов *westengryre* («ужас пустыни») или *hæðbroga* («страх вересковой пустоши») [Exodus, 1953, 48], выступающих в функции деятеля в предложении. Вероятно, эти композиты могли означать демонов, злых духов пустыни, что, в целом, свидетельствует о близком иудео-христианской традиции восприятия пустыни как места испытаний для человеческой души.

4) Море в поэме становится участником событий, чему способствует появление мифологических коннотаций. При этом лишь однажды оно именуется через топоним Красное (*Readan Sæ*), а в дальнейшем его воды соотносятся с кровью [Exodus, 1953, 56].

5) Единственным наименованием горы в поэме, оказывается Сион, который соотносится сразу с местом жертвоприношения Авраама и с горой, на которой был воздвигнут иерусалимский храм, а также с горой, где были обретены заповеди, которые в древнеанглийской поэме получает не один Моисей, а весь израильской народ [Exodus, 1953, 59].

В целом, для поэмы характерно использование малого количества наименований локусов, что в какой-то мере лишает повествование фактографической точности, но сосредотачивает внимание на оценке событий.

Литература:

Exodus: Old English Exodus / Ed. E. V. Irving. New Haven, 1953. Текст поэмы приводится в переводе на русский язык автора статьи.

Neville J. Representation of Natural World in Old English Poetry. Cambridge Studies in Anglo-Saxon England, 27. Cam., 1999.

Biblical Loci in the Old English Poetic Paraphrase *Exodus*

Yatsenko M. V.

The thesis deals with the problem of interpretation of biblical place-names in the Old English poetic paraphrase of the book of Exodus. Being one of the first poetical interpretations of the Holy History in Britain it was intended for the propagation of Christianity and that's why used only a few place-names. The use of them showed both allegorical interpretation of the locus (e. g. Egypt) and tendency to extend the meaning of a place-name, for example, denoting several mountains when only one (Zion) is being named.

Грамматика (Романо-германский цикл)

К. В. Гудкова, канд. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА ПРЕДИКАТИВНЫХ АНГЛИЙСКИХ КОНВЕРСИВОВ КАК БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ

В лингвистике отсутствует единое мнение о месте конверсности среди лексико-семантических категорий языка. В словаре лингвистических терминов конверсия определяется как одно из двух противоположаемых свойств, составляющих данную категорию [Ахманова, 1969]. Конверсивы описывают противоположные свойства одной категории, или ситуации. Мы предлагаем рассматривать конверсивы как элементы бинарной оппозиции. Оппозиция всегда объединяет два различных объекта, связанных, однако, таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Элементы оппозиции (оппозиты) описывают одну ситуацию, но с разных точек зрения. Оппозиты противопоставлены друг другу и связаны друг с другом семантическим отношением противоположности.

По-нашему мнению, противоположные слова отражают свойство человеческого мышления поляризовать опыт, то есть выступают средством категоризации. М. В. Никитин отмечает, что дихотомия противоположностей выступает как «проявление

конструктивизации действительности сознанием, жесткого ее упорядочивания, укладывания в двузначную схему» [Никитин, 1996, 477].

Одним из классов слов, которые отражают противоположности реального мира, являются конверсивы. Семантическая противопоставленность конверсивов дает основание ряду исследователей рассматривать конверсность как разновидность антонимии [Новиков, 2001].

Существует и иной взгляд, согласно которому конверсивы — особый (наряду с антонимией и дополнительностью) вид семантической противоположности [Лайонз, 2010]. М. В. Никитин полагает, что конверсивность признаков лежит в основе семантической противоположности импликационного вида [Никитин, 1996].

Рассмотрим следующие пары: export — import, precede — follow. В оппозициях предложений с этими глаголами в предикативном центре второе предложение предполагает реализацию события, обозначенного первым членом оппозиции.

John precedes Bill — имплицирует Bill follows John.

Аналогично This country exports goods to many countries имплицирует Many countries import goods from this country. Конверсированное суждение называет то же самое отношение (имеет тот же самый денотат), что и исходное, но взятое в ином направлении.

Но если мы рассмотрим следующие пары: win — lose buy — sell borrow — lend learn — teach bequeath — inherit, give — take, то в этом случае второе предложение не обязательно предполагает реализацию события, обозначенного первым членом.

John gives sth. to Bill не имплицирует Bill takes sth. from John.

Но если указанные предикаты употреблены в формах перфекта или прошедшего простого, указанная импликация возникает.

John gave sth. to Bill имплицирует Bill took sth. from John.

Приведенные примеры показывают сложность семантических импликационных связей между конверсивами. Тем не менее общий семантический компонент этих связей это противопоставленность.

Применение принципа бинарных оппозиций позволит снять существующие проблемы разграничения антонимов и конверсивов, поскольку в таком случае и антонимы и конверсивы являются оппозитами, которые образуют бинарную оппозицию, репрезентирующую семантическую противоположность.

Литература:

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 608 с.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2010. 544с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.

Новиков Л. А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2001. — 672 с.

Аннотация

The article deals with the semantic representation of opposition in language and speech. Special attention is paid to the conversive pairs like ‘sell-buy’, ‘export-import’ that represent the same situation from the opposite angles. They are treated differently by linguists. Some consider them antonyms, others don’t include them in this class of words. We introduce the notion of binary opposition that enables us to treat both antonyms and conversives as opposites. Binary oppositions represent the semantic relation of oppositeness.

А. А. Масленникова, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), Осокина Н. Ю., канд. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ В СФЕРЕ ИМЕН ЛИЦ

Под интенциональным семантическим сдвигом понимается намеренное использование одной грамматической формы в функции другой с целью создания нового неграмматического смысла. Рассмотрим случаи интенционального семантического сдвига, связанного с **именами лиц**. Здесь можно выделить случаи интенционального семантического сдвига, основанные на переносе таких категорий как *градуальность* → *неградуальность*, *событийность* → *лицо*, *временной порядок* → *лицо*.

Показателем переноса *градуальность* → *неградуальность* является наречие степени *very* перед именем собственным, которое в норме не принимает его. Так, в примере ... *the way he stated it, so calmly, with such matter-of-fact way that I was discovering was very, very Sammy* — *well, it just sounded so strange* (L. Weisberger) использование наречия *very* с именем *Sammy* помогает имплицитно передать целый ряд признаков, присущих этому герою, создается положительная оценочность.

Интенциональный семантический сдвиг *событийность* → *лицо* можно проследить в использовании глагола *to happen* с именем лица, как в следующем примере из романа Р. Пилчер “Shellseekers” («Семейная реликвия»):

“*What about your wife?*” *Olivia asked.*

“*What about her?*”

“*When did she happen?*” (R. Pilcher).

Использование глагола *happen* в сочетании с местоимением *she* приводит к появлению новых неграмматических смыслов (передается и презрительное отношение Оливии к бывшей жене своего знакомого, и незначительность в ее глазах этого брака). Здесь реализуется отрицательная оценочность и имплицитруется значение завершенности, краткости действия.

Следующим видом интенционального семантического сдвига в сфере имен являются случаи переноса **временной порядок** — **предметность (имя лица)**:

When I was a young man — two wives ago, 250 000 cigarettes ago, 3000 quarts of booze ago (K. Vonnegut).

В достаточно распространенных конструкциях типа *Num N ago/ later* для выражения **временного порядка** используются существительные **предметной** семантики, возникающая при этом противопоставленность сфер **пространственности** и **темпоральности** является одним из главных источников семантического рассогласования. В данном случае перенос помогает передать иронизирование повествователя над временем, над отрезком прожитой жизни.

Рассмотренные виды интенционального семантического сдвига в сфере имен лиц способствуют передаче оценочности, экспрессивности, эмоциональности, темпоральных признаков, иронии и др. В основе механизма переноса лежит способность имен лиц выступать в качестве существительных событийной семантики.

Аннотация

The Intentional Semantic Shift is the property of a certain grammatical category to function as another grammatical category. The process results in new non-grammatical meanings. Thus, Names of Persons may assume new categorical meanings — graduality, temporality, development, and convey various kinds of modal shades of meaning.

**С. Т. Нефёдов, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОНТАЖА «ЧУЖОГО СЛОВА» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

В типичных случаях общения основная часть текста — это высказывания самого говорящего, но в базовый текст нередко включаются фрагменты речи других лиц. В результате происходит своего рода «монтаж» высказываний разных субъектов речи, благо-

даря которому имевшая место ранее коммуникативная ситуация накладывается на текущий процесс общения. Этот момент осложнения в коммуникативном взаимодействии субъекта речи с реальным / потенциальным адресатом весьма существенен для обеих сторон и маркируется целым спектром лексических и грамматических средств, набор которых в каждом языке обнаруживает идиоэтническую специфику и составляет его особую «грамматику» эвиденциальности.

В эвиденциальной функции в современном немецком языке используются все формы конъюнктива и индикатива, тогда как в русском возможен только индикатив. Указанная особенность современного немецкого языка создает основу для функциональной конкуренции конъюнктива и индикатива в эвиденциальных текстовых фрагментах, в том числе и масс-медийных, обладающих целым рядом специфических дискурсивно-прагматических характеристик [Добросклонская, 2005, 84-85]. Наблюдаемые в данном типе текстов языковые факты вступают в некоторый диссонанс с общеизвестными правилами оформления так называемой «непрямой, или косвенной речи» (*indirekte Rede*) в немецком языке. Эти правила зафиксированы в целом ряде авторитетных грамматик немецкого языка, например, в эталонной дуденовской «Грамматике» [Duden, 2009].

Подсчеты грамматических способов выражения предикатов эвиденциальных фрагментов формами глагольного наклонения в ста текстах новостных сообщений дали следующее соотношение конъюнктивных и индикативных форм: 56 % к 44 %. Неожиданно высокий процент индикатива в эвиденциальной функции вполне объясним как исходя из особенностей структуры немецкого языка, так и внешних прагматических факторов.

Специфически «немецкое» оформление реферирующих «чужую речь» фрагментов в форме синтаксически независимых предложенческих структур, использование эвиденциальных грамматикализованных конструкций *sollen / wollen + Infinitiv II / I*, применение модально-эпистемического маркера *angeblich*, предложно-субстантивных групп с девербативами, содержащих отсылку к источнику информации, стимулирует предпочтительный выбор индикатива. Кроме того, высокий процент индикатива в эвиденциальной функции (44 %) в текстах новостных сообщений из сферы политики, судебных разбирательств, театральной и светской жизни и т. д. имеет под собой и чисто прагматические основания. Реферируемая информация попадает в орбиту интересов актуального говорящего, использующего «чужое слово» в своих целях — целях беспристрастного освещения событий, очевидцем и регистратором которых он часто выступает сам. Индикатив в таком употреблении как бы наследует присущую ему исходно модальность объективности, непосредственной референции к обозначаемой «ситуации жизни». Все эти факторы содействуют вытеснению конъюнктива из его обжитой среды обитания.

Литература:

Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch / Hrsg. von der Dudenredaktion. 8., überarbeitete Auflage. Bd. 4. Mannheim; Zürich: Dudenverlag, 2009.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Аннотация

The report touches upon the functional rivalry of conjunctive and indicative predicate forms in the field of expression of the evidential meanings represented in German news texts. The displacement of the evidential conjunctive from this sphere is explained both on the assumption of the internal structure of the German language (working out special grammar constructions and lexical markers) and on the basis of external pragmatic factors (the intention of objective registration of events).

Е. С. Солнцева, аспирант, асс., Кафедра немецкой филологии СПбГУ (Россия)

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЖУРНАЛЬНОГО РЕПОРТАЖА

В докладе рассмотрены референциальные особенности немецкого журнального репортажа. Анализу подвергаются репортажи журналов “Der Spiegel”, “Focus”, “stern” за 2008-2012 г., 100 статей средним объемом 7-9 абзацев об актуальных для этого периода событиях, таких как война в Грузии, утечка информации на Wiki-Leaks, избрание Й. Гаука президентом Германии. Ряд статей посвящен новым именам и произведениям в литературе.

Исследованием репортажа занимались А. И. Акопов [Акопов, 1996], А. А. Тертычный [Тертычный, 2000], среди немецких ученых В. Шнайдер, П.-Й. Рауэ [Schneider, Raue, 1998], М. Халлер [Haller, 1993] и др.

В немецком журнальном репортаже в центре повествования часто оказывается определенная личность, в этом случае она упоминается множество раз на протяжении всего текста. Коррелятивные цепочки номинаций главного героя статьи формируют связность текста на локальном уровне.

Номинации и референции посвящены работы В. Г. Гака [Гак, 1977], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999], Б. Зандиг [Sandig, 2006], М. Штеде [Stede, 2007] и др.

По результатам проведенного исследования в 26 из 100 немецких журнальных репортажей различные способы номинации лица появляются в сильных позициях текста в следующем порядке:

Заголовок: образная/функц.

↓

Подзаголовок: полное имя (+ функц.)/функц.

↓

Первое предложение: полное имя (+функц.)/местоим.

↓

Последний абзац: полное имя/функц ≈ итог

Например:

Pippi reloaded

Mit brisanten Themen und einem schrillen Ermittlerduo wird der Schwede Stieg Larsson postum zum Star der Krimiszene

Wie eine düstere Prophezeiung liest sich die Passage im dritten Band von Stieg Larssons großer Thriller-Trilogie <...>

*Mit unerhörter Spannung entfaltet Larsson die Geschichte. **Die kleine Gangsterin** ist bei **ihm die Gute**, Polizei und Behörden durch und durch böse. Natürlich ist das überdreht, und wenn diese Geschichte eine Schwäche hat, dann die, dass sie irgendwann arg unwahrscheinlich wird. **Salander** legt zum Beispiel reihenweise 2-Meter-Killer aufs Kreuz. Aber gut, auch **Pippi** konnte Pferde stemmen — und mit Gangstern und Polizisten wurde **sie** spielend fertig. [Pippi reloaded. Focus, 22/2008]*

Репортаж посвящен трилогии Стига Ларсона. В начале используются номинации самого писателя: в подзаголовке упоминается его национальность (*der Schwede Stieg Larsson*) и приводится экспрессивная характеристика (*Star der Krimiszene*), а в первом предложении повторяется его имя.

В заглавии обыгрывается сравнение Саландер, героини С. Ларсона, с Пиппи, героиней романа А. Линдгрэн, (*Pippi reloaded*). Номинация “Pippi” служит как для обозначения одной девушки, так и для обозначения другой, и это объединение достигает определенной кульминации в последнем предложении статьи: *Aber gut, auch Pippi konnte Pferde stemmen — und mit Gangstern und Polizisten wurde sie spielend fertig*. При этом номинация “sie” может быть воспринята читателем и как соотносимая с самой Пиппи, и как соотносимая с Саландер, что, несомненно, делает повествование экспрессивным. Кроме того, подобное сопоставление осуществляется непосредственно автором репортажа и может рассматриваться как элемент субъективности в данном типе текста.

Функцией различных номинаций лица в немецком журнальном репортаже является предоставление читателю дополнительной информации о персонаже, его характеристика, введение авторской оценки или избежание повторов. Местоименные номинации лица могут использоваться как средство экспрессии в начале статьи.

Литература:

Haller M. Die Reportage. UVK, 1993. 332 S.

Sandig B. Textlinguistik des Deutschen. Berlin, 2006. 584 S.

Schneider W., Raue P.-J. Das neue Handbuch des Journalismus. Reinbek bei Hamburg, 1998. 400 S.

Stede M. Korpusgestützte Textanalyse. Grundzüge der Ebenen-orientierten Textlinguistik. Tübingen, 2007. 253 S.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1977. 768 с.

Акопов А. И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья. 1996. // Электр. б-ка Единое окно доступа к образоват. ресурсам. URL: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=51184

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. 2000. // Электр. б-ка Эвартист. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm>

Solntseva Elena

“Referential Characteristics of German Magazine Report”

Abstract: The analysis of the main referential characteristics is based on 100 reports from the issues “Der Spiegel”, “Focus”, “stern” 2008-2012. The investigation touches upon different types of person nomination and its coreferential chains within the text.

В. А. Спиридонова, асп., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ЭЛЕКТРОННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОММЕНТАРИЯ

Электронный англоязычный комментарий находится на пересечении интересов таких дисциплин как лингвистика текста, прагмалингвистика, социолингвистика, психолингвистика, и «лингвистика интернета» [Crystal, 2011] и характеризуется рядом функци-

онально-семантических особенностей и сложной мозаичной структурой, ранее не изучавшейся.

Феномен «электронного комментария» рассматривается как *тип метатекста* (в понимании Женетт — «комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст» [Женетт, 1982, 213]), *который представляет собой вербально выраженную реакцию реципиента на «текст-стимул».*

«Электронный комментарий» представлен последовательно в виде «свитка» в хронологическом или обратном хронологическом порядке, а также в виде выборки наиболее популярных комментариев.

Уровни взаимодействия «текста-стимула» и текста комментария:

1. **структурный** — (внешняя структура) графическое смещение текста вправо, обусловленное особым способом репрезентации на электронной странице;

2. **структурно-процедурный** (внутренняя структура):

- **информационный:** эксплицитное сообщение «автора» о прочтении статьи и предыдущих комментариев; наличие ключевых слов, сопровождающихся деиктическими элементами в комментирующем тексте. Например, “The article and most of the comments ignore that”; “*this* whole **debate**”;

- **прагматический:**

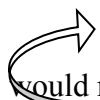
- утверждение-подтверждение (пропоненты). Например,

 J: “Well said. I am a bit tired of beating war drums

 Y: “The best strategic weapon would be the development of the alternative fuels that would render Middle East Oil of little economic value”;

- утверждение-опровержение (оппоненты). Например, “Come on! Let’s be realistic about this”;

- утверждение-дискуссия. Например,

 Y: “The best strategic weapon would be the development of the alternative fuels that would render Middle East Oil of little economic value”

T: “I agree with you in theory, but not in practice”.

На основании коммуникативной интенции «автора» электронного комментария, можно выделить следующие подтипы:

- **аксиологический** — эмоционально-оценочная реакция реципиента. Например, “This is a journalistic malfeasance of the highest order”;

- **каузативный** — сообщения-реакции, характеризующиеся причинно-следственными связями между «текстом-стимулом» и самой реакцией. Например, “If Iran

is destroyed or become uninhabited because of pollutions done in Iraq then it would be an additional benefit”;

- *прескриптивный* — описания путей решения проблемы, затронутой в «тексте-стимуле». Например, “Send Cantor and the others who want to be just like real patriots, instead of our troops”;

- *апелляционный* — прямое обращение к какой-либо политической фигуре. Например, “Mr. President, I would ask you to continue using sanction and dialogue in dealing with Iran. Thank you. Peace.”

Итак, электронный англоязычный комментарий впервые выделяется из континуума мини-текстов и рассматривается как самостоятельная процедурная модель речи. Дискретный характер данного типа текстов позволяет проследить информационную структуру каждого из комментариев и выделить модели распределения семантико-синтаксических и логико-семантических элементов, а также определить основные уровни взаимодействия «текста-стимула» и комментария.

Литература:

Crystal David, *Internet linguistics*. — London, 2011. — 179 pp.

Женетт Ж. Палимпсесты: Литературное и чужое. Текст. / Ж. Женетт. — Париж, 1982. — 476 С.

The New York Times URL: <http://www.nytimes.com/2012/03/19/world/pro-israel-groups-differing-approaches-on-iran.html> (Eng) 19.03.2012

Аннотация

Abstract. The electronic comment has evolved as an issue of globalization in the sphere of Mass Media and cultural integration on the ground of Internet development. This phenomenon appears as a selection of mini-texts, each of which represents a recipient’s verbal reaction to the information received either from the news articles or from the previous comments. In this article, we address the problem of electronic comment’s definition, globally and narrowly speaking, and describe its interior and exterior structure. (Evidence from www.nytimes.com “Hawks Steering Debate on How to Take On Iran”)

С. А. Васильевский, магистр лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТАТИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА В АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Статистический метод — это универсальный способ научного познания. Лингвостатистический анализ текстов стоит на стыке языкознания, математики и статистики.

Штерн пишет, что статистика изучает варьирующий признак, а признак существует постольку, поскольку существуют его градации ... Лингвистические признаки могут быть количественными и качественными. Так, количественными являются длина предложения, измеренная в словах, число морфем в слове, высота основного тона и др. [Штерн 1996]. Количественный признак может быть измерен в условных единицах (Гц, децибелах) или в дискретных единицах, «штуках». К качественным признакам относятся, например, залог (актив, пассив), ударность/ безударность, буква (для русского языка — 32) и т. д. Качественные признаки измерить нельзя, можно исследовать только частоту встречаемости градаций этих признаков.

И. А. Носенко отмечает, что трудности лексикостатистических изысканий способствует проблема выбора единицы: «если учитывать лексемы, получится один результат, при учете словоформ — другой. За единицу можно принимать графическое «слово», т. е. цепочку знаков от пробела до пробела. Но такое простое решение этого вопроса не всегда приемлемо»⁶.

Анализ размера предложения, которым активно занимались В. Г. Адмони, Г. А. Лескис, Г. Н. Акимова, Т. М. Веселовская, А. Т. Давлетьярова, Т. И. Вакурова, относится к изучению количественных признаков. Хотя исследователи нередко обращают внимание на характер распределений предложений разных длин и даже рисуют графы этих распределений, фокусом анализа остается средняя количественная характеристика текста или стиля в целом.

Другую картину мы наблюдаем при статистическом анализе качественных признаков. Так, Ю. Н. Орлов и К. П. Осминин исследовали характер распределения букв и буквосочетаний и пришли к выводу, что произведения одного автора обладают схожим характером распределений [Орлов, Осминин 2012]. Орлову и Осминину удалось выдвинуть

---

⁶ Носенко И.А. *Начала статистики для лингвистов*, М., 1981

смелые гипотезы, подтверждающие авторство «Тихого Дона», многих пьес Шекспира, Кристофера Марло. Они сделали предположения о том, кем какие главы писались в авторских тандемах, таких как Ильф и Петров, братья Стругацкие, Н. Перумов и С. Лукьяненко. Исследователи указали на необходимость учитывать ряд факторов, таких как автор, пол, жанр и историческая эпоха.

Литература

1. Адмони В. Г. *Размер предложения и словосочетания как явления синтаксического строя*// ВЯ 1966 №4
2. Акимова Г. Н. *Размер предложения как фактор стилистики и грамматики*// ВЯ 1973 №2
3. Вакурова Т. И. *Размер предложения в поэзии и прозе М. Ю. Лермонтова: автореф. дисс. канд. фил. н., СПб, 2011*
4. Веселовская Т. М. *Размер предложения как фактор грамматики и стилистики: автореф. дисс. канд. фил. н., Л. 1987*
5. Давлетьярова А. Т. *Особенности синтаксиса предложения в прозе русского постмодернизма: автореф. дисс. канд. фил. н., СПб, 2007*
6. Лесскис Г. А. *О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста*// ВЯ 1964, №3
7. Носенко И. А. *Начала статистики для лингвистов*, М., 1981
8. Орлов Ю. Н., Осминин К. П. *Методы статистического анализа литературных текстов*, М., 2012
9. Штерн А. С. *Статистическая обработка экспериментальных знаний*//Прикладное языкознание, СПб, 1996

Summary

Different ways of implementing the statistical method in analyzing fiction are being discussed in the report. It is important to distinct quantitative and qualitative parameters. The former are studied by lexicostatistics and the length of the sentence analyses. The latter include letter distribution studies etc. The report is based on the research by Golovin, Nosenko, Admoni, Akimova, Orlov and other scholars.

С. В. Вяткина, к. филол. н., СПбГУ (Россия)

УСТНО-ПИСЬМЕННЫЙ НАРРАТИВ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Современный литературный процесс отличает поиск новых форм нарратива, имеющих «общие особенности независимо от того, сообщаются ли они в монологах или диалогах, в литературных или обычных историях, устных или письменных текстах» [Брокмейер, Харре, 2000, 30]. Высокая степень дискретности [Бабенко, 2007, 47] сближает современный художественный текст с устным монологом, не обладающим логическим стержнем, четким делением на композиционные блоки, характеризующимся преобладанием ассоциативных связей [Сиротинина, 2009].

Произведение Д. Гранина «Все было не совсем так», например, не имеет четкого жанрового определения, не укладывается в рамки классификации романа с развивающимся во времени сюжетом. Повествование оформлено в 3-х частях книги в виде глав, представляющих набор разных по объему и тематике отрывков, разграниченных двойным отступом и тремя звездочками, с постоянным переключением с биографических эпизодов (оформленных то как биографический нарратив, то как дневниковые записи) на информацию исторического, политического, философского толка, вставкой фрагментов-реплик неизвестных лиц. В соответствии с типологией нарративов сюжет Д. Гранина относится к сложным, эпическим — состоит из не связанных тесно между собой эпизодов [Prince G., 1988]. Графический прием членения текста сочетается с максимальной слитностью разновременных планов в рамках одной главы. Синтаксис отличается предельной коллоквиализацией: ассоциативная связь между фрагментами, преобладают короткие предложения, эллипсис, частотны парцелляция («Хрущев нас, писателей, ошеломил. Но и обрадовал. Он с нами стал говорить. Часто, много. Откровенничал.» [Гранин, 2010, 497]) и вопросоответные конструкции. Текст предстает то как автодиалог, то как «односторонний диалог» [Николина, 2009, 244]. Данная манера повествования может быть определена как устно-письменный нарратив, отличающийся стилизацией устной речи, устными жанрами (анекдот), сказовой манерой, эллиптичностью повествования, предполагающей общую с адресатом культурную память [Пярли, 2006, 435]. Деструкция повествования-рассказывания жизни во всей ее калейдоскопичности подчинена одной идее: «Распахнуть душу, да так, чтобы не преувеличить, ничего не замолчать, передать свой ужас, свою глупость, свой стыд, ничего не утаивая...» [Гранин, 2010, 261].

Выявленные особенности текста Д. Гранина иллюстрируют идею Р. Барта: «поиски не-стиля, устного стиля, нулевой или разговорной степени письма оказываются, в сущности, попыткой предвосхитить такое состояние общества, которое отличалось бы абсолют-

ной однородностью» [Барт, 1983, 348.].

Литература

Prince G. A Dictionary of Narratology. Great Britain: Scolar Press. 1988.

Бабенко Н. Г. Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб., 2007.

Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 306-349.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29-42.

Гранин Д. Все было не совсем так. М., 2010.

Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М., 2009.

Пяли Ю. Устно-письменный нарратив: парадоксальный «Наш Ленин» // История и повествование. М., 2006. С. 433—445.

Сиротинина О. Б. Средства организации текста // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика. М., 2009. С. 302-308.

Vyatkina S. V.

ORAL-WRITTEN NARRATIVE IN MODERN FICTION

The aim of this paper is to describe syntactical features of Russian modern fictional narration. Text discontinuity, politemporal structures, conversational in nature manner of narration (associative phrase relationship, ellipsis, questions and author's appeals) make possible to define such manner as oral-written narrative.

Е. С. Зорина, к. филол. н., СПбГУ (Россия)

СУБЪЕКТ ПОВЕСТВОВАНИЯ И АВТОР В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Сегодня сформировался целый ряд подходов к изучению проблемы автора и субъекта в тексте. Общим для двух «ведущих» концепций В. В. Виноградова [Виноградов, 1936] и М. М. Бахтина [Бахтин, 2000] является понимание автора как явление эстетико-художественного порядка и признание активности автора на уровне художественного мира [Чудаков, 1980].

Понятие «образ автора» получило развитие в изучении субъекта в рамках коммуникативного подхода, а «диалогизм» М. М. Бахтина позволил описать усложненную коммуникативную ситуацию художественного текста (ХТ).

В современном ХТ интерес представляют немаркированные переключения субъектных речевых планов и оформление голоса автора в тексте. Субъектная структура повествования усложняется. Так повествование романа С. Носова «Грачи улетели» [Носов, 2005] ведется в нескольких речевых планах:

1) сюжетное повествование (от 3-го лица) с авторскими комментариями к структуре композиции: **«Однако вернемся к исходной точке. Щукин освоился, как только устроился»** [Носов, 2005, 73];

2) план авторской филологической рефлексии, которая выходит в сюжетное повествование: «Тепин же, к удивлению всех троих (включая мерина), довольно проворно, без посторонней помощи, вскарабкался **на Маяк, или правильнее, на Маяка (в силу его одушевленности)**» [Носов, 2005, 45];

«Он показал Катрин, как пользоваться заслонкой, потому что пора было закрывать дымоход. **Заслонка — заслоняет ды-мо-ход.** Чтобы было тепло. Катрин обрадовалась — **она знала происхождение слова «заслонка». От слова «слон».** Катрин удивилась, когда он засмеялся» [Носов, 2005, 50 — рефлексия в неоформленном диалоге героев;

3) немаркированный субъектный речевой план героев: «Телегин стал расспрашивать о России. **Как там дела, елы-палы? Скоро ли гражданская война?** <...> В те дни серьезно говорили о возможности гражданской войны в РФ» [Носов, 2005, 162];

4) внутренняя речь героев;

5) план размышления: «Вопрос так и остался открытым: **можно ли проливать чужую кровь?** Свою можно, и ее актуальные художники давно проливают — кто нос себе отрежет, кто разможит себе голову об загрунтованный холст, расстеленный на асфальте, **а вот чужую — свинячью, козлячью, кошачью? Человеческую наконец? Где граница дозволенного? Есть ли она вообще? Кто сказал, что есть?** <...> Шишкин мишек не убивал, а Саврасов грачей не мочил без толку» [Носов, 2005, 56]. Отделить голос автора и героев в размышлениях о главном предмете спора в романе — что есть искусство? — невозможно.

Функция повествующего субъекта меняется, усложняется. Автор присутствует на всех уровнях субъектной структуры повествования. Читатель вовлекается в тотальный диалог; его мысли и речь становятся частью текста романа. То есть грамматические исследования выходят на уровень эстетического.

Литература

1. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой Дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т Литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, — Вып. 2. — С. 74-147.
2. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. Сост., текстологическая подготовка И. В. Пешкова. Комментарии В. Л. Махлина, И. В. Пешкова. — М.: «Лабиринт», 2000. — 640 с.
3. Носов С. Грачи улетели. — СПб.: ООО «Издательство «Лимбус Пресс», 2005.
4. Чудаков А. П. В. В. Виноградов и теория художественной речи первой трети 20 века // В. В. Виноградов Избр. труды: О языке художественной прозы. М., 1980

Annotation

The narrative structure of the fictional text is one of the topical questions in linguistics and theory of literature of today. The dialogism of all the narrative forms: the author's speech, the narrative itself, the direct, indirect and reported speech and all the unmarked forms of the speech presentation — is to be understood on the author's intention level as a part of the aesthetic communication. A reader is involved in the dialogue and so is to be a part of the creative instance.

Аннотация

Proper names are ordinarily used to refer to some particular and determinate entity and do not require special restrictive modifiers. Though, proper names are compatible with different kind of actualizers. The article deals with combination of proper name with deictic pronoun *tot*; shows different contexts and offers different levels of their interpretation.

В. А. Лазарева, Университет г. Салерно (Италия)

Имя собственное и дейксис: контексты и толкования

Основное назначение имен собственных (далее ИС) — обозначать индивидуализированные объекты, поэтому теоретически они не нуждаются в дополнительной актуализации и не допускают сочетания с «ограничительными адьюнктами». Употребление ИС с ограничителями типа *tot*, *ta* и т. п. свидетельствует о недостаточной индивидуальности имени, которое следует считать общим [Степанов, 1981, 91; Вендлер, 1982, 210]. Тем не менее в обиходной речи ИС активно функционируют в составе именной группы (далее ИГ) *tot ИС* и дейктического комплекса *tot ИС, который (какой, что)*. Более того, выделяются различные ситуации, допускающие подобные употребления.

Во-первых, указательное *тот* маркирует недостаточную определенность референта, когда необходимо его уточнение (доопределение), например в ситуации различения тезоименности: *Да, он пришел в МХАТ вместе с Ефремовым. — А-а... Виталий Яковлевич, это тот Ефремов, который уснул у вас тут за столом?* (В. Давыдов)*. Говорящий может эксплуатировать присущую указательному *тот* семантику удаленности и задавать инструкцию на обращение к воспоминаниям для поиска нужного референта. Например, в случае слабой закрепленности референта в фонде знаний собеседника⁷: *Хотел найти того Яковлева, архитектора, с которым познакомился в Сочи. Помнишь?* (Л. Вертинская).

Во-вторых, ИС в составе ИГ *тот ИС* или дейктического комплекса *тот ИС, который* (какой, что) функционирует как один из способов «расщепленного» представления объекта, когда с единым объектом действительности соотносятся различные субъективные образы (прежний и нынешний): *Куда же он делся, тот Валюх? С его пылкой жадностью к старику, с его желанием, чтобы всем немедленно стало хорошо? Исчез совершенно? Не верю!* (И. Грекова); *Я тебя не узнаю... — дрожащим голосом произнесла Рита. — Ты совсем не тот Ганин, каким был недавно* (Т. Тронева). Этот прием служит фигуральной репрезентации произошедших с объектом изменений [Арутюнова 1999, 282]. Указательное *тот* маркирует привычный, ожидаемый образ, контрастирующий с новым, непосредственно наблюдаемым, при этом актуализируется ценностное противопоставление и семантика отчуждения. Необычная для ИС дейктическая актуализация сигнализирует об отличном от обычного, идентифицирующего, употреблении. Указательное местоимение отсылает к объекту на конкретном этапе его истории с тем, чтобы актуализировать определенные свойства, признаки, которые могут эксплицироваться в ближайшем контексте. В подобных случаях можно говорить о наложении вторичной признаковой семантики на референциальное значение ИС.

ИС с общеизвестными дополнительными коннотациями в сочетании с дейксисом образуют особый тип предложений, где ИГ *тот ИС* актуализирует уже не прежний (близкий, знакомый) образ объекта, а актуальное знание о нем: *Но он [Шукшин] тогда не был тем Шукшиным, которого знают теперь* (Г. Я. Бакланов).

Таким образом, в естественном языке дополнительная актуализация ИС ведет к его функционально-семантическим переосмыслениям. Сочетание ИС с дейктическим *тот* в контексте тезоименности может указывать на нужный (или ошибочный) референт, маркировать слабую закрепленность референта в фонде знаний одного из собеседников, а также

---

* В работе использованы примеры из Национального корпуса русского языка.

⁷ О подобном назначении сочетаний *этот ИС* см.: [Иомдин, Бердический, 2006].

указывать на наличие разных представлений одного объекта, маркируя его параметрический или эталонный образ.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Вендлер З. Сингулярные термы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.

Иомдин Б. Л., Бердичевский А. С. А кто этот *этом*? Имена собственные и неопределенная определенность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006». М., 2006.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.

In this article we will speak about the ratio of the category of gender, which is recognized for several thousand years, in many languages as one of the main means of expression of the values of nouns, and category of object, found by us in the system of grammatical categories of the nouns.

О. С. Савельева, к. филол. н., Челябинский государственный педагогический университет (Россия)

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНОСТИ И РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье речь пойдет о соотношении категории рода, которая признается на протяжении нескольких тысяч лет во многих языках одним из главных средств выражения значения существительных, и предметности, выявленной нами в системе грамматических категорий существительных. Значение предмета имен существительных оформляется системой грамматических категорий, которая, по нашему мнению, представлена категориями предметности (качества, качественной определенности), числа (количества) и падежа (отношения). Мы считаем категорию предметности (качества) первой в системе грамматических категорий существительных русского языка, так как она оформляет главное — качественную определенность, без которой невозможны ни количественные характеристики единицы, ни ее отношения [Савельева, 2007; Савельева, 2011].

Исследование категории предметности опирается на выдвинутую А. М. Чепасовой в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. новую концепцию категории рода [Чепасова, 1980]. Мы, развивая положения новой концепции и называя главной категорию предметности

(качества), считаем категорию рода частью этой главной категории, узким признаком, присущим нескольким группам одушевленных существительных. Категория предметности, в отличие от категории рода, охватывает все существительные современного русского языка. Категории предметности и рода соотносятся, таким образом, как общее и частное: характеристика существительного по признаку биологического пола связана лишь с небольшой частью целого класса слов.

Анализ оригинальной картотеки существительных русского и некоторых славянских языков выявил: категория предметности имеет сложную семантическую структуру, что проявляется в наличии подклассов, нескольких семантических субкатегорий, множества групп, подгрупп, синонимических рядов и т. п.

В статье для освещения вопроса соотношения категорий рода и предметности из всего многообразия субкатегориальных значений представлены одушевленные существительные, из одушевленных — личные. Общее для всех существительных значение предмета включает более частные характеристики. Именно такой, частной, характеристикой является значение пола. Разделение существительных русского языка по родам на основании этого частного признака является большой условностью, не отвечающей семантической природе слов. Значение пола не является обязательным или важным свойством в классификации всех существительных.

В заключение мы подчеркиваем: категория предметности существительных, называемая нами категорией качественной определенности, обладает наивысшей степенью абстрактности; категорию рода мы считаем частью предметности, а деление существительных по родам относим к истории грамматики.

Литература

- Савельева, О. С. Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных: моногр. / О. С. Савельева. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург: Изд-во «Ключ» фонда «Лики культур»; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2007. — 170с.
- Савельева, О. С. От категории рода к категории предметности / О. С. Савельева // Филологические науки. — 2011. — № 3. — С. 93—100.
- Чепасова, А. М. Грамматические категории предметных фразеологизмов: дисс. ... д-ра филол. наук / А. М. Чепасова. — Челябинск, 1980. — Том 1. — 364 с.

This article is devoted to the research of the most frequency tropes in Russian literature of the XXth-XXIst centuries. Modern prose demonstrates the diversity of linguistic features, due to the author's personality, his commitment to a particular direction, the tendency toward linguistic

experiment. Tropes are examined in total of their formal, semantic, cultural and historical characteristics.

А. А. Семенова, аспирант, Муниципальное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 102 (Россия)

Тропы в произведениях рубежа XX-XXI вв.

Язык современной художественной литературы имеет свои особенности: стремление погрузить читателя в стихию живой речи, активное словотворчество и использование приемов языковой игры, индивидуально-авторская семантизация и др. Эти характеристики сказываются на употреблении образно-выразительных средств языка и речи в произведениях рубежа веков. Мы проанализировали использование тропов, встречающихся в текстах М. Веллера, В. Пелевина, С. Соколова, Ю. Полякова, и выявили, что самыми частотными являются метафора, олицетворение и оксюморон.

Метафоры и олицетворения создаются при помощи смешения морфологической категории одушевленности/неодушевленности и семантической отнесенности данной характеристики.

Большинство обнаруженных метафор являются артефактными. Понятие *человек* материализуется, лексема *личность* теряет свое значение, происходит овеществление или опредмечивание человека. *Он величественно воздвигся и подал мне руку* [Веллер, 2006, 14]. Лексема *воздвигаться* сочетается с неодушевленными существительными чаще всего со значением строения, предмета архитектуры, ср.: *‘Предо мною воздвиглась башня ...’* [Ушаков, 2007, 89]. Исходя из контекста, семантика данного глагола — ‘вставать, подниматься’. И только в этом случае он будет соотносим с понятием *человек*. Аналогичные примеры: *Он закашлялся, сломился ... и захрипел* [Веллер, 1998, 11]; *Отмежевал меня Томбу от бывшего замаскированного врага* [Веллер, 2006, 30].

В случае с олицетворением мы видим расширение пространства действия тропа, особое место в котором занимает бытовая сфера. Пример: *неторопливо переходили улицу, косясь на вибрирующие от ненависти к человеку автомобили* [Поляков, 1994, 23]. При словарном анализе слов *автомобиль* и *ненависть* не выделяется сходных функциональных или визуальных признаков: *автомобиль* — ‘самоходная машина ... для перевозки пассажиров ...’ [Кузнецов, 2004, 13], *ненависть* — ‘чувство сильнейшей вражды’ [Кузнецов, 2004, 628]. Здесь автор наделяет предмет способностью к проявлению эмоций, выражению психологического состояния, используя для этого связующую лексему *вибрирую-*

ций. Сравните с сочетанием *трястись от гнева* — ‘колебаться, дрожать, содрогаться всем телом’ [Ожегов, 2003, 815] — употребляемым только по отношению к человеку.

Оксюморонизация достигается двумя путями: употреблением прямо противоположных по смыслу лексем или актуализацией потенциальных сем одного из слов. Пример: *В футляре лежали тяжелые, красиво-уродливые часы из золота и стали* [Пелевин, 2001, 23]. В состав данного выражения входят лексем, в которых содержатся контрастные, взаимоисключающие семы. Случай создания тропа по второму пути можно увидеть в следующем предложении: *В центре кабинета был ... стол, за которым стояли... два полковника, один низкий и толстый, ... а другой — худенький и жидковолосый, напоминающий пожилого болезненного мальчика* [Пелевин, 2001, 35]. Здесь мы обнаруживаем в сфере семантики такие противоположные лексем как *пожилой* и *мальчик*. Слово *пожилой* употребляется в значении ‘начинающий стареть, немолодой’ [Ожегов, 2003, 547], то есть антонимами для него могут выступить лексем *молодой, юный*. Однако, понятие *мальчик* по своей дефиниции — ‘ребенок мужского пола’ [Ожегов, 2003, 340] — не является контрастным антонимом слова *пожилой*, в отличие от предыдущего случая, но включает в себя потенциальные семы *молодой, юный*. В данном случае оксюморон создается не прямым противопоставлением лексем, а с помощью актуализации потенциальных сем одного из слов.

Литература

1. Веллер М. А вот те шиш: повести и рассказы. — М.: Вагриус, 1998.
2. Веллер М. Долина идолов. — М.: АСТ, 2006.
3. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2003.
4. Пелевин В. Омон Ра. Жизнь насекомых. Затворник и Шестипалый. Принц Госплана. — М.: Вагриус, 2001.
5. Поляков Ю. В. Сто дней до приказа и другие повести. — М.: Стелс, 1994.
6. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Ридерз Дайджест, 2004.
7. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: Альта-принт, 2007.

Ю. Б. Смирнов, канд. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И НАИМЕНОВАНИЯ

Выбор темы сообщения обусловлен тем, что при морфологическом анализе языковых единиц, традиционно называемых именами собственными, выявляется ряд нерешенных проблем [Смирнов, 2009, 83]. Основные затруднения возникают при описании неоднословных наименований типа *Владимир Красное Солнышко*, «*Война и мир*», «*Летят журавли*» и под. При определении частеречных характеристик подобных наименований возникают «большие, возможно непреодолимые, трудности» [Буланин 1976, 33].

Какой же выход может быть предложен в случае необходимости грамматического анализа неоднословных наименований?

Можно, конечно, при грамматическом разборе исключить из рассмотрения те однословные наименования, что не являются собственно именами существительными (типа «*Двенадцать*», «*Накануне*» и под.), а также неоднословные наименования (словосочетания, сочетания слов и предложения). Однако с функциональной точки зрения «*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*» ничем не отличается от однословных наименований типа «*Идиот*» и т. п. Помимо этого, можно опереться и на определенную традицию. Например, в силу функциональной общности мы рассматриваем в качестве числительных не только однословные числительные вроде *шесть*, но и многословные комплексы типа *сто двадцать шесть*. Таким образом, представляется, что в связи с изучением имен собственных все-таки следует рассматривать наименования всех типов. И выход здесь возможен, если говорить об именах собственных в узком смысле слова и в широком понимании.

В соответствии с таким толкованием можно предложить следующую классификацию имен собственных.

1. Имена собственные в узком смысле слова, то есть однословные имена собственные и однословные наименования:

а) личные имена, фамилии, отчества, прозвища, клички животных и географические названия: *Александр*, *Тимофеевна*, *Петров*, *Клетчатый*, *Капитанка*, *Европа*, *Санкт-Петербург* и т. п.

б) однословные наименования, в составе которых только существительные типа «*Подросток*», «*Обрыв*», «*Метель*» и под.

Вся эта группа противопоставляется именам существительным нарицательным и не вызывает затруднений при определении их грамматических признаков (рода, числа, падежа).

2. Имена собственные в широком понимании:

а) однословные наименования, включающие в свой состав слова любой части речи, кроме существительных: «Накануне», «Пересолил», «Хорошо!», «Трое» и под.

б) неоднословные имена собственные людей, клички животных, астрономические и географические названия: *Владимир Красное Солнышко, Белый Бим Черное Ухо, Южный Крест, Дальний Восток* и под.

в) неоднословные наименования, представляющие собой сочетания слов и словосочетания: «*Война и мир*», «*Дама с собачкой*», «*История одного города*», «*Три сестры*» и под.

г) неоднословные наименования-предложения: «*Летят журавли*», «*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*» и т. п.

При необходимости дать грамматическую (морфологическую) характеристику имен собственных в широком понимании можно ограничиться указанием на то, что в функциональном отношении они подобны именам собственным в узком смысле, но морфологическому анализу не подвергаются, так как не являются существительными.

Литература

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии: Пособие для учителей. М., 1976.

Смирнов Ю. Б. Имя существительное // Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2009.

ANNOTATION

The message is devoted of discussion of the volume of one of the group of a noun — to proper names. Various approaches to proper names (from the point of view of their place in the lexical system of language and from positions of their representation in the morphology of a noun) are considered. Unequal proper names on structure (words, combinations of words and offers) are described. The basic attention is given to the grammar specificity of not-one-word names of various objects of material and spiritual culture.

С. С. Хаджихалилович, dr. sc. (к. филол. н.), Университет г. Задара (Хорватия)

АББРЕВИАТУРА: НОВАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ ИЛИ НОВЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ (В РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ)?

Гвоздев А. Н. писал, что определение количества частей речи в русской лингвистической традиции очень долгий процесс из-за несогласий и сомнений в определении их количества [Гвоздев, 1958]. Видно, что система частей речи в русском языке часто подвергается изменениям. У аббревиатур тенденция стать новой частью речи, что мы предлагаем в докладе. Чтобы определить дефиницию аббревиатур, обратим внимание на дефиниции следующих лингвистов [Шуба, Волинец, Германович и др., 1998], [Грамматика, 1960], [Земский, Крючков, Светлаев, 2003], [Нецветаева, 2009], [Барич и др., 2005], [Бадурина, Маркович, Мичанович, 2008]. Исследовав сокращения и аббревиатуры как языковое явление, я отмечу их следующие морфологические категории: 1. Категория «*изменяемость* — *неизменяемость*». 2. Категория «род»: у сокращений и аббревиатур — трёхродовая система и категория *плюралиа тантум*. 3. Категория «число». 4. Способность *образования слов*. 5. У них собственные морфемы, тзв. *абброморфемы* [Хаджихалилович, 2011]. 6. У них собственные *правила орфографии* [Хаджихалилович, 2011]. В соответствии с характеристиками по этим категориям предложу *собственную дефиницию аббревиатур*: «самостоятельная часть речи, обозначающая сокращенное название предметов, учреждений и лиц» (как и имена существительные) «и их качеств» (как у прилагательных) «у которых собственное значение»⁸ (и грамматическое и лексическое). Это значение они» (как и местоимения) «приобретают в контексте».

В хорватском языке ситуация выглядит по-другому. Образование сокращенных слов в хорватской литературе изучается с нескольких аспектов. Рассматривается как: а) дополнительный способ словообразования [Самарджия, 2003], б) область похожа на словообразование, т. е. область, находящаяся на границе между словообразованием и синтаксисом [Бабич, 2002], в) это вообще не способ словообразования [Силич, Пранькович, 2005], г) считается одним из главных способов словообразования [Тафра, Кошутар, 2009; Барич и др., 1990]. В более широком значении, с точки зрения способов образования и их составляющих элементов из которых образованы новые слова, раздел словообразования в хорватском языке можно подразделить на: *oblikoslovlje* — *грамматическое словообразование*, представляющее словообразование в Бабичевом понимании ([Бабич, 2002], и 2. *rječoslovlje* — *семантическое словообразование*, представляющее периферийные способы

---

⁸ Это можно считать семантическим критерием выделения аббревиатур в качестве новой части речи. Их синтаксическая функция зависит от принадлежности аббревиатур определенному разделу.

словообразования [Бабич, 2002] и сокращение слов, т. е. аббревиация. На основе сравнения категорий «часть речи» и «способы образования слов» отважусь предложить в русском языке увеличение частей речи на счет аббревиатур⁹, а в хорватском раздел грамматики *tvorbu riječi* (рус. *словообразование*) использовать в более широком значении, наряду с основным, причем словообразование предлагается делить на *oblikoslovlje* (рус. *грамматическое словообразование*) и *rječoslovlje* (рус. *семантическое словообразование*), в результате которых образуются новые слова.

Литература

1. Babić S., (2002), *Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku*. HAZU — Globus. Zagreb.
2. Badurina L., Marković I., Mićanović K., (2008), *Hrvatski pravopis*. MH. Zagreb.
3. Barić E., Lončarić M., Malić D., Pavešić S., Peti M., Zečević V., Znika M., (1990, 2005), *Hrvatska gramatika*. ŠK. Zagreb.
4. Hadžihalilović S. (2011), *Kratice u ruskom jeziku danas (s osvrtom na hrvatski)*, doktorski rad PDSL-a FF-a UNIZG-a.
5. Samardžija M. (2003), *Hrvatski jezik 4*, udžbenik za 4. razred gimnazije. ŠK. Zagreb.
6. Silić J., Pranjković I. (2005), *Gramatika hrvatskoga jezika*, za gimnazije i visoka učilišta. ŠK. Zagreb.
7. Tafra B., Košutar P. (2009), Rječotvorni modeli u hrvatskom jeziku, u: *SL 67*, str. 87-107. Zagreb.
8. АН СССР, ИРЯ (1960), *Грамматика русского языка*. АН СССР. Москва.
9. Гвоздев А. Н. (1958), Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. ГУ-П издательство МП РСФСР. Москва.
10. Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В. (2003), *Русский язык: Часть 1. Лексикология и фразеология. Стилистика и культура речи. Фонетика. Морфология*. Дрофа. Москва.
11. Нецветаева Н. В. (2009), *Русский язык. Од фонетики до синтаксиса*. Феникс. Ростов-на-Дону.
12. Шуба П. П., Вольнец Т. Н., Германович И. К. и др. (1998), *Современный русский язык. Словообразование, морфонология, морфология*. Плопресс. Минск.

---

⁹ Семантические и синтаксические критерии надо описать отдельно, шаг за шагом. Их морфологическое описание – первый из шагов их выделения в качестве новой части речи.

What is the abbreviation — a new word or something else? Do we need to expand the section of word formation or increase the number of parts of speech? In this report, based on comparison of the categories of "part of speech" and "methods of forming the words" in the two Slavic languages will be offered some solutions: 1. entering a new type of word in Russian; 2. in Croatian — to use the term *tvorba riječi* in a broader sense, along with the main, and at the same time to divide word formation into grammatical and semantic parts, which both result in the new word.

Деловой иностранный язык

Training of foreign citizens to business dialogue in small groups: the speech characteristic of social roles

In article the problem of the standard of speech and business dialogue in small groups is considered: aspects of the speech characteristic and social roles in connection with two groups 1) the group problems focused on the decision, 2) others focused on support. Language and speech work is under construction according to the designated problem.

The technique of work on the speech characteristic of social roles is given: word interpretation, single-root, related words, synonyms, antonyms, lexical compatibility; situational tasks.

С. А. Вишнякова, д. пед. н., С-Петербургский Смольный институт РАО (Россия)

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ В МАЛЫХ ГРУППАХ: РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ

Важность проблемы культуры речи и делового общения в малых группах в аспекте речевой характеристики социальных ролей обусловлена четвертой компетенцией Совета Европы — владение устной и письменной коммуникацией, важной для работы и социальной жизни.

В любой организации существует динамичное распределение определенных деловых ролей. [Рогов, 2005, 251-252]. Каждый из членов организации играет двойную роль: формальную, вытекающую из формальной структуры организации и неформальную. Выделяют 6 ролей людей, ориентированных на решение групповых задач (инициатора, разработчика, координатора, контролера, оценщика, погонщика) и 6 ролей людей, ориентированных на поддержку других (вдохновитель, гармонизатор, примиритель, диспетчер, нормировщик, ведомый). [Проценко, Мирошниченко, 2002].

Работа с иностранными студентами II уровня над социальными ролями организуется следующим образом: дается толкование понятий, обозначающих роль, приводятся однокоренные, родственные слова, синонимы, антонимы, лексическая сочетаемость.

Инициатор — Тот, кто проявляет инициативу [Ефремова, 2009]; Тот, кто действует, проявляя инициативу в чем-нибудь [Ожегов, Шведова, 2008]. Однокоренные слова: инициатор, инициативный, инициаторский, инициатива, инициировать. Родственные слова существительные: инициатива, инициализация, инициация; прилагательные: инициированный, инициировавший; глаголы: инициализировать, инициироваться. Синонимы: виновник, зачинщик, первый, пионер; застрельщик, инспиратор (от лат. *inspirator* «вдохновитель»), побудитель, зачинатель.

Лексическая сочетаемость: инициатор (чего?) сделки, договора, встречи, знакомств, движения, реформ и т. п.; инициатива (какая?) жилищная, экономическая, наказуемая; взять на себя (что?) инициативу, обосновать (что?) инициативу, проявить (что?) инициативу; инициировать (что?) сделку, разрыв, встречу, проверку.

Для работы над названиями неофициальных ролей малой группы могут быть предложены задания типа: 1. Подберите однокоренные слова к словам: инициатор, разработчик, координатор, контролер, оценщик, погонщик. Например: инициативный, инициаторский, инициатива, инициировать. 2. Ответьте, чем отличается значение слов: инициативный/инициировать, зачинщик/виновник, первый/ пионер. 3. Составьте словосочетания со словами: разработчик, координатор, контролер, оценщик, погонщик. Слова и словосочетания для справок: отдел продаж, проект, билеты, капитал, животные, собаки, сайт, бизнес архитектура, торговый зал, недвижимость. 4. Подберите синонимы к словам: инициатор, разработчик, координатор, контролер, оценщик. 5. Объясните значения слов инициативный и инициировать и составьте с ними предложения.

Поясняется социальная роль и приводятся речевые формулы ее реализации. Например, инициатор, предлагает новые идеи и подходы к проблемам и целям группы, предлагает способы преодоления трудностей при решении задач. Речевая характеристика: «Предлагаю рассмотреть иные подходы к...», «Пора обратить внимание на существующие новые идеи и подходы к...», «Считаю, что во многом преодолеть трудности поможет... подход» и т. п. Аналогично дается толкование и речевая характеристика других социальных ролей. Предлагаются ситуационные упражнения.

Владение нормами делового общения создает условия для успешного решения иностранными гражданами поставленных в коллективе задач.

XVII державинские чтения: современные и исторические проблемы болгаристики и славистики

М. А.Аникин, к. искусствоведения, Государственный Эрмитаж (Россия)

«ДУХОВНЫЙ РЕАЛИЗМ» В ЖИВОПИСИ БОЛГАРИИ XIX-XX ВЕКОВ

Art of the 19th — 20th centuries in Bulgaria deserves attention and study because it was during this period in Bulgarian art, there are many outstanding events and names, whose influence on the subsequent history of art of this country is extremely high. There is something that unites these quite different because the fate of arts education and artists. This is something that this writer is trying to determine the scientific term "spiritual realism".

Живопись XIX-XX веков в Болгарии заслуживает самого пристального внимания и изучения потому, что именно в этот период в болгарском искусстве появляются многие выдающиеся явления и имена, влияние которых на всю последующую историю искусства этой страны чрезвычайно велико. Тут прежде всего следует назвать Захария Зографа, а также ряд других известных не только в Болгарии мастеров [Аникин, 2011].

Среди них во второй половине XIX в. особенно выделяются такие художники, как Николай Павлович (1835—1894) (учился в Вене и Мюнхене), Станислав Доспевский (1823—1878) (учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и Петербургской Академии художеств), Христо Цокев (1847—1883) (воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества), художник-самоучка Георгий Данчов (1846—1908), а также Димитр Добрович (Димитър Георгиев Добрев Пехлиханов) (1816—1905), учившийся в Греции и Италии, боец отрядов Гарибальди [Божков, 1964].

При всём том, что каждый из названных мастеров испытал влияние различных живописных школ и национальных традиций, есть нечто такое, что объединяет этих достаточно разных в силу художественного образования и судеб живописцев. Это нечто автор этих строк предлагает определить научным термином «духовный реализм», в своё время удачно примененным Михаилом Дунаевым и Алексеем Любомудровым в отношении художников русского зарубежья первой половины XX века [Любомудров, 2003].

Продуктивно в этом ракурсе рассмотреть несколько конкретных работ известных болгарских художников. Особенно выразительными в предложенном плане выглядят работы Станислава Доспевского (племянника Захарии Зографа), получившего образование в России. Так, «Портрет Кирилла Нектариева» (1868) Доспевского во многом напоминает

известный «Портрет Неофита Рильского» (1838) работы Захарии Зографа, в котором художник весьма характерно сумел передать образ негибаемого духовного борца за интересы болгарского народа. Так же, как Захарий Зограф, Станислав Доспевский обращается к образу духовного лица, по существу не внося каких—то особых новаций живописного плана. Несомненно, что и тот и другой портреты разных художников с временным разрывом в тридцать лет выполнены практически в одном стиле — стиле именно духовного реализма. Представляется, что тут кроется некая имманентно присущая особенность творчества «духовных реалистов» — их почти не интересуют чисто живописные, модные новации, основное внимание сторонники этого направления и метода сосредотачивают на реальном образе человека. Но реализм этот — особого рода, как бы вневременной.

При том, что болгарские художники с интересом воспринимали все те новации, которые стали появляться в европейской живописи на рубеже XIX-XX веков, «духовный реализм», по нашему мнению, продолжал оставаться стержневым, определяющим фактором развития этой школы. Трагические события XX века не обошли стороной Болгарию. Революции и войны во многом изменили развитие искусства, и живописи в том числе. Кажется, «духовный реализм» навсегда должен был остаться в прошлом, вытесненный, с одной стороны, революционным пафосом «освобожденного народа», а с другой стороны — всеми теми формотворческими экспериментами и поисками, которые принёс с собой бурный XX век.

Однако, как показала история, и в сложных условиях ангажированного искусства и под прессом позднее надвинувшейся коммерциализации именно духовный реализм оказался самым жизнестойким явлением болгарской культуры. Несомненно, что наиболее крупный болгарский художник XX века Владимир Димитров-Майстора все свои произведения создал в рамках названного метода и стиля [Колев, Коцева, 1974].

Литература

Аникин М. Захари Зограф и «духовният реализъм»: <http://www-knigi-news>

Божков Атанас. Болгарское изобразительное искусство. София, 1964.

Колев Борис, Коцева Йонка. Владимир Димитров-Майстора. София, 1974.

Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.

Н. М. Калашникова, докт. культ., Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ «ДОЧЕРНИХ» СЕЛ (БОЛГАРИЯ-МОЛДАВИЯ)

In this article the material of ethnographic expeditions, that were carried on in the villages Tvardica and Korten in the Bulgaria's and Moldavia's territory, is analysed. Here the question about conservation of the traditional costume of the bulgarian migrators, who live now in Moldavia, is discussed.

Общеизвестно, что болгары-переселенцы «акклиматизировались» в бессарабских степях, сохранив при этом свой язык, целый ряд культурно-бытовых особенностей и национальное самосознание. Проявление этнической специфики в некоторых видах материальной культуры болгар (в частности, в одежде), проживающих в степной части Прутско-Днепровского междуречья (юг Молдовы и запад Одесской обл. Украины, т. е. бывшая Бессарабская губ.), можно выявить, сопоставляя с соответствующими данными из тех местностей Болгарии, откуда в конце XVIII–первой трети XIX в. переселялись бессарабские болгары.

Следовательно, болгарские миграции в России представляют собой своего рода естественную «лабораторию», в которой проверяется этническая традиция на устойчивость или изменчивость, что становится особенно явным при изучении материалов по так называемым «дочерним» и «материнским» селам, известным по работам историков и диалектологов [Атлас, 1948; Мещерюк, 1965; Маркова, 1974, 45-58], а также при анализе полевых материалов автора, полученных в экспедициях 2007–2011 гг.

Хранящаяся в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга (РЭМ) чрезвычайно ценная коллекция костюмов бессарабских болгар, в том числе из сёл Твардица и Кирютня (бывшее Кортень) Чадыр-Лунгского р-на Молдовы [Калашникова, 1995, 84-92], была проанализирована в соответствии с полученными в мае 2007 г. материалами совместной этнографической экспедиции (РЭМ, Санкт-Петербург — Национальная художественная академия, София) в Сливенский округ Болгарии.

Предварительное сопоставление данных, полученных в полевых условиях с музейными коллекциями, позволяют говорить о сохранении в целом этнической специфики в «дочерних» селах Молдовы по отношению к «материнским» селам Болгарии. Это нашло выражение в приверженности к определенным занятиям в земледелии (виноградарство, выращивание зерновых культур, употребление сходных орудий труда) и скотоводстве (овцеводство), в сохранении определенных типов жилищ и характерных комплексов

одежды, пристрастии к аналогичным видам пищи. Особый интерес вызывала одежда (*суман*), один из элементов которого — две узкие и длинные орнаментированные полосы — болгарские исследователи трактуют как рудименты рукавов [Наследникова, 1972].

При этом важнейшим фактором оставалось сохранение терминологии практически всех элементов традиционного костюма. В женском костюме — *риза, престилка, кулан, пафти, кюрч, димие, аба, кърпа, алтъни, седеф, гримни, калцуне*; в мужской одежде — *риза, потурь, елек, антериу, опас, фереджя, ярмулук, царвули* и др.

Литература

Атлас болгарских говоров СССР / Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1948.

Калашникова Н. М. Коллекция одежды бессарабских болгар в собрании Государственного музея этнографии (г. Санкт-Петербург) // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1995.

Маркова Л. В. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар // Советская этнография, 1974, № 1.

Мещерюк И. И. Переселение болгар в южную Бессарабию. 1828-1834 гг. Кишинев, 1965.

Наследникова В. История на български костюми. София, 1972.

Е. А. Колосков, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

«ГОСУДАРСТВО, НО НЕ НАЦИЯ»: МАКЕДОНСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1991-2001 гг.) В КОНТЕКСТЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МАКЕДОНСКОЙ НАЦИИ

The article is devoted to the history of the difficult and contradictory Macedonian-Bulgarian relationships in the last decade of the XX century. Despite of the long-standing cultural ties between both countries their political elites could not find common ground. The “language conflict” and refuse to recognize the Macedonian nations by Bulgarian authority created contradictions in the relations between the two brotherly countries which are not able to overcome so far.

Македонский вопрос в XIX — начале XX в. традиционно считался одной из самых сложных проблем Балканского полуострова¹⁰. После некоторого затухания конфликта или скорее утраты интереса к нему из-за глобальных потрясений XX века, теперь уже «новый македонский вопрос»¹¹ становится предметом изучения ученых. Провозглашение независимого македонского государства осенью 1991 г. внешне произошло достаточно спокойно. Новое балканское государство не имело таких проблем, как западные республики Югославии. Если в Хорватии и Боснии шли кровопролитные межэтнические гражданские войны, то в Македонии Югославская народная армия (ЮНА) покидала свои казармы без единого выстрела. Однако именно Республика Македония (РМ) осталась единственной республикой бывшей Югославии, которая до сих пор не признана под своим конституционным названием.

Непросто складывались отношения молодого государства с соседними державами. Фактически македонское государство полагало себя находящимся во «враждебном окружении». Видя в соседних государствах угрозу своей самостоятельности и подозревая все без исключения сопредельные страны в попытках расчленить и поглотить РМ, правительство в Скопье надеялось обрести поддержку в лице международных организаций и ведущих мировых держав.

15 января 1992 г. было объявлено официальное решение Арбитражной «Комиссии Бадинтера». Комиссия, основываясь на выдвинутых к кандидатам на вступление в ЕС требованиях, рекомендовала признать Македонию и Словению. Однако позднее ЕС поменяло свое решение, и были признаны Словения и Хорватия. Македония оказалась за бортом этого процесса. Сразу после объявления первоначального решения Арбитражной комиссии (о признании Македонии и Словении) Болгария признала РМ (15 января).

Несмотря на то, что Болгария является наиболее близкой к РМ в культурном плане страной; несмотря на то, что в экономическом плане эти страны обладают значительным опытом взаимодействия и взаимопомощи (именно Болгария оказала помощь Македонии в сложный период экономического кризиса, связанного с греческим эмбарго); несмотря на поддержку болгарским правительством македонской государственности в ходе конфликта 2001 г., опасения значительной части македонского общества в отношении болгарского ирредентизма в духе сан-стефанской Болгарии сохраняется и постоянно подпитывается

---

¹⁰ «Македонский вопрос» — спор об этнической (национальной) принадлежности славянского населения Македонии и об ее истории в целом.

¹¹ Термин, введенный в современную историографию Джеймсом Петтифером в сборнике *The New Macedonian question* / Ed. By Pettifer J. N.Y. 2001.

новыми слухами и конспирологическими гипотезами. Не в последнюю очередь вина в этом лежит и на болгарской стороне, которая в течение 1991-2001 гг. периодически высказывала идеи, которые македонским руководством были восприняты как угроза идентичности молодой нации.

Учитывая крайне болезненное восприятие македонским обществом угроз своей идентичности, македонско-болгарский языковой спор и, зачастую, крайне агрессивная риторика болгарских публицистов, политиков и ученых в отношении своих юго-западных соседей наравне с македонско-греческим спором о названии и т. н. «албанской угрозой» создали существующий и поныне синдром «осажденной крепости» в македонском обществе.

Аннотация

Tautological constructions involving proper names have been discussed only sporadically. This paper deals with negative tautological constructions like «X не е X»; it illustrates the typical contexts for the use of this kind of expressions and proposes the semantic interpretation of that. Such constructions reflect the different referential and semantic status of proper names.

В. А. Лазарева, Университет г. Салерно (Италия)

Отрицательные модификации биноминативных тавтологий с именами собственными в болгарском языке

В докладе рассматриваются тавтологии вида $X \text{ не е } X$ с именами собственными (далее ИС). Биноминативные тавтологии имеют логико-семантическую структуру предложений идентификации. Утвердительные идентифицирующие высказывания предполагают существование одного референта, а отрицательные, напротив, двух. Однако в отрицательных тавтологиях условие наличия двух референтов снимается лексическим тождеством именных групп. Таким образом, при исходной необходимости денотативного тождества в выражениях вида $X \text{ не е } X$ отрицаются типичные «поведенческие производные» от ИС [Арутюнова 1999, 20]. Первое ИС употребляется референтно, а второе — вне референции. И если инвариантным семантическим значением тавтологий вида $X \text{ си е } X$ с ИС является сохранение субъектом индивидуальных сущностных признаков¹², то их отрицательные модификации несут информацию о нарушении сущностного единства личности, ср.: *Иг-*

---

¹² Подробный анализ болгарских тавтологических формул типа $X \text{ си е } X$ с ИС см. в [Лазарева 2011].

раеше наистина като гимнастичка от друг свят... **Илиана си беше Илиана** още от първите си стъпки. Носеше си в кръвта и лидерството, и дързостта. ... Първите дни — кошмарни. **Илиана не е Илиана**. Каквото захване, все не става (Национальный корпус болгарского языка, далее — НКБЯ).

Для отрицательных формул наиболее характерна контекстная обусловленность. Как правило, они погружены в контекст, содержащий ограничивающее условие, отсутствие которого нарушило бы сущностное единство личности [Иванова 2009, 101-102]. В качестве такого условия могут быть представлены необходимые компоненты, которые вводятся предлогом *без*: **Милка Велева не е Милка Велева без своите сътрудници, без колегите си, без счетоводния колектив, без всички останали** (Интернет-источник) и тем самым возводятся в постоянные, сигнификативные составляющие «личного мира» X-а.

Наиболее распространенными оказались гипотетические конструкции — с глаголом связкой в будущем времени: *X няма да е X* (реже — *X няма да бъде X*) и ограничивающим условием, введенным союзом *ако* с последующим сказуемым в отрицательной форме. Ср.: **Джеймс няма да е Джеймс, ако не се оплаква за каквото и да е** (НКБЯ). В ходе исследования были выявлены и другие варианты выражения ограничивающего условия: *вече, иначе, тогава*, входящие, однако, уже в состав тавтологического предложения, а не придаточного условия.

Итак, отрицательные модификации тавтологий с ИС сообщают о нарушении сущностного единства индивида и возникают как реакция на его необычное поведение. Наиболее употребительны гипотетические модели вида *X няма да е X* в контекстах, содержащих ограничивающее условие. Подобные высказывания возводят какой-либо компонент «личного мира» X-а в ряд необходимых. Таким образом, индивид косвенно характеризуется как соответствующий своей истинной сущности. При этом интенцией говорящего может быть эмфатизация определенного качества субъекта или, например, оправдание его поведения.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Иванова Е. Ю. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. София, 2009.

Лазарева В. А. Тавтологические конструкции с именем собственным в болгарском языке // XVI Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: Материалы XL Международной филологической конференции, 14-18 марта 2011 г., Санкт-Петербург; Отв. ред. Иванова Е. Ю., Шанова З. К. СПб., 2011. С. 75—83.

О. И. Минин, ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ПРОФ. В. Д. АНДРЕЕВ — ФОЛЬКЛОРИСТ

Среди проблем, которые многие годы занимали проф. Андреева, ныне особо зримо выделяется его интерес к теме болгарского национального фольклора, который неизменно рассматривался им как творческий потенциал духовных сил болгарского народа, как поле выражения его мировоззренческих, этических, социальных и религиозных убеждений.

Работа над этими вопросами у проф. В. Д. Андреева шла по двум основным направлениям. Первое из них касалось пропаганды знаний о болгарском национальном фольклоре в учебно-студенческой среде, раскрытия его национального своеобразия и специфики. В. Д. Андреев разработал и в течение ряда лет читал учебный курс болгарского фольклора. Связь исторических судеб болгарской письменности с фольклорной традицией стала основополагающим тезисом в его учебно-преподавательской и научно-исследовательской деятельности, что нашло свое отражение в ряде его научных работ [Андреев, 1976]. Разработанные им программы учебной дисциплины «История болгарской литературы» недвусмысленно нацеливали на обнаружение взаимных контактов фольклора и персонального писательского творчества.

Вторым направлением стало научное исследование ряда конкретных тематических зон национальной фольклористики. Научный интерес к изучению болгарского фольклора возник в конце первой трети XIX в. Обращение болгарских писателей к фольклору в то время давало дополнительный импульс делу духовного единения болгар в их стремлении обрести национальную свободу.

Болгарский фольклор являлся предметом изучения многих болгарских (Ив. Шишманов, М. Арнаудов, Й. Иванов, П. Динеков) и отечественных (Ю. И. Венелин, В. И. Григорович, А. Н. Пыпин, Н. С. Державин, Н. И. Кравцов, И. М. Шептунов, Д. С. Лихачов) исследователей. К середине XX в. уже сложились основные направления работ (распределение литературных групп и зон народного творчества). Проф. Андреев предложил свое понимание сложившейся структуры. Особое внимание он обратил на наличие в болгарском фольклоре так называемой «метафоры вертикали».

С древнейших времен у славян сложились устойчивые образы, основанные на дуалистическом противопоставлении двух ипостасей (*свет-тьма, верх-низ, добро-зло* и т. д.). Они связаны с мифологическими представлениями об упорядочивании мироустройства по вертикали и горизонтали. Пространство и время в их пересечении воспринимаются как символическое выражение уравновешенности бытия.

Образ Мирового дерева (высший и низший уровни бытия) трансформируется в болгарском фольклоре в целую систему символов (символика *горы*, *Балкан*, *«лествицы»* — нравственное восхождение к Богу через очищение, озарение и проч.). В ряде публикаций В. Д. Андреев рассматривает и другие символы (*коня*, *змея*, антропоморфных персонажей). Многовековую связь фольклора и персонального творчества он иллюстрирует примерами из древнеболгарской, средневековой литературы, литературы Болгарского национального Возрождения.

К сожалению, безвременная кончина В. Д. Андреева не позволила ему создать обобщающий труд о болгарском фольклоре. Оставшиеся в его архиве фрагменты этого труда, сопутствующие записи и прочие подготовительные материалы заставляют пожалеть о нереализованной мечте профессора.

Литература

Андреев В. Д. О задачах филологического образования // Вестник Ленингр. ун-та, 1976. Сер. «История, язык, лит-ра», № 14, С. 67-72.

Андреев В. Д. Метафора вертикали. Исследования последних лет. СПб: СПбГУ, 2005.

Prof. V. Andreev devoted many years of his life to studies on the Bulgarian literature. He put attention on the exclusive role of the Bulgarian national folklore which has always been an expression of philosophical, ethical, social, and religious beliefs of the Bulgarian people. Some of his articles describe the so called “metaphor of vertical” visualized as the “World Tree”, which is important for the Bulgarian folklore. This metaphor is involved in a wild system of symbols based on dualistic opposition of such hypostases as “good-evil”, “top-down” etc."

Н. В. Прасолова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

К 60-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ «ИЗВЕСТИЯ НА ИНСТИТУТА ЗА БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА»

В 2012 г. исполняется 60 лет с момента публикации первого выпуска болгарского научного периодического издания, внесшего неоценимый вклад в развитие болгарского литературоведения «*Известия на института за българска литература*». Под этим названием журнал издавался до 1960 г., после чего он был переименован в «*Известия на института за литература*», тем самым отразив более широкую тематическую направленность издания. Несмотря на то, что журнал просуществовал лишь до 1972 г., сложно пере-

оценить его влияние на развитие болгарской литературной мысли. За 20 лет существования журнала был выпущен 21 том, и каждая книга представляла собой солидное издание.

«Известия» — это первое периодическое издание, выпускаемое Институтом литературы, который был основан в 1948 г. при Болгарской Академии наук. Первой задачей Института литературы было объединение научных сотрудников в области литературной истории и теории и создание коллектива, который был бы в состоянии заниматься широкой научно-исследовательской деятельностью [Божков, 1952]. Появление журнала тесно связано с задачами научного института, который проводил исследования по болгарской литературе от Средневековья до современности в теоретическом, историческом, культурном и сопоставительном аспектах. Главными областями научного интереса Института литературы выступали древнеболгарская литература, литература болгарского Возрождения, современная болгарская литература, теория литературы, сопоставление литератур, русская литература, архивные и библиографические исследования и изучение литературных источников.

Наибольшее количество публикаций в «Известиях» были посвящены литературе болгарского Возрождения, новой болгарской литературе и исследованиям по средневековой литературе. Особую ценность представляют опубликованные в журнале тексты староболгарских рукописей, аналитическое описание рукописных сборников и впервые опубликованные тексты болгарских авторов. Исследования, публикуемые в журнале, способствовали выходу многотомной истории болгарской литературы, что являлось приоритетной задачей Института [Германова].

Огромный вклад в постановку и раскрытие этих принципиальных для литературоведения проблем внесли члены редколлегии журнала. Ответственным редактором журнала дольше всего выступал Стойко Божков, которого сменяли в этой должности Людмил Стоянов, Боян Ничев и Иван Цветков. В состав редакционной коллегии в разные годы входили: Николай Лилиев, Георги Цанев, Пантелей Зарев, Симеон Русакиев, Петър Динев, Боню Ангелов, Велчо Велчев, Кръстьо Генов, Боян Ничев и Иван Цветков.

В «Известиях» публиковались статьи и исследования ведущих болгарских и иностранных специалистов по проблемам, относящимся к целостному развитию болгарской литературы — периодизации, литературной истории, а также влияний и связей с балканскими, славянскими и другими европейскими литературами. В публикациях «Известий» раскрыты основные характеристики болгарской национальной литературы и показано её историческое значение как одной из самых старых славянских литератур.

Литература

Божко С. Институт за българска литература при БАН // Известия на института за българска литература. София, 1952. Книга I. С.182 — 185.

Германова А. Известия на института за литература // <http://www.ilitizda.com/sites/noble/publications-of-the-institute-of-literature/periodicals.html>

Н. В. Прасолова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

К 60-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ «ИЗВЕСТИЯ НА ИНСТИТУТА ЗА БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА»

This article is dedicated to the 60th Anniversary of the journal «Izvestija na Instituta za literatura» (News from the Institute of Literature), founded in 1952. It was the first literary periodical of the Institute of Literature at the Bulgarian Academy of Sciences. The main areas of research of the journal were Old Bulgarian Literature, Bulgarian Renaissance Literature, Modern and Contemporary Bulgarian Literature, Theory of Literature, Comparative Literature, Russian Literature, Archivistics and Bibliographical Studies and Studies of Literary Sources.

Вълчева-Тихова К. Г., д-р, Софийский университет Святого Климента Охридского (Болгария)

«ДОДАТАК» ВУКА КАРАДЖИЧА — В ЗАЩИТУ СЛАВЯНСКОГО РОДА И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Serbian scientist Vuk Karadzich is one of the first, who begins to write about bulgarian language as about an independent Slavonic language. He first published bulgarian folk songs in 1822 as an example of bulgarian language.

Произведение сербского ученого Вука Караджича «Додатак к Санктпетербургским сравнительным рјечницима свију језика и нарјечија с особитим огледима бугарског језика» [Караджич, 1822] создано в бурный период. Это начало XIX века, когда болгарский и сербский народы отстаивают свою самобытность. «Додатак...» состоит из двух частей: 1. Дополнение к Санкт-Петербургским сравнительным словарям всех языков и наречий. 2. Специальные образцы болгарского языка.

В первой части Караджич дает краткие сведения о словаре Екатерины Великой и о славянских языках, которые в него включены [Паллас, 1787, 1789]. Он дает перевод всех

273 слов из этого словаря и 12 порядковых числительных в пять колонок: русские, иллирийские, сербские (по оригинальному тексту), сербские (в исправленном тексте) и болгарские слова. Во второй части он дает образцы болгарского языка, отмечая самые характерные его особенности: наличие постпозитивного артикля и утрата склонения.

В своем сочинении Вук перечисляет болгарские буквы, приводя и некоторые сербские звуки и их графические соответствия. Он дает перевод из Евангелия от Луки, молитвы Отче наш, Притчи о самарянине, Притчи о блудном сыне и в конце помещает 27 болгарских народных песен. В послесловии он умело сопоставляет болгарские народные песни с сербскими и анализирует языковые различия. Вук убедительно доказывает, что болгарский язык — не сербское наречие, а самостоятельный язык.

Особый интерес представляют 27 болгарских народных песен. Все песни имеют метрический характер. Обнаружив эти песни, Вук стремился показать жанровое богатство болгарской народной песни и, кроме того, представить особенности болгарского языка в естественном контексте. Так песенно сербский ученый, писатель и фольклорист вводит болгар в науку.

Каждая песня создает свое неповторимое видение, вместе с тем песни могут быть объединены в несколько групп. Пять песен представляют свадебный цикл, создают праздничное настроение с типичной для болгарских свадеб атмосферой подъема и воодушевления. В лирических песнях чувствуется тепло и задушевность, приподнятое настроение, любовь к семье, детям, земле, родине — жизнеутверждающее начало в жизни болгарина. В исторических песнях, созданных в определенный исторический период, отражаются отношения между народом и его поработителем. Собранные Вуком Караджичем болгарские народные песни доказывали, что существует болгарский язык и болгарская народность. Более того, в процессе исследования песен сербский ученый открыл много соответствий с другими славянскими языками — русским, сербским, хорватским, чешским, польским, лужицкими.

Первым написал рецензию на «Додатак...» Йерней Копитар. Он подчеркнул, что именно Вук Караджич подобно Станко Вразу, Александру Востокову, Юрию Венелину, Петру Бессонову открыл перед славистами самый верный путь к языку и литературе болгар. Сегодня мы можем только с признательностью поклониться перед большим ученым Вуком Караджичем и перед его святым делом.

Литература

Караджич Вук. Додатак к Санктпетербургским сравнительным рјечницима свију језика и нарјечја с особитим огледима бугарског језика. Беч, 1822.

Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч.1.1787. Ч.2.1789.

Трендафилов Петр, к. филол. н., лектор (Болгария), Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА ПОЭМЫ ГЕО МИЛЕВА «СЕНТЯБРЬ»: БОГОБОРЧЕСТВО И ПАРАРЕЛИГИЯ

In the present study, it is being analyzed the end of the poem *September* by the Bulgarian avangardist poet Geo (Georgi) Milev, written in 1924 after a brutal and bloody dispute between the authorities and the people rebelling in 1923. It is also being examined the influence of the Russian Futurists V. Mayakovsky and V. Hlebnikov, while a specific attention is paid to the themachic and parareligious motifs in the end of the poem, as well as to the development of the theme of the month of May in Geo Milev's work which, in the poem *September*, reaches a most vivid expression.

Поэма «Сентябрь» болгарского поэта-модерниста Гео (Георги) Милева написана в 1924 г. после жестокой расправы власти с восставшим в 1923 г. народом; за эту поэму его осудили, а потом убили, когда ему было 30 лет.

В докладе рассматривается двенадцатая глава поэмы, в которой автор перечисляет ряд богов в связи с идеями о богоборчестве и о неизбежном историческом возмездии.

Главное место в основном тексте работы занимает анализ финала поэмы в связи с некоторыми текстами русских футуристов Вл. Маяковского В. Хлебникова и, в частности, с теми произведениями указанных авторов, которые касаются богов и вообще религии. Творчество Г. Милева хорошо изучено с точки зрения поэтики экспрессионизма и историко-мифологических проекций этого направления, однако исследование трансформаций футуризма в его поэзии имеет перспективы. Поэма «Сентябрь» — это, в определенной степени, синтез экспрессионизма и футуризма.

В работе учитывается влияние Маяковского на Г. Милева. Болгарский поэт отлично знал его творчество и перевел несколько стихотворений Маяковского: «Наш марш» (1921), «Голод на Волге» (1923), поэму «150 000 000» (1923), «1 мая» (1924) и «Мы не верим!». Критики давно заметили, что поэма «150 000 000» повлияла в формальном и содержательном отношении на поэму «Сентябрь». От Маяковского Милев воспринял от-

крытую, эпатажную форму богоборчества. Это хорошо видно в последних главах поэмы «Сентябрь» и особенно в уже процитированной 12-ой главе.

В докладе обобщается, что Гео Милев создал последовательно две поэтические модели: первая из них, связанная с левым немецким экспрессионизмом и с его крупнейшим представителем Эрнстом Толлером, а в конце своей краткой жизни он ориентировал свое творческое кредо на Маяковского, частично на Хлебникова, и, в некоторой степени, на поэму Ал. Блока «Двенадцать», которую он перевел.

Отношение Хлебникова к религиям мира достаточно сложно, амбивалентно, оно дает основание некоторым исследователям определить его как парарелигиозность. Парарелигиозность — это не только парадоксальное совмещение различных религий и мифологических образов, а своеобразный, неординарный прием постижения новой поэтичности мирового масштаба. Парарелигиозность выражается чаще всего в сочетании элементов разных религий в новом, обобщающем религиозном комплексе, как это видно в поэме «Ладомир», в пьесе «Боги», в стихотворении «Весеннего Корана...» Примечательно, что христианство и его главные персонажи почти отсутствуют в творчестве Хлебникова.

Существуют также некоторые соответствия между поэмой «Сентябрь» Г. Милева с некоторыми произведениями Маяковского и Хлебникова. В 12-ой главе поэмы, где перечисляются имена верховных богов разных религий, видно, что среди них отсутствует Иисус Христос. Для Милева сонм богов является на самом деле одним богом, и это подтверждается обращением к ним в единственном числе. Перечисление богов можно сравнить с некоторыми цитатами из произведений Хлебникова и прежде всего с возгласом Маяковского в его поэме «Война и мир»: «Где они — боги?» «Бежали, все бежали, и Саваоф, и Будда, и Аллах, и Иегова».

В конце доклада дана интерпретация темы месяца мая. Милев написал пять текстов, в которых присутствует тема мая. Самый важный из них — это финал поэмы «Сентябрь», где помещено известное поэтическое воззвание: «Сентябрь будет маем! Земля будет раем! Будет!»

Согласно нашим наблюдениям, существует аналогия между финалом поэмы Г. Милева и финалом не так уж знакомой драмы в прозе и стихах Хлебникова «Снежинка» (1916 г.): «И цветень сменит сечень. И близки, близки сечи». Таким образом, в обоих произведениях подчеркивается вера в прекрасное будущее, в наступление нового мира. Отмеченное сходство указывает на близость между русским футуризмом и болгарским экспрессионизмом в типологическом, а, может быть, и в контактологическом плане: поэма Милева написана после поэмы Хлебникова.

Делается вывод, что текстовый корпус поэмы «Сентябрь» включает в себя некоторые элементы поэтики русского футуризма (утопизм, богоборчество, антирелигиозность, парарелигиозность), которые сочетаются с поэтическими приемами экспрессионизма. Футуристично-экспрессионистический эпилог поэмы является доказательством, что Гео Милев перенес в болгарскую литературу мотивы двух литературных направлений, которые на своих родинах уже теряли значение: действительно, и левый немецкий экспрессионизм, и русский футуризм находились на закате своей поэтической и культурной миссии.

З. К. Шанова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

БОЛГАРСКИЕ КНИГИ В БИБЛИОТЕКЕ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

Sreznevsky private library is stored in the Library of the Russian Academy of Sciences. Sreznevsky collection contains a lot of rare and valuable bulgarian books of XIX century, some books have autographs and inscriptions. This collection is an interesting literary monument of cultural heritage, of Russian-Bulgarian cultural and scientific relations in XIX century.

Библиотека И. И. Срезневского около 30000 томов была передана Императорской Академии наук его наследниками в 1912 г. [Иваск, 1912, 48]. Еще ранее, в 1903 г., в Академию наук поступил от наследников «весь славянский отдел» [История БАН, 1964, 278] личной библиотеки И. И. Срезневского, который хранится единым комплексом как мемориальная библиотека в Славянском фонде БАН. В настоящее время этот комплекс насчитывает 2029 названий славянских книг, брошюр и журналов, из них болгарских — 68 названий [Болгарские раннепечатные издания, 2002, 5].

И. И. Срезневский еще в 1845 г. издал «Очерк книгопечатания в Болгарии» [Срезневский, 1845], в котором освещены основные издания на болгарском языке 1806-1845 гг. В «Очерке» описана и «первая печатная болгарская книжка» «Молитвенный крин» (У Будиму. 1806. 80 с.), представляющая «собрание молитв утренних и вечерних» [Срезневский, 1845, 6], приводится отрывок из книги — молитва «Отче наш» («Башта наш, които си на небо...»). Это свидетельство о первой печатной болгарской книге является уникальным, поскольку «Молитвенный крин» — «до сих пор не разысканная» книга, «в первый и последний раз была описана и изучена именно И. И. Срезневским и известна науке только благодаря его свидетельству» [Болгарские раннепечатные издания, 2002, 5]. Почти все аннотированные в «Очерке» книги сохранились в библиотеке И. И. Срезневского, ко-

тору он пополнял и новыми изданиями. В собрании болгарских книг И. И. Срезневского представлена учебная литература (напр., Хр. Павлович. Арифметика или наука числительна. Белиград, 1833; Петър Берон. Буквар с различни поучения. Изд. 2. В Букурещ, 1841, названный болгарами «Рыбный букварь», т. к. на последних его страницах есть изображение кита и дельфина), художественные произведения (напр., Стоян и Рада. Стихотворение на Найдена Геров. Одесса, 1845; Райна княгиня. Драма в пет действия от Д. П. Войникова. Браила, 1866), переводы религиозной литературы (напр., Новый Завет. Букурещ, 1828 – первый перевод Евангелия на болгарский язык, осуществленный Петром Сапуновым и отцом Серафимом; Новый завет. В Смирне. 1840 — второй перевод Евангелия на болгарский язык, сделанный Неофитом Рыльским) и художественной литературы (напр., Райна, българска царкыня. Приказ на А. Ф. Вельтмана. Преведе от руски Елена Мутева. СПб., 1852), словари (напр., Френско-български и българско-френски речник. От д-р И. А. Богоров. Ч. 1. Виена. 1869) и др.

Многие книги из библиотеки И. И. Срезневского имеют дарственные и владельческие надписи. Так, на книге «Българска граматика» Неофита Рыльского (В Крагуевце. 1835) есть автограф О. М. Бодянского, которому книга первоначально принадлежала и который в 1843 г. подарил её И. И. Срезневскому.

На выставке, подготовленной в читальном зале Славянского фонда БАН, представлены 45 болгарских книг из ценнейшей коллекции И. И. Срезневского, являющейся важным памятником русско-болгарских научных и культурных связей XIX в.

Литература

Болгарские раннепечатные издания в Библиотеке Российской Академии наук (1823-1878). Каталог коллекции /Сост. к. пед. н. Е. В. Комиссарова. Отв. ред. д. пед. н., проф. В. П. Леонов. СПб., 2002.

Иваск У. Г. Частные библиотеки в России. Ч. II-я. Приложение к «Русскому библиографу» 1911 г. СПб, 1912.

История БАН СССР (1714-1964). М.-Л., 1964.

Срезневский И. И. Очерк книгопечатания в Болгарии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1846. № 9, отд. 5. С. 1-28.

Историческая лексикология и лексикография русского языка

К. И. Коваленко, магистр, Институт лингвистических исследований РАН (Россия)

Наименования растений и их описание в древнерусской литературе и азбуковниках XVII в.

Азбуковник как лексикографический жанр сложился к середине XVI в. При составлении азбуковников древнерусский лексикограф пользовался как предшествующими лексикографическими сводами, так и материалами из более поздних или современных ему литературных текстов. В докладе предпринята попытка проследить, из каких литературных текстов названия растений попадали в азбуковники и становились объектом толкования, а также каким образом работал лексикограф, отбирая необходимые сведения для описания того или иного неизвестного растения.

Одним из предшествующих азбуковнику источников является греческо-русский разговорник «Рѣчь тонкословія греческаго» Преобразования, сделанные лексикографом при включении материалов разговорника в азбуковник, минимальны: изменен лишь порядок слов: *Рѣна, гондиліа*. [РТГ, 12] → *Го/ндиліа, рѣна* [Азб. 1642, л. 39].

Другим литературным источником азбуковников является Священное Писание. В азбуковнике отражаются разночтения в списках библейских текстов и тектологическая правка переводов — замена одних слов другими.

Из Поучений аввы Дорофея в азбуковники было заимствовано слово *феракия*, которое толкуется как название растения. На самом же деле при переводе Поучений так было транслитерировано греческое слово $\theta\eta\rho\iota\alpha\kappa\acute{o}\nu$ ‘средство против звериного яда, терияк’ [Фасмер, 1986, 48].

Описания растений *елеворъ* и *родонъ* попали в азбуковник из сочинений Максима Грека. Текст Максима Грека изменен в соответствии с требованиями оформления статей азбуковника: выделено заголовочное слово, семантика определяется через гипероним и указание на лекарственные свойства растения и особенности применения.

В ряде азбуковников помещена статья с описанием дерева *огенус*. Источник этих статей — одно из исторических произведений Древней Руси «Царство греческое». Для этой статьи составитель азбуковника отбирает лишь некоторые признаки, указанные в тексте.

В статье, посвященной описанию лимонного дерева, указано сразу несколько источников: Лествица Иоанна Синайского, Житие Онуфрия Великого и Повесть Святогорская. При этом описание деревьев заимствовано только из одного из них. Указание на

другие литературные произведения, где встречается данное слово, приближает азбуковники к словарям типа конкорданс.

Ряд статей имеет ссылку на естественнонаучную литературу — Лечебник. Однако текст лечебника, содержащего названия данных растений, обнаружить пока не удалось.

Таким образом, источником новых названий и сведений о растениях послужили литературные произведения разной направленности. При заимствовании лексикограф преобразовывал материал в соответствии с требованиями статьи азбуковника. Как правило, он стремился к полноте описания, выбирая всю имеющуюся информацию о растении, однако в отдельных случаях наблюдаются незначительные сокращения или же, наоборот, дополнительные сведения, интерпретирующие неизвестные слова в соответствии с их трактовкой составителем азбуковника.

Литература

Азб. 1642 — Азбуковник, рукопись РНБ, собр. Погодина, № 1642, нач. XVII в., 174 л.

РТГ — Рѣчь тонкословія греческаго: Русско-греческие разговоры XV-XVI вѣка. Сообщ. Николая Никольского. Санкт-Петербург, 1896.

Фасмер, 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М., 1986. Т. IV.

Kira Kovalenko, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

Phytonyms and Their Descriptions in the Old Russian Literature and Old Russian Manuscript Dictionaries of the 17th Century

Old Russian manuscript dictionary (Azbukovnik) was formed in the middle of the 16th century and widely spread in the 17th. As material for the entries, compilers used earlier lexicographical works and Old Russian literature texts. The paper concerns the sources of plant descriptions and peculiarities of compilers' work. Usually compilers transformed the original texts in accordance with the manuscript dictionary structure. As a rule, they picked up all the information concerning the plant, but sometimes they slightly reduced texts or, on the contrary, expanded them, treating them amenably to their notions.

А. С. Щекин, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В КОПЕНГАГЕНСКОМ РУКОПИСНОМ РАЗГОВОРНИКЕ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются формулы речевого этикета: приветствие, согласие, благодарность, представленные в русском рукописном разговорнике первой половины XVII века из собрания Королевской библиотеки в Копенгагене, опубликованном датским славистом Х. К. Сёренсеном [Sørensen 1962]. Они анализируются в сопоставлении с западноевропейским прототипом Копенгагенского разговорника — разговорником Н. ван Берлемона на примере его делфтского издания, содержащего восьмиязычную латино-французско-фламандско-немецко-испанско-итальянско-английско-португальскую версию [Berlaimont 1598]. Сравнительный анализ показал, что преобладание в Копенгагенском разговорнике развернутых формул речевого этикета объясняется влиянием западноевропейского оригинала, представляющего собой не запись спонтанной разговорной речи, а литературный текст — образец того, как следует вести беседу. Ср., например, следующие формулы приветствия: «Гарман: Б(о)гъ дай тобѣ доброй д(е)нь, Анца. Анца: Тебѣ тако же, твоему смиренію, г(о)с(у)д(а)рь Гарманъ, дай б(о)гъ доброй д(е)нь» [Sørensen 1962, 15] — “Hermes. Gott gebe euch ein guten tag Hans. I. Und euch auch Hermes, einen guten tag gebe euch Gott” [Berlaimont 1598, B4v], или прощания: «Анца: Дай вамъ б(о)гъ добрую ночь. Петръ: И вамъ то же, будите б(о)гом хранимы» [Sørensen 1962, 39] — “H. Gott gebe euch ein gute nacht. P. Und euch auch, seydt Gott befohlen” [Berlaimont 1598, G3v]. Но Копенгагенский разговорник нельзя считать и буквальным переводом иноязычного текста, так как, ориентируясь на максимально точную передачу смысла оригинала, переводчик в то же время следовал нормам русского языка XVII века, например, употребляя обращение на «ты» в соответствии с принятой в большинстве европейских языков того времени форме вежливости на «Вы». В русском переводе были использованы и фразеологические средства русского языка, как, например, устойчивое сочетание «хлеб да соль» в пожелании приятного аппетита: «Анца: Лука, поди на двор — Лука, добро пожаловат итти на двор. Лука [слуга Андрея]: Хлѣбъ да соль вам!» [Sørensen 1962, 35] — “H. Lucas, gehet herein. L. Gott gesegne euch die maelzeyt” [Berlaimont 1598, F4v]. Все это свидетельствует о достаточно высокой квалификации русского переводчика разговорника Н. ван Берлемона.

Литература

Berlaimont 1598 — Colloquia et dictionariolum octo linguarum, Latinae, Gallicae, Belgicae, Teutonicae, Hispanicae, Italicae, Anglicae, et Portugallicae: liber omnibus linguarum studiosis domi ac foris apprime necessarius. Delphis 1598.

Sørensen 1962 — Ein russisches handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. Mit Kommentar von Hans Christian Sørensen. København 1962.

This article is based on the examination of the Russian manuscript phrasebook of the XVII century from the Royal Library in Copenhagen and its relationships with the phrasebook of Noël van Berlaimont.

История зарубежных литератур. Зверь и человек в западноевропейских и американских литературах

**В. Б. Браун, магистр филологии
СПбГУ (Россия)**

ЗВЕРИ И ПТИЦЫ И ИХ СКАЗОЧНЫЕ ФУНКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Дж. Р. Р. ТОЛКИНА О СРЕДИЗЕМЬЕ

В произведениях Дж. Р. Р. Толкина о Средиземье («Властелин колец», «Хоббит», «Сильмариллион» и др.) речь о животных заходит не так часто — в целом звери и птицы находятся на периферии повествования. Тем не менее, в некоторых случаях животные не только упоминаются, но и обретают черты, отчетливо соотносящиеся с функциями животных в волшебных сказках, выделенных в работах В. Я. Проппа.

Орлы упоминаются в произведениях Толкина несколько раз: орёл Торондор уносит Берена и Люттиэн из крепости злых сил Ангбанд, орёл Гвайхир спасает Гэндальфа из заточения в башне Сарумана, Фродо и Сэма орлы выносят из Мордора после уничтожения кольца. Несмотря на то, что связанный с фольклорным орлом мотив кормления отсутствует полностью, сохраняется его функция — перенос героя в другое царство.

Другим ярким примером могут служить кони. Во «Властелине колец» у многих персонажей есть верные скакуны, у хоббитов — пони, но все они животные приземленные, реалистичные. Иной случай — Серосвет, конь Гэндальфа, наделенный явно фольклорными чертами: он бесстрашен, понимает речь людей, бежит быстрее ветра, не приемлет ни уздечки, ни седла. Масть его — серебристо-белая, в темноте же он почти невидим («Белый цвет есть цвет существ, потерявших телесность. <...> Таким является и конь, и не случайно он иногда назван невидимым» [Пропп, 2009, с.261]).

Иную группу представляют животные, ассоциирующиеся в произведениях Толкина со злыми силами: волки и пауки. Предводители волколаков (свирепой разновидности волков, выведенной темным властелином Морготом) Средиземья, подобно орлам, на протяжении нескольких поколений сохраняют за собой одну и ту же функцию — охранять вход в крепости Саурона и его приспешников. Так, волколак Драуглуин охранял крепость Толлин-Гаурхота, а его потомок Кархарот — цитадель Ангбанда. В предании о Берене и Лютиэн Кархарот выступает традиционным стражем врат в темное царство, справиться с ним Берену помогает волкодав Хуан, реализующий таким образом свою роль волшебного помощника (аналогично роли Серого волка в русских сказках).

В «Сильмариллионе» рассказывается о паучихе Унголианте, объединившейся с Мелькором в войне против светлых сил. Во «Властелине колец» мы встречаемся с ведущей от нее свой род Шелоб, выступающей, опять-таки, в роли стража при входе в иное пространство. Именно через пещеру Шелоб хоббиты попадают в Мордор, царство тьмы, не теряющее ассоциации и с царством мертвых. Таким образом, функционально Шелоб сближается с Бабой Ягой и ее аналогами (В. Я. Пропп отмечает, что в некоторых случаях вместо хозяйки царства мертвых можно видеть «женщину-животное, охраняющую вход в иное царство» [Пропп, 2009, с. 171]).

Так, в произведениях Толкина звери и птицы нередко выполняют традиционные сказочные функции, хотя и не сводятся к ним.

Литература

1. Day D. A Tolkien Bestiary. London, 2001.
2. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2006.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2009.

Beasts and birds in J. R. R. Tolkien's texts about Middle-Earth and their fairy tale functions

The article deals with beasts and birds in J. R. R. Tolkien's books about Middle-Earth (*The Lord of the Rings*, *The Silmarillion*, *The Hobbit*) and various cases of them functioning as the same animals in traditional fairy tales. Considered examples include eagles, horses, spiders, dogs and wolves. Eagles in Middle-Earth act most often as saviors, rescuing characters from capture or domains of evil, which partly corresponds with their fairy tale function of transporting the hero into another land or kingdom. Of all the horses mentioned in Tolkien's books, Shadowfax, Gandalf's horse, is the most notable one – it was capable of comprehending human speech and was said to run faster than the wind, its silvery-white color also indicating its otherworldly nature. Wolves and spiders, on the other hand, serve evil in Middle-Earth and most often guard the entrance into the lands of darkness, which brings them closer to Baba Yaga and other traditional guardians of the underworld. Therefore, in Tolkien's texts beasts and birds sometimes act as their fairy tale prototypes, yet their functions are not limited to those in fairy tales.

Е. В. Бурмистрова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Россия)

МИФОЛОГЕМА ГЕРОЯ И МОНСТРА В ПОЭЗИИ СТЕФАНА ГЕОРГЕ

Исследователи нередко отмечают присутствие в творчестве Стефана Георге образов и мотивов, связанных с античной мифологией, литературой и искусством [Varthalitis, 2000]. В стихотворных текстах Стефана Георге античные мифологемы трансформируются в связи с усвоением им традиции европейского символизма и в силу особенностей индивидуального поэтического стиля [Grigorian, 2009].

У Георге мифологема героя встречается, например, в стихотворении «Борец». Взяв на вооружение тезис об обязательной многозначности или неоднозначности символа, поэт конструирует предельно размытый образ. «Борец» гипотетически может быть не только воином, но и поэтом. В описании героя можно обнаружить также имплицитные автобиографические моменты. При помощи сравнения со львом в герое подчеркивается «звериное» начало, он несет в себе частицу «монструозного».

В стихотворении «Гибель победителя» Георге трактует мифологему героя как сюжет о «поверженном победителе». Обращает на себя внимание гендерная оппозиция «герой-мужчина — чудовище (или антагонист) женского пола». Герой Георге не подчиняется полностью женскому деструктивному началу, он находит в себе силы вернуться на родину и там, скрываясь, наблюдает за тем, как женщины производят на свет детей — будущих героев. Можно усмотреть здесь параллели с биографией самого Георге (создание так называемого «кружка Георге», где по мысли поэта, действительно взращивались будущие «герои» культурной жизни Германии). Георге в «Гибели победителя» акцентирует трагическое, уязвимое в архетипическом образе героя и одновременно наделяет его автобиографическими чертами.

Еще более завуалированной мифологема монстра предстает в стихотворении «Голоса в потоке». Трактовка мифа о русалках (унидинах) у Георге в данном случае более оптимистична, так как водное царство сулит попавшим в него не смерть, а жизнь в подводном мире. Важным аспектом для понимания смысла стихотворения, на наш взгляд, становится то, что певичцы-сирены несут в себе творческое начало; таким образом, поэт и в этом тексте может отождествить себя не с героем-победителем, а непосредственно с его антагонистом-монстром.

Образ фантастического существа как символ творческой личности встречаем и в стихотворении «Владыка острова». Центральный образ этого стихотворения — гигантская птица, которую по многим признакам можно отождествить с Фениксом. Однако птица у Георге, в отличие от мифологического Феникса, не возрождается — текст завершается ее гибелью, причиной которой стало вторжение людей на остров. Здесь, безусловно, просматривается отчетливая связь с метафорой поэта-птицы, известной еще с античных времен, а в эпоху *fin de siècle* приобретающей трагическое звучание.

Подводя итог, можно сделать предположение, что к античным мифам и, в частности, к рассмотренной выше мифологеме героя и монстра Стефан Георге относится скорее как к психологическим архетипам, существенным для его внутреннего мира, для «жизни души». Некоторые качества и функции упомянутых образов используются поэтом для саморефлексии собственной личности как творческого субъекта.

Литература

Grigorian N. European Symbolism: In Search of Myth (1860-1910). Fr.-a.-Main, 2009.

Varthalitis G. Die Antike und die Jahrhundertwende. Stefan Georges Rezeption der Antike. Heidelberg, 2000.

Elizaveta Burmistrova, PhD, Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Russia)

THE MYTHOLOGEM OF A HERO AND A MONSTER IN STEFAN GEORGE'S POETRY

In his works Stefan George uses many images connected with ancient Greek and Roman literature and art. The mythologem of a hero and a monster appears in such poems as “Der Ringer”, “Das Ende des Siegers”, “Stimmen im Strom” and “Der Herr der Insel”. George transforms this mythologem according to the traditions of European symbolism and distinctive features of his own poetic style. The figures of a hero and a monster in George's poems may have a function of psychological archetypes and are sometimes used for poetic self-reflection.

И. И. Бурова, д. филол. н., СПбГУ (Россия)

РЕНАРДИЧЕСКАЯ ПОЭМА Э. СПЕНСЕРА “СКАЗКА МАТУШКИ ХАББЕРД”

Сюжетно восходя к «Роману о Лисе» и обнаруживая сходство с ним на уровне мотивов и деталей, ренардия Спенсера отличается большей широтой изображения, и лес в ней оказывается лишь одной из многих областей ойкумены, куда в поисках удачи попадают чужеродные персонажи-авантюристы, недовольные несправедливостью мира, но пытающиеся добиться успеха, поступая по его несправедливым законам. Апофеозом безобразий, творимых Обезьяной и Лисом, становится узурпация власти в лесном королевстве Льва.

Опубликованная в 1591 г. поэма Спенсера не вошла в его первое собрание сочинений (1611), что побуждает искать в ней признаки не только сословной сатиры, но и конкретной политической аллегории. Ключами к ее расшифровке являются обиды, причиненная геральдическому животному Англии, выбор имени повествовательницы (фамилия Хабберд ассоциируется с браком благодаря популярной припевке “Hubba hubba, ding ding...”) и новый для ренардии образ Обезьяны. Аре — прозвище, которым елизаветинцы называли следовавших итальянским (католическим) веяниям модников. Таким образом, спенсеровская Обезьяна — католик, из корыстных соображений перешедший в протестанство и прибывший к иностранному двору, чтобы захватить власть. Круг замыкается: Обезьяна — это герцог Анжуйский, дважды сватавшийся к Елизавете I, а Лис — французский посланник Симье, сопровождавший принца в поездках в Англию. «Сказка» оказывается тематически связанной с ноябрьской эклогой «Пастушеского календаря», в которой английской Дидоне предрекается гибель, если та решится на брак с Франциском Валуа.

Однако если в «Ноябре» речь шла о надвигающейся национальной трагедии, то в ренардии звучит глас английского народа, насмехающегося над неудачей врагов.

Литература

1. Greenlaw E. Spenser and the Earl of Leicester // PMLA. No. 25. 1910. P. 535—561.
2. Stein H. Studies in Spenser's *Complaints*. New York: Oxford University Press, 1934
3. Van den Berg R. The Counterfeit in Personation: Spenser's *Prosopopoeia* // *The Author and his Work: Essays on a Problem in Criticism*. New Haven: Yale University Press, 1978. P. 86— 02.

I. I. Burova, Doctor of Philology, St. Petersburg State University (Russia)

“Mother Hubberds Tale”, the Renardian poem by Ed. Spenser

The paper treats “Mother Hubberds Tale” by Ed. Spenser as a social satire developing recognizable traditions of medieval poems about Renard the Fox to show how they are mixed with Renaissance motives to update the allegorical meaning of the beast-fable. It is argued that the political allegory of the poem is closely concerned with the prospect of Elisabeth I's French marriage, which links it to the November eclogue of “The Shepherds Calender”. While in the November eclogue the poet felt he was to alert his Protestant compatriots to the oncoming danger, in his later work he could slant to mockery describing the enemy's misfortune.

Э. В. Васильева, бакалавр филологии, СПбГУ (Россия)

СЦЕНЫ ПЕРВОГО СВАТОВТСТВА В РОМАНАХ ДЖ. ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ» И Э. ГАСКЕЛЛ «СЕВЕР И ЮГ»: РУССОИСТСКИЙ ИМПУЛЬС В АНГЛИЙСКОМ ЖЕНСКОМ РОМАНЕ XIX В.

Идеи Ж.-Ж. Руссо пользовались большой популярностью в Европе конца XVIII в., однако его тезисы достаточно противоречивы: несмотря на первоначальную установку на всеобщее равенство, женщине отводится лишь второстепенная роль по отношению к мужчине. Тем не менее, именно художественная практика Руссо способствовала перемещению акцента в тексте на женский образ. Откликаясь на идеи Руссо, английские романистки конца XVIII — начала XIX столетия создали целую галерею принципиально новых женских образов. Мужские образы выстраиваются по отношению к доминирующему женскому. В докладе рассматривается показательная сцена первого неудачного сватовства в романе Остин «Гордость и Предубеждение» (1813) и аналогичная ей сцена в романе Га-

скелл «Север и Юг» (1855); на примере этих двух текстов определяется, как соотношение социальных ролей мужчины и женщины отражалось в женской литературе соответствующего периода.

Любовные коллизии обоих романов схожи: характеры героев полярно противоположны, проходя через ряд препятствий, преодолевая заблуждения, они приходят к настоящему чувству и глубокому взаимному уважению.

Если в раннем творчестве Джейн Остин во многом следует за Руссо (включая подражание на уровне стилистики), в своих более поздних произведениях она вступает с ним в открытую полемику. Остин дает читателю понять, что ее герои имеют много общего, несмотря на все различия в их характерах. Ее героиня Элизабет Беннет намеренно разрушает сложившийся образ женщины своего времени. В сцене сватовства все внимание сосредоточено на переживаниях героини, на ее внутреннем монологе. Образ Дарси теряет свою трехмерность, но Остин показывает нам его внутреннюю борьбу — противостояние долга (его семья, его положение в обществе) и чувства.

Тенденция к психологизации прозы, к повышению эмоциональности через обращение к внутреннему миру героев усиливается по мере укрепления реализма. Однако объективное психологическое повествование должно раскрывать внутренний мир обоих героев, в то время как женский роман начала XIX века полностью ориентирован на героиню и ее переживания, а мужской образ отходит на второй план и становится менее значительным.

В романе «Север и Юг» Элизабет Гаскелл создает необыкновенно сильную, эмоциональную сцену признания Джона Торнтона Маргарет Хейл, в которой внутренние монологи героев и их реплики звучат полифонией, позволяя читателю оценить весь драматизм эпизода. Героиня Гаскелл очень отличается от вспыльчивой Элизабет из романа «Гордость и Предубеждение» и словно воплощает руссоистский идеал молодой женщины, но строгие нормы викторианской морали идут вразрез с ее в действительности импульсивным характером. Предложение Торнтона она воспринимает как покушение на свою свободу, единственно возможное решение для нее — отклонить предложение. Авторские комментарии исчезают, герои вступают в открытое противостояние характеров. Здесь мы снова сталкиваемся с критическим восприятием руссоизма. Если Руссо отрицает Разум и ставит во главу угла чувство, порыв, то Маргарет, напротив, оставляет свои чувства в стороне и, словно устыдившись их, пытается вести себя разумно, но она вовсе не уверена в том, что поступила правильно. Таким образом, заставляя внутренние миры героев звучать и вступать в диалог друг с другом, Гаскелл воссоздает объемную картину мира в ее восприятии обоими героями.

Итак, функция эпизодов сватовства в романах «Гордость и Предубеждение» Джейн Остин и «Север и Юг» Элизабет Гаскелл заключается не только в иллюстрации соотношения мест мужчины и женщины в обществе в конкретный период времени. Они принципиально важны для построения сюжета, позволяя усложнить и драматизировать любовную коллизию, давая автору возможность выразить личную позицию в области моральных норм, психологии полов и этики отношений между мужчиной и женщиной.

Литература

1. Длугач Т. Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). — М.: Наука, 1995. — 221 с.
2. Cohen P. M. Jane Austen's rejection of Rousseau: A novelistic and feminist initiation // Papers on Language and Literature. — Edwardsville: Summer 1994. Vol. 30. Iss. 3. pg. 215 — 230.

Vasilyeva E. V., BA, St. Petersburg State University

Episodes of the first proposal in “Pride and Prejudice” by J. Austen and “North and South” by E. Gaskell: Rousseauist impulse in the English novel for women of the 19th century

The article deals with Rousseau’s idea of equality and its perception by women-writers of the 19th century. Jane Austen and Elizabeth Gaskell critically subvert Rousseauist type of an ideal woman. Jane Austen’s Elizabeth Bennet deliberately breaks out from the stereotype. In the scene of Mr. Darcy’s proposal we concentrate on Elizabeth’s feelings and emotions, while Darcy becomes a background character of minor importance. Still, Austen shows us his inner struggle between the sense of duty and feelings for Elizabeth. E. Gaskell goes even further in portraying contrasting characters of her Margaret Hale and John Thornton. Margaret, unlike Elizabeth Bennet, behaves according to Rousseauist ideals and Victorian standards, but these false ideals cannot help her much. Trying to be sensible, she makes the wrong choice and turns Thornton down. The episodes of the first proposal are functional in the plot-making system of both novels, they illustrate the place of woman in the society of the corresponding period of time as well as author’s position towards the moral standards of the epoch and gender psychology.

**И. В. Головачева, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ! НОВЫЕ ВЕРВОЛЬФЫ

Исследуя монстров, писатели анализируют человека. В образах чудовищ аудитория получает когнитивную модель, объясняющую человеческую жестокость звериной стороной природы, оправдывая «человека в чистом виде». Сравнение двух современных романов — британского триллера «Последний вервольф» Глена Дункана [Duncan, 2011] и американской саги «Сумерки» Стефани Майер [Meuer, 2010] — позволяет рассмотреть новейшую трактовку литературного вервольфа. В первом романе монстр вполне традиционен. Это кровавое чудовище — человек, зараженный ликантропией несколько столетий назад. Сюжет и антураж хоть и соответствует XXI веку, но от традиции не отступает: вервольфов уничтожит лишь серебряная пуля.

Новаторский образ вервольфа предложен в саге «Сумерки». Любовный треугольник здесь состоит из главной героини Беллы, столетнего, но вечно молодого вампира-вегетарианца и юного индейца, превращающегося в волка-оборотня. Майер не случайно обратила в вервольфов древнее племя коренных американцев [Jensen, 2010], подчеркивая большую телесность оборотней по сравнению с вампирами. Трансмутация Джейка Блэка в «Сумерках» не делает из юноши зверя.

Однако наиболее «чудовищным» оказывается в «Сумерках» именно человек — главная героиня, у которой эрос накрепко спаян с танатосом. Мертвое (вампир), очевидно, обладает для нее устойчивой привлекательностью. В собственной человечности она усматривает лишь ущербность. Выбирая между двумя потенциальными партнерами — вампиром и вервольфом, Белла ни на секунду не задумывается над тем, не выбрать ли вместо них обычного человека. Думается, что эта перверсия объясняется постмодернистской чувствительностью героини, возможно, подсознательно чувствующей, что будущее — если не за киборгами, то за другими окологуманскими биологическими видами, за такими существами, которых еще эволюционист Рихард Гольдшмидт предложил назвать «многообещающими уродами» [Goldschmidt, 1940], отклонениями от нормы, весьма успешно адаптированными к измененным условиям среды и способным дать начало новым видам, новой эволюционной линии. Белла живет в мире, допускающем и стремящимся к трансгенности и трансгендерности. В таком контексте поиск альтернативной идентичности — это адекватная реакция.

Чтобы стать «конкурентоспособной» или хотя бы адаптированной, Белла должна трансформироваться: из рода *homo sapiens* стать *homo transformens*. Похоже, что

вызов времени состоит в сотворении или возникновении новых человекоподобных тварей — киборгов или неогоминидов. Судя по моде на «Сумерки», вариант неогоминида никого не пугает своими франкенштейновскими перспективами, а напротив, представляется желанным.

Майер уготовила вервольфу неожиданную роль, адаптировав его к вампирскому социуму. Кроме того он пригодится и в качестве родоначальника нового, невиданного гибрида «сверхживотного» и «сверхчеловека» — интересная эволюционная перспектива, пусть и имажинерная.

Литература

1. Duncan G. *The Last Werewolf*. — NY: Alfred A. Knopf, 2011.
2. Goldschmidt R. *The Material Basis of Evolution*. — New Haven: Yale University Press, 1940.
3. Jensen K. Noble Werewolves or Shapeshifters // *The Twilight Mystique: Critical Essays on the Novels and Films* / Ed. Marijane Osborn. — 2010. — P. 92-106.
4. Meyer St. *The Twilight Saga Complete Collection*. — L.: Little, Brown and Co., 2010.

Irina Golovacheva, PhD, DSc, St. Petersburg State University (Russia)

MOST ALIVE! THE NEW WEREWOLVES

Two recent novels — Glen Duncun's *The Last Werewolf* and Stephanie Meyer's *The Twilight Saga* — employ the werewolf imagery in a revolutionary way. The former introduces a seemingly traditional werewolf, yet facing completely novel biological issues. The latter depicts a werewolf who adapts to vampire society with the perspective of cross-breeding. More important is the fact that both writers, especially Meyer, offer post-modern vision of humans as a deficient race being in desperate need of transgression or bio-transformation to compete with other species.

Р. Р. Горошкова, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ У Ч. ДИККЕНСА

Среди анималистических образов в творчестве Диккенса доминируют собаки и птицы. Образ животного рядом с человеком как символ того, что не все человеческое умерло в персонаже, ярко являет себя в «Оливере Твисте»: каким бы злодеем ни был

Сайкс, у него есть собака, во многом похожая на своего хозяина, но обладающая неоспоримой добродетелью — преданностью хозяину до смерти, которая совсем неслучайно настигает их в один день. Мотив умирающей вместе с хозяином собаки, усиливающий эмоциональный накал сцены смерти героя, присутствует и в «Дэвиде Копперфильде»: маленький Джип умирает вслед за Дорой. Образ собаки у Диккенса может и возводить отрицательное описание персонажа в последнюю степень (в «Рождественской песни в прозе» Скруджа боялись «даже собаки»), и служить примером людям (Боксер, «Сверчок за очагом»).

Птицы в прозе Диккенса ассоциируются с трагическим. Пернатые сумасшедшей старушки из «Холодного дома» должны были вылететь из клетки после окончания бесконечной судебной тяжбы, которая началась еще тогда, когда эта старушка была молодой жизнерадостной девушкой. Но ни птицам, ни ее хозяйке с говорящим именем Флайт никогда не суждено было обрести истинную свободу. Имена птиц также аллегоричны, указывая на то, какой была жизнь человека до суда и что появляется в ней с началом процесса.

Птицы в рождественской повести «Одержимый или сделка с призраком» усиливают ее готичность.

Анималистические метафоры у Диккенса могут нести как положительную коннотацию (Мышка («Одержимый»)), так и отрицательную (в «Одержимом» одним из ключевых образов является «маленькое чудовище», «не мальчишка, а звереныш»), а сам мистер Редлоу сравнил своих родителей с птицами, которые рано бросают детей на произвол судьбы).

Образы животных позволяют писателю более полно, на новом уровне, раскрыть особенности характеров персонажей.

Литература

1. Wenger J. Character-Types of Scott, Balzac, Dickens, Zola // PMLA. — Vol. 62. — No. 1 (Mar., 1947). P. 213-232.
2. Ireland K. R. Urban Perspectives: Fantasy and Reality in Hoffmann and Dickens // Comparative Literature. — Vol. 30. — No. 2 (Spring, 1978). P. 133-156.

R. R. Goroshkova, post-graduate student, St. Petersburg State University (Russia)

ANIMALISTIC IMAGES IN DICKENS' PROSE

The article describes the use of animalistic imagery in works by Dickens, dogs and birds being the writer's favourites in creation of deeper psychological portraits of characters to whom those animals belonged. A devoted dog is always a means to show a character in a more attractive way. A dog's behavior can either decrease or increase the unfavourable impression produced by a character. Birds are closely connected with misfortunes, lack of freedom and often help Dickens create a gothic intimidation or comic effect. Animalistic metaphors in Dickens can possess either positive or negative connotations.

К. Г. Данцигер, к. искусств. н., Российская Академия Театрального Искусства (ГИТИС)

Проблема комического в английской религиозной мистерии («Таунлийский цикл»).

Антиномичность средневековой культуры ярче всего проявляется в комических образах английских мистериальных циклов. Канонический текст Святого писания дополняется новыми нюансами, превращая цикл в трагифарсовое повествование, где ни один сюжет не может быть принят только в одном аспекте.

Именно поэтому определенной доли снижения и гротескных деформаций в мистериальных представлениях не избегают канонические Евангельские сюжеты. С самых первых пьес «Таунлиского цикла» их автор, «Уэкфилдский Мастер», вводит, казалось бы профанирующие канонический текст детали — диалог Бога и Каина во второй пьесе цикла, Ной, кулаками добивающийся послушания жены, в пьесе «Потоп», Иосиф, подозревающий в измене Марию (пьеса «Благовещение») и, в конце концов, центральная пьеса цикла — «Рождество», представляющая параллельно с основным сюжетом гротескную пародию на рождество Спасителя.

Реконструкция отдельных комических сцен Таунлийского и других циклов делает очевидной связь между театральным текстом и некоторыми важными особенностями средневековой культурной целостности: космизма мировидения, ценностной вертикали, гротескности карнавалльно-смеховой образности. В средневековой мистерии не только добро противопоставлено злу в образах Бога и Люцифера, Христа и Пилата, но также сопоставляются и отчасти противопоставляются основные образы и сюжеты Ветхого и Нового заветов: Христос, спасающий всех людей, становится новым Адамом, Дева Мария, в противовес прародительнице Еве, являет образ абсолютной покорности Божьей воле,

крестные муки и сошествие в ад открывают праведникам доселе закрытые двери рая и т. п. В театральном тексте внимание на этом акцентируется и в композиции сценариев. Авель, Авраам и Исаак, Ной — все они своим подвигом указывали на то, что возможен путь преодоления греха и возвращения к Богу, однако под силу это только Мессии, приход которого предвещали ветхозаветные пророки.

В разговоре о комизме и гротеске невозможно пройти мимо основных представителей смеховой культуры в религиозных постановках — чертей, бесов и самого сатаны. Смеющийся и смешной дьявол входит в театральную ткань мистерии как ее полноправный участник, как один из героев миропорядка, установленного после грехопадения.

Обычное представление о женщине как о пособнице дьявола сделало ее в мистериях комическим персонажем. В образах Евы и ноевой жены Юксор нашли отражения все средневековые представления о роли слабого пола в интригах и искушениях лукавого.

Итак, английские циклы — популяризированная религиозная история человечества, где всё стремится подражать божественному замыслу. Они — модель мира, где одновременно есть место великому и малому, высокому и низменному, божественному и дьявольскому, небесному и земному, смешному и страшному, забавному и возвышенному. Они — вся жизнь в ее целостности. На создание образного воплощения этого идеального мира работал как сам сценарий с его детальной проработкой отдельных сюжетов, так и его композиция и система персонажей.

Литература

Rose M. The Wakefield mystery plays. N. Y., 1962. — 552p

York mystery plays. /Ed. By R. Beadle. Oxf., 1984. — 279p.

Meredith P. The Townley cycle. // Medieval English Theatre. Cambridge univ. press., 1994- pp. 134-163

И. А. Делазари, канд. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

CONTRE LE NATURALISME: «ЗВЕРЬ В ЧАЩЕ» ГЕНРИ ДЖЕЙМСА

Г. Джеймс, занятый написанием серии статей о французских романистах, и в их числе — об Эмиле Золя, параллельно пишет новеллу «Зверь в чаще» (*The Beast in the Jungle*, 1903). Растиражированные натурализмом представления о животных аспектах как индивидуального, так и социального человека получили своеобразную отповедь уже в британской неоромантической традиции (Р. Киплинг, Дж. Конрад); Г. Джеймс в своей но-

велле окончательно лишает как «зверя», так и «джунгли» всяких натуралистических импликаций, сводя их не просто к умозрению или метафоре душевного недуга, но к нулю означаемого.

Не обнаруживая ничего выдающегося в своем прошлом, в начале новеллы персонажи Джеймса проецируют неведомый эксклюзивный опыт в будущее. Завязка сюжета — диалог Мэй и Марчера о «звере», в котором тематизируются две характеристики повествования: *знание* и *время*. Мэй и Марчер многократно намекают на еще не свершившееся неизвестное, зная что оно свершится; оба посвящены в «тайну» существования тайны. Мэй демонстрирует чудеса эмпатии и на протяжении почти всего текста живет жизнью Марчера, вдохновляя тем самым и его. Столь замкнутая система поиска разгадки обладает чрезвычайной устойчивостью в силу того, что время над ней до поры не властно: когда именно «зверь» прыгнет, не имеет значения.

Сам ход сюжета вплоть до кульминации представляет собой постепенное сращивание Марчера и Мэй, повышение их внутреннего сродства. Внешняя канва рассказа — история взаимоотношений мужчины и женщины — демонстрирует удивительную бесконфликтность; сюжет буксует. Это обстоятельство отнюдь не подвигает Марчера на бунт, в чем реализуется литературный конструкт XIX века: герой нашего времени, лишний человек, «с которым *ничего* не может случиться».

В преддверии кульминации Марчер боится, что Мэй боится, что он догадается; в ответ Мэй «успокаивает» его: «Вы никогда не догадаетесь». Она обладает знанием, которое можно счесть не вновь приобретенным (ибо с героем по-прежнему ничего не произошло), а константным. Грань между прошлым и будущим стирается: событие замещается переходом от незнания к знанию его отсутствия. Марчер никогда не догадается по той простой причине, что догадываться не о чем.

Предпоследний разговор Мэй с Марчером занимает место ложной кульминации. Вместо срывания масок у Джеймса очередной невразумительный диалог, когда Мэй сообщает, что произошло «то, что *должно* было». То, что так долго мыслилось как будущее, незаметно оказывается прошлым, которое Марчеру предстоит угадывать уже без помощи умирающей Мэй. Теперь герой ждет, когда до него «дойдет».

Герой приближается к развязке, смирясь с отсутствием кульминации. В первое посещение могилы Мэй элегическая атмосфера не сказала ему ровно ничего. Драматичная развязка новеллы с узнаванием долгожданной правды и появлением «зверя» в финале происходит у той же могилы, что подчеркивает случайный, не обязательный характер постигающего героя «прозрения»: у долгожданного события (узнавания) нет никакой веской причины, оно не является следствием неизбежности, о которой грезил наш герой. Случай-

но встреченный взгляд посетителя соседней могилы — и Марчер как будто бы все понял. Однако ничего нового он не узнал: «зверь» — это упущенная любовь... В финальном эпизоде ключевое слово — «галлюцинация». Нет оснований утверждать, что герою удалось разгадать тайну зверя; указано лишь, что ему показалось, будто он ее разгадал. Узнавание «зверя» окончательно только в том смысле, что текст Джеймса заканчивается. Обозначенное в названии новеллы, есть фантом сознания Марчера, отраженный в любящем сердце Мэй, о котором следует спросить, перефразируя Горького: «А был ли тигр? Может, и тигра-то никакого не было».

Delazari I. A. *Contre le naturalisme: Henry James' The Beast in the Jungle*

In the early 20th century, Henry James was still busy writing his renowned series of articles and reviews of French novelists, including Émile Zola, while simultaneously working on his fiction, including *The Beast in the Jungle* (1903). Notions of beastly aspects of both individual and social human-being had been popularized by the French literary naturalism, whereas the British neo-romantic tradition proved to resist them in the work of such authors as Rudyard Kipling or Joseph Conrad. In his novella, Henry James deprives the beast, as well as the jungle, of any naturalist implications, bringing them down to not merely a psychological concept or a sign of mental illness, but to a zero of the signified.

О. В. Дереза, Московский государственный университет (Россия)

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СРЕДНЕВЕКОВОМ УЭЛЬСЕ

Если современные переводы имеют своей целью воссоздание как содержания, так и формы оригинала, то в Средневековье переводчики в значительной степени отходили от источника. Перед ними стояла задача не просто передать иноязычный текст, а создать новый, который был бы значим и интересен в другом культурном контексте, и они ориентировались скорее на ожидания потенциальной аудитории, нежели на источник. Чтобы сделать перевод удобным для восприятия, в качестве опоры использовались модели исконной литературной традиции, поэтому такие переводы правильнее называть адаптациями.

Адаптации французских рыцарских романов стали появляться в Уэльсе в конце XIIIв., хотя отдельные сюжеты проникали в валлийскую литературу и раньше. Один из крупных циклов переводных романов, *Ystoria de Carolo Magno*, представляет собой набор текстов о Карле Великом, созданных разное время на основе латинских хроник. Помимо известной *Cân Rolant* («Песнь о Роланде»), к ранней группе адаптаций романов о Карле Великом относятся *Pererindod Siarlymaen* («Паломничество Карла Великого») и *Cronicl*

Turpin («Хроника Турпена»). Из более поздних переводов, сделанных уже в начале XIV в., наиболее значим *Cydymdeithas Amlyn ac Amig* («Дружба Амлина и Амига»), основанный на латинской версии истории о двух святых-воинах. Артуровский цикл представлен романом *Ystoryaeu y Seint Greal* — сделанной в XIV в. адаптацией двух независимых друг от друга французский текстов, *Quest del Saint Graal* (ок.1225) и *Perlesvaus* (1191-1212), считающегося продолжением «Персеваля» Кретьена де Труа.

Примером другого популярного средневекового жанра, фэблио, в переводной валлийской литературе является *Chwedlau Saith Ddoethon Rhufain* — сборник историй о семи римских мудрецах, наставниках юного правителя, предположительно имеющий восточное происхождение. Популярны были и латинские псевдоисторические сочинения, как, например, «Повесть о разрушении Трои», в средневековом Уэльсе известная как *Ystorya Daret*. [Poppe 2009 : 260].

Содержание, нарративная структура и стиль неодинаково изменялись в процессе культурной и литературной трансформации. Текст «*Ystorya Bown o Hamtwn*», созданный в середине XIII в. на основе старофранцузской «*Geste de Boeve de Hauttone*», служит показательным примером средневековой адаптации. Сюжетная сторона обычно претерпевает минимальные изменения; общее содержание остается практически неизменным, варьируются только детали и акценты на той или иной сюжетной линии. Так, например, в «*Ystorya Bown o Hamtwn*» М. Уоткин отметил ряд интерполяций, связанных с христианской тематикой. [Watkin 1958] На формальном уровне валлийский интерпретатор изменил стихотворную форму оригинала на прозаическую и сделал акцент на событийной линии, сократив описания, что характерно для валлийской (а также исландской и ирландской) нарративной традиции [Poppe 2009 : 255].

Литература

Poppe E., 2009, “A matter of Troy and Insular Versions of Dare’s *De Excidio Troiae Historia*. An Exercise in Textual Typology”, in: *Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft*, Vol 19.2.

Watkin, M., ed., 1958, *Ystorya Bown de Hamtwn*, Cardiff: University of Wales Press

Oksana Dereza, Moscow State University (Russia)

MEDIEVAL TRANSLATIONS IN WALES

The first translations of Latin and Old French secular literature appeared in Wales at the end of XIII c. They included both romances of Charlemagne cycle and Arthurian cycle as well as fabliau and pseudochronicles. These texts should rather be called adaptations, since medieval

translators were more aimed at the new audience's perception of the text than at its full equivalence to the source. They used native narrative structures and changed the text on all levels, from plot to stylistic devices, to make it absorbable into a different culture. «Ystorya Bown o Hamtwn», based on Old French «Geste de Boeve de Haumtone», is an excellent example of such an adaptation.

И. А. Дьяченко, канд. филол. н., Петрозаводский государственный университет

ОБРАЗЫ СОБАКИ И ЧЕЛОВЕКА В СТИХОТВОРЕНИИ У. Х. ОДЕНА «РАЗГОВОР С СОБАКАМИ»

В 1970 — 71 гг., всего за два года до смерти, У. Х. Оден пишет три стихотворения с похожими названиями — «Разговор с собаками» (“Talking to Dogs”), «Разговор с мышами» (“Talking to Mice”), «Разговор с собой» (“Talking to Myself”). Эти три текста не объединены в цикл, но их внутреннее единство очевидно: в наиболее полном собрании стихотворений Одена, которые сам автор отобрал для публикации, они следуют друг за другом. В первых двух стихотворениях речь ведется от 1-го лица множественного числа, в последнем — от 1-го лица единственного числа. Главное в названиях текстов — это, конечно, слово “talking”. Невозможно не видеть авторской самоиронии: словно не дерзая вести разговор с людьми, он обращается к собакам и мышам, этим вечным спутникам человеческой расы. Но каждая строка в этих произведениях — о человеке и различных аспектах его существования, а животное — это образ того Другого (the Other), который самой своей инаковостью, через бесконечное сопоставление, выявляет мир человека, его природу, его социальные и экзистенциальные проблемы. Таким образом, в данных текстах задействован прием остранения, мотивированный образом и сознанием животного. Как точно подметил исследователь А. Родвей, образы живой природы в поэзии Одена следует интерпретировать в «психологическом, социологическом, философском ... историческом и культурном ключе».

Стихотворение «Разговор с собаками» было написано вскоре после того, как любимая собака экономки Одена попала под колеса автомобиля. Об этом свидетельствует подзаголовок: “In Memoriam Rolfi Strobl. Run over, June 9th, 1970”. Данный подзаголовок вызывает определенные ассоциации: на память приходит стихотворение английского поэта XVIII в. Томаса Грея — «Ода на смерть любимого кота» (“Ode on the Death of a Favourite Cat Drowned in a Tub of Goldfishes”). Оден, несомненно, хорошо знал это стихотворение Грея и во многих отношениях продолжил его традицию.

Данный текст выстроен как своего рода поэтическое эссе на тему взаимоотношений собак и людей. Ирония и юмор проникают в текст Одена с первых же строк, подчеркивающих животную сущность собаки, ее инаковость по отношению к нам. Чтобы усилить эту инаковость, автор использует шуточный неологизм — “odorscape”. Это слово образовано из двух существительных — “landscape” (ландшафт, пейзаж) и “odor” (запах). «Пейзаж» для собаки состоит из запахов, а не зримых объектов. Люди и их питомцы по-разному воспринимают окружающий мир, но в то же время обнаруживается несомненное сходство в их поведении. Так, говоря об инаковости собачьего мира, Оден намекает на наше глубинное сходство, нашу общую тварную природу.

Исследователь Х. Блэмайерс подчеркивал: «Объективность Одена поддерживается его чувством юмора. Юмор позволяет Одну серьезно относиться к поэзии, не воспринимая себя самого слишком всерьез». В рассматриваемом стихотворении поэт с тонким юмором говорит о прагматичности взаимоотношений людей и собак. Человек и его питомец очень нуждаются друг в друге, одной из основных потребностей собаки является контакт с человеком. Собака, подчеркивает Оден, любит, когда с ней *разговаривает* человек. Но образ человека отнюдь не идеализирован в тексте: все в человеческом существовании, с точки зрения автора, указывает на несовершенство, фрагментарность, сложность. Этим особенностям человеческой природы, считает Оден, противопостоят целостность, органичность и «детская» простота собаки: “...though child-like, you are complete”. Впрочем, это противопоставление отнюдь не враждебно, т. к. противоположные свойства человека и собаки не исключают, но дополняют друг друга. “Let difference remain our bond”, — пишет Оден. И, по сути, это универсальная формула не только общения людей со своими братьями меньшими, но и многообразных взаимоотношений человека с человеком.

Поэт подытоживает: человек, будучи существом самовлюбленным и внутренне раздробленным, привязан к собаке и благодарен ей именно за то, что она не такова, как он: “And what do we <...> / ask from you? The admiration of creatures / to whom mirrors mean nothing...” Собаку, в отличие от человека, не интересуют зеркала: все ее внимание, восхищение и любовь направлены на Другого. В этом смысле человеку, полагает Оден, есть чему поучиться у своего питомца.

Литература

1. Auden, W. H. Collected Poems / Ed. by E. Mendelson. New York, 1991.
2. Blamires H. Twentieth-Century English Literature. New York, 1982.
3. Rodway A. A Preface to Auden. London, New York: Longman, 1984.

I. A. Diachenko, Ph. D., Petrozavodsk State University (Russia)

The Man and Dog Images in W. H. Auden's poem "Talking to Dogs"

This paper discusses W. H. Auden's poem «Talking to Dogs» (1970). The poem is regarded as an exemplar of Auden's later work, which focuses on man's inner world. The paper explores how this outstanding Anglo-American poet creates precise and capacious images of man and society by means of comparing them to the otherness of dogs. Animal's otherness helps to reveal man's nature, his social and existential problems.

М. К. Лопачева, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Россия)

БЕСТИАРИЙ ГИЙОМА АПОЛЛИНЕРА И ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Обращение Г. Аполлинера и Г. Иванова к старинной форме бестиария позволило художникам, при соблюдении определенных жанровых требований, высказаться о насущном, привлечь внимание читателей к волновавшим обоих поэтов проблемам творчества, а в случае Иванова — сигнализировать о катастрофическом ходе истории и «дегуманизации» искусства в середине XX века. Диалога между авторами не было, но было определенное созвучие, а, возможно, и «оглядка» Иванова, младшего из них, на французского поэта, были подхваченные мотивы и мелодии. Сопоставление «звериных» сюжетов у двух поэтов наводит на размышление о том, что заключение некоторых исследователей об изолированности литературы русской эмиграции во Франции небесспорно.

В аполлинеровском цикле миниатюр «Бестиарий или Кортёж Орфея» (1911) Средневековье, которое заявлено выбором жанра, соединением слова и изображения, назидательными, в духе христианской догматики, сентенциями, при известном интересе поэта к раритетам, все же лишь «карнавальная маска, не слишком-то и скрывающая его душу, одновременно жаждущую (...) любви и мистификации» [Яснов, 2011]. Эмблематика бестиарийного жанра органично сливается с фольклорной и античной традициями в общекультурном контексте: как легендарный певец, поэт зачаровал голосом свой «кортёж» — диких, домашних и фантастических животных, «рассыпая пред читателем аллегорические приметы своего бытия, чувственного и духовного» [Яснов, 2011]. Формула средневекового бестиария (свойство животного/религиозно-назидательное толкование) обретает у Аполлинера новую редукцию. Прежде всего, миниатюры обращены к различным аспектам литературного труда: это и вопросы поэтической «техники», и философия творчества. Высокая цена избранничества, трагическая участь тех, кому подвластна

гармония, очевидны для автора цикла. Но, по Аполлинеру, самое тяжелое в судьбе поэта орфического склада — пограничье, мучительная раздвоенность, способность слышать голоса тьмы, ада и — жаждать света («Орфей», «Ибис», «Бык» и др.).

Столь же опасно балансирует «на границе снега и таянья, / Неподвижности и движения» лирический герой Г. Иванова. Отзвуки аполлинеровской интерпретации орфического мотива слышны в ряде его эмигрантских миниатюр позднего периода. Об Аполлинере и его «Бестиарии» может напомнить всяческая живность, которую Иванов впустил в стихи второй части сборника «Портрет без сходства»(1950). Как и у Аполлинера, здесь имеется верблюд, но кроме того — белые медведи, кенгуру, камбала и т. д. Ивановский бестиарий — это несколько стихотворений из цикла «RayondeRayonne», завершающего книгу и открыто — самим названием — указывающего на французский контекст. По словам самого поэта, «RayondeRayonne» — нечто «вроде дыр булл шир — убещур на французский лад»[Иванов, 2005].

Этот «лад» выглядит в цикле прежде всего как «лад» сюрреалистический и отчасти дадаистский. Обнаруживает он себя скорее «налетом», лежащим на текстах, однако проявление его всякий раз указывает на глобальный общечеловеческий подтекст. Остро ощущая абсурдность так называемого мирового «порядка»(по Иванову — «мирового уродства» и «мировой чепухи»), поэт идет на кардинальный шаг — решается перейти на доселе неприемлемый для себя язык этой «чепухи», в «милейшем уродстве»[Гуль, 2001] «звериных» зарисовок сублимировав ее, дабы спровоцировать некий взрыв изнутри. Иррациональность и нонконформизм сюрреалистического типа художественного мышления, по ощущениям Г. Иванова, вероятно, оказались ближе всего к этой задаче.

Литература

1. Яснов М. Вслед за Орфеем // Аполлинер Г. Собр. соч. В 3 т. Т.1. — М., 2011. С.21-24.
2. Иванов Г. Стихотворения. — СПб., 2005. С.623.
3. Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. В 3 т. Т.3. — М.; 2001. С. 231.

Maria Lopacheva, Ph. D. in Philology, Saint-Petersburg State University of Arts and Culture (Russia)

THE BESTIARY OF GUILLAUME APOLLINAIRE AND GEORGY IVANOV

The address of G. Apollinaire and G. Ivanov to the ancient form of bestiary allowed the artists, under the special genre requirements, to speak about the topical issues, to pay the reader's

attention to the creative problems which interested both poets, and in the case of Ivanov — to signalize the disastrous march of history and "dehumanization" of art in the middle of the 20th century. The comparison of the "animal" subject-matters of the both poets makes one think that the conclusion of some researchers about the isolation of the literature of Russian emigration in France is doubtful.

И. Ю.Луничкина, учитель итальянского языка, ГБОУ средняя школа №318, г. Санкт-Петербург (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНЫЙ МИР ВО ФРАНЦИСКАНСКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIII-XIV ВЕКОВ

The article describes the evolution of the literary canon in the Franciscan hagiographical literature 13-14 centuries. One aspect of this evolution is the emergence of new resistant elements of the text (topos), among which particular importance has the topos of man's relationship to the animal world. On the example of St. Francis of Assisi official lives and the "flower literature" are regarded both as official and also folk perceptions of a new line of man's relationship to nature and it is made a conclusion about flexibility of hagiographic canon in the Franciscan literature.

Для агиографии характерны строгие содержательные и структурные ограничения — канон. На протяжении христианской истории сам канон не оставался застывшим, поскольку менялся сам человек, его отношение к миру.

Значительный сдвиг в сфере религиозного сознания произошел с появлением нищенствующих орденов. Изменяется сама концепция святости: земная жизнь святого, а не сотворенные им чудеса обретает большую значимость. В данном контексте особое звучание приобретает тоpos отношений святого к природе, к животному миру. Важнейший пример таких отношений — жизнь Франциска Ассизского, о чем свидетельствует францисканское литературное наследие.

И ранее в «легендах» и «примерах» встречались истории о животных, которые повинуются святому. Мотив послушания зверя человеку проходит и через всю францисканскую агиографию. Но здесь он приобретает новые черты всеобщего братства и проповеди любви.

Тема «человек и зверь» во францисканской агиографии 13-14 веков представлена весьма широко и, несмотря на основную ее цель — служить доказательством святости, имеет различные смысловые и стилистические оттенки, в зависимости от личности автора и задачи, которую он перед собой ставит.

Для Фомы Челанского важна именно тема «новой святости» Франциска Ассизского, которая заключается в подражании Христу. Следование за Христом влечет за собой необходимость проповеди, миссионерское рвение. Автор показывает высоту проповеди святого, прибегая к самой неправдоподобной ее форме — проповеди животным [I Cel, 58]

Любовь Франциска к животным — это продолжение любви к бедным и обездоленным. Он одинаково сострадает человеку, больному проказой и животному — добыче, попавшей в силки.

Граница человек — животный мир становится прозрачной и благодаря употреблению фигур речи: свое тело Франциск называет «братом-ослом», видит себя в видении черной курицей. Простота у него «голубиная», ленивого монаха святой называет «братом-мухой» и «братом-трутнем» [II Cel].

Если Фома Челанский рисует портрет, в том числе и психологический, «нового евангелиста», то философ-богослов св. Бонавентура в «Большой Легенде» ставит целью обозначить его путь к уподоблению Христу. Каждая центральная глава жития представляет добродетель, ведущую святого по этому пути. В их числе — любовь и сострадание к животным [LegM,8]. Многие эпизоды Бонавентура заимствует у Фомы Челанского, однако полностью перерабатывает материал в соответствии со своей задачей и своим талантом теолога и мистика.

Неофициальные «Цветочки святого Франциска» привлекают живостью и простотой повествования. Анонимный автор видит в основателе францисканского ордена и его последователях модель евангельского совершенства, пример для подражания. Стиль произведения более свободный, проповедь птицам более пространна и красочна, богата аллюзиями на Священное Писание [Fior16]. Проповеднической миссии здесь посвящен также эпизод проповеди рыбам святого Антония [Fior40]. Самым известным эпизодом «Цветочков» стал рассказ о приручении волка из Губбио [Fior20].

Подводя итог, можно отметить, что впервые в житийной литературе с такой последовательностью зверь рассматривается не как существо, подчиненное человеку, а как его брат и сополитвенник, наделяется своеобразной «духовностью». Топос доброго отношения к природе обретает особый смысл любви к Творцу через Его творения, который берет начало в «Гимне Творений» самого Франциска.

Литература

Andrè Vauchez, *La santità nel Medioevo*, Bologna, 1989

I Cel: Vita del beato Francesco [Vita prima] di Tommaso da Celano//Fonti Francescane. Nuova edizione, Padova,2004

II Cel: Memoriale nel desiderio dell'anima [Vita seconda] di Tommaso da Celano// Fonti Francescane. Nuova edizione, Padova, 2004

Fior: I Fioretti di San Francesco// Fonti Francescane. Nuova edizione, Padova, 2004

Introduzione alle fonti agiografiche di San Francesco e Santa Chiara d'Assisi (secc. XIII-XIV), Assisi, 2002

La letteratura francescana, volume II, Mondadori, 2005

LegM: Leggenda Maggiore di Bonaventura da Bagnoregio//Fonti Francescane. Nuova edizione, Padova, 2004

Жак Ле Гофф, С небес на землю. (Перемены ценностных ориентаций на христианском западе XII-XIII вв), М, 1991

Парамонова М. Ю. Агиография//Словарь средневековой культуры под ред. А. Я.Гуревича, М, 2007

Лепяхин В. В. Иконичная агиография, [http://www. portal-slovo. ru/art/35902.php](http://www.portal-slovo.ru/art/35902.php)

Е. А.Матвеева, магистр филологии, Ноттингемский университет (Великобритания)

КАРТИНА ЯЗЫЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В “САГЕ О ХРОЛЬВЕ КРАКИ”

Действующими лицами “Саги о Хрольве Краки”, поздней “саги о древних временах”, являются идеализированные герои, принадлежащие языческой эпохе. Несмотря на то, что представление о язычестве в этом тексте очень типичное для поздних “саг о древних временах” с их последовательной демонизацией языческих культов, в тексте отсутствует христианская образность, если не считать авторского замечания, что главные герои “не знали своего Спасителя”, и это было причиной их гибели. В мире, где живут Хрольв и его воины, нет христианского Бога, а все языческие сверхъестественные создания изображены такими, какими видит их христианин XIV-XV вв., злобными и недостойными преклонения. Тема противления воинов Хрольва их судьбе, олицетворённой в образе Одина, имеет параллели в других текстах, принадлежащих той же литературной традиции — таких как “Деяния датчан” Саксона Грамматика.

Данная работа рассматривает образ языческого прошлого в “Саге о Хрольве Краки”, а также конфликт между идеализированными героями и окружающим их враждебным “языческим” миром. С развитием действия этот конфликт становится всё более острым и приводит к финальной катастрофе.

Хотя “Сагу о Хрольве Краки” нельзя назвать исторически достоверным изображением Скандинавии VI в., она создаёт яркий образ дохристианского героического прошлого с его обречёнными героями; образ этот важен в первую очередь для понимания мировоззрения позднего средневековья в Исландии после завершения “золотого века” саговой литературы.

'Trust in their own might and main': Personal Heroism and Pagan Past in *Hrólfs Saga Kraka*

Hrólfs saga kraka, a relatively late *fornaldarsaga*, features a few idealized heroic characters living in the heathen era. Though the saga-author's approach to paganism seems to be very traditional for late *fornaldarsögur*, negative characters often being sacrificers and evil sorcerers, no evident references to Christian faith are present in the text, except for the regretful remark that the central heroes 'had no knowledge of their Creator'. King Hrólf and his men thus live in a world without the Christian God, where supernatural beings are mostly evil, and worshipping them does not become a noble hero. The theme of the heroes' resentment against their fate personified by Óðinn has parallels in other texts such as Saxo Grammaticus' *Gesta Danorum*.

The paper considers the peculiar image of the Norse pagan past created in the saga and dwells upon the story's central conflict between the idealized central heroes and the heathen world painted in lurid colours, into which the heroes do not 'fit'. This contradiction gradually becomes more glaring throughout the text and leads to the final catastrophe.

Although it is a historically unreliable depiction of 6th century Scandinavia, *Hrólfs saga kraka* features a remarkable image of pre-Christian heroic past and its tragic heroes. The purpose of the paper is to look into the literary means of creating this image and examine it within the historical framework of the high Middle Ages.

А. Г. Рогова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОБРАЗЫ МЕДВЕДЕЙ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ЧЕЛОВЕКОМ В СКАЗКЕ РОБЕРТА САУТИ «ТРИ МЕДВЕДЯ» КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТИПОВ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В соответствии с фольклорной традицией образы животных используются для демонстрации морали, разрешения проблем поведения, реализации задач обучения и развлечения детей в сказке английского романтика Роберта Саути (1774-1843) «Три медведя». Медведи, образец английской добропорядочности, противопоставлены человеку, нару-

шающей все нормы поведения маленькой любопытной, завистливой и злой старушке-бродяжке. Из контекста первой публикации сказки (в 4 томе абсурдного романа Саути «Доктор» (1837), предваренная рассуждениями о необходимости инструкции наряду с развлечением, намеками и ссылками на назидательные и сатирические произведения самого Саути и других авторов) ясно, что она была адресована и взрослым. Ключ к пониманию сказки — эпитафия к ней — строки из знаменитой сатирической поэмы «Стальное зеркало» (1576) Дж. Гасконя. Как и автор поэмы, выбравший правдивое стальное зеркало для рассказа о происходящем в стране и надеявшийся, что все, от короля до простого народа, увидят в нем свое отражение, Саути обратился к сказке для отображения социально-политических отношений и конфликтов своего времени. Очевидный вариант прочтения — традиционная аллегория поведения групп и типов людей в обществе, следующих его правилам и их нарушающих (медведи vs старуха). При этом прослеживается влияние идей Руссо и юношеского проекта коммуны Саути на принципах равенства и братства: медведи представлены как благородные дикари разных возрастов (однополые), проживающие совместно и ведущие общее хозяйство.

Первые упоминания сказки в письмах в начале 1813 г. — период обострения конфликтов в стране, истощенной войнами против Наполеона и второй войной с Америкой (1812). Соответственно затрагиваются наиболее актуальные проблемы: безработица и ее пагубные последствия — бродяжничество и преступления (поведение старухи и вероятная версию ее судьбы после бегства от медведей — помещение в исправительное учреждение).

- Расовая дискриминация и рабство. Воевавшие на стороне Британии представители колоний поселились в метрополии, получили свободу, но не должное уважение и равенство. В этом контексте медведи это британцы не по рождению («другие»). Мирные, соблюдающие законы страны и нередко более положительные, нежели коренные жители (старуха), и вынужденные терпеть их произвол.

В более широком смысле речь идет о существовании рабства и положении рабов в Англии. В сказке Саути вновь использовал образ медведя, наиболее удачный с точки зрения вызываемых им ассоциаций (антропологической, цветовой, символической, языковой) для продолжения обсуждения проблемы рабства, затронутой еще в 1799 г. в стихотворении «Танцующий медведь» (с подзаголовком «Рекомендовано для защитников работоговлив»).

- Противостояние мирных народов захватчику, который все рушит, изгнан и убегает. Возникают две ассоциации. Противостояние жителей Пиренейского полуострова (здесь цветовая символика не так важна, хотя возможно сопоставление медведей со смуг-

лыми и темноволосыми испанцами и португальцами) Наполеону и его изгнание из страны лесов, символом которой считался медведь, России. Для современников была более чем очевидна едкая сатира на Наполеона, выведенного в образе маленькой старушки — персонализации зла. Для современных читателей ее проясняет написанная в это время сатирическая баллада Саути «Марш на Москву», приветствовавшая его разгром и победу России.

Considered in the context of the period of its creation and of its first publication Robert Southey's tale *The Three Bears* turns to be intended not only for children, but also for adults and meant to attract their attention to the crying social and political conflicts: vagrancy and crimes, racial discrimination and slavery, opposition of nations (Spaniards, Portuguese and especially Russians) to the invader, his defeat and flight. Associatively felicitous images of bears juxtaposed to a human being are used for it as well as for a conventional allegory of different types of social behaviour.

Э. В. Седых, д. филол. н., РГПУ им. А. И. Герцена

КОНЦЕПТ «ЗВЕРЬ» В МЕТАТЕКСТЕ У. МОРРИСА

Концепт «зверь» может рассматриваться двояко: как символ дикой природы и как биологическая субстанция в человеке. Зверь является символом инстинктов и эмоций; он служит олицетворением воли и знаком естественного природного состояния. Благодаря своей непосредственной причастности к тайнам природы, зверь иногда воспринимается как источник мудрости и силы, а также демонстрирует влияние инстинктов и эмоций в человеческом поведении. Он может выступать в качестве символа «потусторонней» цивилизации и в позитивной, и в негативной интерпретации. Соединение в одном персонаже признаков человека и зверя указывает на двухосновную телесно-духовную природу людей. Животные часто играют роль помощников литературных героев.

В метатексте Морриса концепт «зверь» находит воплощение во множестве разнообразных значений: как атрибут Неведения (кролик, заяц, белка, олень, коза) и Эстетизма (павлин, лебедь, сокол, дрозд, птица); как символ природной мощи (лев, тигр) и мудрости (змея); как тотем (волк, ворон). Зверь может выступать в качестве помощника человека (медведь, волк, ворон) и его недруга (медведь, волк, орёл). Зверь у Морриса имеет тенденцию очеловечиваться (волк, ворон, лис), а человек — превращаться в зверя, менять обличье (отрицательные персонажи romances). В результате взаимодействия данных тенденций

в его произведениях рождается концепция зверя как единства человека с природой (гобелен «Дятел», Одинокая Пташка из «Вод Дивных Островов»).

В моррисовских воображаемых мирах любой зверь воплощает единство противоположностей (гобелен «Лес»). Лес как прототип человеческого общества, воплощает в себе те же противоположные качества, что и человеческая натура, в которой добро и зло уравновешены и гармонично сосуществуют, ибо добро невозможно без зла, а зло скрывает в себе добро. Его аллегорический Лес — это мифологический «средний мир», где уравновешиваются все возможные оппозиции, устремляясь к космическому всеединству и вселенской гармонии.

Литература

1. Morris W. Poems by the Way [Электронный ресурс] / Morris W. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/dirs/1/5/3/1/15311/15311-h/15311-h.htm> (27.01.2012).
2. Morris W. The Roots of the Mountains. Holicong: Wildside Press, 2003.
3. Morris W. The Water of the Wondrous Isles. Bristol: Thoemmes Press, 1994.

Sedykh Elina Vladimirovna, Doctor of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia

The Concept “Animal” in W. Morris’s Metatext

The extract deals with the development of the concept “animal” in the works of William Morris, a prominent figure of the Victorian Age. His metatext includes both literary texts (poems, romances) and picturesque-and-decorative creativity (works of various arts). The symbols of animals are an important part of the poetics of this writer and artist. They function simultaneously on two levels — the level of comparison and the level of contrast. Besides the concept “animal” in Morris’s metatext corresponds with the concept “person”.

Т. П. Швец, аспирант, СПбГУП (Россия)

Анималистические работы Франца Марка в аспекте апокалиптических образов немецкого экспрессионизма

Ф. Марк уже в ранний период творчества обратился к анималистическим образам, стремясь провести “анимализацию искусства” и считая человека слишком уродливым и несовершенным для изображения существом. Значимость анималистических работ

Ф. Марка была столь велика, что именно образы животных, заимствованные из живописных работ “Синие кони”, “Башня синих лошадей”, и графические наброски с изображением всадника на голубом коне определили выбор названия одного из наиболее значительных художественных объединений немецкого экспрессионизма — “Синий всадник”, во главе которого стояли В. Кандинский и Ф. Марк.

Анималистические полотна Ф. Марка крайне важны и в аспекте апокалиптических образов немецкого экспрессионизма. Одной из наиболее выразительных в этом аспекте работ считается картина “Судьба животных”, построенная на противопоставлении света и мрака, контрастных цветов, динамичных вертикалей плоскостей. Кажется, что природа бьется в конвульсиях, предаваясь самоуничтожению. Ф. Марк написал на обороте своей работы “И все живое страдает”. Изначальное название картины — “Деревья показывают свои кольца, животные — свои вены”. Более удачное название — “Судьба животных” — подсказал Ф. Марку П. Клее. Получив в 1915 г. от друга, мецената Б. Кёлера, открытку с репродукцией своей картины, художник писал своей супруге Марии: “Это словно предсказание войны, пугающее и ужасное; я с трудом верю в то, что написал эту картину! Однако на размытой фотографии она выглядит невероятно реальной и внушает мне сверхъестественные чувства”.

Значимость картины для художника и его современников подчеркивает то, что она упоминается в стихотворении, написанном на смерть Ф. Марка. Стихотворение написано поэтом-экспрессионистом Эльзой Ласкер-Шулер, с которой семья Ф. Марка поддерживала дружеские отношения: Когда пал синий всадник...// Наши руки сомкнулись в кольца,// Наши губы сошлись в поцелуях.// Наши глаза запели, как арфы,// Проливая слезы, — божественный концерт!// Наши сердца — осиротевшие ангелы.// Божественность его дара// Осталась в картине “Судьба животных”.

Дальнейшая судьба картины так же не избежала катастроф: в 1916 г. на посмертной персональной выставке Ф. Марка в галерее “Штурм” случился пожар, который повредил картину. Правый верхний угол был реставрирован П. Клее в 1919 г. — на местах реставрации видна охристая “вуаль”. В 1937 г. картина Ф. Марка была признана “упаднической” и конфискована, однако скоро нацисты осознали ее художественную ценность, что спасло работу от сожжения. Картина “Судьба животных” была приобретена художественным музеем города Базель, где находится и поныне.

Позже, разочаровавшись в призрачном совершенстве мира животных, Ф. Марк обратился к абстрактным формам, но начало Первой мировой войны и скорая гибель художника на фронте в 1914 г. прервала это направление в творчестве художника. И в наши дни имя Франца Марка тесно связано именно с его анималистическими картинами.

Литература

Парч Сюзанна. Франц Марк. 1880-1916. М.: Taschen-Арт-родник, 2006. — 96 С.

Синий всадник/ Под ред. В. Кандинского и Ф. Марка. Перевод, комментарии и статьи
З. С.Пышновской. — /М.: Изобраз. Искусство, 1996. — 192 с.,ил.

.Hajo Düchting, Norbert Wolf. Der Blaue Reiter. — Köln: Taschen, 2008. . — 96 S.

T. P. Shvets, postgraduate student, SPbHUTU

Animalistic works of Franz Marc in the apocalyptic images aspect of German expressionism.

The paper is dedicated to the animalistic images of Franz Marc in the aspect of apocalyptic images in German expressionist fine art. The analysis is focused on the painting “Fate of the animals” by Franz Marc that was one of the most prominent of his works. Its colour, composition and mood reveals apocalyptic predictions of the coming First World War. Animalistic paintings of Franz Marc are widely considered to be the most important part of the artist`s works.

Т. В. Якушкина, д. ф.н., доцент, СПбГУКИ

Образ собаки в литературе: порода как художественный прием

1. Несмотря на тождество отображаемого явления, собака без указания породы и собака определенной породы — два совершенно разных по смыслу образа. Порода — это некий сдвиг в образе, представляющий собаку в другой ее ипостаси. Каждый из образов имеет свою историю и функцию в литературе. Их близость способствует более резкому выявлению контраста, назначение которого давно требует своего осмысления.

2. Долгое невнимание художественной литературы к признакам породы не случайно. Вся история сосуществования человека и собаки есть история использования человеком животного в своей хозяйственной деятельности. Породуможно рассматривать как природу в ее предельной освоенности человеком, как природу, подчиненную принципу хозяйственной целесообразности. Работа человека над формированием тех или иных качеств собаки изменила и его позицию в отношении к животному: это не ужас перед зверем в собачьей шкуре и не признание пользы от совместной жизнедеятельности, но осознание своей власти над природой, своей главенствующей роли по отношению к миру животных. Порода, таким образом, включается в орбиту художественного осмысления мира

тогда, когда литература вплотную подходит к проблеме противостояния человека и природы.

3. В европейской литературе история использования собачьей породы начинается, по-видимому, с «Фауста» Гете. Во всяком случае, именно у него порода как способ названия собаки появляется там, где он, на первый взгляд, совершенно не нужен — в легендарном сюжете о дьявольской собаке. Контраст между традиционным образом черной собаки Фауста, и созданным Гете, вертлявым пуделем, настолько силен, что объяснить его сведениями биографического или кинологического характера, как это подчас делалось, не достаточно. Использование породы у Гете — это прием, смысл которого выявляется в самом тексте.

4. В то время как образ черной собаки связан с архетипическим прообразом и несет в себе мистический смысл, пудель — образ начисто лишенный потустороннего смысла, глубины и обобщенности. В нем заданы все реальные проявления живой собаки, он существует в единой плоскости с живыми людьми (ищет хозяев, ученик студентов). Пудель — это то, что поддается дрессировке, вертлявая простота и посюсторонность. Во второй сцене I-го акта пудель становится своеобразным знаком Вагнера, знаком неспособности духовно-ограниченного человека разглядеть за внешней оболочкой сущность явления. В сцене «Кабинет Фауста» использование породы является приемом выявления авторской иронии по отношению к самому Фаусту. В отличие от черной собаки, черный пудель не может быть вместилищем страшной демонической силы. Он скрывает в себе не величественное и грозное, а знакомое и смехотворное. Пудель, обернувшийся схоластом, опрокидывает ожидания Фауста. Мефистофель заставляет отнестись к себе снисходительно, и Фауст ловится в дьявольские сети. Ему еще будет казаться, что это он поймал черта, но ирония автора направлена на самого Фауста: герой оказывается бессильным перед тайнами мира.

5. Другой яркий пример разработки интересующего нас приема представляет собою повесть Конан Дойля «Собака Баскервильей». Сложность этого «интереснейшего дела» Шерлока Холмса состоит в том, что убийца опирается не на современный и научный подход к собаке, а легендарный, мифопоэтический. В старинной рукописи собака Баскервильей описана со всеми хорошо знакомыми адскими мотивам, а ее появление обставлено традиционными мотивами богохульства и сделки с дьяволом. Когда же Шерлоку Холмсу удается убить собаку, и читатель надеется получить описание реальной, не легендарной, собаки Баскервильей, автору оказывается весьма непросто вернуться на твердую почву позитивизма: ни одна из пород, созданных людьми, по своим внешним признакам и качествам не соответствует демоническому образу. Для того, чтобы оправдать ее сверхвидо-

вые особенности, автору приходится отметить признаки конкретной породы и сравнить ее с чем-то гораздо более устрашающим, например, молодой львицей.

6. Приведенные примеры демонстрируют общую направленность и вместе с тем определенную ограниченность «породы» как художественного приема. В отличие от собаки, образа, отсылающего к древней мифопоэтической традиции и подчеркивающего таинственную, непознанную силу природы, порода — это знак человеческого присутствия в мире природы, печать его власти над ней. Порода задает определенные границы образу и подчеркивает связь и зависимость от человека, где преданность и служение человеку выступают как один из вариантов такой зависимости. Столкновение в пределах одного текста двух образов — собаки и породы — это столкновение двух сил, сверхчеловеческой и человеческой, — конфликта, разрешение которого зависит от позиции конкретного автора.

Литература

Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии. — М. : Высш. шк., 1990;

Якушкина Т. В. Образ черного пуделя в трагедии Гете «Фауст»// Гетевские чтения 1999 / Под ред. С. В. Тураева. — М. : Наука, 1999.

T. V. Yakushkina. The Image of a Dog in Literature: Using Breed as an Art Technique

Using Breed in the image of a dog is an art technique which appeared in literature starting from the end of the 18th century. Though it might seem the same, a dog with a breed and a dog without a breed are two different images. Each of the images has got its history and function in literature. The author proves it analyzing the image of the black poodle in Goethe's "Faust" and that of the hound of the Baskervilles in the novel by Conan Doyle.

История зарубежных литератур. Литературные и исторические судьбы Руссоизма. К 300-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо

А. В. Голубков, канд. филол. н., Институт мировой литературы им. А. М. Горького
РАН (Россия)

СЛЕДЫ РУССОИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РИТОРИКЕ КОНЦА 18 В.: МЕЖДУ «ЭТОСОМ» И «ПАТОСОМ»

Красноречие, качества прекрасного оратора — то, что отмечалось очень многими современниками Руссо, как его сторонниками, так и недоброжелателями; одними он воспринимался как проповедник истины, другими — распутства. Но и те, и другие обыкновенно сходились во мнении о его мастерстве. Работ, затрагивающих риторические и ораторские основы руссоистского творчества, на удивление, весьма немного, на что, кстати, обращает внимание Ж. Старобинский в одной из самых примечательных из них. [Starobinsky, 1982]. Заметим, что проблема риторической основы творчества Руссо поставлена (Старобинский в этой связи говорит в высшей степени его «Музыкального словаря», может быть рассмотрено как воплощение риторических техник, как манифестация ораторской практики»), но в должной степени не освещена как следует, тогда как классическая риторика, долгое время составлявшая основу образования и естественным образом сформировавшая Руссо, буквально «прошивает изнутри» все его творчество. Старобинский замечает, что современниками Руссо обыкновенно оценивался либо как *vir bonus dicendi peritus* цicerоновской традиции, либо как болтливый и аморальный софист. В любом случае его риторические способности не ставились под сомнение.

Примером включенности Руссо в риторические стратегии кон. 18 в. может служить упоминание о нем в разделе о страстях учебника «Французская риторика» (1765), автор которого — Ж. Б.Л. Кревье (профессор риторики в Парижском университете) — состоял в окружении «французского Квинтилиана» Шарля Роллена. Кревье упоминает еще одного ритора — аббата отца Жердиля, который выступал с нападками на Руссо в своем трактате «Размышления о воспитании». Кревье и Жердиль схожи в своем стремлении разрушить то очарование руссоистскими идеями, которое вселил Жан-Жак в умы неопытной публики. Цель нападок риторов — трактат «Эмиль» Руссо, вышедший в 1762 году, хотя едва ли не большее значение для пропаганды воспитательных доктрин Руссо имела «практическая иллюстрация» этого трактата, коей можно с уверенностью считать «Исповедь» (созданную в 1765-1770, вышедшую посмертным изданием в 1782 и 1789-м гг.).

Руссоистский автобиографический текст предстает искусно сделанным риторическим посланием, экспериментом, который ставит своей целью *соблазнить* того читателя, которого мы назвали «реальным». Для этого Руссо прибегает к интересному приему, который, по вероятности, был результатом усвоения Аристотеля и Квинтиллиана. Прием этот, за неимением более адекватной характеристики, мы бы назвали так — инверсивная игра с *этосом* и *патосом*.

Руссо предпринимает интересную попытку представить самого себя как одержимого страстями, тогда как роль носителя здравого смысла изначально приписана «воображаемому» читателю. В результате такой игры читатель неминуемо попадал в некоторую ловушку — он изначально *не мог* идентифицироваться с главным героем и неизбежно идентифицировался с воображаемым читателем, т. е. фактически вторым главным героем текста, собеседником исповедующегося. Изначально это было нетрудно, однако во второй части произведения обозначился кризис — рассказчик стал *лучше* своего слушателя, т. е. воображаемого, а следовательно, и реального читателя. Герой деградировал, погрузился в ту культуру «здравого смысла», частью которой был воображаемый читатель, чтобы затем оттолкнуться от неё. Воображаемый читатель, таким образом, мог либо пытаться имитировать путь Руссо (собственно, реализуя на практике воспитательные доктрины самого Руссо), либо обиженно усмехаться и сетовать на то, как Руссо сумел дискредитировать весь его здравый смысл.

Литература

Starobinski J. Rousseau et l'éloquence // Rousseau after two hundred years. Proceeding of the Cambridge Bicentennial Colloquium. Cambridge, London, New York, Melbourn, Sydney, 1982. p. 185.

Golubkov A. V. The traces of Rousseauism in the French rhetoric of the end of 18 th century: between “ethos” and “pathos”

The article deals with the relationships between the author and the reader in “The confessions” by J.-J. Rousseau. It is argued that Rousseau uses the traditional rhetorical categories of “ethos” and “pathos” in order to endue the reader with the “common sense” and then discredits it. Being connected from the very beginning with the poetics of picaresque novel “The confessions” gradually transforms to the tractate on education based on the traditional rhetoric system. The eloquence and excellent speaker quality are noted by many contemporaries of Rousseau both his supporters and adversaries and in the classical textbooks on rhetoric he was often seen as a very good manipulator.

А. Г. Гродецкая, к. филол. н., Институт русской литературы (Россия)

ГЕРОИНЯ В КОНЦЕ РОМАНА: РУССО, ГОНЧАРОВ, ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

В центре доклада — 8-я глава 4-й части «Обломова» («крымская»), рисующая семейную идиллию Ольги и Андрея Штольцев в их коттедже в Крыму. В романе Чернышевского для нас актуальна только полемическая реакция на «Обломова» (фактически не исследованная), однако реакция, зависящая от узнаваемых, проецируемых на текст «Новой Элоизы» сюжетных ситуаций. Для того и другого романа, вне всяких сомнений, роман Руссо являлся прецедентным текстом.

«Руссоистский текст» в тексте гончаровском обычно интерпретируется очень широко, при этом до последнего времени оставался не воспринятым в качестве реминисценции «Новой Элоизы» мотив *любви как заражения оспой*. «Это всё Андрей: он привил любовь, как оспу, нам обоим», — сокрушенно произносит Обломов, утомленный исполнением роли страстного влюбленного в коротком летнем романе с Ольгой Ильинской [Гончаров, 1998, 338]. «Заражение во имя любви», или «Прививка любви» («L'innaculacion de l'amour»), — название пятой гравюры к «Новой Элоизе» и сопровождающего ее авторского текста, которые воспроизводят ситуацию XIV письма части третьей, когда Сен-Пре посещает больную оспой Юлию, чтобы сознательно «разделить с ней недуг» [Руссо, 1961, 279].

Есть, на наш взгляд, основания для осторожного сближения двух этапов сердечного опыта главной героини Гончарова с опытом героини Руссо: за любовью-страстью следует любовь-гармония, «доверие прекрасных душ», идеально счастливый брак. С господином де Вольмаром сопоставим в финале романа и Штольц, выступающий в роли мудрого друга-наставника жены. В «крымской» главе руссоистский код определяет многое — от идеальной гармонии сердца и разума, которую реализует союз Штольцев, до сочетания в изображении их семейного быта элементов идиллии и утопии. При этом «загадочной» в ситуации крымской идиллии была и осталась беспричинная, казалось бы, *тоска, томление, грусть души* главной героини [Гончаров, 1998, 456—457, 460—462]. Попыток интерпретации этой *тоски-томления* Ольги как в критике, так и в научной литературе было предпринято немало. Широкий их спектр представил В. А. Недзвецкий в недавней работе: «Тоска Ольги Ильинской в “крымской” главе романа «Обломов»: интерпретации и реальность», в которой суть «мятежных вопросов» героини разъясняется благодаря обращению к их литературно-философским и мифологическим прообразам (Байрон, Гете, миф о Прометее) [Недзвецкий, 2008, 73—86]. Не упомянутое имя Руссо должно, бесспорно, предше-

ствовать в этом ряду именам «бурных гениев»: *тоска*, или, если угодно, *скука*, гончаровской героини близка состоянию героини Руссо в конце романа (ч. 6, письмо VIII).

И наконец, Вера Павловна. Сохранились свидетельства, что Чернышевский предполагал отрецензировать «Обломова» [см.: Гродецкая, 2011, 148—153]. Неосуществленный критический замысел отчасти реализовался в «Что делать?»: аллюзии на «Обломова» здесь достаточно определены. К их числу можно отнести возникающее в безоблачно-счастливом втором браке Веры Павловны необъяснимое *недовольство*. В полемике, можно предположить, с Гончаровым, Чернышевский предлагает собственный рецепт, призванный излечить Веру Павловну от ее недуга [Чернышевский, 1975, 256, 261].

Литература

Гончаров 1998 — *Гончаров И. А.* Обломов: Роман в четырех частях // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1998. Т. 4.

Гродецкая 2011 — *Гродецкая А. Г.* О рецензии на «Обломова», не написанной Чернышевским // Обломов: константы и переменные: Сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 148—153.

Недзвецкий 2008 — *Недзвецкий В. А.* Тоска Ольги Ильинской в «крымской» главе романа «Обломов»: интерпретации и реальность // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. науч. конф... Ульяновск, 2008. С. 73—86.

Руссо 1961 — *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1961. Т. 2.

Чернышевский 1975 — *Чернышевский Н. Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975 («Лит. памятники»).

HEROINE IN AN END OF A NOVEL: RUSSO, GONCHAROV, CHERNYSHEVSKY

The report focuses on the 8th (“crimean”) chapter of the final part of “Oblomov”. In Chernyshevsky’s novel the polemics with “Oblomov” in this case is only actual. In both novels the collision is presented as correlated with “La Nouvelle Héloïse”. Juxtaposition of two stages of heart experience of Goncharov’s main heroine with that of Russo’s seems admissible. And Olga’s *grief of soul* (melancholy, boredom) in an idyllic situation of happy marriage, still remaining “mysterious” for its interpreters, is regarded as rendering the state of mind of Russo’s heroine in an end of the novel. The same “mysterious” melancholy experiences Vera Pavlovna in her second idyllic marriage, and Chernyshevsky’s “What is to be done?” offers its recipe how to cure her.

ЖАН-ЖАК РУССО И КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНА В ГЕРМАНИСТИКЕ

Перевод термина «модерн» (нем.: die Moderne) на русский язык в германистике и австриистике приобрел конкретно-исторический смысл, поскольку современные философия, эстетика и литература в истории немецкоязычного литературоведения являются исторической эпохой и идеологией. Однако термин «модерн» в сознании современного российского гуманитария имеет стойкие ассоциации с понятием «стиль модерн» в искусствознании. Действительно, модерн ассоциируется с периодом развития мировой культуры 80-90-х годов XIX века и начала 1900-х годов, прежде всего, со *стилем модерн*, а также с архитектурой, живописью и прикладным искусством модерна, ставшими общеупотребительными терминами в российской науке об искусстве. Их объединяет стилевая доминанта, то есть формальная категория, «ибо она означает общность пластического языка, общность художественной формы» [Сарабьянов, 2001, 28].

Эстетический дискурс модерна в германистике и австриистике представляет Г. Р. Яусс в «Штудиях по эпохальному изменению эстетического модерна». В эстетике как определенной области знаний, самостоятельно обособившейся в середине XVIII века, наиболее яркой страницей, считает Яусс, было творчество Жан-Жака Руссо. Он первым осознал двойственный характер современной цивилизации в знаменитых «Трактатах» 1750 и 1755 годов. Оптимистическая вера мыслителя в спасительную природу имеет и свою оборотную сторону — наступающее отчуждение от рациональной рассудочности общественного развития. Прогресс одновременно являл потенциал свободы и реальность эксплуатации человека, что в дальнейшем способствовало художественному воплощению романтического принципа искусства [Луков, 1983, 20]. Руссо выразил, по мнению Яусса, магистральную проблематику модерна: обнаруживающиеся расхождения ожиданий личности и конкретного опыта её реальности, которые постепенно закреплялись в эстетике и художественном творчестве. В стремительно меняющемся мире эта черта становилась свойством художественного сознания. Великая французская революция, полагает Яусс, перерезала ленточку между прошлым и настоящим европейского человека и способствовала появлению проектов «эстетической революции» раннего немецкого романтизма, в котором появился термин *модерн* и были сформулированы его основные свойства как идеологии в трудах Ф. Шиллера и Ф. Шлегеля [Jauss, 1989, 82—88]. Модерн не отрицает сложившихся исторических литературных и художественных направлений и школ, так называемых «измов». Многие из них обнаруживают современные или даже постмодернистские черты, которые могут вскрываться сразу или спустя много лет. Исследовательская

парадигма макроэпохи модерна в немецкоязычных странах предполагает изучение качественно различных исторических микроэпох, развивающихся во всей диахронно-синхронной сложности и дискурсивной динамике: *ранний модерн*: романтизм и реализм XIX века, *зрелый (или исторического) модерн*: рубеж XIX—XX веков, *модернизм (или классический модерн)* в общепринятом в нашей культурологии понимании и *постмодернизм*: последняя треть XX века. Таким образом, выстраивается новая эстетическая и литературоведческая стратегия, эксплицитно проявившаяся с целью саморефлексивной организации литературно-эстетических феноменов.

Литература

1. Jauss H. R. Studien zum Epochenwandel der ästhetischen Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989.
2. Луков В. А. Руссо и предромантизм // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. М.: Изд-во МПГУ, 1983.
3. Сарабьянов Д. В. Модерн: история стиля. М.: Галарт, 2001.

Y. L. Tsvetkov, Doctor of Philology, Ivanovo State University (Russia)

JEAN—JACQUES ROUSSEAU AND “DIE MODERNE” CONCEPT IN GERMANIC STUDIES

J.-J. Rousseau’s ideas about the ambivalent nature of civilization served as a basis for F. Schiller’s and F. Schlegel’s concept of “die Literatur der Moderne” which came to be a whole new ideology and epoch in Germanic studies. According to Rousseau, social progress had a downside to it, in that it alienated a human being from the society’s rationality, and the discrepancy between a person’s expectations and the actualities of experience provided the foundation for a new literary and aesthetic strategy: early “die Moderne”: Romanticism and XIX century Realism, mature stage of “die Moderne”: the turn of XIX-XX centuries, Modernism in the generally adopted meaning of the term, and Postmodernism: the last third of the XX century.

История русского языка и культурная память народа

А. И. Бовсуновская, к. ф.н., Казанский государственный медицинский университет
(Россия)

СЛАВИНЕЦКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИК «БОГОСЛОВИЯ» И. ДАМАСКИНА

«Точное изложение православной веры» («Богословие») И. Дамаскина — первый в Slavia Orthodoxa переводной богословский памятник. Перевод его был выполнен в X веке Иоанном экзархом Болгарским. Впоследствии труд неоднократно привлекал внимание переводчиков: в XVI веке было выполнено его переложение князем А. Курбским, в XVII веке — Епифанием Славинецким.

Славинецкий принадлежал к направлению т. н. «грекофилов»: книжников, ориентированных на точное следование греческим образцам. Это придавало его переводам некоторую тяжеловесность, в них изобилуют калькированные конструкции, создаваемые Епифанием по греческим моделям. Епифаний Славинецкий, по свидетельству А. М. Панченко, видимо, даже не притрагивался к той массе книг, которая была собрана из русских и восточных библиотек и монастырей. Можно предположить, что он игнорировал историю переводов «Богословия», создавая собственный оригинальный перевод на основе греческого текста. Проверить это предположение позволит сравнительный анализ перевода, выполненного в X веке Иоанном экзархом, и перевода Славинецкого 1665 года.

Предметом исследования стала глава 8 (~ε) кн. 1 «© с~тёй тОрöе», в которой наиболее обширно представлены языковые особенности, в различной степени характерные для всего памятника.

В переводе экзарха только начинается становление связи словообразования и текстопостроения. Это формирование будет длиться 8 веков, до конца XVIII века. Перевод Славинецкого XVII века хронологически принадлежит к этапу завершения процесса, хотя его словообразовательные и переводческие эксперименты лежат в стороне от общезыковых тенденций.

В древнегреческом оригинале идет ряд адъективных образований с Π...|}, но не все они однотипны в плане соотносительности: отглагольные, отыменные. Эта разнотипность сохраняется у Славинецкого, который ставит цель повторить греческие словесные структуры и текстопостроение.

Дамаскин: ...т{>||}, т| |Г| |}, π©†{|| |}, π{||Σ□>|} |Σ| <ρ π|<=<| |}, <κ|Γ|}, т□Σ|>|}, π□Σ>↓©>□ |}, π□Σ>|>|Γ| |}, π□Σ>|™{<| |}

Славинецкий: ...безначално, незданное, нерожденное, безпагубно же и безсмертное, вечное, безконечное, неописанное, неопределенное, безконечномогущее

Ср. у экзарха: ...без начала, не зданна, не бывающа, не гиблюща и бесьмьртна, вечна, неведома, не в уставе, неописана, многосильна

Как видим, экзарх не ставит целью приблизиться к построению оригинала, как текстовому, так и внутрисловному, он стремится передать смысл.

Славинецкий же старается в точности следовать структуре греческого текста, образу сложные калькированные конструкции: Π□ΣΓ>|™ϝ<|{| — безконечномогущее. Последнее образование Славинецкий вслед за Дамаскиным включает в фигуру корневого повтора:

Т□ΣΓ>|{|...Π□ΣΓ>|™ϝ<|{|

безконечное... безконечномогущее

Подытоживая наблюдения над переводом Славинецкого, отметим, что Епифаний представляет некое самостоятельное и самостоятельное ответвление линейного развития переводов от пословного (экзарх) к надсинтагменному (конец XVIII века). С другой стороны, и в его неоднозначном, временами вычурном, но тем не менее глубоком и значительном опыте грекофильства отображаются общезыковые тенденции развития.

Работа выполнена на кафедре латинского языка КГМУ.

Литература

Николаева Н. Г. Богословские переводные памятники в истории русского литературного языка.

Дис... д-ра филол. наук. Казань, 2008. 443 л.

Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 463с.

Summary

The research describes linguistic (word formation) features of I. Damaskin «Theologie» Slavic translation made by E. Slavinetsky in XVII century. The work of the scribe reflects tendencies of «graecophilstvo», namely strict adherence to the Greek original structure, for example, in translation Greek adjectives with *a-on* element by relevant structures.

Н. Н. Ващук, соискатель, А. П. Ушакова, к. филол. н., Тюменский государственный университет (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВ. ИОАННА ТОБОЛЬСКОГО «ФЕАТРОН»: ЛЕКСИКО—СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

The purpose of the article is to analyze the problems of translating the book *Theatron* by Saint Ioann Tobolsky, namely the problems of lexical and semantic equivalency caused by the discrepancy between the modern Russian language and the 18th century Russian language.

Святитель Иоанн Максимович создал около десятка поучительных трактатов, перевел несколько книг с латинского на церковнославянский язык, в частности, «Феатрон». Однако текст является оригинальным, так как имеет авторские вкрапления, в особенности касающихся духовности, нравственных критериев поведения человека в обществе. Главное в этом труде — указание на необходимость честного служения своей Родине. Произведение носит характер в большей степени светский, поскольку адресовано «царям», «владыкам» и «всем начальствующим»; хотя в основе его поучений лежат христианские заповеди, оно понятно людям, далеким от православной веры.

Перевод данного произведения на русский язык осложняется тем, что оно включает в себя повествование, нравоучение, мифы, отрывки из поэтических и прозаических текстов, из Псалтири, Евангелия. Оригинальны авторские вкрапления в стихотворной форме, завершающие главы произведения.

Обратимся к анализу заглавия анализируемого текста, чтобы определить изменения в лексическом значении анализируемых слов.

Рассмотрим слово *позор*.

В «Феатроне» существительное *позор* встречается в пояснении названия самого произведения: *Феатрон, или позор нравоучительный царем, князем, владыкам, и всем спасительный, в нем же что имать творити и соблюдатьи начальнице и кних устранитися <...>* [Феатрон, 1708, 4]. Таким образом, существительные *феатрон* и *позор* в контексте этого предложения имеют одинаковое лексическое значение.

В переводе с греческого *феатрон* (θεατρόν) — «театр», с латинского (*theatrum*) — «театр, арена». Чтобы точнее понять смысл данного слова в контексте рассматриваемого произведения, необходимо привести его толкование святителем Иоанном Максимовичем:

«Феатронъ сіе есть позоръ, произвести ... Предахъ себе всенародному зрению, в явственный позор. Представляя в книзе сей добродетельныя краснословія». Ведущая и наставляющая всех найпаче высоконачальных, на нихже все аки на

солнце оце обращають» [Феатрон 1708: 6]. В данном контексте слово *позор* приобретает дополнительный смысловой оттенок: некий ориентир в поведении начальников, следовательно, его можно перевести как «поучение».

Позор по происхождению является общеславянским, образовано с помощью переноса гласовки и темы -ь от *позьрети* — «посмотреть».

В Полном церковнославянском словаре лексическое значение слова *позор* — «зрелище». И в ссылке в словарной статье на Священное Писание тоже оно используется в значении «зреть, смотреть»: <...> *Всех, вышедших на это зрелище, он умертвил и, вторгнувшись с войском в город, избил множество народа* <...> (Вторая книга Маккавейская 5: 26) [Библия, 2004, 984].

Анализируемое слово *позор* встречается в ранних стихотворениях Пушкина. Оно употребляется в своем старом значении: «зрелище». Так, в оде «Вольность» (1817): *Везде бичи, везде железы, Законов гибельный позор* (т. е. зрелище гибели, разорения законов). С начала 20-х годов Пушкин употребляет слово *позор* в современном значении: «бесчестье, постыдное, презренное положение». В стихотворении «Кинжал» (1821): *Свободы тайный страж, карающий кинжал, Последний судия позора и обиды*.

Этот пример показывает, что лексический состав произведения является сложным для понимания носителя современного языка.

Литература

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское библейское общество, 2004. — 1330 с.

Максимович И. Феатрон, или Позор нравоучительный, царем, князем, владыкам и всем спасительный, в нем же что имат творити и соблюдатьи началнице и киих устранятися. — Чернигов, 1708. — Гл. 1-10, 166 с.

З. И. Годизова, к. филол. н., Северо-Осетинский государственный университет им.

К. Л. Хетагурова (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ КОНФИКСАЛЬНОГО СПОСОБА СЛОВОПРОИЗВОДСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI-XVII вв. (НА ПРИМЕРЕ САТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ).

The article is devoted to the problem of confix method of word formation in Russian. Russian prefix and postfix methods of verb action illustrate the process of confix method of word formation where two-element morphemes act as inseparable morphological unity in the new words formation process. The article substantiates the connection between the prefix-postfix

methods of action formation and contact postpositive attaching of particle *-sya* and formation of reflex and voice categories.

Сативные глаголы указывают на предельно-количественную оценку продолжительности действия (с возможным оттенком интенсивности) [М. А. Шелякин], имеют значение полного удовлетворения или пресыщенности действием (*начитаться, надивиться, насмотреться*) [Русская грамматика, 2005].

Специфическая семантика сативного способа действия развилась благодаря двум моментам. Во-первых, в качестве словообразовательной базы этого способа действия послужили неопределённые глаголы, располагающие к выражению длительного и интенсивного проявления действия. Во-вторых, благодаря сочетанию постфикса *-ся*, сообщающего глаголу значение сосредоточенности действия в сфере субъекта, с приставкой *на-*, выражающей усилительное значение, возникло значение активности субъекта в осуществлении действия и, как следствие этой активности, удовлетворения, пресыщения действием. Истоки сативного значения уходят в праславянскую эпоху. В древнерусском языке отражается начальная ступень формирования глаголов с сативным значением, активное развитие этого словообразовательного типа приходится на XV- XVII вв.

Русские префиксально-постфиксальные способы действия иллюстрируют процесс становления конфиксального способа словообразования, в котором двуэлементные конфиксальные морфемы стали выступать как неразделимое морфологическое единство, как самостоятельные морфемы в процессе образования новых слов.

Сативные глаголы одни из первых среди приставочно-постфиксальных способов действия стали образовываться конфиксальным способом в результате переразложения словообразовательных средств, то есть изменения словообразовательных отношений. Соотнесенность таких глаголов, как *насладиться, напльниться, напиться, насытиться* одновременно с префиксальными *насладiti, напльнiti, напiti, насытити* и с постфиксальными *сладiti ся, пльнiti ся, питати ся, сьтити ся*, т. е. этап полимотивации, и вызвал переразложение словообразовательных средств.

Становление префиксально-постфиксальных способов действия напрямую связано с контактным постпозитивным закреплением частицы *-ся*, с формированием категорий возвратности, залога, в какой-то степени категории лица.

В церковно-книжных текстах с самого раннего времени коэффициент препозиции *ся* очень низок, это связано с тем, что кирилло-мефидиевские переводы трактовали энклитики как полноударные словоформы, что соответствовало особой торжественной манере

чтения текста, при которой каждое слово полновесно и отделено от других слов [Зализняк, 2008].

Учитывая, что первые сативы (и глаголы других префиксально-постфиксальных способов действия) имели книжную стилистическую окраску и употреблялись преимущественно в произведениях церковно-книжных, можно предположить, что контактное пост-позитивное закрепление частицы *-ся* осуществлялось прежде всего в глаголах этих способов действия (сативных, усилительно-интенсивных, длительно-усилительных). Частица *ся*, ставшая затем постфиксом *-ся*, вносила в эти глаголы значение большей сосредоточенности действия в сфере субъекта, усиления действия, поглощенности субъекта действием.

Литература

1. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. — М., 2008.
2. Колесов В. В. История русского языка. — СПб., 2005.
3. Марков В. М. Замечания о конфикации в современном русском языке // *Jezyk Rosyjski*. — Warszawa, 1968. — №3.
4. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. — Казань, 1987 (и издание второе, дополненное — М., 2009).
5. Русская грамматика: В 2 т. — М., 2005.
6. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — М., 2003.

Т. А. Литвина, к. филол. н., Казанский Федеральный университет (Россия)

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА СОЧЕТАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ-ЭПИТЕТОВ В ПОЗДНЕМ ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ

The use of traditional language formulas — pair and triple combinations of attribute-epithet with the object in the Lives of the Saints texts written at the end of the XVIth century is studied in this work.

Гермоген — духовный писатель-историк, митрополит казанский и астраханский (1579 -1606 гг.), впоследствии второй патриарх всероссийский (1606-1612 гг.), известен как автор Повести (сказания) о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери (1594 г.), Жития Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев (1596—1597 гг.) и др.

Изучая языковые особенности Жития казанских святых Гурия и Варсонофия в контексте жанровых традиций и инноваций, мы выделили ряд традиционных языковых приемов текстопостроения, используемых Гермогеном, к числу которых относится употребление парных, тройных и более сложных конструкций определений-эпитетов. Согласно классификации А. Н. Веселовского, это эпитеты *пояснительные*, т. е. подчеркивающие какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета [Веселовский, 1989, 59]. Они нашли свое отражение в данном тексте в силу традиций литературного этикета, а именно этикета словесного, определяющего, какими словами должно быть описано то или иное явление. Выражения, состоящие из ряда эпитетов, находящихся в отношениях устойчивого сочетания как между собой, так и с определяемым объектом, являются литературными формулами и характеризуются обязательным употреблением. Чаще всего формульные выражения применяются автором по отношению к реалиям, связанным с церковью и христианской символикой.

Варьированием подобных языковых формул в языке Жития Гурия и Варсонофия являются выражения, включающие в свой состав эпитет «честный»: честные и чудотворные местные иконы [с. 168]; честные и драгие церковные вещи [с. 159]; честные и многотрудные и многоцелебные мощи [с. 229] и мн. др. «Честный» — общее для всех приведенных выражений понятие с отвлеченной семантикой: «ценный, достойный почитания, пользующийся уважением» [Срезневский, 1989]. В зависимости от предмета повествования к эпитету «честный» присоединяются определения с более конкретным значением, указывающим на признак по действию, содержательность, принадлежность, и эти определения являются частными, особенными для определяемого объекта.

Другие сочетания эпитетов со словом «честный» — это *традиционные сочетания*, имеющие общее, совокупное значение, каждый из синонимов этого сочетания дополняет друг друга, например: «честное и славное» — сочетание производное от традиционного парного сочетания «честь и слава». К концу XVI века говорить о прагматической цели сближения этих синонимов нельзя, данные сочетания существовали уже только в качестве литературных штампов, которые образовали устойчивое сочетание не только между собой, но и с определяемым объектом.

Одним из составляющих элементов формульного сочетания определений может являться эпитет «святой»: святые и чудотворивые мощи [с. 117] и мн. др. Если ряд определений характеризует атрибуты, понятия, связанные с христианским культом, то «святой» — определение, являющееся для них всех общим признаком; «святой», т. е. «исполненный святости, чистый, освященный» [Срезневский, 1989], — высшая степень качества в христианской символике. Другим элементом сочетания однородных эпитетов является кон-

кретновидовое понятие, выделяющее объект из ряда других, тоже святых реалий. Если определяемым является лицо, то определение «святой» может стоять во второй позиции: преподобный и святой отец Гурий [с. 124] и др.

(Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №12-14-16022 а/В)

Литература

1. Житие Гурия и Варсонофия // Служба святителю Гурию. — Рукопись ОРРК НБ Казанского Федерального университета № 3655
2. Веселовский, 1989 — Веселовский А. Н. Из истории эпитета // Историческая поэтика. — М.: ВШ. — 1989. — С. 59-75.
3. Срезневский — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М.: Наука, 1989. — Т. 1-6.

The use of traditional language formulas — pair and triple combinations of attribute-epithet with the object in the Lives of the Saints texts written at the end of the XVIth century is studied in this work.

О. П. Лопутько, к. филол. н., Новосибирский государственный педагогический университет (Россия)

ЗНАКООБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ ФОРМУЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА И СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ

Как единица, несущая информацию о ранних этапах становления языкового знака, тесно связанных с ритуальной практикой, устойчивая формула и в языковой жизни древнерусской народности проявляет черты *архаического способа знакообразования*.

Во-первых, устойчивая формула отличается наиболее *полной и последовательной иконичностью* среди исторически зафиксированных единиц русского языка, что обусловлено *непосредственной связью ее денотативного значения с сенсорной фигурой динамики ритуальной ситуации* (термин Н. И. Жинкина), моделируемой, в свою очередь, лексико-синтаксической структурой формулы.

Во-вторых, содержательная структура устойчивой формулы характеризуется *независимым и ведущим статусом ее денотата* и, напротив, *производным и потенциальным — сигнификативного компонента*.

Наконец, *текстообразование на основе формул* в наиболее ранних памятниках русской письменности (например, в древнейшей части Новгородской I летописи) *обнаруживает тесное взаимодействие с референтной ситуацией.*

Все эти черты могут быть интерпретированы как реликты *симпрактического периода* истории языка, а древнерусская устойчивая формула как воплощение *переходного этапа* развития номинативного строя *от симпрактического к семантическому*, т. е. собственно-языковому, *знакообразованию.*

Наследие симпрактической эпохи сохраняют и продукты деривационной активности формулы.

Снижение степени иконичности, но далеко не полная ее утрата наблюдается в случаях «усечения» формул (с конденсацией общего символического смысла выражения в одном из его элементов), поскольку содержание оставшихся компонентов все же отображает структуру мотивирующего ритуала, хотя и партитивно. Так, формула княжения *сѢдѢти / сѢсти на столѢ* (в каком-л. городе) при подобной конденсации дает *сѢсти* (*КыевѢ, Володимери*), а формула заключения договора *положити рядѣ* сокращается до элемента *рядѣ* (*с кем-либо*) и т. п.

Следующая ступень утраты изоморфизма и наращивания сигнификативной составляющей модификациями формулы достигается в результате словообразовательных процессов на ее основе. И все же слабая специализация формантов (как в новопроизводных вариантах формулы договора *положити порядѣ / урядѣ / ѡбрядѣ* и т. п.) обнаруживает остаточную симпрактическую составляющую в содержании таких дериватов.

Сепарация сигнификативного компонента содержания подобных дериватов происходит в результате развития их семантической и словообразовательной парадигматики, а также обобщения свойственных им синтагматических моделей (ср. *уряжение, управление, уставление* и т. п.).

Если понимать *семантический синкретизм онтологически* — как определенную стадию *исторического* процесса формирования содержательной стороны языкового знака, то последовательно сменяющие друг друга в процессе становления системы языка Нового времени принципы знакообразования, очерченные выше, могут служить опорой и для характеристики *типов синкретизма*. В основе этой типологии лежит *степень удаления содержательной структуры знака на том или ином историческом этапе от исходной психической модели действительности* как целостного отображения ситуации.

THE PROCESS OF SIGNIFICATION IN THE SPHERE OF OLD RUSSIAN FORMULA FUND AND THE SEMANTIC SYNCRETISM

Old Russian stable formula is a relic of sympractical period nominative activities. It is evidenced by the direct connection of its denotative values with sensory model of the ritual situation and the potential status of significative component content; textfeatures and derivative properties. The historical stages of the movement of formula fund from sympractical to semantic, proper language, signification can serve as a support for the characteristics of the different types of semantic syncretism.

Г. Ю. Смирнова, к. филол. н., Северо-Западный институт РАНХиГС (Санкт—Петербург)

К ИДЕЕ ПОЛНОТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: «ПУСТОЕ МНОЖЕСТВО» И «ПОЛНОЕ НИЧТОЖЕСТВО»

Идея полноты в лингвистических работ носит название идеи завершенности, цикличности (Н. И. Толстой) или идеи целого (В. В. Колесов). Настоящая статья рассматривает реализацию в языке и речи идеи полноты, репрезентации которой могут быть оценены не только с точки зрения современной стилистики, но и с точки зрения ментальности.

С середины XVII в. на Руси складывается понятие математического нуля. В XVIII в. слово *нужь* развивает оценочное значение. В XIX в. пейоратив *нужь/ноль* употребляется как характеристика человека, так и оценка ситуации, явления.

Самыми частотными определениями к пейоративу *нужь/ноль* являются прилагательные *круглый* и *полный*. Определение *круглый* связано с концептом «круг» в русской ментальности. В круге воплощена идея завершенности, исчерпанности, полноты [Черепанова, 2005, 197]. В словосочетании *полный нуль* находит место реализация той же идеи. Количество употреблений словосочетания *полный нуль* в значительной степени увеличивается в XX веке и превосходит словосочетание *круглый нуль*. В XIX в. развивается пейоративное значение у существительного *ничтожество*, которое часто употребляется в речи с определением *полный*. В общеупотребительных словосочетаниях *полный нуль*, *полное ничтожество* нашла отражение идея полноты в гипертрофированном виде.

Начиная с XIX в., в текстах отмечено словосочетание *полное отсутствие*. Реализация в речи противоположных смыслов происходит с усилением «положительности», невзирая на семантику второго составляющего.

В языке математики существует термин *пустое множество*, дающий возможность предположить, что для терминологии важен акцент не на качественности, а на сущностности. Однако наличие составных терминов со словом *полный* не поддерживает высказанного предположения: *полный квадрат*, *полный куб*, *полный четырехвершинник*, *полный вывод*, *полная поверхность*, *полная индукция* [Каазик, 2007, 210 и сл.]. При наличии интернационального синонима русская математическая терминология выбирает вариант с прилагательным *полный*. Ср.: *полный вывод* /*дери́вация (derivation)*; *полная кривизна* /*Гауссова кривизна (Gaussian curvature)*; *полная группа* /*делимая группа (divisible group)*; *полная индукция*/*математическая индукция (mathematical induction)* и др. [Там же].

Вывод в первую очередь касается познавательных процессов — синтезу категории качества и категории количества. Количественная характеристика самодостаточна, но если она представляет собой отсутствие количества (*ноль*, *ничтожество*, *отсутствие*), то сразу принимает на себя функции качественной характеристики. Возможно, языковая память о количестве приводит нас к выбору исчерпывающего определения (*совершенный*, *круглый*, *полный*), которое показывает абсолютное отсутствие этого количества (разрядка моя — Г. С.). Такое явление можно назвать исчислением качеством. В случаях употребления пейоративных оценок с прилагательными *полный* (*совершенный*, *круглый*) отражается особенность русской ментальности (идея завершенности, целого, полноты) и русского национального характера — доведение чего бы то ни было до предела, до абсолюта, нередко приводящее к «надрыву» (И. Б. Левонтина).

Литература

1. Каазик Ю. А. Математический словарь. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2007.
2. Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. — СПб.: Изд—во С.-Петерб. ун—та, 2005.

G. Yu. Smirnova. The idea of completeness in Russian: «пустое множество» and «полное ничтожество»

The article is devoted to the representation of the idea of completeness in the Russian language and speech. The use of such word — combinations as *полный ноль*, *полное ничтожество* is an evidence of the idea of completeness in Russian that can be decided as a feature of the Russian national character.

З. К. Тарланов, д. филол. н., Дагестанский научный центр РАН (Россия)

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛИ

Как известно, общепринятая в языкознании и как бы бесспорно принимаемая типология предложений по коммуникативной цели трехчленна. Иногда она оказывается и четырехчленной, если вслед за некоторыми синтаксистами включать сюда, хотя и по грамматически непонятным основаниям, также и восклицательные предложения, см.[Пешковский, 1956]. Как бы то ни было, трехчленная парадигма предложений по цели высказывания сомнений не вызывает. Такими коммуникативными типами считаются предложения повествовательные, побудительные и вопросительные. Это одно из универсальных грамматических установлений наряду с учением о частях речи, восходящее, как справедливо отмечал Дж. Лайонз, к “практике средневековых грамматиков, приверженцев “спекулятивной” грамматики, а также их последователей, возводивших специфические особенности греческого и латинского языков в ранг теоретически необходимых априорных категорий” [Лайонз, 1978, 192]. Эта традиция насчитывает, таким образом, много столетий начиная со Средневековья, если не старше, нижней хронологической границей охватывая еще Александрийский период в истории европейского языкознания. И с тех пор она не только не пересматривалась в соответствии с внушительными успехами синтаксиса как науки в XIX—XXвв. и колоссальным расширением языковой базы синтаксических исследований, но даже и не корректировалась. При этом основанием для выделения указанных типов предложений считают ту самую коммуникативно ориентированную семантику, благодаря которой они отличаются друг от друга. Между тем, в сложившуюся и общепринятую схему предложений по коммуникативной цели не укладываются не только те языки, которые были еще неизвестны средневековым грамматикам, но и сами индоевропейские языки, данным которых она как бы соответствовала. Дело еще в том, что семантический критерий выделения коммуникативных типов не всегда “работает”, ибо побуждение, например, может быть реализовано средствами и повествовательного предложения, не говоря о том, что синтаксический тип предложения с его целевой предназначенностью сам по себе является величиной подвижной. В истории тех же индоевропейских языков представлены такие синтаксические конструкции, которые в науке о языке оставались совершенно неизвестными даже в позднесредневековый период. Следовательно, вопреки традиции узко трактуемый семантический критерий лишен универсальности. Более того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что главным критерием разграничения коммуникативных типов предложения в самом деле оказывается не столько декларируемая синтаксическая семантика, сколько функционально-синтаксические свойства наклонений как

категорий морфологии и ими же представляемое содержание, хотя эти последние при решении самой проблемы упоминаются лишь вскользь. Между тем, очевидно, что именно наклонения выполняют собственно конституирующую роль в типологии предложений по цели высказывания. Так, если вникнуть в смысл общепринятой их классификации, то выходит, что традиционно за исходную точку принимают «немаркированное» изъявительное наклонение (индикатив), в соответствии с которым выделяется «немаркированный» же тип предложения — *повествовательное предложение*, см. также [Лайонз, 1978, 325]. Исключения составляют лишь вопросительные предложения. В русском, например, синтаксисе все разновидности повествовательных предложений строятся на базе изъявительного наклонения (индикатива), поэтому вполне могут называться также изъявительными (индикативными) предложениями. Побудительные (императивные) предложения основываются на формах повелительного наклонения (императива). Когда формируется условно-сослагательное наклонение (с XVв.), появляются предложения, выражающие ирреальное содержание и опирающиеся соответственно на условно-сослагательное наклонение. Особняком стоят, как уже говорилось, лишь вопросительные предложения, но не по базовым морфологическим их составляющим, совпадающим с таковыми в повествовательных и условно-сослагательных предложениях, а по вопросительной их сути: объектом вопроса может быть любой член повествовательного и условно-сослагательного предложений, а также предложения в целом. Имплицитно подобные идеи были заложены и в средневековую схему и практику выделения коммуникативных типов предложения [Лайонз, 1978]. Есть, однако, и другие предложения, выходящие за рамки существующей классификации. Речь идет прежде всего о *модальных предложениях*, подобных, например, старославянским и русским инфинитивным предложениям. Едва ли предложения типа *Быть беде!* *Быть скандалу!* на понятных основаниях могут быть отнесены к одному из трех или четырех признанных коммуникативных типов предложения. Такого рода предложения лишены парадигмы временных форм, временной отнесенности, являющейся важнейшим признаком повествовательных предложений. Действия, выражаемые в них инфинитивами, обращены в будущее неопределенное, осознаваемое как модус. Вместе с тем они семантически далеки и от побудительных предложений, если инфинитив не обращен ко второму лицу. О вопросе и речи нет. Очевидно, что не все действующие в языках синтаксические модели укладываются в трех- или четырехчленную парадигму предложений по коммуникативной цели. За ее пределами остаются, в частности в русском языке, уже упомянутые модальные типы предложений. Таковы предложения инфинитивные. Но не только они. Если иметь в виду опять-таки русский синтаксис, то аналогично обстоит дело и с конструкциями представления, номинативными, вокативными и некоторыми другими типами

предложений. Следовательно, если исходить из реальной картины конкретного языка, по крайней мере, флективного и агглютинативного типа, то становится ясным, что функционирующая в нем структурная типология предложений по коммуникативной цели параллельна прежде всего актуальной типологии его глагольных наклонений и детерминируется ею. На это обстоятельство справедливо указывал, например, В. А. Богородицкий, который, выделив 1) повествовательный, 2) восклицательный и 3) желательный и повелительный виды предложений, комментировал их так: «Все эти виды отличаются между собою отчасти наклонениями в глаголе-сказуе-мом, в некоторых случаях прибавляемыми частями и, наконец, — различным движением интонации» [Богородицкий, 1935, 213]. Уже на этом основании можно сделать, по крайней мере, два вывода: во-первых, наклонения являются категориями морфологическими, но не синтаксическими; употребление форм тех или иных наклонений в переносных значениях в соответствующих синтаксических контекстах не переводит их в число синтаксических категорий так же, как и слово, получившее новое контекстуально (синтаксически) обусловленное значение, не перестает быть единицей лексической; во-вторых, классификация предложений не только по коммуникативной направленности, но и по структуре может и должна строиться с учетом возможностей, предоставляемых типологией глагольных наклонений, — только при этом условии она может быть объективной и убедительной. Высказываемые иногда суждения, согласно которым предложения могут классифицироваться по «шкале» модальности (уверенность, неуверенность, вероятность, степени возможности, необходимость, обязательность, необязательность и т. д.) не могут быть приняты в качестве сколько-нибудь надежной основы для определения типологии предложений как феноменов формально-грамматических по их сути. *Модальность* — чрезвычайно общее понятие. Она может выражаться в разных языках по-разному и совершенно разными языковыми средствами. Языки отличаются друг от друга, в частности, и по тому, как, какими средствами в них выражается сама эта модальность при том, что они могут представлять одну и ту же «шкалу» модальности. Если обратиться к неиндоевропейским языкам, например, к кавказским, то картина с выделением коммуникативных типов предложения еще более усложняется, поскольку в них функционирует совершенно иная, достаточно сложная и разветвленная система наклонений, куда входят, в частности, наклонения волонтактивное, прохибитивное, сказательное, сослагательное, четко отграниченное от условного, и т. д. Все это требует теоретического осмысления, в качестве практического результата которого мы получим классификацию коммуникативных типов предложения, адекватную разным языковым системам в их историко-структурной динамике. При этом учитываются те межуровневые связи, на которых и держится языковая система. Это значит, что синтаксис, будучи высшим уровнем языковой

структуры, тем не менее, оказывается зависимым от нижестоящих уровней: его возможности в той или иной степени неизбежно привязаны, во-первых, к морфологии имени и глагола и, во-вторых, к семантически разграниченным группам лексики. Речь идет не о констатации тривиальности, в соответствии с которой предложение в каждом языке строится из форм слов в их семантическом распределении. Имеются в виду более глубинные явления, ограничивающие или предопределяющие условия синтаксического развертывания предложения и соответствующую его коммуникативную направленность. Следовательно, синтаксис, понимаемый таким образом, требует иных способов описания. Эти способы призваны выявлять степень и характер безусловно существующей зависимости синтаксиса от лексики и морфологии в языке в соответствующий исторический период, и описывать его необходимо с учетом меры этой зависимости. Тогда окажется, что содержательно-коммуникативная типология предложения, например, в русском языке XI—XIV вв. не будет тождественна аналогичной типологии XIX—XX вв., ибо в первый период не было, к слову, тех же сослагательных и номинативных предложений, которые широко представлены в языке национального периода. Поэтому речь должна идти о коммуникативно-грамматических типах предложений, которые в соответствии с их морфологической базой должны именоваться индикативными, императивными, сослагательными, модальными, прохибитивными, волюнтаривными и т. д. Это будет означать реальный и согласованный с современной синтаксической наукой отход от одной из застоявшихся средневековых догм.

Литература

Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику. Перевод с английского под редакцией и с предисловием В. А. Звегинцева. М.: «Прогресс», 1978.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.

The author proposes some new grounds of communicative aim sentence classification principle which are contrary to the traditional approach. The communicative aim sentence types are being traced to the corresponding moods. It is the point of moods that defines the non-coincidence of the communicative aim sentence types in the languages of the world.

А. С. Щекин, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ЛЕКСИКА РУССКОГО И СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОЧИНЕНИИ ПАОЛО ДЖОВИО (ПАВЛА ИОВИЯ) О РОССИИ XVI ВЕКА

В статье рассматриваются способы передачи русских слов (имен нарицательных, топонимов, этнонимов) в сочинении о России итальянского историка и писателя Паоло Джовио (1483-1552), написанном на основании бесед с послом великого князя Московского Василия III Дмитрием Герасимовым [Iovius 1525]. Выявляются особенности употребления топонимической лексики (передача русских топонимов мужского рода латинскими формами женского рода: Novogrodia ‘Новгород’, Volodemaria ‘Владимир’, Ustiuga ‘Устюг’), анализируются этнонимы славянского происхождения (Praescoriptae ‘крымские татары’, ср. рус. Перекопъ, польск. Przekop ‘город в Крыму, современный Перекоп’) и названия представителей животного мира (Lozzi ‘лоси’, Tetrao или, как в более поздних изданиях, Tether ‘тетерев’). Затрагивается также вопрос об иноязычных словах, вошедших к XVI веку в русский язык (Horda ‘орда’, Archimandrita ‘архимандрит’), с точки зрения степени их освоения в латинском языке Средневековья и Нового времени. В статье предпринимается попытка выработать методологические принципы описания и исследования лексики славянского происхождения в западноевропейских источниках по истории Восточной Европы.

Литература

Iovius 1525 — Pauli Iovii Novocomensis Libellus de legatione Basilii magni Principis Moschoviae ad Clementem VII. Pont[ificem] Max[imum]. Romae, ex aedibus Francisci Minitii Calvi, 1525.

This article is based on the examination of the Russian words in “Libellus de legatione Basilii magni Principis Moschoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum” of Paolo Giovio (Paulus Iovius Novocomensis).

История языка (Романо-германский цикл)

С. В. Власов, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)

ОТБОР СЛОВ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В РАЗЛИЧНЫХ ИЗДАНИЯХ СЛОВАРЯ ПЬЕРА РИШЛЕ

Словарь Пьера Ришле — это первый одноязычный толковый словарь французского языка, впервые опубликованный нелегально в Женеве в 1680 году [**Richelet** 1679-1680], за 10 лет до посмертной публикации в Голландии «Всеобщего словаря» Антуана Фюретьера [**Furetière** 1690] и за 14 лет до первого издания «Словаря Французской Академии» [**Dictionnaire de l'Académie Française** 1694].

В своем небольшом этюде мы затронем только вопрос, который до сих пор привлекал мало внимания исследователей: насколько соблюдались (или, скорее, нарушались) в различных изданиях словаря Ришле принципы языкового пуризма в отношении грубо-просторечной лексики.

Первое издание словаря Ришле отличалось вольностью не только в характеристике церковнослужителей и жителей отдельных французских провинций, но и в отношении так называемой «обсценной» лексики, не включенной в полном объеме ни в словарь Фюретьера, ни в словарь Французской академии, на том основании, что эта лексика оскорбляет «стыдливость» (см. Предисловие к 1-му изданию Словаря Французской академии.), хотя представления о «стыдливости» во Франции XVII-XVIII вв. не отличались особой строгостью. Своей вольностью из изданий, опубликованных во Франции, особенно отличается издание 1719 года. В предисловии к этому изданию словаря Ришле даже дается оправдание сохранения в словаре так называемых «вольных слов»: «Чтобы удовлетворить деликатность некоторых лиц хотели бы удалить из словаря все слова, которые кажутся несколько вольными. Но, хотя щепетильные читатели жаловались на то, что у Ришле встречаются некоторые из выражений, которые, как кажется, оскорбляют приличие и благопристойность, то это ложная деликатность; нужно помещать всё в словарь, который предназначен для всех и который должен служить пониманию французских текстов любого содержания» [**Richelet** 1719 : f. II v].

Таким образом, отбор нормативной и ненормативной лексики осуществляется не путем исключения из словаря соответствующих слов, знать которые должен не только каждый француз, но и каждый иностранец, не желающий попасть впросак, сталкиваясь с подобными словами, а путем соответствующих определений, указывающих на ненорма-

тивный характер данной лексики. При этом следует сказать, что в отношении грубых слов, обозначающих некоторые примитивные физиологические отправления, или просто связанных с телесным «низом», или обозначающих места разврата и развратных женщин, авторы первого издания словаря Французской академии не менее, а иногда еще более толерантны, чем Фюретьер и Ришле.

Поэтому утверждать, как это часто делается, что языковой пуризм в первых французских толковых словарях был связан с устранением из словаря «низких» и «грубых» слов основан или (и) на излишней доверчивости к языковым декларациям, которые содержатся в Предисловии к 1-му изданию словаря Французской академии, или (и) просто на плохом знании самих словарей.

Литература

Dictionnaire de l'Académie Française, Dedié au Roy. T.1-2. Paris, 1694.

Furetière A. Dictionnaire Universel, contenant generalement tous les Mots Français tant vieux que modernes, et les Termes de toutes les Sciences et des Arts [...].La Haye — Rotterdam, 1690.

Richelet P. Dictionnaire François, contenant les mots et les choses [...]. T. 1-2. Genève, 1679-1680.

Richelet P. Nouveau Dictionnaire François [...]. T. 1. Rouen, 1719.

S. V. Vlasov, St. Petersburg State University (Russia)

SELECTION OF WORDS AND LINGUISTIC NORM IN DIFFERENT EDITIONS OF RICHELET'S DICTIONARY

This paper deals with the question about following linguistic purism in different editions of Richelet's Dictionary (1680-1769) with respect to coarse and vulgar words. The selection of normative or non-normative lexicon in this dictionary is carried out by means of corresponding definitions pointing the non-normative character of the lexicon, rather than by rejection of such vocabulary. This fact refutes a widespread opinion that the idea of linguistic purism in the first French explanatory dictionaries was connected with elimination of rude and vulgar words from the dictionary.

С. В. Власов, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОТБОР СЛОВ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В РАЗЛИЧНЫХ ИЗДАНИЯХ СЛОВАРЯ ПЬЕРА РИШЛЕ

Словарь Пьера Ришле (Pierre Richelet, 1631-1698), или, как его называли в России, где он пользовался особой популярностью во времена Тредиаковского и Ломоносова, знаменитый «Ришелетов Лексикон» — это первый одноязычный толковый словарь французского языка, впервые опубликованный нелегально в Женеве в 1680 году [**Richelet** 1679-1680], за 10 лет до посмертной публикации в Голландии «Всеобщего словаря» энциклопедического типа Антуана Фюретьера [**Furetière** 1690] и за 14 лет до затянувшегося более чем на полстолетия первого издания «Словаря Французской Академии» [**Dictionnaire de l'Académie Française** 1694]. Эти три первых больших толковых словаря французского языка характеризуются разными принципами отбора и экзemplификации лексики, включенной в состав словника, несмотря на то, что все они связаны с академическим проектом создания толкового словаря французского языка, монополию на издание которого на всей территории королевства имела Французская академия. В самой Франции словарь Ришле будет опубликован легально в Лионе и Руане только в 1719 году [**Richelet** 1719], уже после смерти Ришле и после выхода в свет в 1718 году второго издания словаря Французской академии [**Dictionnaire de l'Académie Française** 1718]. В отличие от словаря Французской академии, в словаре Ришле представлены, как известно, гораздо полнее новые слова и новые значения старых слов, а также наиболее известные технические термины. В своем небольшом этюде мы затронем только вопрос, который до сих пор привлекал мало внимания исследователей: насколько соблюдались (или, скорее, нарушались) в различных изданиях словаря Ришле принципы языкового пуризма в отношении грубопросторечной лексики.

Мнение о том, что словарь Ришле является самым правильным по языку, было высказано еще в XVII веке Андре Рено [**Renaud** 1697: 545], который тем не менее не преминул подвергнуть критике Ришле за его слепое следование авторитету д'Абланкура и Патрю в цитировании некоторых неологизмов [**Renaud** 1697: 541]. А. Рено отметил также и сатирическую направленность словаря Ришле, его желание высмеять церковнослужителей (аббатов, монахов, каноников) и жителей некоторых провинций (например, жителей Нормандии и Дофинуа) [**Renaud** 1697: 543].

Но более всего досталось Ришле в конце XVII в. от анонимного автора «Рыночного словаря, или Извлечения из Словаря Французской Академии», по мнению которого, Ришле «имел наглость напечатать грубые похабные слова, которые не употребляют в своей

речи даже хорошо обученные лакеи» ([il] a eu le front d'imprimer des ordures grossieres, que les laquais bien appris ne dissent point) [**Dictionnaire des Halles** 1696: f. E 1 r].

Действительно, первое издание словаря Ришле отличалось вольностью не только в характеристике церковнослужителей и жителей отдельных французских провинций, но и в отношении так называемой «обценной» лексики, не включенной в полном объеме ни в словарь Фюретьера, ни в словарь Французской академии, на том основании, что эта лексика оскорбляет «стыдливость» (см. предисловие к 1-му изданию Словаря Французской академии), хотя представления о «стыдливости» во Франции XVII-XVIII вв., как мы покажем далее, не отличались особой строгостью. Речь идет, в частности, о словах, обозначающих в просторечии мужские и женские гениталии и до самого последнего времени отсутствовавших во французских словарях общеупотребительного языка, о словах, известных всем французам, но неизвестных часто иностранцам, изучающим французский язык. Более того, к некоторым из этих слов, например, к слову *vit*, самому распространенному в то время просторечному обозначению «мужского достоинства», в словаре Ришле давалось пространное бюрлескное определение следующего содержания: «Vit s. m. Слово, которое происходит из греческого или, согласно некоторым, из латыни и которое никогда не употребляется порядочным человеком не в завуалированной форме (*sans enveloppe*). Это часть [тела], производящая императоров и королей. Это часть [тела] мужчины, производящая блудниц и рогоносцев. В латинском языке ее называют *mentula*, *verpa*, *veretrum*. В итальянском *cazzo*, а в испанском *carajo*» [Richelet 1679-1680, t.2: 537].

Действительно, определение obscene слова дается в завуалированной форме с учеными экскурсами в латынь и другие романские языки, с тем, чтобы не оскорбить «стыдливость» и в то же самое время указать на несоответствие данного слова языковой норме (*bon usage*), но тем не менее само слово приводится в словаре, а не стыдливо замалчивается, как в других словарях. Некоторые obscene слова или obscene значения слов даются Ришле без определений через перевод на латинский язык. Например: *Con*, s. m. *Cunnus*. *Décharger*. Terme libre. *Immitere semen in vas debitum* [Op. cit. : 159, 214]. В последующих изданиях словаря Ришле некоторые из этих obscene слов совсем исчезают (например, слово *con*), но не все (например, слово *vit* сохраняется вплоть до издания 1769 г.). Своей вольностью из изданий, опубликованных во Франции, особенно отличается издание 1719 г., вышедшее под названием *Nouveau Dictionnaire François* (Лион и Руан, 1719). В предисловии к этому изданию словаря Ришле даже дается оправдание сохранения в словаре так называемых «вольных слов»: «Чтобы удовлетворить деликатность некоторых лиц хотели бы удалить из словаря все слова, которые кажутся несколько вольными. Но, хотя щепетильные читатели жаловались на то, что у Ришле встречаются некоторые из

выражений, которые, как кажется, оскорбляют приличие и благопристойность (*qui paraissent choquer l'honnêteté et la bienséance*), то это ложная деликатность; нужно помещать всё в словарь, который предназначен для всех и который должен служить пониманию французских текстов любого содержания» [Richelet 1719: f. II v.]. В предисловии к парижскому изданию 1729-1730 также подчеркивается универсальный характер словаря Ришле, стремившегося «не оставлять читателя без объяснения слов, которые тот может не знать. Он хотел работать как для французов, так и для иностранцев. С этой целью он не мог поступить иначе, как привести все слова, употребительные в нашем языке» [Richelet 1729, t.1: II].

Таким образом, отбор нормативной и ненормативной лексики осуществляется не путем исключения из словаря соответствующих слов, знать которые должен не только каждый француз, но и каждый иностранец, не желающий попасть впросак, сталкиваясь с подобными словами, а путем соответствующих определений, указывающих на ненормативный характер данной лексики. При этом следует сказать, что в отношении других грубых слов, обозначающих некоторые примитивные физиологические отправления, или просто связанных с телесным «низом», или обозначающих места разврата и развратных женщин, авторы первого издания словаря Французской академии не менее, а иногда еще более толерантны, чем Фюретьер и Ришле. Например, в 1-м издании Словаря Французской академии без всяких предупредительных помет даются глаголы *chier* (помета «низкое» [слово] добавлена лишь в 5-м издании 1798 г.! [Dictionnaire de l'Académie Française 1798, t.1: 239]), *peter*, *pisser*; существительные *cul* (с огромным количеством весьма вульгарных с современной точки зрения примеров, только часть из которых была выпущена в позднейших изданиях), *merde* (указание на то, что «приличные люди (*les honnêtes gens*) избегают употреблять это слово в разговоре», дается только начиная с 3-го издания 1740г., но при этом добавляются отсутствовавшие ранее примеры на употребление этого неприличного слова в различных пословицах и поговорках, вроде *Plus on remue la merde, plus elle put* или *il y a de la merde au baton* [Dictionnaire de l'Académie Française 1740, t.2: 111], *cacade* (*faire une cacade*), *bordel* (замечание о том, что это слово «не употребляется в приличном обществе — *ne se dit point en bonne compagnie*» — появляется только в 4-м издании 1762г. [Dictionnaire de l'Académie Française 1762, t.1: 193]), *putain* (только во 2-м издании 1718 г. появляется указание на то, что это бранное (*terme d'injure*) и неприличное слово (*terme malhonneste*) [Nouveau Dictionnaire de l'Académie Française 1718, t.2: 394]).

Поэтому утверждать, как это часто делается, что языковой пуризм в первых французских толковых словарях был связан с устранением из словаря «низких» и «грубых» слов основан или (и) на излишней доверчивости к языковым декларациям, которые со-

держатся в Предисловии к 1-му изданию словаря Французской академии, или (и) просто на плохом знании самих словарей.

Литература

Dictionnaire de l'Académie Française, Dedié au Roy. Т.1-2. Paris, 1694.

Nouveau Dictionnaire de l'Académie Française. Dedié au Roy. [Seconde edition]. Т. 1-2. Paris, 1718.

Dictionnaire de l'Académie Française. Troisième édition. Т. 1-2. Paris, 1740.

Dictionnaire de l'Académie Française. Quatrième édition. Т. 1-2. Paris, 1762. *Dictionnaire de l'Académie Française* [...].Cinquième édition. Т.1-2. Paris, 1798.

Dictionnaire (Le) des Halles, ou Extrait du Dictionnaire de l'Académie Française. Bruxelles, 1696.

Furetière A. Dictionnaire Universel, contenant generalement tous les Mots Français tant vieux que modernes, et les Termes de toutes les Sciences et des Arts [...]. La Haye — Rotterdam, 1690.

Renaud A. Maniere de parler la langue française selon ses differens styles. Lyon, 1697.

Richelet P. Dictionnaire François, contenant les mots et les choses [...]. Т. 1-2. Genève, 1679-1680.

Richelet P. Nouveau Dictionnaire François [...]. Т. 1. Rouen, 1719.

Richelet P. Nouveau Dictionnaire François [...].Т. 1. Paris, 1729.

Summary

This paper deals with the question about following linguistic purism in different editions of Richelet's Dictionary with respect to coarse and vulgar words. The selection of normative or non-normative lexicon in this dictionary is carried out by means of corresponding definitions pointing the non-normative character of the lexicon, rather than by rejection of such vocabulary. This fact refutes a widespread opinion that the idea of linguistic purism in the first French explanatory dictionaries was connected with elimination of rude and vulgar words from the dictionary.

М. Н. Дмитриева, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (Россия)

Языковые способы авторизации вопросительного высказывания в древненемецком период

Широкое понимание авторизации в современной лингвистике позволяет авторам говорить о видах авторизации, а также о её «многообразных способах выражения в разных типах речи» [Золотова, 2007, 155].

Эти положения могут быть проиллюстрированы на материале древненемецких вопросительных предложений из текстов IX-XI веков. Среди средств авторизации наиболее частотны частицы *eno*, *innu*, *eno ni*, *ne... na*, составляющие одну из особенностей языка древненемецкого периода [Axel, 2007, 42]. Включаясь в вопрос, частицы вносят значение уверенного знания и служат цели оказать на собеседника эмоциональное воздействие.

Вопросы с *eno* / *eno ni* строятся по двум моделям: повествовательного предложения и общевопросительного: (1) 122. 3. **Eno** got **ni** tuot giriht sînerô gicoronerô <...> ? (Г., 228=L. 18. 7) — **Неужели** Бог **не** защитит Своих избранных?; (2) 129. 7. **eno ni** quimit Christ fon Galilêu? (Г., 239=J. 7. 41) — **Разве не** придет Христос из Галилеи?

В качестве средства авторизации могут выступать также глаголы говорения, хотя наиболее характерными контекстами их использования выступают вводящие предложения (см. подробнее [Дмитриева, 2011, 140-145]). В качестве средства авторизации глаголы говорения употребляются непосредственно «внутри» вопросительного предложения. Если глагол говорения стоит в форме 1-ого лица, говорящий отсылает либо к своим собственным высказываниям, либо расставляет дополнительные акценты в речи настоящего момента, например: (3) 'huat, **ni sagde ik** thi te uuârun êr' (Hel., XLVIII, 4085-4089, 142) — «Что же, не сказал (ли) Я тебе по правде». Как видно, в составе автореферентных высказываний могут использоваться: вопросительное местоимение *huat* в аппеллятивной функции, отрицание *ni* и модальный компонент *te uuârun* в характерной сочетаемости с глаголом говорения.

В случаях, когда авторизующая конструкция содержит глагол говорения в форме 3-его лица, речь идет об авторитетных (письменных) источниках, ссылка на которые служит цели усиления аргументации: (4) *Wizut ir thia rédina/ (thio búah thio sagent thánana)?* (O., II, 18, 9-10: 91) — Знаете вы эту историю (**о которой книги рассказывают там**)?

Функцию авторизации могут принимать на себя и целостные синтаксические структуры, которые особенно частотны в поэме Отфрида, что связано с текстово-типологическими характеристиками текста. Такие интеррогативы в начале и конце каждой из пяти глав или «подготавливают» читателя к восприятию событий, или используют

ся для подведения итога. В интенциональном плане это риторические вопросы — негативные по смыслу экспрессивные утверждения о развитии диалога с дополнительными модальными смыслами возможности или необходимости.

Итак, к категории авторизации принадлежат разные по объему синтаксические конструкции: от структурного минимума (*quad ih*) до развернутых синтаксических построений. Важнейшие средства авторизации — частицы и глаголы говорения. Количественные и качественные характеристики средств варьируются в различных древненемецких текстах.

Литература

1. Axel K. *Studies on Old High German Syntax. Left sentence periphery, verb placement and verb-second.* Amsterdam / Philadelphia, 2007.
2. Дмитриева М. Н. *Немецкие вопросительные предложения в сопоставительно-диахроническом аспекте.* Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2011. — 236 с.
3. Золотова Г. А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.* М., 2007. — 368 с.

The Means of Authorization in Old German Interrogative Sentencies

The article consists with means of authorization in interrogative sentencies. The diachronic analysis illustrate some means of authorization: interrogative and negative particles, speech verbs, accent particles, parenthetical words. There is the most frequent of the speech means of authorization in the poem «*Liber Evangeliorum*» by Otfrid according to the type of the text.

**С. Т. Нефёдов, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНЪЮНКТИВ В СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО НАРРАТИВА

Функционально-смысловое пространство некоторых древненемецких памятников оказывается потенциально открытым для «непрямой / косвенной речи» («*indirekte Rede*»), которая создает двухфокусную коммуникативную структуру повествования в ориентации на нескольких говорящих субъектов. При этом реферируемая речь в текстах древневерхненемецкого периода обладает своей спецификой как в плане форм выражения, так и особенно в плане функциональной нагрузки эвиденциальных высказываний на фоне базового рамочного текста в силу жанровой специфики самих текстовых произведений.

Материалом для наблюдений над тем, как реферируемая и цитируемая речь встраивается в базовый повествовательный текст, послужили два древневерхненемецких памятника: 1) «Das Hildebrandslied» — отрывок из эпической поэмы, написанный около 800 г. древнегерманским аллитерационным стихом и 2) поэма-рассказ о Судном дне «Muspilli», созданная около 830 г. на баварском диалекте (Meineke, Schwerdt 2001: 149).

«Das Hildebrandslied» и «Muspilli» объединяет общая семантическая «матрица» нарратива: все они описывают некоторую последовательность событий и фактов в определенном периоде жизни лица / персонажа (Падучева 1996).

В качестве основного предиката, вводящего «чужое слово», в данных памятниках используется слабый глагол 3-его класса *sagên* (говорить), но возможны и другие глаголы говорения (*fragên, rahhon, uuanên*). При *sagên* содержание «чужой речи» интерпретировалось и понималось как объективное и реальное, в чем реферирующий субъект не сомневался, поскольку эта информация составляла объект его действительного знания. Отсюда во всех случаях при *sagên* находим в зависимом придаточном и последующих формально-синтаксически независимых предложениях индикатив претерита. При *fragên* (спрашивать), прогнозирующим не свершившиеся факты, а объект узнавания, естественно, стоит конъюнктив.

При *sagên* мог фигурировать и конъюнктив (*dat Hiltibrant hætti min fater*). В этом случае благодаря конъюнктиву актуализирована позиция эпического героя, его сомнения и незнание.

Если в общем говорить о диахронической перспективе развития языковых средств оформления «чужого слова» в немецком языке, то выявляемый здесь состав основных лексических и грамматических средств оказывается относительно стабильным. Однако на ранних этапах диахронического развития немецкого языка наблюдается более тесное функциональное взаимодействие и взаимообусловленность этих двух типов средств между собой. Выбор грамматической формы выражения предиката эвиденциальным конъюнктивом или эвиденциальным индикативом в логически и по смыслу зависимом предложении, передающим содержание «чужой речи», почти всецело зависел от семантики вводящего речеактового глагола в матричном предложении. В немалой степени этот выбор поддерживался также фактивной или нефактивной семантикой контекста, в рамках которого содержание «чужих слов» интерпретировалось и понималось актуальным реферирующим субъектом как достоверное, соответствующее действительности или как недостоверное, ложное.

Литература

Meineke E., Schwerdt J. Einführung in das Althochdeutsche. Paderborn; München; Wien, 2001.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Аннотация

The report deals with the expression of the predicate by means of verbal mood forms in evidential excerpts of the texts of the Old High German period. The conditionality of the choice of the conjunctive / indicative form depending on the semantics of the introducing verb of speech and context is elicited.

И. В. Новицкая, к. филол. н., Томский государственный университет (Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОТСКОГО И ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Доклад представляет результаты сопоставительного исследования словообразовательного аспекта абстрактных существительных в древнегерманских языках, целью которого являлось многостороннее описание словообразовательной системы в отдельном ее сегменте в нескольких родственных языках, которое в дальнейшем может послужить материалом для более специализированного анализа как механизмов формирования этой системы, так и закономерностей ее функционирования.

В качестве *объекта* сопоставления были избран суффиксальный сегмент, поскольку для древнегерманского именного словопроизводства в целом, и для абстрактных существительных в отдельности характерен и предпочтителен суффиксальный способ образования. *Предметом* исследования стала совокупность словообразовательных типов (в дефиниции Е. А. Земской, Л. А. Араевой), репрезентирующих суффиксальный сегмент поля словообразовательной категории абстрактности.

Сплошная выборка древнегерманских абстрактных существительных и анализ их словообразовательной структуры позволили установить, что 90 % выделенных существительных являлись производными именами (в подавляющем большинстве — отглагольными и отыменными) и были оформлены суффиксальными морфемами различной структурной сложности, относящимися к различным хронологическим пластам. На основе показателей эмпирической продуктивности словообразовательных типов абстрактных существительных с различными суффиксами был смоделирован суффиксальный сегмент поля в

каждом языке, в котором выделялись зона ядра, а также срединный и периферийный участки.

Сопоставление полей в двух языках показало, что в ядерной и срединной зонах прослеживается большое сходство готского и древневерхненемецкого в закреплении отдельных типов склонения для маркирования абстрактного содержания. В обоих языках роль прототипа выполняет словообразовательный тип ж. р. основ на *-īn* (основообразующий суффикс *-īn-*). Практически в два раза менее продуктивными являются словообразовательные типы из срединной зоны, которые представляют модель ж. р. основ на *-i* (с суфф. *-(s)ti-*) в обоих языках. Также примечательно, что к этой же зоне в обоих языках относятся словообразовательные типы существительных ж. р. основ на *-ō* с различными суффиксами (основообразующим, гот. *-īra-*, двн. *-eda-*, двн. *-unga-*, ди. *-ing-*). Тем не менее, в отличие от готского и древнеисландского в срединной зоне поля в древневерхненемецком не представлены существительные среднего рода, и модели с ними перемещаются в периферийную зону поля. С другой стороны, в готском словообразовательные типы существительных м. р. концентрируются в периферийной зоне, в то время как в древневерхненемецком словообразовательный тип существительных м. р. а-основ с основообразующим суффиксом занимает уверенные позиции в срединной зоне. Как следует из полученных данных, ни один из суффиксов, образованных из вторых компонентов сложных слов, не попал в ядерную и срединную зоны поля, что может быть объяснено их более поздним появлением в системе, а также более обобщенной семантикой. Важным кажется тот факт, что в центральные зоны поля попали основообразующие суффиксы как древнего, так и «молодого» происхождения, что является косвенным указанием на их значимую роль в именном словопроизводстве. В связи с этим можно предположить, что значительная продуктивность основообразующих суффиксов из ядерной и срединной зон поля связана с компонентом значения, заключенным в их синкретичной семантике.

Литература

Араева Л. А. Словообразовательный тип [Текст] / Л. А. Араева. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. — М.: Наука, 1992.

Аннотация

Abstract: The talk presents the results of a comparative analysis of the word-forming properties of the Old Germanic abstract nouns. Its research aim was to describe and compare the suffixal segments of the field of the derivational category of abstract nouns in Gothic and Old High German, i. e. all derivational types that represent these segments. The data of the analysis

reveal similarities and differences in the distribution of the derivational types over the segments thus highlighting the value and significance of certain word-forming suffixes for the category of abstract nouns.

Л. Н. Пузейкина, к. филол. н., С.-Петербургский государственный университет (Россия)

Исследование немецких диалектов в России с середины XX-го в. по нач. XXI в.

In the report is presented the review of works, devoted to research of German dialects in Russia from the middle of the 20th century till the beginning of the 21st century.

В докладе представляется обзор работ, посвященных исследованию немецких диалектов в России с середины 20-го по н. 21-го вв. Выбор данного временного отрезка связан с тем, что именно данный период освещается не достаточно полно в работах соответствующей тематики, хотя обзор работ, посвященных диалектам российских немцев и написанных в довоенный период, приводится во многих исследованиях (Г. Г. Едиг, Н. Беренд, К. Хуттерер, А. И. Домашнев, Л. Э. Найдич, Л. И. Москалюк, И. В. Черказьянова). Исследования немецких диалектов, начатые еще в 19-м. в. И. М. Фирменихом, продолженные в первой половине 20-го в. В. М. Жирмунским, Г. Дингесом, А. Штремом, прекратились в 30-х гг. 20-го в., в связи со сложной внутривосточной ситуацией в стране. Исследования в области немецкой островной диалектологии в СССР были продолжены лишь в начале 60-х гг.

Общее представление о количестве работ, посвященных островным немецким диалектам в России можно получить из перечня диссертаций, защищенных в период с 60-х гг. XX-го в. по 2012 г. Составленный автором доклада каталог дает возможность утверждать, что за последние 50 лет (с 1962 по 2012 гг.) было защищено не менее 58-ми диссертаций, посвященных диалектам российских немцев, при этом пять из них — на звание доктора филологических наук (Г. Я. Панкраца «Нижнегерманский говор в СССР: фонетика, словообразование, формобразование» в 1969 г., Г. Г. Едига «Нижнегерманский говор Алтайского края» в 1972 г., А. А. Вейлерта «Немецкий островной диалект и литературный стандарт: на основе количественных характеристик» в 1990, Л. И. Москалюк «Немецкие диалекты Алтая» в 2003 г. и Е. И. Зейферт «Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX-го — начала XXI вв.»).

Если в первой половине XX-го века выделялись в основном три центра по изучению немецких диалектов в России (Саратов — Г. Г. Дингес, А. Лозингер, А. П. Дульзон; Ленинград — В. М. Жирмунский, Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева-Сокольская, В. П. Погорельская, Э. Иогансон; Одесса — А. Н. Штрём), то во второй половине XX-го века география изучения языка немецких колонистов значительно расширилась. Это связано в первую очередь с появлением центров по изучению немецких диалектов в Сибири и Казахстане, т. к. именно в эти регионы были в основном депортированы немцы начиная с осени 1941 года. В Сибири существует сегодня несколько центров по изучению немецких диалектов. Это, в первую очередь, Томск (втор. пол. 60-х гг. — три дисс. по немецким диалектам Сибири, написанных под руководством А. П. Дульзона), Омск (Г. Г. Едиг, защищено 13 диссертаций с 1971 по 1985 гг.), Барнаул (Л. И. Москалюк, защищено 10 кандидатских диссертаций, посвященных немецким диалектам Алтая за последние 10 лет), Красноярск (Региональный диалектологический центр исследований языка этнических немцев Сибири под руководством В. А. Дятловой, 3 кандидатских диссертации). Важным центром по изучению немецких диалектов продолжают оставаться С.-Петербург (6 дисс.) и Саратов (4 дисс.).

Количество защищенных за последние 50 лет диссертаций (почти 60), посвященных современному состоянию немецких диалектов в России, говорит о неиссякаемом интересе к немецким диалектам, которые исследуются с различных точек зрения (фонетика, лексика, морфология, синтаксис, стилистика и т. д.) и продолжают вызывать живой интерес ученых, поскольку языковой остров является, по меткому определению В. М. Жирмунского, “экспериментальной лингвистической лабораторией”, дающей возможность исследовать процесс развития и изменения языка.

Тихонова Е. С., к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» (Россия), Митлянский Ф. М., Московский государственный университет (Россия)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ В «СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ»

В настоящем исследовании система обстоятельств времени в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике» (СРХ) анализируется и сопоставляется с системой обстоятельств времени в рыцарском эпосе (на примере «Парцифаля» и «Песни о нибелунгах»).

СРХ — анонимный рифмованный источник из 12017 строк конца XIII в., написанный на средненемецком диалекте. Это — один из основных источников по истории кре-

стоносной экспансии в Балтийском регионе в XII-XIII вв. Погодные записи в СРХ отсутствуют, а события не всегда изложены в хронологическом порядке. Разделение на главы осуществил издатель Л. Майер [Матузова, Назарова, 2002, 98]. Стилистически СРХ считается подражанием рыцарскому эпосу [Бегунов, Клейненберг, Шаскольский, 1966].

При анализе мы опирались на классификацию обстоятельств времени современного немецкого языка Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс [Гулыга, Шендельс, 1969, 65]. В исследованном отрывке СРХ длиной в 868 строк насчитывается 50 показателей времени, представленных 87 реализациями.

В употреблении и в составе обстоятельств времени СРХ демонстрирует как значительное сходство с рыцарским эпосом, так и различия. Наибольшее число общих черт обнаруживают показатели длительности действия и предшествования — во всех трёх текстах употребляется одинаковый набор показателей времени. Нехарактерной для рыцарского эпоса является отсылка к предтексту, которую можно объяснить необходимостью при чтении вслух освежить в памяти аудитории произошедшие ранее события.

Наиболее типичными для СРХ (и вторыми по частоте для рыцарского эпоса) являются показатели следования, также представленные однородным набором лексем. К ним примыкают 39 реализаций коннекторов *dô/dâ*, которые в СРХ характеризуются положением в конце, а не в начале строки.

В остальных группах совпадает или состав показателей, или количественное соотношение. Так, число показателей локализации и длительности действия и их реализаций в СРХ примерно одинаково, в то время как в «Парцифале» и «Песни» показателей локализации действия почти вдвое больше. Состав данных показателей в СРХ и рыцарском эпосе также различается.

Особенно следует отметить практически полное отсутствие в проанализированном фрагменте СРХ типичных для «Песни» и «Парцифала» наречий *ie/immer* и *nie/nimmer* как показателей кратности («всегда — никогда») и длительности («всё время — никогда») действия.

В целом, в СРХ прослеживается общая для свн. рыцарского эпоса тенденция распределения обстоятельств времени, что подтверждает тезис о стилистическом уподоблении СРХ такого рода памятникам.

Литература

Die Livländische Reimchronic von Dittleb von Alnpeke, in Das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen von L. Meyer. Reval, 1848.

Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. М.-Л.: Наука, 1966.

Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М.: Индрик, 2002.

The paper considers time adverbials in the Livonian Rhymed Chronicle and in the Middle High German epics “Nibelungenlied” and “Parzival”. Different groups of semantic relations expressed by time adverbials are also taken into consideration. The texts involved show both similarities and discrepancies in usage and in set of time adverbials in certain groups of semantic relations. The temporal organization of the Chronicle proves that it was written as an imitation of medieval epics.

Флакман М. А., аспирантка, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» (Россия)

СОХРАНЕНИЕ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ДОЛГОГО /u:/ В СОСТАВЕ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ

В данной работе рассматриваются случаи сохранения среднеанглийского долгого /u:/ в составе звукоподражаний, обусловленные явлением фонетической инерции.

Под термином **фонетическая инерция** мы понимаем явление, когда слово, вследствие наличия тесной связи между звуковым обликом и характером его денотата, оказывает сопротивление происходящим в языке фонетическим процессам и, в отличие от основной массы слов своего этимологического класса, сохраняет элементы более раннего фонетического облика.

Все рассматриваемые слова не прошли Великого Сдвига гласных, во время которого долгий гласный /u:/ превратился в дифтонг /au/, причем сохранение долгого /u:/ мотивировано именно звукоизобразительной природой этих слов. Это происходит потому, что расширение инициальной части корневого гласного вследствие дифтонгизации привело бы к искажению значения звукоподражательного слова, что хорошо видно на ряде примеров.

Roop [ru:p] «издавать низкий звук, трубить, дудеть», согласно Большому Оксфордскому словарю, впервые фиксируется в 1386 году со значением «трубить» (*horn... in*

whiche they blewe an powped). В среднеанглийский период отмечается его неоднократное написание с диграфом *ou*, которое свидетельствуют о наличии долгого /u:/ в произношении. Современное английское слово *roop* [ru:p] сохраняет среднеанглийский гласный и не получает ожидаемого по Великому сдвигу произношения *[raup], которое потенциально могло бы нарушить смысло-звуковую целостность слова, поскольку дифтонг /au/ не может так же успешно передавать низкий трубный звук, как долгое /u:/.

Другим примером проявления фонетической инерции является сохранение долгого /u:/ в произношении одного из вариантов слова *howl*. БОС указывает на то, что слово *howl* произносится как [hu:l], когда означает крик животных (*to utter a prolonged cry (with ū) about dogs, wolves, other animals*). В среднеанглийском языке слово имеет форму *hulen, houlen* и получает нормальное развитие с /au/, но в своём прямом значении «выть» может иногда сохранять исходный долгий гласный.

Следует отметить, что фонетическая инерция, возникшая у слова *flute* [flu:t] «флейта, играть на флейте» при переходе к ранненовоанглийскому периоду привела к появлению этимологических дублетов: *flute* [flu:t] «играть на флейте» и *floute* [flaut] «насмехаться, презирать», первое из которых является фонетически инертным, второе — получившим нормальное развитие.

Мы видим, что фонетически инертными оказываются слова, которые имеют очень конкретную, узкую семантику, связанную с передачей звука.

Сохранение положенного в основу номинации слова звучания — процесс бессознательный и непреднамеренный. Носитель языка непроизвольно сохраняет в речи форму слова, более адекватно передающую его значение.

Таким образом, можно сделать заключение, что рассмотренные выше примеры сохранения долгого /u:/ не являются случайными исключениями из фонетических законов английского языка.

Литература

1. The Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1989
2. Chambers Dictionary of Etymology /Ed. by Robert K. Barnhart. New York: Chambers, 2006.
3. Partridge, Eric. An Etymological Dictionary of Modern English. London and New York: Routledge, 2009.
4. Skeat, Walter W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: Clarendon Press, 2006.
5. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006

M. Flaksman

Conservation of Middle English /u:/ in onomatopoeic words

The article is devoted to the study of *phonetic inertia*, a phenomenon, when a word with a proven iconic status withstands phonetic changes of the corresponding etymological class if these changes obscure the link existing between the phonetic shape of the word and its meaning.

A number of words containing /u:/ (*flute, poop, halloo* etc.) retain it from the Middle English period due to the necessity of maintaining the sound-sense uniformity of onomatopoeic (i. e. iconic) words.

История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук

Т. Ю. Репина, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Языковая политика многонациональных государств и реализация принципа межкультурности в образовании

Государственная национальная политика должна быть ориентирована на создание условий, позволяющих каждому народу сохранять национальное самосознание. В то же время, она должна способствовать консолидации народов: предусматривать меры по предотвращению межэтнических конфликтов и содействию интеграции иммигрантов, а также обеспечивать подготовленность всего населения к жизни в условиях многонационального и/или многоязычного социума, в том числе реализуя принцип межкультурности в образовании.

Безусловно, у каждой страны свои способы интегрирования населения, связанные с политическими традициями, однако роль языковой политики, как направления работы государства с этническими группами, признается ключевой для мирного развития межнациональных отношений в полиэтнических государствах. Существуют три основные идеологии языковой политики. Лингвистическая ассимиляция и л. плюрализм могут обеспечить стабильность, а л. сепаратизм — лишь на время. История стран Европы и бывшего СССР служит примером того, как непродуманность языковой политики приводит к внутригосударственной этнополитической нестабильности и даже распаду.

Очевидно, что государство заинтересовано в законодательном закреплении статуса «государственный» за единым языком. Оно обеспечивает всем гражданам условия для изучения гос. языка, но взамен обязывает их знать и общаться на этом языке. В такой си-

туации национальные меньшинства оказываются вынужденно двуязычными, а значит, возникает феномен билингвизма, а на образовательном уровне необходимость в нормах и требованиях к обучению родному языку и к преподаванию дисциплин на родном языке. В европейских школах в качестве второго иностранного уже изучают язык «соседа»: мигранта или представителя этнического меньшинства. Знание языков и культур народов позволяет избежать межэтнической напряженности, конфронтации со структурами власти, а также поднять социальный статус.

Контроль над языковой ситуацией в стране и эффективность функционального распределения языков в обществе могут обеспечить успех мультикультурализма, главная ценность которого в признании, что культурное многообразие обогащает конкретное общество, делает его более жизнеспособным, устойчивым и толерантным.

МК как политика сейчас переживает кризис (Саркози, Меркель), однако актуальность и значимость межкультурного образования признается большинством многонациональных государств. Современное общество в силу своей полиэтничности, поликультурности и многоязычия ставит перед педагогической наукой целый комплекс теоретических и практических задач, связанных с пересмотром учебных программ и содержания образования. Появляются новые требования к компетентности и профессиональной подготовке преподавателя. В частности, он должен обладать знаниями и умениями для работы в МО и придерживаться приемлемых для единства общества теорий. МО должно соответствовать новым социокультурным реалиям: глобализации, процессам этнокультурного самоопределения, демографическим и экономическим проблемам мультикультурного общества, связанным с миграцией.

МО носит междисциплинарный характер и формируется на основе интеграции целого ряда гуманитарных наук. МО пытается не только по достоинству оценить все культуры, но и обеспечить полилог культур. Большое значение приобретает диалоговый подход, основанный на идеях открытости и культурного плюрализма. Новые образовательные программы должны предоставлять учащимся возможность расширения границ миропонимания и критического подхода, в равной мере представлять как культуроспецифичные, так и общекультурные характеристики.

Т. Ю. Репина, СПбГУ

Языковая политика многонациональных государств и реализация принципа межкультурности в образовании

Social cohesion of multiethnic and multilingual states depends on effective language policy and applying principles of multiculturalism in education. Such issues as globalisation, migration, national identification, minority consolidation make the demand on multicultural education and influence the curricula design, pedagogical and didactic approaches, new teacher training and performance requirements. ME implements the right to quality education, covers the acquisition of intercultural competences, knowledge and attitudes, diversity of learning experiences, and formation of cultural identities.

Е. В. Ровенко, Московская государственная консерватория (университет) имени П. И. Чайковского (Россия)

К ПРОБЛЕМЕ СТИЛЕВОГО «ПЕРЕВОДА» ЖИВОПИСНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ОТ КОПИИ ДО ДЕКОНСТРУКЦИИ

Живописная копия как точное воспроизведение некоторого текста существовала всегда. Однако в изобразительном искусстве копия не может быть точным воспроизведением, в отличие от оттиска или фотоснимка. Копию, не предполагающую изменений сознательного характера, можно назвать ремесленной.

Один из видов ремесленной копии — учебная копия, создаваемая для усвоения композиционного аспекта оригинала. Мастер ставит перед собой цель приобщиться к определенному художественному видению мира [Вельфлин, 1922, 24], проявляющемуся через композиционный аспект произведения. Примеры: копии с произведений Делакруа, выполненные молодым Одилоном Редоном.

Копия перестает быть «ремесленным» подражанием, когда живописец-копиист обладает собственным художественным видением мира, при этом отличным от видения мастера, чья работа копируется, другим стилем мышления, — и таким образом становится герменевтическим инструментом.

Превращение копии в импровизацию на тему оригинала заявило о себе как тенденция во второй половине XIX в. Воссоздание оригинала заменяется его пересозданием, которое происходит на почве диалога с оригиналом. Возникает контакт двух систем выразительных средств, двух языков живописи. При этом архитектоника картинного пространства, расположение форм и объемов остаются нетронутыми ради сохранения в целостно-

сти исходного предметного смысла. Модифицируются лишь выразительные средства: цвет, светотень, линия, мазок. Примеры: работы Э. Мане и П. Сезанна по «Ладье Данте» Делакруа.

В отличие от Мане и Сезанна, ориентировавшихся в своих копиях на стиль Делакруа, В. Ван Гог переписывает Делакруа (например, его «Пьету» и «Доброго самаритянина»), исходя из собственного видения и стиля. Композиционный аспект (а точнее, средства выразительности) задан априори самим Ван Гогом и не обусловлен особенностями техники живописи Делакруа. Иногда Ван Гог модифицирует и предметный смысл оригинала (копия «Воскрешение Лазаря» Рембрандта). В данном случае уместнее термин стилистическая «импровизация» или «интерпретация», а не «копия», что подтверждается словами самого Ван Гога (письмо брату Тео № 607). [Хомбург, 2008, 60].

В XX веке диалог с первоисточником зачастую оборачивается разрушением смысла, его деконструкцией, его аналитическим разъятием на части и развертыванием в виде веера ассоциаций. В пределе любой контакт с оригиналом становится невозможным, что делает невозможным и принцип пересотворения. Возникает бездна, разрыв, — излюбленные константы мышления Ж. Деррида. Принципы деконструкции, отчуждения и игры реализует П. Пикассо (хотя он и не был сознательным «деконструктивистом») в своих работах по Эль Греко, Веласкесу, Делакруа, Мане. Иногда копия становится откровенной пародией, как в скандально известной «Моне Лизе с усами» Марселя Дюшана. Иногда можно говорить о парафразе, как в случае с купальщицей Анри Матисса, сделанной по «Трем купальщицам» Сезанна.

Когда в произведении, отсылающем к определенному источнику, не остается вообще ничего от оригинала, — нельзя говорить даже о деконструкции. Опосредованная связь в таких случаях присутствует в мышлении только художника, но никак не зрителя. Таковы эксперименты Франсуа Морелле с картинами Делакруа и Пикассо.

Литература

1. Вельфлин Г. Истолкование искусства / Пер. и предисл. Б. Виппера. М.: Дельфин, 1922, 37 с.
2. Хомбург К. Сокровища Ван Гога. / Пер. с англ. В. Максимовой. ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008, 72 с.

Rovenko E. V.

To the problem of the style translating of picture: from copy to deconstruction.

Until the XIX century we see generally 2 types of copies: handicraft and educational copy. In the XIX century copy becomes a “translation” of the original meaning to the new “pictorial language”. Sometimes the copy appears in the form of improvisation on the plot of the original. In the XX century the copy transformed into deconstruction (Picasso's fantasy on the theme of Velazquez, Manet, Delacroix), parody (Duchamp's Mona Lisa), paraphrase (Matisse Bather by Cezanne).

Кино | Текст

О. К. Ваганова, асп., Воронежский государственный университет (Россия)

**ТЕМА ПАМЯТИ: К ПОЭТИКЕ СНОВИДЕНИЙ В «ВЕЧНОМ МУЖЕ» (ПОВЕСТЬ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО — ЭКРАНИЗАЦИЯ Е. Н. МАРКОВСКОГО)**

We reveal in our report these distinctions between F. M. Dostoevsky's novel "Eternal husband" and the screen version with the same name by E. Markovsky. Also we show how E. Markovsky makes by means of a cinema evidents the hidden motives of the story. On the basis of the analysis of significant divergences of texts we demonstrate how the director interprets F. M. Dostoevsky's ideology. Dreams in the story and a film become the main object of our research. Dreams of the film contain motives, which absent in the story but they help to clear Dostoevsky's point of view.

Оптика фильма требует более визуально ориентированных средств для успешного контакта со зрителем, чем произведение словесного жанра. Режиссер вынужден прибегать к внетекстовым знаковым эквивалентам способов выражения позиции Достоевского (кукла, игрушка-свистулька, часы, цвет и фасон одежды; сцены-врезки из претекста повести — «Провинциалки» И. С. Тургенева и др.).

Мы остановимся на двух эпизодах, где амплитуда сюжетных отклонений от повести максимально высока, но эти расхождения позволяют Марковскому вывести идеи Достоевского из подтекста повести в контекст кинокартины, складывая из них визуально цельную картину.

Первое сновидение. Дискурс Достоевского непостановочен. Поэтому сон в тексте и его киноверсия соотносятся не как копирование художественного языка, но как проекция языка литературы (интенционального) на язык кинематографа (экстенциональный).

В центре и повести, и фильма — тема памяти, именно — памяти о ребенке. В кинокартине криминогенность вельчаниновской забывчивости символически оплотнена (девочка произносит: «Вспомни его имя! Это твоя последняя надежда!»). Пучок дескрипций, характеризующих промотавшегося «в пух» Вельчанинова, режиссер скрепляет образом летающих по комнате перьев.

Толпа, функционирующая у Достоевского только в качестве «ждущей последнего слова», в фильме вербально выносит обвинительный приговор — кто-то произносит «Иуда Искарот!».

«Дай мне под честное слово в долг». Вельчанинов не просит в долг денег. В сюжетной перспективе ясно, что этот «долг» — Лиза Трусоцкая. Вельчанинов не берет на себя ответственности воспитывать единокровную дочь, но отбирает ее у Трусоцкого и отправляет к чужим людям, семье Погорельцевых. Писатель имплицитно выказывает неодобрение поступку Вельчанинова названием главы, где тот увозит Лизу — «Новая фантазия праздного человека». Режиссер использует очевидный символ — топор, что оголяет цитату из «Преступления и наказания».

Сон пытается скорректировать дальнейшее поведение Вельчанинова, но обучающая процедура сна проходит безуспешно.

Второе сновидение. В тексте фигурирует шляпа с крепом как знак траура. Но в киноотрывке более спрямленно явлена идея Достоевского: траур — не удел Вельчанинова («Отдай! Не твое! Всякому предмету свое место»). Жуткий вердикт девочки («Я буду падальщиком!») внятно озвучивает идею Достоевского, при чтении реализуемую лишь на уровне интуитивных прозрений.

Тема памяти как напоминание о расплате представлена в картине через часовую метафорику (в каждом эпизоде этого фильма присутствуют часы в том или ином виде (кроме сцен, где присутствуют дети)). Во втором сне часов двое. Карманные часы достает «странный человек», чтобы огласить наступление часа расплаты («Пора!»). Песочные часы лежат на столе рядом с топором на белой скатерти. Подобный «натюрморт» конструирует парадигму «преступления и наказания». «Наказание» не замедлит свершиться. Вслед за словом человека: «Пора!» — в комнату, по которой летает пух, внесут гроб с Вельчаниновым (не конкретизированный в повести «некий груз»). Это свидетельствует о том, что Вельчанинов понесет наказание за экспансию своих несовершенных представлений о счастье дочери у чужих людей. А то, что в гробу Вельчанинов видит себя, говорит об из-

лишней привязанности героя к своей телесной ментальности, что приводит к ложному отождествлению себя с ней, и тем самым, к духовному омертвлению.

То есть режиссер не только оригинально интерпретирует повесть Достоевского, но и заполняет некоторые пустоты текста, без отступлений от философии писателя.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — М.: Изд-во Наука, 1974. — Тт. 6, 9.
2. Искусство кино / А. Шемякин. Достоевский — не в меру. — М., 1990. — № 11. — С. 103-107.
3. 3. Фрейд. Сон и сновидение. М., Олимп, АСТ-ЛТД., 1997.

**В. А. Левицкий, асп., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
(Украина)**

КИЕВСКИЙ ТЕКСТ В ЦИКЛЕ МУЛЬТФИЛЬМОВ «ТРИ БОГАТЫРЯ»: ПАРАДОКСЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Важнейший подход к анализу литературной и киноурбанистики заключается в обозначении горизонта понимания. Действительно, среди городских текстов уместно выделять их частичные — рецептивно обусловленные — версии.

Примечательной оказывается возрастная определённость семиозиса, связанная с восприятием взрослых/детей. Такая маркировка выразительна в цикле мультфильмов российской студии «Мельница» о трёх богатырях (режиссёр К. Бронзит и др., 2004-2010 гг.). Упомянутые картины характеризуются формульностью и «схематичностью», но содержат ряд парадоксов.

Цель данного исследования — проанализировать в аспекте динамики, как устоявшиеся знаки, образы, мифы Киева включаются в смысловую сферу мультфильмов.

Семиозис города рассматривается на уровне локальных (пространство внешнее ↔ внутреннее, природное ↔ рукотворное, вертикальное ↔ горизонтальное и пр.), а также персонажных корреляций (богатыри ↔ Змей и т. д.).

Необходимо заметить, что в цикле прослеживается два способа реализации случая как феномена:

1) случай — порождение интертекстуальной структуры урбанистического текста. Её трансформации сложно предвидеть, и парадоксальные детали могут быть объяснены, исходя из совокупности своих системных связей со знаками, образами, мифами Киева. В

итоге модель города показательна как компонент трансмедиального интертекста, в котором анимация достраивает целостность в рамках словесности, живописи, музыки, скульптуры.

Уместно привести примеры, существенные для киевского текста литературы. Так, добротворцем в цикле является решительный пожилой человек (бабушка Любавы и т. п.). Эта характерологема обусловлена образом Наины из поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила». Перед витязями колдунья перевоплощается в старушку. Её подсказки иногда ассоциируются с киевским идеалом уюта. Наина убеждает Фарлафа: «Под Киевом, в уединенье..., // Останься лучше без забот...» [Пушкин, 1985, 669]. Очевидно, с беспечным селением перекликается локус дачи для Бабы Яги (II мультфильм).

В IV серии Добрыня, направляясь в русскую столицу, попадает в Китай. Но названный локус сопоставлен с киевским микрорайоном Китаево, где располагалось средневековое городище. По сказанию, в урочище обитал разбойник Китай или китайцы [Тулуб, 2011, 62];

2) поиск интерпретантов не возможен, поскольку нарушен принцип эстетического завершения мультфильмов. Действительно, при слиянии атрибутов Киевской и Московской Руси случай следует отождествлять с ошибкой [Виролайнен, 2004, 111]. Возникая в рамках одного — кинематографического — языка (изображение бояр), она свидетельствует не о принадлежности к интертексту, а об устремлённости к более узкой текстуализации по новым условиям.

В результате в «богатырском цикле» создаётся оригинальная версия киевского текста. Толкование пространства соотнесено с общими чертами урбанистической модели (наглядные факты аполлонизма, подчёркнутая ипостась Киева — символического двойника Царьграда). При этом работы студии «Мельница» остаются чётко приспособленными к восприятию массовой детской аудитории.

Литература

1. Тулуб О. Київ та його давня давнина у творах народних. — К. : Унісерв, 2011. — 242 с.
2. Виролайнен М. Эстетика тождества и «железный занавес» первого Московского царства // *Analysieren als Deuten*. — Hamburg : HUP, 2004. — S. 111—133.
3. Пушкин А. Сочинения: в 3 т. — Т. 1. — М.: Худож. л-ра, 1985. — 735 с.

The research illuminates the semiosis of Kyiv in cartoons, dedicated to medieval Russian epic plots. Spatial model is treated at characterological and local levels. Such analysis lies in interpretation of systems of personages (a hero-‘bohatyr’, a serpent, Kyiv Grand Duke) and

fundamental images of the territory (a gate, a palace, a hill). It allows to explore iconicity in correlations between cinematograph and either traditional folk creations (the legend about rivers Dnipro and Desna etc.) or experimental literary phenomena (vanguardistic poetry by V. Polishchuk).

**Д. А. Липатов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет
(Россия)**

ЭСТЕТИКА МИНИМАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

In the world art history it's possible to encounter the traits of minimalism in painting, sculpture, design, literature and cinema. Although today the term "minimalism" is highly ambiguous, most of the art critics believe that minimalism primarily signifies different modes of storytelling reduction.

In contemporary German cinema this particular aesthetics is brilliantly incorporated in the films of the Berlin school — young ambitious directors who develop the traditions of Robert Bresson's religious fables, Michelangelo Antonioni's modernist character studies and the cinema of slowness of the second generation of the French nouvelle vague.

Directors of the Berlin school uncompromisingly push dedramatization even further than their cinematic forebears totally rejecting classical Hollywood storytelling and focusing on microactions and the everyday. Their static but vibrant movies prove that this is the most efficient way to perceive the multi-layered complexity of modernity.

Эстетика минимализма получила наиболее полное развитие в живописи, скульптуре, дизайне, литературе и кинематографе. Многие искусствоведы спорят о том, какие стилистические черты объединяют произведения, выполненные в эстетике минимализма. Чаще всего исследователи сходятся на том, что минимализм во всех направлениях искусства можно интерпретировать как строгую экономию художественных средств.

В кинематографе эстетика минимализма проявляется в том, что режиссер пытается различными способами редуцировать и дедраматизировать нарратив. Следует уточнить, что под нарративом подразумевается не просто фабула или сюжет, а целый комплекс структурообразующих элементов кино, в том числе и звукозапись, монтаж и актерская игра.

В данном случае стремление современных режиссеров к нарочному децентрированию и отсутствию визуальных и звуковых маркеров (подсказов) в ходе повествования от-

сылает нас к идее великого французского режиссера-минималиста Робера Брессона о *rappports* (что переводится с французского как «взаимоотношения»). Под *rappports* Брессон имел в виду, что все в фильме должно быть взаимосвязано и служить одной цели. Вместе с этим ни одна составляющая *rappports* не должна выделяться и манипулировать тем, каким образом зритель будет интерпретировать увиденное.

Черты нарративного минимализма в кинематографе встречаются, в том числе, и в современном арт-кино, которое берет свои истоки из религиозных притч Карла Теодора Дрейера, Ингмара Бергмана и Робера Брессона, кино неореализма, документального реализма Роберто Росселлини, модернизма Микеланджело Антониони, второй французской волны, которая изменила представления зрителя о медленном кино.

Также основные черты минимализма в киноповествовании можно обнаружить, проанализировав картины режиссеров «Берлинской школы» — немецкой новой волны. Данные режиссеры используют все основные приемы упомянутых минималистов-классиков, умело смешивая их с самыми прогрессивными способами минималистичного нарратива, встречающиеся в фильмах Бруно Дюмона, Хоу Сяосяня и Апицатонга Веересетакула.

Режиссеры «Берлинской школы», как и другие режиссеры современного арт-кино, выступают против гегемонии драмы и Голливудской системы построения сюжета. В соответствии с классическим способом повествования протагонист является главным мотором действия, основанного на причинно-следственной связи.

В результате это создает динамичность сюжета, и режиссеру некогда заострить внимание на повседневных деталях.

Описывая сложносочиненность и многоуровневость жизни в эпоху современности, режиссеры «Берлинской школы», наоборот, в своих фильмах обращаются к миру повседневного. Ангела Шанелек, одна из основных представителей «Берлинской школы», говорит, что политическая позиция людей проявляется в их образе жизни, в самых обычных рутинных действиях.

Более того, психология персонажей и вопрос идентификации зрителя с ними не является для режиссеров «Берлинской школы» первоочередным. Действия персонажей скорее сопутствуют повседневным моделям поведения человека.

Из-за того, что режиссеры «Берлинской школы» противостоят традиционным способам построения нарратива и обращаются в своих фильмах к эстетике минимализма, многие зрители считают их фильмы чересчур медленными и статичными.

Андре Базен же, наоборот, отзывался о приеме дедраматизации как о способе повысить активность зрителя и сделать его творческим соучастником. Добиться же ее мож-

но, по его словам, с помощью внимания к миру повседневного, перенасыщения фильма деталями.

Эстетика минимализма в кинематографе является сегодня недостаточно изученной областью современной теории искусств, которая требует системного рассмотрения с выделением основополагающих стилевых признаков.

Литература

Abel, M. Intensifying Life: The Cinema of the „Berlin School“. *Cineaste* Vol. 33. 2008.

Biro, Y. *The Fullness of Minimalism*. Rouge. 2006.

Bresson, R. *Notes on the Cinematographer*. Quartet Books Ltd. 1986.

Flanagan, M. *Towards an Aesthetic of Slow in Contemporary Cinema*. 16:9. 2008.

Schick, T. M., Ebbrecht, T. *Kino in Bewegung, Perspektiven des deutschen Gegenwartsfilms*. VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2011.

VanEeno, C. *Minimalism in Art and Design: Concepts, influences, implications and perspectives*. *Journal of Fine and Studio Art*. 2011.

Базен, А. *Что такое кино?* — М.: Искусство, 1972.

Семенова Н. В., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

«ТРИ ПЕСНИ О ЛЕНИНЕ» ДЗИГИ ВЕРТОВА И СТАЛИНСКИЙ КИНОФОЛЬКЛОР

В 1934 г. одновременно с «Тремя песнями о Ленине» к выходу в прокат готовилось несколько картин («Исмет» и «Чапаев»). В этих фильмах факт посредством видеоряда трансформировался в легенду. Однако документальное кино, используя те же образы и приемы, что и игровое, предлагало совершенно иное видение изображаемой действительности. Это становится явным, если мы обратимся к образам новой женщины и Ленина — наиболее популярным в масс-медийной культуре начала 1930-х гг.

Первая «Песня» фильма посвящена отвоевывающей свою территорию амазонке. Мелькю — воплощение универсальной свободной женщины. Однако идентификация с ней невозможна, поскольку история, стоящая за образом, не раскрывается. Зритель видит героиню только «до» (в чадре) и «после» (с открытым лицом) перерождения. Ее биография редуцируется до двух фактов и демонстрируется в фильме подобно скамейке в Горках, которая тоже представлена «до» и «после» значимого события (смерти вождя): Ленин, сидящий на скамейке и пустая скамейка.

Вместе с «Тремя песнями» на экран вышел фильм, рассказывающий о первой азербайджанской летчице Лейле Мамедбековой, — «Исмет» или «Гибель адата» (реж. М. Микаилов). В картине героиня приходит к тому же результату, что и Мелькю — освобождению угнетенного сознания, но сам процесс ее перерождения показан совершенно иначе: единичный биографический факт разрастается до истории. Главное отличие «Трех песен» от «Гибели адата» состоит в том, героиня представляет свой опыт как рядовой эпизод, а не нечто экстраординарное (случай Исмет). Персонажи Д. Вертова не прошли процесс обработки и преобразования, поэтому они не воспринимались как фольклорные: отдельные мгновения заснятой «жизни врасплох» исключали возможность сопричастия зрителя чуду перерождения, происходившему на его глазах.

Тот же принцип дискретных мгновений, складывающихся в историю, лежит в изображении Ленина в «Трех песнях». В фильме утверждается конструкт вождя, моделируемый каждым гражданином Страны Советов по-своему, и в финале, составляющий коллажное полотно.

Д. Вертов отошел от стандартного изображения умершего вождя. В 1930-е гг. Ленин традиционно подается в контексте памяти о нем народа. Важную роль в формировании канона сыграли плачи и похоронные причеты [Юстус, 2000]. Вместе они образовывали феномен второй смерти Ленина, тогда как в фильме Д. Вертова, благодаря технической реставрации голоса вождя в какой-то степени происходило «оживление» его самого. Во вторых, «Три песни» были построены на враждебном для соцреализма принципе документальности. В 1932 г. в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано письмо Сталина, в котором нивелировалось значение архивных свидетельств. Место документа заняло понятие «действительные дела», под которым подразумевалось личное участие субъекта в истории. В данной оптике герой наделялся сверхъестественными способностями. В фильме же показанная столь реалистично смерть Ленина лишалась героического ореола.

Таким образом, картина Д. Вертова дезавуировала фольклорный жанр, обнажив его искусственность. Кинематографу, специализировавшемуся на художественных фильмах, пришлось искать новые средства выразительности, чтобы продолжать создавать у зрителя ощущения чуда, творимого на экране, пока три года спустя не была разработана синтетическая модель («Ленин в Октябре», 1937), в которой черты фольклорного героя были совмещены с фотографической документальностью.

Литература

Юстус У. Вторая смерть Ленина// Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 926-952.

In the report visions of a new women and Lenin in the Dziga Vertov's film are analyzed and the causes, why "Three songs about Lenin" hadn't become a part of the canon of Leninana, are explained.

Классическая филология

Д. Е. Новокшенов, Санкт-Петербургский Государственный Университет (Россия)

К ЭТИМОЛОГИИ MARGO В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

До середины I века до н. э. в латинском языке слова с корнем *margin-* для обозначения края, предела, не зафиксировано [Thesaurus, 2012; Perseus, 2012]. Для наименования понятия «предел» использовалось слово *ora* [Зайцев, 1985, 36; Лукреций, 1936, 17; Цицерон, 1962; Oxford Latin Dictionary, 1968, 1079]. Ясной этимологии слова *margo* и корня *margin-* в латинском языке нет [Тронский, 1960; Шантрен 1953; Эрну, 1950; Ernout, Meillet, 2001, 387; Facciolati et Forcellini, 1859-78, 54—55; Lewis and Short, 1879; Liddell and Scott, 1883, 291; Walde, 1938-1956, 39—40]. Внезапность появления в латинском языке слова *margo* указывает на его заимствование, что было обычным делом [Гурычева, 1959, 59; Шенгелия, 1962]. Слово *margo* быстро потеснило в живой народной речи латинское *ora* [Борухович, 1976, 184—186]. Первоначально оно появляется у авторов как низкоштилильное [Дуров, 1991, 154—155], что, также как и его быстрое распространение среди народа [Витрувий, 1936; Овидий, 1982], говорит о заимствовании.

Летом 53 года до н. э. тысячи римских семей остались без кормильцев. Не менее 10 тысяч римских мужчин оказались в плену у парфян. Враг отправил их в Маргиану [Новокшенов, 2011]. Марг, Маргиана стала новым домом пленных на всю оставшуюся им жизнь [Новокшенов, 2011]. Десятки тысяч их родных в Италии одновременно узнали новое слово, обозначившее судьбу плененных отцов, братьев, сыновей, и обогатили латинский язык новым корнем: *margin-*. Простые люди Италии плохо знали географию Средней и Центральной Азии и не могли представить себе Марг, Маргиану [Сергеенко, 1964, 79—92]. Для простых италиков имя далекой земли, имя места узилища родни, стало обозначать просто край света, предел земли, стало нарицательным, не требующим уточнения понятием. В русском языке подобную, но не настолько сильную нарицательность приобрели слова Камчатка и Караганда [Помяловский, 1965; Пантелеев, Белых, 1962].

Until the mid-first century BC words with the root *marg* had not become established to signify a border or boundary edge. To convey the notion of 'boundary edge' the word *ora* was used. There is no clear etymology of the Latin word *margo* and the root *marg*. The sudden appearance of the word *margo* in Latin points to it being borrowed, which was a common occurrence. The word *margo* quickly squeezed out the Latin *ora* in everyday colloquial speech. Initially it appears in writing as base style which, like its rapid spread among common people suggests that it was a borrowed word. In the summer of the year 53 BC thousands of Roman families lost their breadwinners. No fewer than 10,000 Roman men were taken prisoner by Parthians. The enemy sent them to Margiana. Marg, Margiana became the prisoners' new home for the rest of their lives. Tens of thousands of their relatives in Italy all learned a new word at the same moment to refer to the fate of their imprisoned fathers, brothers and sons, and they enriched Latin with a new root: *marg*. The common people of Italy did not know the geography of Mid and Central Asia well and could not picture for themselves Marg or Margiana. For Italian common people the name of the far away land, the name of their loved ones' jail, came to signify simply a region of the world, the boundary edge of the earth, and became denominative.

Литература

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. P. 2001.

Facciolati et Forcellini Lexicon totius Latinitatis, new edition by Fr. F. Corradini, Padua, 1859—78: A-Phoenix.

Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. revised, enlarged, and in great part rewritten by. Charlton T. Lewis, Ph. D. and. Charles Short, LL. D. Oxford. Clarendon Press. 1879.

Greek-English Lexicon / Compiled by H. G. Liddell and R. Scott. N. Y., 1883.

Oxford Latin Dictionary. 1968.

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Neubearbeitet von J. B. Hofmann. Bd. Bd. 1—3. Heidelberg, 1938—1956.

Борухович В. Г. В мире античных свитков. Под ред. Э. Д. Фролова. Саратов, 1976.

Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. Т. 1. М., 1936.

Гурычева М. С. Народная латынь. М. 1959.

Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. Л., 1985.

Линдсей В. М. Краткая историческая грамматика латинского языка / Пер. Ф. А. Петровского. М., 1948.

- Луcretий. О природе вещей / Пер. Ф. А. Петровского, вст. статья В. Ф. Асмуса. М.-Л., 1936.
- Новокшенов Д. Е. Гораций о римских пленных (Carm. III, 5) // Классическая филология. Материалы секции XL Международной филологической конференции. 14—19 марта 2011 г. СПб. С. 8—14.
- Новокшенов Д. Е. Римская эмиграция в Центральной Азии / Клио, журнал для ученых, №9 (60) 2011. С.32—35.
- Овидий, Публий Назон. Скорбные элегии / Под. М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров. М., 1982.
- Пантелеев Л., Белых Г. Республика ШКИД. М., 1962.
- Помяловский Н. Г. Сочинения в 2 томах. М., 1965.
- Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. М.-Л., 1964.
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.-Л., 1953.
- Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
- Цицерон. Речи в двух томах. Т. I (81—63 гг. до н. э.) / Перевод В. О. Горенштейна. М., 1962.
- Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка / Пер. Я. М. Боровского. М., 1953.
- Шенгелия И. Г. Народно-разговорная латынь. Тбилиси, 1962.
- Эрну А. Историческая морфология латинского языка / Пер. под ред. И. М. Тронского. М., 1950.
- Thesaurus linguae Latinae Bayerische Akademie der Wissenschaften. url: <http://www.thesaurus.badw-muenchen.de/index.htm>
- Perseus Digital Library Project. url: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper>

Е. Г. Филимонов, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

IVNONE SEISPITEI MATRI (1². 1430): лексическая диффузия или стилистический выбор писца? (о поликаузальности в языке)

Примером, где два возможных фактора логически не исключают друг друга, но, более того, влияют друг на друга, может служить интерпретация текста латинской архаической надписи. Так, надпись IVNONE SEISPITEI MATRI (12. 1430) [Тронский, 2001, 169] показывает три различных этапа эволюции дифтонга ei (ei > ē > ī). К сожалению, автор надписи не поставил наиболее архаичную форму второго слова на первое место, так бы порядок слов отражал направление фонетической эволюции форм во флексии дат. п. ед. ч. существительных 3 склонения. Распределение его рефлексов Ю. В. Откупщиков в

своих лекциях связывал с частотностью употребления всех трех слов. Он полагал, что разница между различными формами объясняется тем, что слова различной частотности проходят различные этапы фонетического изменения с разной скоростью. Наиболее частотное слово *mater* уже завершило процесс монофтонгизации, менее частотное *Iuno* отражает промежуточный этап изменения, а религиозный термин *Seispes*, употребление которого ограничено рамками специального ритуального обряда, совсем не подвергся процессу монофтонгизации. Таким образом, данная надпись хорошо интерпретируется с точки зрения теории лексической диффузии. Впрочем, возможно и иное объяснение. Вполне возможно, что во всех трех словах изменение $ei > \bar{i}$ к моменту написания надписи уже произошло, но автор надписи в целях архаизации использовал древний вид слова *Seispitei* для религиозного термина, форму, отражающую промежуточный этап монофтонгизации *Iunone*, поскольку, будучи словом средней частотности, оно могло дольше употребляться в более старом и более новом вариантах, и употребить новую форму *matri*, поскольку в этом наиболее частотном слове новая форма быстрее вытеснила в живой речи более древний вариант. Таким образом, могло быть сложное взаимодействие различных факторов – реальное существование в речи, окружающей писца, старых и новых форм, сосуществование в памяти писца различных вариантов одного слова, и, как следствие, возможность стилистически обусловленного выбора между древней и новой формой. Возможно, что речевой узус, в котором более частотное слово (*mater*) уже встречалось только в новой форме, а менее частотные слова (*Seispes* и особенно *Iuno*) могли сосуществовать одновременно и в новом, и в старом вариантах, наряду с жанрово-стилистическими соображениями, мог повлиять на выбор писцом разных фонетических форм для трех разных слов. Если, как показало исследование Лабова, «говорящие Нью-Йорка использовали различные формы одного и того же слова в разные дни, и неоднократно, различные формы одного и того же слова в одном предложении» [Aitchison, 2001, 85], то почему автор вышеупомянутой латинской надписи не мог использовать различные формы разных слов в рамках одной надписи? Поэтому автор надписи мог и слышать, и сам употреблять, параллельно разные формы, а также руководствоваться при их выборе для надписи стилистическими соображениями. Следовательно, оба фактора – лексическая диффузия и намеренная архаизация языка надписи писцом – могли действовать одновременно, что естественно для такого сложного объекта, как язык.

Литература

Aitchison J. Language Change. Progress or Decay? 3rd ed. Cambridge, 2001. P. 85.

Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е дополненное изд. М., 2001. С. 169.

The thesis of the paper is that the phonological difference in three grammatical forms of Dat. Sg. ($ei > \bar{e} > \bar{i}$) encountered in the Latin inscription (12. 1430) IVNONE SEISPITEI MATRI can be accounted for by more than one reason. There might have been such causative factors at work as lexical diffusion as well as personal stylistic choice by the writer. The most frequent noun MATRI might have been generalized much quicker than the less frequent IVNONE, and especially SEISPITEI (for both of which the fluctuation of the older and younger forms could have been used for a stylistic purpose).

Лексикология и фразеология (Романо-германский цикл)

О. Б. Абакумова, к. филол. н., доц., Орловский государственный университет (Россия)

ПОСЛОВИЦА И ОЦЕНКА

В статье анализируется репрезентативная составляющая модели актуализации смысла пословицы в дискурсе [см. Абакумова, 2011]. Оценочность определяется как один из видов модальности. Модальная рамка оценки включает субъект оценки, объект оценки, аксиологический предикат, оценочную шкалу, стереотипы и интенсификаторы [Вольф, 2009].

Существуют разные точки зрения по поводу того, что является объектом оценки в пословицах [Мёд 2008]. Мы полагаем, что в пословице могут оцениваться как ситуация в целом, так и ее отдельные составляющие, являющиеся фокусом интереса говорящего (о фокусе интереса говорящего или прагматическом пике см. [Van Valin, 1993]). Нам представляется, что в связи с пословицами нужно различать два типа оценки: культурно-обусловленную, которая проявляется интертекстуально в паремическом дискурсе как совокупности пословиц, объединенных общей темой, и индивидуально-обусловленную, связанную с коммуникативной стратегией говорящего в конкретной ситуации общения. В последнем случае индивидуальная оценка накладывается на культурную с опорой на семантический потенциал конкретной пословицы и контекст. К средствам оценки и категоризации действительности отечественные исследователи относят культурные коды. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова [Гудков, Ковшова, 2007] определяют культурный код как систему

знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов, которые прочитываются в этих знаках. Нам представляется, что есть определенная зависимость между референциальным типом пословицы (см. референциальную типологию пословиц О. Е. Фроловой [Фролова, 2007]) и возможностями использования конкретных кодов культуры..

Субъектом оценки является социум, пословицы представляют общее мнение. Аксиологический предикат в структуре не выражен, но подразумевается. Для передачи оценки используются разные коды культуры, идет опора на социальные стереотипы. В понятийном аппарате *lingua mentalis* А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980] ассертивная и пресуппозитивная части семантического представления высказывания маркируются с помощью модальной рамки, ассерция вставляется в модальную рамку «знай» /«я говорю»), а прагматическая пресуппозиция — в рамку «я полагаю, что ты знаешь». Можно представить смысл пословицы *Face to face, the truth comes out* следующим образом. *Ассерция*: я говорю, что кто-то беседует с кем-то с глазу на глаз и узнает истинное положение дел. *Пресуппозиция*: я полагаю, что ты понимаешь, что это хорошо/правильно. *Логический вывод*, который может сделать человек, зная социальные нормы своего общества: *Если ты хочешь узнать, что действительно произошло, следует поговорить с человеком наедине*. Пример демонстрирует утилитарные нормы социального поведения, которые можно вывести из семантики пословиц. Мы расширяем аппарат А. Вежбицкой третьим компонентом, чтобы отразить природу пословицы как оценочного суждения, цель которого оказать воздействие на слушающего. С логических позиций пословица — обобщающая импликация, она является таковой и в речи, когда весь текст пословицы становится антецедентом, а консеквент — тот логический вывод, который должен сделать слушающий, исходя из ситуации и опираясь на деонтические нормы данной культуры.

Литература

Van Valin R. Jr. *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam, Benjamins, 1993.

Wierzbicka A. *Lingua Mentalis*. Sydney, 1980.

Абакумова О. Б. Модель актуализации пословицы в дискурсе // *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald-Санкт-Петербург, 2011. — с.253-257.

Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки*. М., 2009.

Гудков Д. М., Ковшова М. Л. *Телесный код русской культуры*. Москва, 2007.

Карасик В. И. *Языковой круг*. М., Гнозис, 2004.

Мёд Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии. Автореф. д.ф. н., СПб, 2008.

Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом. Москва, 2007.

O. B. Abakumova

Poverb and evaluation

Summary: The author suggests differentiating between two types of evaluation in proverbs: 1) culturally determined evaluation revealed in paremic discourse inter-textually through different codes of culture and 2) individually determined evaluation connected with speaker's communicative strategy and fixed in the pragmatic peak of the proverb's utterance. Using extended apparatus of *lingua mentalis* by Wierzbicka, the author offers the third step of event evaluation by means of proverbs as an entailment the hearer should make taking into consideration the situation and social norms common in his culture.

Е. В. Богомякова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Этнические прозвища являются „косвенными“, вторичными наименованиями этнических групп в отличие от первичных, стилистически не маркированных названий. Своеобразие их семантики заключается в том, что они содержат образно-экспрессивную характеристику представителей определенного этноса, оценочное отношение именуемого субъекта.

Они образуются морфологическими способами (усечение, аффиксация, словосложение), с помощью заимствования, но особенно большую роль играет семантическая деривация слов других тематических групп. При образовании этнических прозвищ ассоциации, лежащие в основе переноса, связаны со стереотипными представлениями о людях той или иной национальности.

Были выявлены следующие семантические отношения:

1. Имя собственное — этническое прозвище (12):

а) John Bull, Jonny — англичане, Itzig (от формы Jizchak имени Isaak) — евреи, Vimbo — чернокожие.

б) Paddy (от Patrik — национальный святой Ирландии) — ирландцы, Michel (связано с именем архангела Михаила) — немцы.

в) Прозвища солдат чужих армий, например: Iwan (о русских), Fritz (о немцах), Tommi (об англичанах).

2. Гастрономический продукт — этническая группа (4):

Macaroni, Spaghetti (итальянцы); Kraut '*капуста*', Sauerkraut '*квашеная капуста*' (немцы).

3. Род деятельности — этническая группа (4):

Mausefallenhändler '*торговец мышеловками*', Katzelmacher '*изготовитель ковшей*' (об итальянцах); Dattelzähler '*считающий финики*' (арабский студент); Kameltreiber '*гонщик верблюдов*' (студент из Северной Африки или с Востока).

4. Предмет одежды — этническая группа (3):

Knickerbocker '*бриджи, брюки-гольф*' (прозвище голландца в Нью-Йорке), Kamerad Schnürschuh '*товарищ ботинки-со-шнурками*' (сначала — прозвище австрийского солдата, затем — любого австрийца), Rotkäppchen '*красная шапочка*' (французский солдат армии Наполеона III).

5. Предмет — этническая группа (2):

Brikett '*угольный брикет*' (о чернокожих)

6. Географическое название — этническая группа (2):

Juda '*(ист.-геогр.) Иудея*' (еврей); Fidschi '*о-ва Фиджи*' (вьетнамец, азиат).

7. Животное — этническая группа (2):

Bullenbeißer '*бульдог*' (об англичанах); blaue Ameisen '*голубые муравьи*' (о китайцах).

8. Древнее племя или народ — этническая группа (6):

а) Teutonen '*тевтонцы*' (немцы), Moskowiter '*московиты*' (русские), Bajuware '*ист. бавар*' (баварец), Hunne '*гунн*' (*презр.* о немцах в Америке), Böhme '*богемец*' (*австр. чех*), Magyar / Madjar '*мадьяр*' (венгр).

б) Kanaker (туземное племя) > Kanadier (канадцы), Italiker (италики) > Italiener (итальянцы), Ostgoten (остготы) > Ostdeutsche (восточные немцы); Ostfriesen (восточные фризцы).

9. Особенности внешности — этническая группа:

Bleichgesicht '*бледнолицый*' (о европейцах), Rothaut '*краснокожий*' (об индейцах), Langnase '*длинноносый*' (китайцы о европейцах).

10. Метафорический перенос может быть мотивирован каким-нибудь событием, имевшим место в истории данного народа (историческим фактом): Insulaner '*островитя-*

нин' > Westberliner 'житель Западного Берлина'; gelbe Gefahr 'желтая опасность' (о китайцах).

Таким образом, исследование семантических переносов при образовании этнических прозвищ позволяет выявить категории, являющиеся наиболее значимыми для характеристики представителей этнических групп. Ими оказываются прежде всего особенности внешности, черты характера, гастрономические пристрастия, социальный статус, являющиеся, в свою очередь, отражением стереотипных представлений о тех или иных этнических группах.

Evaluative attitude of a nominator and expressive characteristics of representatives of an ethnic group are the specific features of ethnic bynames. The ways and means of their formation include clipping, affixation, compounding, borrowing and semantic derivation of words naming people, products, clothes, animals, etc. Assosiations on which the [transfer of ethnic bynames meaning](#) is based are connected with stereotypes about different nations.

А. А. Бутина, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Особенности фразеологических образов, вербализующих зооконцепты CAT и DOG

В работе рассматриваются некоторые идиосинкратичные черты образов, создаваемых на уровне внутренней формы (ВФ) фразеологических единиц (ФЕ), реализующих зооконцепты CAT и DOG. Материалом послужила широко понимаемая британская фразеология — ФЕ, обладающие структурной формой как словосочетания, так и предложения. ВФ интерпретируется как буквальное значение фразеологизма, непосредственно выводимое из значений его составляющих и коррелирующее с собственно семантическим планом ФЕ. Образ понимается как некий результат взаимодействия компонентов ВФ, основанный на целостном ее восприятии.

Для английской фразеологии характерно достаточно частое упоминание принадлежности кошек и собак хозяевам — конкретным людям, чьи имена собственные фигурируют во ВФ: *His race is just run, like Galtey's cat.*

Возможно также указание на хозяйскую профессию, род занятий, определяющие «место проживания» животных (подобная информация чаще относится к хозяевам собак): *drunk as a fiddler's bitch.*

Имена хозяев могут являться «говорящими» — в таком случае их ВФ содержит достаточно явное указание на характеристику людей, которую необходимо отобразить в

семантике ФЕ. При этом эффект может дополнительно усиливаться за счет аллитерации. Таким образом, смысловая нагрузка с животного перемещается на действие/атрибут — животное как бы отступает на периферию: *very foresightly, like Forsyth's cat = sees dangers afar off*.

Изучение ФЕ с именами собственными представляет интерес и для ономастического анализа. Так, в разобранных примерах имена собственные существуют не автономно, а лишь при «поддержке» иного концепта — в данном случае, зооконцепта.

В то же время, подобные примеры способны предоставить важную информацию и для реконструкции и моделирования самого зооконцепта — поскольку животное демонстрирует такие характеристики, как привычность для человека, обыденность, «домашний характер», проявляющиеся через указание на принадлежность своему хозяину.

В ряде рассмотренных ФЕ можно встретить наименования мест обитания животных (такие как городок, местность, графство): *for the same reason that Aberdeenshire cats never drink cream = they never get the chance*.

Известный паремиолог А. Тейлор упоминает следующие средства создания фразеологического образа [Taylor, 1954, 4]: 1) Ситуация, описываемая на уровне ВФ, может быть *абсурдна/парадоксальна*. Во ВФ ФЕ фигурирует животное, оказавшееся в особой ситуации, например, совершенно несвойственной, или даже противоречащей его природе: *to blush like a blue dog = to be incapable of shame*.

2) Во ВФ может наблюдаться *игра слов*: *high as the hair on a cat's back = very expensive; as clean as a hound's tooth = very clean; free of guilt or wrong-doing*.

3) Описываемая на уровне ВФ ситуация может быть отмечена *иронией* (правда, для полного раскрытия и «подтверждения» иронического подтекста может потребоваться сопоставление ВФ с уровнем значения ФЕ): *innocent as pussy-baudrons [a name for a cat — Sc] thinking on the cream-jug*.

Фразеологические образы, вербализующие исследуемые зооконцепты, отличаются значительным разнообразием и выразительностью, что свидетельствует о высокой степени разработанности концептов CAT и DOG британским языковым сознанием.

Литература

Taylor A. Proverbial comparisons and similes from California. Folklore Studies 3. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1954.

Certain idiosyncrasies of phraseological images verbalizing the zooconcepts CAT and DOG

The paper deals with certain idiosyncrasies of images created at the level of the inner form of phraseological units which verbalize the zooconcepts CAT and DOG. Their inner form may mention the proper names of the animals' owners, the owners' occupation, and the animals' place of living. The following means quite often contribute to shaping the inner form of the phraseological units in question: 1) The situation described at the inner form level may be absurd/counterintuitive; 2) The inner form may contain a pun on words; 3) The situation at the inner form level may be marked by irony.

М. В. Влавацкая, к. филол. н., Новосибирский государственный технический университет (Россия)

Синтагматический компонент лексического значения слова в контексте комбинаторной семасиологии

Комбинаторная семасиология — область языкознания, содержанием которой является описание соотношения семантики слова и его сочетаемости, а также изучение семного состава лексического значения сочетающихся слов, выявление общих сем, позволяющих связываться словам в речевой цепи и рассмотрение структуры синтагматического компонента значения слова. Проблемы сочетаемости слова неразрывно связаны с его семантикой, на определение которой влияют различные факторы: языковые и экстралингвистические ограничения, идиоматичность и неидиоматичность лексических единиц, число соотносимых слов и их расположение и др.

Разные компоненты лексического значения (денотативный, сигнификативный, коннотативный, прагматический, структурный синтагматический vs парадигматический и др.), отражая разные стороны одного и того же объекта, оказываются тесно взаимосвязанными.

Синтагматический компонент значения выполняет функцию проводника: он разрешает сочетаемость определённых слов и производит её реализацию в речь. Данный компонент является сложным образованием, т. к. включает селективный и рестриктивный компоненты, играющие роль ограничителей сочетаемости слов.

Селективный компонент «контролирует» процесс реализации сочетаемости слов и позволяет сочетаться словам в речевой цепи исключительно по принципу избирательности. Исходя из разной природы ограничений, селективный компонент подразделяется на три подтипа.

Денотативно-селективный компонент отражает те типовые представления об объектах и явлениях, которые имеют место в реальной действительности. Его роль — изби-

рать и ограничивать сочетаемость слов, опираясь на вещный мир: *журчит вода* — *water purls*, *дует ветер* — *wind blows*, *петь песню* — *sing a song*, *просторный зал* — *spacious hall* и т. д.

Функция коннотативно-селективного компонента — отражать представления, соотносимые с эмоциями, оценкой об объектах и явлениях действительности, экспрессивностью, а также с функционально-стилистической принадлежностью сочетающихся слов: *неустово галдеть*, *воспеть подвиг*, *закатить скандал*, *tough luck*, *fabulous rent*, *damned rogue* и т. д. Компоненты коннотации в значении слов способны ограничивать их сочетаемость с другими словами по принципу избирательности того или иного компонента коннотации.

Выделение национально-культурного селективного компонента обусловлено наличием неразрывной связи лексического значения со спецификой социальной жизни народа. В комбинаторной семасиологии выделяется два типа сочетаний: обусловленные лексико-фразеологической сочетаемостью: *разбить палатку*, *закадычный друг*, *lousy tea*, *make inquiries* и обусловленные социолингвистически: *коренной москвич*, *участковый терапевт*, *novelty shop*, *army beef*, *full tea*, *brown bread* и т. д.

Рестриктивный компонент выполняет функцию двойного ограничителя сочетаемости слов в пределах лексико-семантической группы (ЛСГ). Например, в русском языке глагол *водить* сочетается с такими существительными ЛСГ «транспортные средства», как *автобус*, *троллейбус*, *трамвай*, *автомобиль*, но не *мотоцикл, *поезд, *самолёт, *корабль. В английском языке глагол *drive* сочетается с *bus*, *trolleybus*, *tram*, *car*, *train*, но не *motorcycle, *plane, *ship.

Таким образом, в рамках комбинаторной семасиологии в лексическом значении слова выделяется синтагматический компонент, который представляет собой комплексное образование, позволяющее сочетаться словам и осуществляющее непосредственный выход в речевую синтагматику, непосредственно участвуя в речевой деятельности человека.

Annotation

In the lexical meaning of words equally with denotational, connotational and pragmatic components there is a syntagmatic one. Its function is to provide collocability of words in speech. This component has a complex structure. It possesses the prescriptive part which permits collocability of words and the restrictive part which has either linguistic or extralinguistic features. This problem lies within Combinatorial Semasiology the subject of which is to study interrelations between semantics of the word and its collocability.

О. М. Воевудская, к. филол. н., Воронежский государственный университет (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ СЕВЕРОГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

The article deals with the quantitative analysis of the vocabulary of five Germanic languages — Danish, Norwegian, Swedish, Icelandic and Faroese — according to the functional, syntagmatic, paradigmatic and epidiigmatic parameters. The aim of the investigation is to single out the parametric nuclei of these languages in order to create their lexico-semantic typology. The work is based on the theoretical conception of parametric analysis suggested by V. Titov.

Целью предлагаемого исследования является разработка типологии северогерманских языков. Для ее достижения использовался параметрический метод анализа лексики, изложенный в работах В. Т. Титова [Титов, 2002, 2004]. Согласно предложенной им методике, чтобы выявить типологически существенные черты лексико-семантической системы, достаточно проанализировать тысячу ее наиболее «весомых» единиц, которые отбираются 4-м параметрам: 1) функциональному (длина слов), 2) синтагматическому (сочетаемость), 3) эпидигматическому (многозначность), 4) парадигматическому (вхождение в синонимические ряды). Для каждого языка можно получить по четыре множества — частнопараметрические ядра. Операции ними позволяют выделить два ядра — малое (представленное единицами, входящими во все ядра) и большое (представленное единицами, входящими в три и два ядра). Выделение малого ядра — главный результат количественной лексикологии. Полученный материал может быть использован качественной лексикологией для дальнейшего анализа.

Выделение лексико-семантических ядер северогерманских языков проводилось на основе анализа и превращения в базы данных пяти лексикографических источников [Young, 1985; Бабушкина-Лорентцен, 2002; Берков, 1962; Барщевский, 2004; Ефремова, 2003].

В результате, по каждому из языков были получены четыре ядра. Сложение весов по каждому параметру дает суммарный параметрический вес для каждого слова данного множества и позволяет упорядочить слова по убыванию их параметрического веса. Слово с максимальным значением параметрического веса будет считаться доминантой лексико-семантической системы. Следующее за ним слово — вице-доминантой. Сопоставительный анализ первых пяти самых «весомых» слов северогерманских языков показал, что:

1) типологически сходными оказались фарерский и датский языки со сходными лексическими единицами — доминантой *faa* «получать», *náa* «достичь, получить» (4 по-

зиция) и *holde* «держать» (5 позиция) датского языка; идея обладания оказалась свойственной и норвежскому языку с его *sak* «вещь, предмет, имущество» (4 позиция);

2) у двух северогерманских языков — норвежского и исландского — оказались близкие доминанты — *ord* «слово» и *má* «речь», к ним примыкает фарерский язык с *mál* «речь, голос» (3 позиция) и *boða* «объявить» (5 позиция);

3) доминанте датского языка *fri* «свободный, неограниченный» можно поставить в соответствие его же *magt* «власть» (4 позиция), *passé* «управлять, заведовать» (3 позиция) и *rätt* «право» шведского языка (5 позиция);

4) у двух северогерманских языков отмечены идентичные лексемы с семантикой «бить»: у шведского — *slå* «бить, колотить» (4 позиция) и исландского *slá* «бить, ударять, убивать» (вице-доминанта), которые заставляют вспомнить о грозных викингах-завоевателях;

5) лексемы норвежского языка — *tall* (число) (5 позиция), исландского языка — *rót* «корень, причина, основание» (5 позиция) и *sök* «обвинение» (4 позиция) связаны со сложными ментальными процессами, характерными для человека на достаточно высокой ступени его интеллектуального развития;

б) в нескольких северогерманских языках максимальные параметрические веса получили прилагательные, выражающие различные позитивные характеристики: вице-доминанты датского — *ót* «нежный, ласковый», шведского — *fin* «тонкий», норвежского — *ren* «чистый».

Литература

1. Титов В. Т. Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002.
2. Титов В. Т. Частная квантитативная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.

Д. С. Воевудский, Воронежский государственный университет (Россия)

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКИ НИДЕРЛАНДСКОГО СЛОВАРЯ

In the article the author analyses the vocabulary of the Dutch-Russian dictionary according to the functional, syntagmatic, paradigmatic and epidigmatic parameters aiming to single out the lexico-semantic nuclear of the Dutch language. The investigation is based on the theoretical conception of parametric analysis worked out by V. Titov.

Цель данной работы — параметрический анализ лексики нидерландско-русского словаря, произведенный по методике В. Т. Титова [Титов, 2002, 2004]. Корпус материала был получен в результате превращения Большого нидерландско-русского словаря [Мионов, 2006] в базу данных и составил 55404 слова.

Общеизвестно, что частотность слов обратно пропорциональна их длине. Наиболее весомыми в *функциональном* отношении оказались: существительное *A* «река», местоимение *и* «вам, вас», предлог *à* «по» и междометие *о* «о!, ах!, ох!». Самым длинным словом — *onafhankelijkheidsverklaring* «объявление независимости». В функциональное ядро войдут все слова длиной до 4 звуков, т. е. оно будет насчитывать 3560 слов.

Оценка *синтагматического* веса нидерландской лексики производилась путем подсчета фразеосочетаний в ромбовой части словарной статьи, а также иллюстративных примеров. Таких слов оказалось 7687, и объединяют они 17980 ФС. Самое большое количество зафиксировано у существительного *hand* «рука» — 57. В синтагматическое ядро будут включены все слова от 3 и более ФС, т. е. 1817 слов.

После анализа синонимических рядов нидерландской лексики в *парадигматическое* ядро вошли все слова, имеющие 4 и более синонимов, т. е. 842 синонимических ряда.

Верхушку парадигматической «пирамиды» составил синонимический ряд, включающие 20 членов со значением «хвостун, бахвал, зазнайка»: *banjer, blazer, bluffer, druktemaker, feniks, geurmaker, gróotspreker, keffer, óphakker, opschepper, opsnijder, parademaker, pocher, praler, prótsen, roemer, schreeuwer, snoever, windbuil, windzak*.

Стандартный учет *эпидигматического* потенциала показал, что в нидерландском языке насчитывается 14653 многозначных слова. Максимальное количество значений (23) имеет глагол *trékken*. В ядро необходимо включить все слова с количеством значений 4 и выше, следовательно, в него войдут 2046 слов.

В результате слияния частнопараметрических ядер были получены: 1) малое ядро (лексика, вошедшая во все 4 ядра — 101 слово), 2) большое ядро (лексика, вошедшая в 3 ядра — 343 слова), 3) периферия большого ядра (лексика, вошедшая в 2 ядра — 1886 слов), 4) «отходы» (лексика, вошедшая в 1 ядра). Слово с максимальным значением параметрического веса назовем доминантой лексико-семантической системы. В нидерландском языке это — *man* «человек».

Не считая доминанты, в первую «десятку» вошли следующие слова: существительные — *bek* «рот, пасть, морда (животного)», *pen* «птичье перо», т. е. слова, называющие части тела человека и животного; синонимичные лексемы *hoop* и *bom* «куча, груда, уйма», обозначающие недифференцированную множественность предметов; артефакты *pan*

«сковорода» и *bed* «кровать», прилагательные *taai* «твёрдый, жёсткий, тугой», *heet* «горячий». Некоторую «статичность» ядерной лексики несколько уравнивают глагол *slaan* «бить, колотить, ударять» и производное от него существительное *slag* «удар».

Полученные статистические данные о параметрической стратификации нидерландской лексики могут быть использованы в ее дальнейшем качественном исследовании.

Литература

1. Большой нидерландско-русский словарь: Ок. 180 000 сл. и словосочетаний / С. А. Миронов, В. О. Белоусов, Л. С. Шечкова и др.; под рук. С. А. Миронова. М.: Живой яз., 2006.
2. Титов В. Т. Общая количественная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002
3. Титов В. Т. Частная количественная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.

Е. В.Иванова, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

КОНЦЕПТ — ЦЕЛЬ И СРЕДСТВО КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

В работе рассматривается понятие концепта как одного из основных понятий современной лингвистики, развивающейся в русле когнитивного, антропоцентрического и культурологического направлений, которые тесно взаимодействуют между собой и во многом пересекаются. Дается краткая характеристика некоторых основных направлений исследования концепта.

Одним из возможных подходов является рассмотрение концепта как структуры признаков, извлекаемых из содержательного пространства, образованного всей семантикой языковых единиц, как значением, так и внутренней формой. Это общее содержательное пространство отражает знание о мире, закрепленное в языковых единицах. Описание дискретных языковых единиц подчиняется задаче описания репрезентируемой ими ментальной сущности, а в содержательном пространстве могут быть выделены свои единицы.

Такие единицы можно назвать когнитемами, которые рассматриваются автором как пропозициональные единицы знания, функционально значимые для описания фрагмента языковой картины мира или концепта. [Иванова. 2002] Такие единицы выделяются не только на когнитивном уровне значения, но и на когнитивном уровне внутренней формы, а также в плоскости их взаимодействия. Когнitema является проекцией фрагментов языковой семантики в концептуальную область.

Когнитемы возможно подразделить на базовые, выводные и интерпретативные.

Базовые когнитемы отражают эмпирическое знание, которое может быть получено с помощью органов чувств, в основном, зрения. Они выражают «наивный» взгляд на мир, представляя собой информацию, изначально усваиваемую человеком в раннем детстве. Например, анализ фразеологизмов, репрезентирующих концепт Pig, позволяет выделить когнитемы “a pig is fat” (fat as a pig), “a pig is dirty” (dirty as a pig), “a pig grunts” (gruff and grunt like a boar pig — of a pompous old man).

К выводным когнитемам относятся отрезки знания, связанные с наблюдением за объектом — с выводным знанием. Например, “a pig dirties someone/something” (a pig in mud tries to make others dirty — Foul habits are contagious). Связь между базовыми и выводными когнитемами в когнитивном пространстве можно описать так: the pig is dirty > hence, dirties other objects. Это описание — своего рода модель «наивной логики».

Третью группу когнитивных составляют интерпретативные когнитемы, представляющие собой отрезки знаний, полученные в результате интерпретации окружающего мира. Так, в следующих фразеологизмах выделяется когнитема “a person is like a pig”: Lead a pig to the Rhine, it remains a pig; get the wrong pig by the ear (accuse the wrong person). Разновидностью интерпретативных когнитивных являются фантазийные когнитемы

С одной стороны, реконструкция того или иного концепта позволяет описать восприятие языковым социумом «участка мира», заключенное в семантике языковых знаков, установить общие и национально-специфические черты в освоении и понимании мира.

С другой стороны, в методологическом плане подход к содержательной стороне языковых знаков с целью выявления «скрытого» в ней сложного по структуре ментального образования, соотнесенного с разными пластами семантики, дает возможность рассматривать эту семантику как проекцию концептуализации мира человеком, выделяя единицы содержания в концептуальном пространстве, соотнесенным с группой языковых единиц. Моделируемая концептуальная плоскость выступает характеристикой не только результатов интерпретации мира, но и языковых единиц, отражающих эту интерпретацию.

Литература

Иванова Е. В. Пословичные картины мира. СПб, 2002..

Concept — purpose and means of cognitive analysis

The paper summarizes the basic approaches to the notion “concept” existing in modern linguistics and singles out the cognitheme as the unit of concept analysis and reconstruction. Cognithemes are divided into three groups: basic, inferred and interpretative. The characteristic

features of each group are described. The concept is considered both as the purpose and the means of the cognitive analysis.

М. Н. Коновалова, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ВЫРАЖЕНИЕ “PATRIOTISM IS THE LAST REFUGE OF A SCOUNDREL”: ИСТОРИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Босвелл, не описывая контекста, в котором была употреблена фраза “*Patriotism is the last refuge of a scoundrel*”, утверждает, что она была впервые произнесена Джонсоном 7 апреля 1775 года [Boswell]. Босвелл уверяет, что Джонсон не имел в виду патриотизм в общем, который он ценил, а говорил о тех ситуациях, когда слово «*patriotism*» используется для прикрытия личных интересов, т. е. о «*false patriotism*».

В словаре 1785 года Джонсон дал следующие определения слов “*patriotism*” и “*patriot*”: “*Patriot, n. f. 1. One whose ruling passion is the love of his country. 2. It is sometimes used for a factious disturber of the government. Patriotism n. f. [from patriot] Love of one’s country; zeal for one’s country*” [Johnson, 1785]. Следует отметить, что в словаре Джонсона слово “*patriotism*” имеет положительную оценку. Однако второе значение слова “*patriot*” близко тому, в котором Джонсон употребил слово “*patriotism*” в исследуемой фразе: “*2. It is sometimes used for a factious disturber of the government.*” Это значение появилось в словаре Джонсона лишь в 4-ом издании словаря 1774 года, т. е. за год до произнесения Джонсоном рассматриваемого афоризма. В политическом памфлете “*The Patriot (1774)*” Джонсон разоблачал “*false patriotism*”, который он усматривал в действиях оппозиции, боровшейся против двора, правительства и прежнего состава парламента под лозунгами патриотизма и защиты народных прав и свобод. Т. о., эта фраза была связана с вполне конкретными политическими убеждениями Джонсона.

В дальнейшем фраза стала использоваться вне своего контекста, восприятие изменилось. В XX веке фраза начинает использоваться людьми, которые отрицательно относятся к государственной власти: “(1939/01/30) Canny showmen, they know that if, as **Dr. Johnson** said, **patriotism is the last refuge of a scoundrel**, it is also one of the first **salvations** of a **box office**; that mother love and **dying for one's country** are not only the stuff of great art but also the surefire cliches of **popular entertainment.**” [Davies, 2008]

Выражение Джонсона переосмысливается, разбирается на составные части и переиначивается с заменой деталей. Получается “*patriotism is the first salvation of a box office*”, т. е. патриотизм переходит в сферу развлечений и бизнеса. Кроме того, этот пример 1939

года. Американцы не хотели принимать участие в войне, маркер “that mother love and **dying for one's country**”.

Рассматриваемая нами фраза является фразой, которая ставится в различные ценностные структуры в зависимости от потребностей тех, кто её употребляет, тем самым утрачивая связь с изначальным контекстом. Ирония в истории употребления этой фразы состоит в том, что из-за своеобразного метонимического в сущности использования слова “*patriotism*” для обозначения определенного явления в политической жизни Англии после семилетней войны и для выражения своего отрицательного отношения к оппонентам в политической борьбе, Джонсон создал крылатое выражение, которое оказалось полностью переосмысленным и сейчас употребляется со значением, прямо противоположным исходному.

Литература

Boswell's Life of Johnson <http://www.gutenberg.org/cache/epub/9072/pg9072.html>

Davies, Mark. (2008-) The Corpus of Contemporary American English: 425 million words, 1990-present. Available online at <http://corpus.byu.edu/coca/nuage>

Johnson, Samuel. A dictionary of the English language. 1785

Н. А. Курило, к. филол. н., Минский государственный лингвистический университет (Беларусь)

К вопросу о моделируемости процесса аббревиации (на материале современного английского языка)

В современной лингвистике имеются достаточно веские основания считать аббревиацию моделируемым в формальном отношении процессом. Вместе с тем существует ряд факторов, которые осложняют процесс выделения регулярных словообразовательных моделей в области аббревиации; и прежде всего, это отсутствие единых правил, регламентирующих процесс сокращения неоднословных наименований.

Так, предполагается, что порядок следования компонентов сокращения соответствует порядку следования их прототипов в полном наименовании. Однако, примеры сокращений *MTAI* и *PRI* и соответствующих им полных наименований *Member of the Institute of Travel Agents* и *Institutional Revolutionary Party* свидетельствуют о том, что это правило не всегда соблюдается.

Ожидается, что все компоненты полного наименования представлены в сокращении. Тем не менее, и это правило очень часто нарушается. Так, в сокращении могут отсут-

ствовать как следы служебных слов, входящих в структуру полного наименования (*LRCS (League of Red Cross Societies)*, *PDFLP (Popular Democratic Front for the Liberation of Palestine)*), так и следы знаменательных слов (*MoH (Ministry of Housing and Local Government)*, *TOR (Tertiary Order Regular of St Francis)*). При этом речь может идти не только о второстепенных со структурной точки зрения компонентах (см. примеры, приведенные выше), но и о компонентах, представляющих собой ядро полного наименования (*association, company, corporation, organization, party, system, union* и т. д.): *BORAD (British Oxygen Research and Development Association)*, *CAA (Central African Airways Corporation)*.

В связи со сказанным выше возникает вопрос о причинах отсутствия следов всех компонентов полного наименования в структуре того или иного сокращения?

На первый взгляд в этом прочитывается стремление автора сделать многокомпонентную аббревиатуру менее громоздкой и, как следствие, более удобной в употреблении (хотя это и не всегда соответствует действительности; сравните, например, идентичные по своей структуре наименования *AA — Association of Agriculture* и *AOSIS — Association of Small Island States*), а также более запоминающейся, например: *AIDS (air force intelligence data-handling system)*. Кстати, по этой же причине в сокращении может отмечаться и присутствие компонента, не представленного в полном наименовании: *E_{SSO} (Standard Oil)*, *Poss_{UM} (patient-operated selector mechanism)*.

Однако анализ структуры сокращенных лексических единиц инициального типа свидетельствует и о наличии более веских причин. Например, сохранении прежнего сокращения и использовании его наравне с обновленным полным наименованием (*BIBA — British Insurance and Investment Brokers' Association* (ранее *British Insurance Brokers' Association*)). В данном контексте нельзя не упомянуть и о существовании единиц типа *ACE (Member of the Association of Conference Executives)*, которые могут быть отнесены к аббревиатурам только с формальной точки зрения, так как являются результатом метонимического переноса, что, в свою очередь, и объясняет отсутствие в производной единице следов одного из предполагаемых компонентов производящей единицы.

Подытоживая сказанное выше, следует отметить, что отсутствие единых правил, регламентирующих процесс сокращения неоднословных наименований, осложняет не только процесс выделения регулярных словообразовательных моделей в области аббревиации, но и процесс распознавания сокращенных лексических единиц (например, в случае возникновения омонимии в языке).

Annotation

The article deals with the problem of correlation between acronyms (words formed from the initial letters of each of the successive parts of a compound term) and their prototypes. It gives an answer to the question *when* and especially *why* the rule of the formation of this type of abbreviations does not work.

**А. Н. Ливанова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

ИСТОРИЯ ОДНОГО НОРВЕЖСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Как известно, мотивировка фразеологических единиц для современного носителя языка в большинстве случаев затемнена, а авторство неизвестно, что нередко верно и для крылатых слов. В этой связи небезынтересна недавняя, но уже запутанная история возникновения норвежского фразеологизма *horpe etter Wirkola* (досл. «прыгать после Вирколы»), служащая подтверждением тесной связи фразеологии с культурой языкового сообщества.

Для культуры Норвегии характерен огромный интерес к спорту, в особенности зимнему. Норвежцы не столько «болеют», сколько сами занимаются спортом с самого детства, поскольку в малонаселенной крестьянской стране, большую часть территории которой занимают горы, от умения ходить по этим горам на большие расстояния в любое время года в определенной степени зависело выживание.

Не раз проводившееся в Норвегии анкетирование на предмет выявления национальных героев показало, что первые места неизменно занимают первооткрыватели, лыжники, прыгуны с трамплина и конькобежцы. Большинство норвежцев помнит имена и достижения не только своих, но и зарубежных спортсменов, причем речь идет не только о современных.

Это проявляется и в наборе фразеологических единиц: многие из них связаны с миром спорта. В статье Кристиана Эльстера [Elster, 2010] рассматривается семь таких, в том числе и та, которой посвящен доклад; значение ее трактуется как «браться за сложное дело после выдающегося предшественника»; указывается, что она чрезвычайно частотна.

Учитывая, что указанная ФЕ вошла в язык относительно недавно, можно предположить, что ее история всем знакома. Рассказывая ее в своей книге, профессор университета Осло, Хьелль Ивар Ваннебу [Vannebo, 2009] пишет, что она началась в

1966-м г., когда на чемпионате мира по лыжам в Осло Дитер Нойендорф из ГДР должен был прыгать после Бьёрна Туре Вирколы, неоднократного чемпиона мира.

На самом же деле, как было случайно установлено осенью 2009 г., эта фраза прозвучала на чемпионате Норвегии в местечки Скюи еще в 1965 г., и произнес ее норвежский спортивный журналист Туралф Энган.

Выражение вошло в широкий обиход и часто употребляется как модель «Х делает что-то после достигшего вершин в этом деле У», где заменяют иными обозначениями и Х, и У, и оба компонента сразу. «Сознательное изменение лексического состава КС — весьма распространенное явление. Цель его — передача нового значения в старой форме. Диссонанс между известной адресату формой и этим значением создает эффект, привлекающий особое внимание получателя такой информации» (Берков, 1994, 86).

Для правильного понимания смысла измененных подобным образом высказываний от слушающего требуется не только языковая, но и культурная компетенция.

Литература:

Vannebo Kj. I. Et columbi egg og andre uttrykk. S. 1., 2009. Ss. 162-163.

Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб, 1994.

Elster K. Han “hoppet etter Wirkola” //

http://www.nrk.no/sport/meisterskap/vancouver_2010/1.7003885

HISTORY OF ONE NORWEGIAN PHRASEOLOGICAL UNIT

Motivation of most phraseological units is unclear from modern point of view, which is also true for winged words. Thus, the history of the Norwegian expression “hoppe etter Wirkola” — “to hop after Wirkola” is almost unique: it is extremely frequent, and most Norwegians assume they know exactly when (at 1966) and who had uttered the words. But at 2009 it was discovered that they were wrong. Secondly, the expression itself is now often used as a model of the type “X does something after Y who had been the best at it”, where both components may be changed. To understand the meaning of such utterance, one needs not only language competence, but cultural competence.

**К. В. Манерова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАРЯ НЕМЕЦКОГО ИДИОЛЕКТА М. В. ЛОМОНОСОВА).

The Russian authorial lexicography has got a new development with the bilingual and trilingual dictionaries. The Russian-German-Latin authorial thesaurus of the idiolect M. V. Lo-

monosov's is one of this kind. The multilingualism was an important feature in Lomonosov's personality; therefore the compilation of a trilingual dictionary is determined by that. The German texts of M. V. Lomonosov show many idiosyncratic features by the orthography, sentence construction, words, abbreviations, nomenclature of the German language from the mid-18th century. So the thesaurus includes several types of comment, discovering the historical, cultural and chronological relatedness of the idiolect.

Отечественная авторская лексикография развивается со второй половины XIX века, и ее практика подразумевает составление одноязычных (русских) словарей идиолектов преимущественно писателей и поэтов, и, реже, ученых. Новое развитие в данном направлении отечественной авторской лексикографии потенциально заключается в разработке двух- и трехязычных авторских тезаурусов, каким и является русско-немецко-латинский авторский словарь идиолекта М. В. Ломоносова, над составлением которого работают сотрудники кафедры немецкой филологии СПбГУ и ИЛИ РАН. Этот монографический словарь задуман как исторический полный словарь-тезаурус, в котором путем лемматизации на основе сплошной выборки подробно зафиксирован идиолект российского исследователя. Для немецкой части тезауруса основой послужили тексты из самого полного на сегодняшний день Академического собрания сочинений М. В. Ломоносова в 11—ти томах (1950 — 1959 гг., 1983 г.) — письма и служебные документы. Создание *трехязычного* авторского словаря обусловлено тем, что мультилингвизм был неотъемлемой частью языковой личности М. В. Ломоносова: он знал несколько языков, серьезное изучение немецкого начал уже взрослым человеком, когда приехал учиться в Марбургский университет в 1736 году. Работа над нашим словарем предоставляет возможность интерпретации и комментирования лексического запаса российского ученого во многих аспектах, из которых в первую очередь следует назвать аспекты культурно-исторической и хронологической отнесенности (т. наз. историчности) вокабуляра. Обширный культурно-исторический комментарий на русском языке содержат словарные статьи, леммы которых имеют определенную тематическую или идеографическую отнесенность. Кроме этого, данный вид комментария раскрывает события или характеризует личности, сыгравшие в жизни М. В. Ломоносова важную роль. Это — личные имена, топонимы, термины, определенные артефакты. Немецкие тексты М. В. Ломоносова представляют собой уникальный пример отражения особенностей немецкого языка XVIII столетия, в частности, языка науки в идиолекте ученого не немецкого происхождения. Хронологическая отнесенность (т. наз. историчность) вокабуляра проявляется, на наш взгляд, через разнообразные особенности немецкого языка XVIII века, исчезнувшие на современном периоде его развития, а именно в орфографии, грамматическом строе, лексической системе, в определенных моделях со-

кращений, в регионально-диалектальных особенностях, терминологическом разнообразии и в выборе образных средств. Так, характерные черты немецкой орфографии XVIII века в письмах М. В. Ломоносова проявляются в употреблении сочетания согласных «tz» на месте современной «z» в конце слова (gantz), в употреблении геминат на месте современных единичных согласных (verkauffen), в написании «с» во многих ксенонимах (Sammer, Cantzeley), в написании сочетания «th» на месте согласной «t» под влиянием фонетических причин (Güthe). Данная информация призвана расширить комментарий к словарной статье.

А. В. Мельгунова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ВЛИЯНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ НА ЛЕКСИКУ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В 80-е годы XX века в Германии активно развивалась феминистская лингвистика. Представители данного направления подвергали критике немецкий язык, высказывая точку зрения о дискриминации женщин в языке. Например, когда при обозначении человека определённой профессии используется только форма мужского рода: Lehrer, Dolmetscher и т. п. Феминистская критика требовала одинакового отношения к мужчинам и женщинам.

В результате стало общепринятым употреблять названия профессий и должностей в мужском и женском роде. Использование наименований в двух родах стало типичным не только с наименованиями профессий, но и с другими названиями деятелей — Bürger/Bürgerin. Всегда критикуется употребление лишь в мужском роде таких слов, как Professor, Minister, Autor, однако не слышно никакой критики в случае, если это происходит с непрестижными профессиями или с негативно окрашенными названиями личности.

Объектом критики стало также неопределённо-личное местоимение man, относящееся к любой человеческой деятельности, т. к. этимологически оно связано со словом Mann. Предлагалось заменить его на frau — по крайней мере, когда из контекста ясно, что речь идёт о женщинах. В некоторых современных текстах вместо man действительно используется frau, однако это не получило повсеместного распространения.

Одним из результатов феминистской критики явилось признание устаревшим обращения к незамужней женщине Fräulein, т. к. отсутствует соответствующее наименование для неженатого мужчины. Теперь при обращении перед фамилией используется слово Frau.

Существовали также абсурдные предложения языковых изменений, которые не были реализованы: *jemand-jefrau*; *niemand-niefrau*; *Mannschaft-Frauschaft*, и даже введение наименования среднего рода — например, *das Professor*.

Однако при обязательном употреблении форм обоих родов тексты становятся чересчур громоздкими. Поэтому были найдены способы сокращения наименования до одного слова. Самым популярным из них является *das große Binnen-I* — «заглавная буква I в середине слова», например, *DolmetscherInnen* «переводчики и переводчицы». Недостаток подобных форм в том, что они возможны только в письменной речи.

Следует отметить, что иногда суффикс *-in* часто используется в словах, где он не нужен, например, в заимствованиях из английского языка. С исторической точки зрения суффикс *-in* не использовался для образования названий профессий женского рода. Например, *Apothekerin* этимологически — не женщина соответствующей профессии, а жена аптекаря.

В последнее время большое распространение получила форма субстантивированного причастия, которая, однако, существует не для всех обозначений деятелей. Чаще всего используется *Studierende*, заменяющее словосочетание *Studenten und Studentinnen*.

Некоторые носители языка отмечают, что в XXI веке данная проблема начала терять остроту. На повседневную речь немцев оказывает влияние закон языковой экономии и здравый смысл, в то время как для письменной речи характерны излишне громоздкие структуры.

The article deals with the analysis of the changes in the German language under the influence of the feminist linguistics. The author analyses words, which are used to refer to persons and which were being subjected to criticism because of their masculine forms, for example, professional titles.

И. С. Парина, к. филол. н., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия)

ВЛИЯНИЕ ЭТИМОЛОГИИ НЕМЕЦКИХ ИДИОМ НА ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ

Influence of Etymology on the Usage of German Idioms

The report considers the results of a study of 100 German idioms and their usage in more than 20000 contexts of the IDS corpus. Corpus analysis has shown, that for some idioms etymology is an essential part of semantic structure, as some paradigmatic and syntactic features of the idioms, as well as the word play on them, can be explained by their historical meaning. Howev-

er, in some cases so-called popular etymology or the literal meaning of some idiom component is more influential. Thus, for the lexicographic description of each idiom a thorough analysis of its usage is necessary.

В докладе рассматриваются результаты анализа употребления немецких идиом в текстовом корпусе. Исследование проводилось в рамках подготовки словарных статей к немецко-русскому словарю идиом, над которым работает творческая группа под руководством Д. О. Добровольского. Первые результаты этой работы представлены на сайте Института немецкого языка в г. Мангейм (http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/).

Материалом исследования послужил корпус Института немецкого языка (<http://www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>) из которого для 100 немецких идиом было выделено приблизительно 20 тысяч контекстов.

В результате анализа контекстов были обнаружены некоторые особенности сочетаемости идиом, их употребления в контекстах языковой игры, а также оттенки значения, не связанные напрямую со значениями отдельных компонентов идиомы или образной основой и, по-видимому, возникшие под влиянием ее этимологии.

Например, немецкая идиома со значением порицания *jmdm. auf die Finger klopfen* (букв. «стукнуть кого-л. по пальцам»), в отличие от ряда других близких по значению немецких идиом, основанных на образе физического воздействия, употребляется в контекстах, где речь идет не о жесткой критике, а о необходимых мерах по поддержанию порядка и дисциплины.

Кроме того, в некоторых контекстах с идиомой присутствует оттенок иронии, связанной с неуместностью стремления субъекта контролировать окружающих, поскольку он ведет себя со взрослыми людьми как с детьми.

Обращение только к образу физического насилия (удара по пальцам) в основе идиомы не позволяет объяснить эти особенности ее семантики. По всей видимости, на употребление идиомы влияет знание носителей языка о том, что первоначально сочетание *jmdm. auf die Finger klopfen* обозначало способ наказания непослушных детей, особенно в школе, где учитель за провинности ударял учеников по пальцам указкой. В корпусе встречаются контексты, в которых идиома употреблена в этом значении. Таким образом, этимология представляет собой существенную часть семантики рассмотренной идиомы и требует включения в словарное толкование

В то же время, среди проанализированных нами идиом были и такие, истинная этимология которых уже не влияет на их употребление. К ним относится, например, иди-

ома (*jmds.*) *Bier sein*, которая чаще используется в форме *das [etw. A] ist (nicht) mein Bier*, означающей «это [что-л.] (не) для меня»

В. Кремер и В. Зауер [Krämer, Sauer, 2005, 13] указывают на то, что этот фразеологизм происходит из кельнского диалекта, от выражения „*dat sönd ding Beäre net*“ («это не твое дело»), где компонент *Beäre* означает не пиво (*Bier*), а груши (*Birnen*).

Однако основой для языковых игр с этой идиомой оказывается прямое значение компонента *Bier*, а не ее реальная этимология:

Таким образом, происхождение идиомы может обладать различной степенью значимости в семантике идиомы, предсказать которую заранее едва ли возможно. Описание идиом в словаре активного типа, учитывающее знания, релевантные для ее употребления, требует тщательного анализа аутентичных контекстов.

Литература

Krämer W., Sauer W. *Lexikon der populären Sprachirrtümer. Missverständnisse, Denkfehler und Vorurteile von Altbier bis Zyniker*. München: Piper, 2005.

М. А. Сибирякова, аспирантка, Ивановский государственный университет (Россия)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ (СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРА)

To find out gender specifics of formation of the indirect nominations of a person (INP) we turned out to the analysis of German modern dictionaries of youth language. As a result 36 qualities attributed to the person are revealed. On the basis of dictionaries' data youth of Germany was quizzed and 44 human qualities were find out. All revealed qualities are entered in four groups: outward, inherent, behavioral and age. On the basis of a number of INP in the quiz hierarchies of human qualities blamed and approved by young men and girls are built.

Для выяснения гендерной специфики формирования косвенных номинаций лица (далее КНЛ) в немецком молодежном сленге, мы обратились к современным словарям молодежного языка Германии. В результате анализа КНЛ, полученных методом сплошной выборки из словарей, было выявлено 36 качеств, предиктируемых человеку. Из них 34 — пейоративной оценки, 12 мелиоративной оценки. Все выявленные качества вписываются в рамки четырех групп: *внешние, ингерентные, поведенческие и возрастные*.

На основе КНЛ, полученных в результате работы со словарями молодежного сленга, была создана анкета и проведен экспертный опрос представителей молодежи Германии. Исходя из результатов опроса, были сделаны следующие выводы.

Лицами женского пола было выделено больше всего поведенческих качеств, в то время как лицами мужского пола больше отмечено внешних качеств. Во время опроса юноши, в отличие от девушек, не выделили ни одну КНЛ, маркирующую возрастной признак.

Исходя из частотности употребления КНЛ, можно сказать, что как юноши, так и девушки чаще всего акцентируют внимание на внешних признаках. На втором месте по важности выступают игерентные качества, еще меньшее значение молодые люди уделяют поведенческим качествам.

В тоже время наиболее порицаемо среди лиц обоих полов ингерентное качество — *глупый*. На втором месте выступает внешность номината, а именно степень его привлекательность. Нередко лица обоих полов оценивают человека по общению с ним, является ли он скучным или нет.

Спектр качеств, полученных в результате опроса, шире выявленного в результате работы со словарями.

В речи современной немецкой молодежи наблюдается преобладание КНЛ пейоративной оценки над КНЛ мелиоративной оценки. Объяснение следует искать в экстралингвистических факторах. Психологически молодой человек склонен, в первую очередь, замечать отрицательные характеристики окружающих. Положительные качества воспринимаются как «нормальные», само собой разумеющиеся.

Литература

1. Ehman H. Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache. München, 1996.
2. Ehman H. Voll konkret. Das neuste Lexikon der Jugendsprache. München, 2001.
3. Hä??? Jugendsprache unplugged. Berlin- München- Wien-Zürich- New York, 2009.
4. Krämer W. Modern Talking auf Deutsch. Ein populäres Lexikon. München, 2000; Pons. Wörterbuch der Jugendsprache. Stuttgart, 2003.
5. Карташкова Ф. И., Куражова И. В., Егорова А. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре. Иваново, 2009
6. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: дис. канд. филол. наук. Иваново, 2007
7. Коломиец Е. А. Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона. М., 2006.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ (СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРА)

Исследование посвящено изучению человеческих качеств, являющихся приоритетными в ценностной картине мира молодежи современной Германии.

Для реализации намеченной цели проведен анализ косвенных номинаций лица (далее КНЛ), полученных методом сплошной выборки из одно- и двуязычных словарей, в результате которого выявлено 36 качеств, предцизируемых человеку. Из них 34 — пейоративной оценки, 12 мелиоративной оценки. Все выявленные качества вписываются в рамки четырех групп: *внешние, ингерентные, поведенческие и возрастные*. Как среди пейоративов, так и среди мелиоративов доминируют внешние качества (47% и 74% соответственно). В пейоративах 30% приходится на поведенческие качества, 23% на ингерентные. Среди мелиоративов соотношение поведенческих и ингерентных качеств примерно одинаковое — 10 и 13% соответственно. На возрастные качества приходится всего 3%.

На основе количества КНЛ, маркирующих отрицательные качества человека, выстроена иерархия отрицательных качеств по данным словарей. Выяснилось, что наиболее порицаются *непривлекательность (19 КНЛ), глупость (17 КНЛ) и полнота (13 КНЛ)*. В меньшей степени осуждаются качества: *некрасивый (6 КНЛ), скучный (5 КНЛ)*. По 3 КНЛ маркируются качествами: *накаченный, низкий, худой, наивный, недостойный внимания, пьяный и болтливый*. В наименьшей степени порицаются качества *громко говорящий, ленивый, боязливый, ярко покрашенный, грязный, необщительный, незванный, живущий за чужой счет, ворчливый, скупой, медлительный, постоянно смеющийся, агрессивный, не умеющий шутить, бессердечный, бодрствующий ночью, нервный, сложный, лицемерный, надменный, прыщавый и гордый (1-2 КНЛ)*.

По аналогичному принципу выстроена иерархия положительных качеств. Чаще всего одобряется привлекательность номината. Об этом свидетельствует доминирующее число КНЛ, маркирующих качества *привлекательный (15 КНЛ) и красивый (10 КНЛ)*. В меньшей степени поощряются качества *сексуальный (2 КНЛ) и умный (3 КНЛ)*, еще реже *популярный, модный, молодой, охотно целующийся, руководящий, идеальный, находчивый, внушающий доверие (1 КНЛ)*.

На основе полученных из словарей КНЛ составлена анкета, при помощи которой проводился опрос представителей молодежи Германии. Лицами женского пола было выделено 44 качества: 18 поведенческих, 16 внешних, 8 ингерентных и 2 возрастных.

Исходя из частотности употребления КНЛ, маркирующих один из четырех видов качеств, оказалось, что внешние качества (43%) практически в два раза превалируют над

ингерентами (27%) и поведенческими (28%). И всего 2% приходится на возрастные качества. Чаще всего лицами женского пола порицается *глупость*, менее порицается *непривлекательность*. Зафиксировано 19 случаев употребления КНЛ, маркирующих качество *скудный*, и 18 для качества *некрасивый*. Далее в порядке убывания по значимости следуют: *ярко покрашенный, полный, болтливый, агрессивный, неприятный, наивный, ленивый, невнимательный, худой, льстивый, пьяный, злой, накаченный, злой, старый, строптивый, высокомерный, безобразный, низкий, нелюдимый, сложный, ворчливый, нервный, неприглашенный, медлительный, недостойный внимания, бодрствующий ночью, много зевающий, охотно целующийся, дерзкий, неестественно вытравленные волосы, прыщавый, грязный*.

Согласно иерархии положительных качеств чаще всего номинат оценивается по степени привлекательности: 23 раза маркировано качество *привлекательный* и 12 раз качество *красивый*. Респондентами также отмечается *сексуальность* и *популярность* среди окружающих.

В результате опроса лиц мужского пола было выделено 19 качеств: 8 внешних, 7 поведенческих и 4 ингерентных. Выяснилось, что юноши склонны оценивать человека, прежде всего, по внешности: в 44% выделяются внешние качества, в 31% ингерентные и 25% поведенческие.

Согласно иерархии ценностных ориентиров лиц мужского пола больше всего порицается *глупость* номината. Реже не одобряется качества *скудный, непривлекательный, накаченный* и *толстый*. Менее всего порицаемы *некрасивый, болтливый, ярко покрашенный, пьяный, нервничающий, наивный, лицемерный, незванный, неопрятный, скупой и сложный*.

Респондентами отмечено всего три мелиоратива, из которых наиболее часто встречается качество *привлекательный*. В пяти случаях были отмечены КНЛ, маркирующие признак *красивый*. Реже всего респондентами поощряется *сексуальность*.

Основываясь на полученные результаты исследования, можно сделать следующие выводы. Спектр качеств, по которым оценивается номинат, у девушек представлен шире в поведенческих качествах, в то время как у юношей доминируют внешние качества. Меньше всего было выявлено ингерентных качеств. Во время опроса юноши, в отличие от девушек, не выделили ни одну КНЛ, маркирующую возрастной признак.

Исходя из частотности употребления КНЛ, можно сказать, что как юноши, так и девушки чаще всего акцентируют внимание на внешних признаках. На втором месте по важности выступают ингерентные качества, еще меньшее значение молодые люди уделяют поведенческим качествам.

В тоже время наиболее порицаемо среди лиц обоих полов ингерентное качество — *глупый*. На втором месте выступает внешность номината — его привлекательность, либо непривлекательность. Нередко лица обоих полов оценивают человека по общению с ним, является ли он скучным или нет.

Спектр качеств, полученных в результате опроса, шире выявленного в результате работы со словарями.

В речи современной немецкой молодежи наблюдается преобладание КНЛ пейоративной оценки над КНЛ мелиоративной оценки. Это подтверждается количеством положительных и отрицательных качеств: 4 и 36 соответственно по результатам опроса лиц женского пола, и 3 положительных, 16 отрицательных качеств по результатам опроса лиц мужского пола. Частотность употребления КНЛ, маркирующих пейоративы, значительно выше, чем мелиоративов. В более 80% случаев КНЛ маркируют отрицательные качества и в менее 20% маркируют положительные качества. Объяснение доминирования пейоративов над мелиоративами следует искать в экстралингвистических факторах. Психологически молодой человек склонен, в первую очередь, замечать отрицательные характеристики окружающих. Положительные качества воспринимаются как «нормальные», само собой разумеющиеся.

Литература

1. Ehman H. Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache. München, 1996.
2. Ehman H. Voll konkret. Das neuste Lexikon der Jugendsprache. München, 2001.
3. Hä??? Jugendsprache unplugged. Berlin- München- Wien-Zürich- New York, 2009.
4. Krämer W. Modern Talking auf Deutsch. Ein populäres Lexikon. München, 2000;
5. Pons. Wörterbuch der Jugendsprache. Stuttgart, 2003.
6. Карташкова Ф. И., Куражова И. В., Егорова А. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре. Иваново, 2009
7. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: дис. канд. филол. наук. Иваново, 2007
8. Коломиец Е. А. Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона. М., 2006.

К. А. Соколова, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия).

The paper deals with the problem of the ambivalent symbolism. A specific fact the different time spans, positive or negative connotations of these or that concrete colour were brought forth.

The analysis of phraseological sources shows in spite of the ambivalent symbolism of the colour «yellow» its primary positive meaning (associated with the Sun, Warmth & Daylight) in the phraseological body of Spanish, Italian & French negative qualities are solely fixed.

Семантические особенности цветолексемы «желтый» во фразеологии испанского, французского и итальянского языков

Говоря об амбивалентной символике цветов, исследователи отмечают тот факт, что в различные отрезки времени у того или иного цвета на первый план выдвигались то положительные, то отрицательные коннотации.

«Первичный опыт переживания желтого цвета жизни связан, прежде всего, с переживанием *солнечного света* и, тем самым, — *света* вообще» [Обухов www.zipsites.ru/books/simvolika_tsveta/].

Позднее желтый приобретает негативную окраску, которая нередко сопровождает его и в наши дни.

В эпоху расцвета готики его считают цветом измены и разлуки, что можно проиллюстрировать итальянской пословицей: “*Chi porta il giallo, vagheggia in fallo*” (букв. *Кто носит желтое, бродит в забвении* — Желтый цвет — цвет разлуки), а также он предстает олицетворением лжи, продажности, бесстыдства и дурных намерений.

«Негативный диапазон значений желтого цвета связан с холодным резким оттенком, “кричащим”, “колющим”, “гниющим”, грязным, вызывая ассоциации с болезнями и смертью. В переносном смысле желтый цвет связывают с обманом, отравлением, болезненным началом, лживостью, завистью и ложью (“желтая пресса”). Желтый цвет ассоциируется с такими психическими заболеваниями как *шизофрения, бред, мания и эпилепсия*. Психиатрическую больницу, “сумасшедший дом”, называют “желтым домом”» [Обухов www.zipsites.ru/books/simvolika_tsveta/].

Символика желтого цвета определяется двумя полюсами его оттенков. С одной стороны, это теплый красно-золотой желтый цвет жизни. С другой, это холодный и резкий, или же блеклый и грязный желтый цвет болезни и смерти. «... Эмоциональное воздействие желтого, а, следовательно, и его символика зависят от его цветового тона, чистоты, фактуры» [Миронова 1993:118].

Так, в частности, отмечается, что с некоторой примесью темного оттенка желтый связывается с адским светом, ревностью, завистью, предательством и обманом. «Связь между желтой кожей и страхом и болезнью объясняет, почему желтый стал цветом трусости и карантина — желтый крест ставили на чумных домах. Желтый цвет имеет негативный оттенок и как цвет умирающих листьев и переспелых плодов. Это объясняет, почему его повсеместно связывают с приближением срока смерти и загробной жизнью» [Тресиддер 1999: 44-45].

Гете писал о желтом цвете следующее: «Желтый — цвет радости, нежности и изящества, но малейшая смесь с другим оттенком обесценивает его, делает неприятным, грязным и уродливым» [DSM 1997: 59].

Как показывает анализ материала фразеологических источников, несмотря на амбивалентную символику желтого цвета и его первичное положительное значение, ассоциацию с солнцем, теплом и дневным светом, во фразеологическом фонде испанского, французского и итальянского языков закрепляются исключительно негативные значения желтого цвета (*исп. envidia amarilla* (букв. желтая зависть) — черная зависть, *como la ictericia que todo lo deja amarillo* (букв. как желтуха, которая все оставляет желтым) — скверный, неприятный о человеке, *фр. colère jaune* (букв. желтый гнев) — сильное раздражение, *vilain comme lard jaune* (букв. мерзкий как желтое сало) — скарредный, *ит. ridere giallo* (букв. смеяться желтым) — смеяться через силу, *far comparire il giallo per rosso* (букв. выдавать желтое за красное) — выдавать черное за белое).

Ассоциации, связанные с этим цветом в испанском и французском языках, пересекаются в одном значении «денежный», сопровождающимся отрицательной коннотацией: *исп. demonio amarillo* (букв. желтый дьявол) — деньги, *фр. cracher jaune* (букв. плевать желтым) — бросаться деньгами.

Следует отметить, что итальянский и испанский языки не обнаруживают ни одного общего значения кроме собственно-цветового, интенсифицируемого путем указания на различные прототипы желтого цвета, по-разному выбираемые каждой лингвокультурой: *исп. amarillo como la cera, como un muerto* (букв. желтый как воск, как мертвец), *ит. giallo come la febbre gialla, come l'olio, come l'oro di zecchino, com'una frittata* (букв. желтый как желтая лихорадка, как растительное масло, как золотой цехин, как яичница) и пр.

Литература

1. Pérez Rioja J. A. DSM = Diccionario de Símbolos y Mitos. — Madrid, 1997.
2. Испанско-русский фразеологический словарь / Под ред. Э. И. Левинтовой.- М., 1985.
3. Итальянско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я. И. Рецкера. — М., 1982.

4. Миронова Л. Н. Учение о Цвете. — Минск, 1993.
5. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В. Г. Гака. — М., 2005.
6. Тресиддер Д. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. — М., 1999.
7. Обухов Я. Л. «Символика цвета» www.zipsites.ru/books/simvolika_tsveta/

Н. В. Степанова, асп., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет СПбГЭТУ «ЛЭТИ» (Россия)

КОНЦЕПТЫ FAILURE И FEAR В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ КРИЗИСНЫХ ПЕРИОДОВ

Настоящее исследование посвящено анализу понятийного слоя англоязычных концептов FAILURE и FEAR в контексте мирового экономического кризиса 2008-2009 гг.

При анализе концептов были рассмотрены дефиниции и синонимические ряды ключевых единиц FAILURE и FEAR, зафиксированные в словарях, а также лексические единицы, вербализующие концепты FEAR и FAILURE в финансово-экономической прессе.

Для проведения исследования были использованы статьи в словарях Webster, Longman, энциклопедии Britannica, а также материалы изданий the Financial Times, the Wall Street Journal, the Economist.

На страницах прессы, в период экономического кризиса, FAILURE концептуализируется, прежде всего, как потеря денег, собственности или власти.

Концепт FEAR в статьях кризисного периода функционирует достаточно устойчиво. В ходе кризиса существует страх перед опасностью и, в особенности, — перед неопределенностью. [Солошенко, 2007].

Ядро концепта FAILURE составляет когнитивный признак «неспособность выполнить необходимое или ожидаемое действие», репрезентированный словами *to fail, failure*. Ядро концепта FEAR — когнитивный признак «мучительное беспокойство в присутствии или в ожидании опасности», объективированный единицами *to fear, fearful, fearfully, fearsome*.

К ближайшей периферии концепта FAILURE относятся следующие когнитивные признаки:

1. FAILURE как отсутствие успеха и неоправданные ожидания.

В состав синонимического ряда ключевого слова FAILURE в данном значении по словарю Webster входят такие слова как *collapse, crash, cropper, defeat, fizzle, nonachievement, nonsuccess*. В прессе данный когнитивный признак репрезентируют следующие единицы: *crisis, recession, collapse, exposure to the collapse, crash, disaster, trouble, confusion*.

2. FAILURE как недостаток необходимого или желаемого количества (*crunch, deficit, drought, famine, inadequacy, inadequateness, insufficiency, lack, poverty, scantiness, scarceness, scarcity, shortage, undersupply, want*).

Среди синонимов единицы FAILURE по словарю Webster в значении «отсутствие успеха» преобладают единицы, отнесенные к тематической группе «снижение/сокращение» (*drop, decline, plummet, plunge, tumble, contract, sink, reduce, slump, shrink, shrinkage, lower, cut, fall, downgrade, downturn*).

Ближайшая периферия концепта FEAR представлена следующими когнитивными признаками и их языковыми репрезентантами:

1. FEAR как тревожное ожидание опасности (*risk, risky, threaten, warn, challenge, hesitation, concerns, unstable, pessimistic, worried*).

2. FEAR как сильная отрицательная эмоция, переживаемая при наличии опасности (*panic, panicky, disastrous, alarming, scary, frightening*).

3. FEAR как опасность (*danger, exposure*).

Литература

1. Антология концептов/Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — 512 с.
2. Солошенко А. В. Концепты "РИСК"/"RISK" и "путешествие"/"TRAVEL" в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах: проблемы перевода: автореф. канд. дис. Краснодар. — 2007.
3. Словарь Webster
(<http://www.merriam-webster.com/dictionary/failure>, <http://www.merriam-webster.com/thesaurus/failure>).
4. Словарь Webster
(<http://www.merriam-webster.com/dictionary/fear>, <http://www.merriam-webster.com/thesaurus/fear>).
5. Энциклопедия Britannica
(<http://www.britannica.com/bps/dictionary?query=fear>)

Abstract

The research is devoted to the analysis of concepts FEAR and FAILURE in the press of recessionary periods. The study based on the economic periodicals defines synonymic rows of the words FAILURE and FEAR along with the basic thematic groups describing the concepts use and verbalization.

А. Д. Хромихин, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

КОНЦЕПТЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

There has been considered the notion of concept in the sphere of international relations. The concepts “war” and “peace” are given as examples which are analyzed in systems of the Russian language and the English language.

Концептосфера международных отношений является очень важной и динамически развивающейся структурой, постоянно эволюционирующего мира международной политики. Тем не менее, можно уверенно утверждать, что существует по крайней мере несколько концептов-констант: война, мир, разоружение, переговоры, акторы международных отношений.

В данном докладе мы хотели показать сопоставительный культурно-семантический, ментально-семантический и когнитивно-семантический анализ наиболее традиционных концептов международных отношений — войны и мира.

В «Большом толковом словаре русского языка» война определяется как: «1) вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т. п. или общественными классами внутри государства; 2) борьба за достижение своих целей, ведущаяся средствами экономического, политического и т. п. воздействия на кого-либо либо что-либо; 3) проявление неприязненного отношения к чему либо; действия, направленные на искоренение чего-либо» [Большой толковый словарь русского языка, 1998, 145].

Согласно толковому словарю Collins: «war 1) open armed conflict between two or more parties, nations, or states; 2) a particular armed conflict; 3) the techniques of armed conflict as a study, science, or profession; 4) any conflict or contest» [Collins English Dictionary, 2003, 937].

Сопоставляя данные дефиниции, очевидно, что основное поле значений в русском и английском языках совпадают. Более подробный анализ возможных расхождений, в том числе и на уровне синонимического ряда показывает несовпадение дериватов значений, например, значение «contest» (состязание, соревнование) в английском языке не имеет негативной коннотации.

Поэтому, как нам представляется, в современном русском языке СМИ появились следующие выражения: «видеобитва», «битва экстрасенсов», «данс баттл» и т. д., не имеющие значение «войны», а обозначающие всего лишь «состязание, соревнование». Естественно было бы предположить, что в английском языке концепт войны больше расходится с непосредственным вооруженным конфликтом, чем в русском языке в силу различия ментального представления и культурного компонента.

«С точки зрения семантики в современном русском языке — два слова мир, считающиеся омонимами (изначально эти два слова писались по-разному): 1) мир (миръ) — вселенная, система мироздания как целое; 2) мир (миръ) — согласные отношения, спокойствие, отсутствие войны, ссоры» [Степанов, 1997, 95].

Словарь Collins определяет «peace 1) the state existing during the absence of war 2) (modifier) denoting a person or thing symbolizing support for international peace 3) a treaty marking the end of a war 4) a state of harmony between people or groups; freedom from strife 5) law and order within a state; absence of violence or other disturbance 6) absence of mental anxiety 7) a state of stillness, silence, or serenity» [Collins English Dictionary, 2003, 1635].

Таким образом, очевидно отсутствие значения мир — вселенная в английском языке, которое здесь передается словом world. Данная ситуация обусловлена тем, что в результате реформы русской орфографии после революции 1917 г. два разных по значению и написанию слова стали восприниматься как одно. Отсюда возникают несовпадения структур этого концепта в русском и английском языках, для изучения данной ситуации требуется анализ не только всех значений слова peace, но и проведение анализа всех значений слова world. Так культурно-исторический компонент повлиял на современную структуру концепта мир в русском языке.

Литература

Collins English Dictionary, HarperCollins Publishers, Glasgow, Great Britain, 2003

Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 1998.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Euphemistic potential of lexical means used for veiling nominations “killed”, “killing” and having different degree of attenuation is considered in this paper. These properties allow such euphemisms to be used for manipulating public opinion in the political discourse. This aspect of lexical euphemia is not studied enough in Spanish language. That is why it is necessary identify and analyze them further.

**К. В. Якушкина, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ «УБИЙСТВА» В ИСПАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Прагматическая природа эвфемии предполагает стремление говорящим избегать слов, связанных со сферой табу [Видлак, 1967]. Особый интерес представляет собой универсальное табу на наименование смерти, которое существовало еще в древние времена и применялось с целью защиты от опасности [Ларин, 1961].

В современном обществе в отдельную группу выделяются языковые запреты на обозначение насильственной смерти и убийства, успешно используемые в политическом дискурсе как эффективный метод воздействия на массовое сознание, с целью смягчения резких прямых оценок, формирования и поддержания желаемого, более выгодного и удобного для власти образа действительности [Шейгал, 2004].

Эвфемистическое вуалирование обозначения убийства осуществляется посредством генерализации значения, то есть заменой конкретного табуируемого наименования наименованием с более широким, обобщенным, а следовательно, и более расплывчатым и неточным значением. При этом, чем широкозначнее слово, тем выше его эвфемистический потенциал.

Таким образом, сокрытию «убийства» способствует привлечение эвфемизмов различной степени генерализации. Для прямого наименования «убитый» выделяются следующие эвфемистические замены: (matado →) muerto (умерший) → fallecido, perecido (скончавшийся, погибший) → víctima [mortal] (жертва, пострадавший) → baja [civil], daño [colateral] (сопутствующий, побочный ущерб) → objeto (цель, объект).

Эвфемистический потенциал данных наименований формируется исходя из отношений семантической редукции, определяющих разный уровень смысловой неопределенности (конкретности) [Сеничкина, 2006]. На основании анализа языкового материала было выявлено два основных типа редукции:

1) Редукция семы реального субъекта действия (редукция «агентивных» семантических признаков) при сохранении семы «человек» (воспринимаемый как псевдосубъект действия: muerto → fallecido, perecido → víctima).

2) Редукция семы «одушевленности» при одновременном изъятии семы «человек» (воспринимаемый как неживой объект: baja, daño → objeto). Данные наименования обладают наибольшим эвфемистическим потенциалом.

Редукция конкретизирующих семантических признаков является продуктивным манипулятивным приемом, используемым для преднамеренного создания приукрашивающих ложных номинаций, в основе которых лежит запрограммированная неточность в обозначении явлений политической действительности, что позволяет избежать прямых обвинений, снять с себя ответственность за происходящее, дает основания для самооправдания и способствует улучшенной репрезентации событий.

В результате напускания подобного «лингвистического тумана» «убийство» воспринимается уже не как реальное, а, скорее, как виртуальное событие, то есть как будто все не просто произошло само собой, но и не произошло вовсе.

Литература

Видлак С. Проблемы эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология, 1965. М., 1967. С. 267-285.

Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 60. № 301. Л., 1961. С. 101-114.

Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс. Учеб. пособие. М., 2006.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Лексикология. Лексикография (Русско-славянский цикл)

К. С. Захватаева, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ АНГЛИЙСКИЕ ЭТИМОНЫ

The article deals with semantic, connotative and structural differences between second borrowings and semantic calques of the contemporary Russian language and their English etymons.

В процессе перехода из английского языка лексическое значение может претерпеть ряд изменений, связанных с теми или иными различиями языка-этимона и языка-реципиента и с особенностями соответствующих языковых картин мира.

I. Семантические особенности семантических калек и вторичных заимствований сравнительно с этимонами в английском языке.

При семантическом заимствовании происходит утрата привычных системных связей и приобретение новых. В процессе перехода из английского языка в русский происхо-

дит утрата омонимичных связей на уровне частей речи и приобретение нового лексико-семантического или омонимичного (но в рамках одной части речи) окружения.

*Инсталляция*¹ [англ. installation]. Произведение современного изобразительного искусства в виде сооружения, объекта, конструкции и т. п., состоящих из сочетания разных элементов

*Инсталляция*² [англ. installation]. Установка программного обеспечения на жесткий диск компьютера.

Обои 1. Материал (обычно бумажный) в виде рулона, широких полос для внутренней оклейки (обивки) стен; 2. [англ. wallpaper] В операционных системах с графическим пользовательским интерфейсом: фоновый рисунок для рабочего стола.

В процессе перехода из английского языка в русский новое значение может сохранить или же потерять мотивацию. Практически все семантические заимствования из сферы компьютерных технологий являются мотивированными и в русском языке: *адрес, атака, вирус, меню, мышь* и др., однако существуют вторичные заимствования и семантические кальки, немотивированные в русском языке. Таковым является, например, в русском языке значение прилагательного «*банановый*» ‘политически несамостоятельный, зависимый от промышленно развитых держав’ в сочетании «банановая республика», поскольку его происхождение связано с политической историей Латинской Америки.

II. Коннотативные особенности калек и вторичных заимствований.

При заимствовании новой семантики коннотативный макрокомпонент, как и понятийно-денотативный, также может меняться, что является следствием изменения восприятия картины мира носителем языка-реципиента.

О влиянии западной ментальности свидетельствует мотивированное лексически, но необъяснимое для русского национального самосознания значение ‘эталон, образец, кумир’ у лексики «*икона*» в его новой синтагматике (*икона стиля, икона красоты, икона бизнеса*). С лингвистической точки зрения произошел перенос наименования на основе семантического признака «то, чему поклоняются». Однако для русской национальной традиции поклоняться моделям и бизнесменам так же, как иконам в церкви, представляется невозможным.

Коннотативная динамика наблюдается и в семантике лексем *успешный* и *эффективный*. При первичном заимствовании оба слова вступали в сочетание с неодушевленными существительными: *успешный проект, успешное дело; эффективные меры, эффективное лекарство*. Приобретение «одушевленности» первым прилагательным связано, скорее всего, с западным культом успешного человека (successful man), не характерным для русской действительности [Шмелев, 2007].

Таким образом, в процессе перехода семантических заимствований из английского языка в русский возможны следующие трансформации:

семантические: утрата омонимичных связей на уровне частей речи и приобретение нового лексико-семантического или омонимичного (но в рамках одной части речи) окружения; значение может сохранить или же потерять мотивацию;

коннотативные, связанные с изменением русского национального самосознания.

Литература:

1. Шмелев А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Русская словесность в контексте мировой культуры (Материалы международной научной конференции РОПРЯЛ. Н. Новгород. 3 — 5 октября 2007). — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2007. — С.7-11.

Ю. А. Кожаева, Санкт-Петербургский государственный Университет

Какого цвета красота? (Вербализация эстетической категории в русской фольклорной песне)

Красота как всякая эстетическая категория имеет множество определений. Одно из них — «способность доставлять эстетическое наслаждение чувствам человека, его зрению прежде всего» [БЭ,2006,96]. Фольклор как специфический художественно-прагматический мир обладает особой системой эстетических тождеств, выражающих сущность красоты. Одно из таких тождеств — «красота — свет». Изначальное представление славян о красоте было связано с огнем, светом, блеском, с ярким цветом. По мнению В. В. Колесова, корень слова *красота* «соотносится с близким по смыслу и форме (другая ступень чередования гласного) корнем *ѣдѣс-*, который, в свою очередь, связан с обозначением солнечного огня» [Колесов, 2001,189].

Понятие *цвет* неоднозначно. Известно, что в природе цвета нет, а есть лишь наше субъективное ощущение. Мир бесцветен и только наше субъективное восприятие наделяет его цветовой характеристикой. Цвета сами по себе не несут семантической нагрузки. Ею наделяет культура и традиция. Цвет — явление субъективное и в различных сферах общественной жизни выполняет функцию символа. Особый интерес представляет эстетическая роль цветообозначений в русской фольклорной традиции.

На материале 214 песен [Киреевский, 1983] нами проведен статистический анализ всех цветовых прилагательных. Методом сплошной выборки было выявлено 274 примера

употребления. В текстах исследуемых песен насчитывается около 20 цветообозначений. По количеству словоупотреблений цветковые прилагательные можно сгруппировать следующим образом:

- 1) частотные (белый, зеленый, красный, черный);
- 2) средне частотные (золотой, серый, синий, алый, сизый, вороной);
- 3) редкие (румяный, голубой, лазоревый, русый, дымчатый, желтый, сивый и др.).

Хорошо известно, что в семантической структуре фольклорного текста цветковые прилагательные отличаются особой оценочной характеристикой. Прилагательные *белый, красный, зеленый, алый, сизый, лазоревый* и др. зачастую теряют цветовую определенность, выступая в функции оценочных слов. По мнению А. Т. Хроленко, этим и объясняются «мнимые алогизмы» типа:

Аленький мой беленький цветочек,

Желтый лазоревый василечек /Кир./ [Хроленко, 1984, 129].

Красота в народных лирических песнях — это синкрета, имеющая *цвет оценки*, который и не цвет вовсе, а система строгих традиционно устойчивых символических соответствий: Солнце — красное, ясное; девушка (девка) — красная, белая; сад — зеленый; конь — вороной; голубь — сизый; сокол — ясный; цветы — алые, лазоревые и т. д.

Вслед за Веселовским можно заключить, что «синкретические эпитеты — отвечают слитности чувственных восприятий, которые первобытный человек выражал нередко одними и теми же лингвистическими показателями». [Веселовский, 1989, 62].

Источники

Киреевский — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1, Л. 1983.

Литература

Веселовский 1989 — Веселовский А. Н. Из истории эпитета // Историческая поэтика. М., 1989.

Колесов 2001 — Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 2. Добро и Зло. СПб., 2001.

Хроленко 1984 — Хроленко А. Т. Оценочность фольклорного слова // Русская речь, 1984 №4, с. 128-133.

БЭ — Большая энциклопедия в 62 томах. М., 2006, Т. 24.

The ability to deliver aesthetic delight to one's senses, and to his vision first of all — one of the definitions of beauty as an aesthetic category. Folklore has a special system of aesthetic identities to express the essence of beauty. The original idea of the beauty of the Slavs has been

associated with fire, light, shine and bright color. The concept of color is varied. The world is colorless and only our subjective perception of color gives a characteristic to it. In the semantic structure of the folklore text color adjectives are particular valuation characteristics.

Л. В. Лукьянова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет (Россия)

«ТЕРРАКОТОВАЯ СТАРУХА» КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ СМЫСЛОВОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОДНОИМЕННОГО РОМАНА Е. ЧИЖОВОЙ

Роман Е. Чижовой — сложное, специфическое по художественной организации произведение, в котором прошлое соединяется с настоящим, реальное с ирреальным в контексте широких культурных прецедентных феноменов.

Одним из важнейших элементов, участвующих в создании литературного произведения как единого целого, является «терракотовая старуха».

«Терракотовая старуха» — это прежде всего заглавие романа, рамочный компонент, создающий определенную установку на восприятие произведения, «первое слово» автора, обращенное к читателю. [Чернец, 1995].

С учетом номинативных значений входящих в состав заглавия слов и их сочетаемости уже на дотекстовом уровне название произведения воспринимается как обладающее усложненной семантикой и задающее диалогические отношения с читателем. В дополнении с иконическими образами на обложке, акцентирующими художественное определение в составе заглавия и с другими компонентами текста (в частности, с эпиграфом), создаются предпосылки для множественности интерпретаций рассматриваемого образа.

В начале романа терракотовая старуха — это вещь, статуэтка, гротескный артефакт древнегреческого реализма; «низовая параллель» высоким жанрам, противостоящая возвышенно божественному, идеальному, отвлеченно прекрасному.

Созданные в духе античного реализма гротескные образы запечатлевали «...явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы в стадии смерти и рождения, роста и становления» [Бахтин, 2010, 34] (определяющая черта гротескного образа) и как следствие — в амбивалентности: в образе отражены «...оба полюса изменения: и старое и новое, и умирающее и рождающееся, и начало и конец метаморфозы». [Бахтин, 2010, 35].

В ходе романа терракотовая старуха становится лейтмотивным образом, являющимся, отражающимся в разных ипостасях. Как словесный знак — вступает в различные лексические связи, маркируя на языковом уровне изображенный мир причастностью к

гротескному образу, где сам гротеск становится важнейшим художественным приемом остранения действительности, способом ее творческого осмысления.

Образ терракотовой старухи в конечном итоге становится символом авторского видения жизни: противоречивой, изменчивой, окрашенной амбивалентным смехом («Терракотовая старуха, отраженная в витрине, хохочет разевая рот» [Чижова, 2011, 412]). И в этом смехе, веселом, ликующем и — одновременно — насмешливом, высмеивающем, который и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает [Бахтин, 2010] слышны, возможно, и гоголевские интонации. Смех в финале романа становится зоной присоединения к смеховой культуре прошлого, к большому времени искусства, причастного к вечно становящемуся, но не умирающему бытию.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса// Собрание сочинений. — М., 2010. — Т. 4 (2).
2. Чернец Л. В. «Как слово наше отзовется...» Судьбы литературных произведений. — М., 1995.
3. Чижова Е. С. Терракотовая старуха: роман/ Елена Чижова. — М., 2011.

Lukianova Liudmila, Saint-Petersburg State Forest Technical University

«Terracotovaya Staruha» («Terracotta Old Woman») as the most important element of aesthetic and structural organization of E. Chizhova's novel of the same name

This article considers the «Terracotovaya staruha» («Terracotta Old Woman») as the most important component of Elena Chizhova's novel of the same name, as a key to understanding the text, its artistic world. A large number of interpretations are based on the language itself, iconic forms, based on archaic and contemporary culture. The main grotesque image is in itself the main method used to create the artistic world and is a symbol of the author's understanding of life.

Summary

In our previous publications we formulated the concept of the so-called *communicative thematic field* (CTF), defined its status and the principles according to which the elements of the field were arranged. We also established the possibility of creating a CTF in the study of literary works. The present paper is devoted to the comparative analysis of the CTF of the word «Beryoza» (birch-tree), based on the data obtained from the poetic works of S. A. Yesenin,

N. A. Klyuev, and A. S. Klychkov. The aim of our research has been to demonstrate the particular lexical means of presenting the theme «Beryoza» in their poetry.

Г. А. Мартинович, д. филол. н., пенсионер (Россия, СПб)

Сравнительный анализ коммуникативно-тематических полей «Береза» (по поэтическим произведениям С. Есенина, Н. Клюева и С. Клычкова)

В ряде предыдущих исследований нами было обосновано понятие коммуникативно-тематического поля (КТП), определен статус этого поля и принципы организации его элементов. Была показана также возможность создания КТП по материалам художественных произведений. Настоящая работа представляет собою сравнительный анализ КТП «Береза», осуществляемый по данным поэтических произведений С. А. Есенина (Ес.), Н. А. Клюева (Кл.) и А. С. Клычкова (Клч.) с целью выявления некоторых особенностей лексического воплощения темы «Береза» в этих произведениях [Мартинович, 1989, 1997, 2002, 2005, 2008].

В качестве примера приводятся отдельные фрагменты сравнительного анализа наименований некоторых участков КТП «Береза». Например:

Подгруппа 1. Наименования дерева-березы. Наименование *береза* встретилось у Ес. 16 раз, у Кл. — 11 и у Клч. — 20, *березка* — соответственно 13, 12 и 4 раза. У Ес. и Кл. находим диалектный вариант *березынька* (Ес. — 1, Кл. — 2). Только у Ес. отмечаются: *береза-белолычушка* 1, *береза-свечка* 1, *девушка-березка* 1, *голубка (перен.)* 1, *свечка (перен.)* 1. У Кл. встречается литературная форма *березонька* 1 и 2 наименования в переносном значении: *беличка (ум.-ласк. от белица)* 1 и *подпасок* 1.

Основные выводы.

1. Показательны наименования, отражающие антропоморфизацию березы. Это, прежде всего, два вида наименований: 1) наименования частей тела человека; 2) наименования предметов женского туалета, одежды и т. п. У Кл.: *коса* 1, *колешки* 1, *нога* 1, *рука* 1, *слезы* 1; *шубка* 1. У Клч.: *рука* 2, *лицо* 1, *палец* 1, *плечи* 1; *платье* 1, *сарафан* 1. Особенно заметна антропоморфизация березы у Ес.: 1) *грудь* 4, *коса* 2, *коса-ветвь* 1, *прическа* 1, *рука* 2, *стан* 1, *плечи* 1, *колени* 1, *ножка* 1, *кость* 1; 2) *сарафан* 1, *юбочка* 1, *подол* 1, *бахрома* 1, *галун* 1, *кайма* 1, *гребешок* 1, *перстень* 1. Олицетворением все поэты пользуются примерно одинаково. Количество эпитетов-прилагательных к наименованиям березы у Ес. и Кл. очень близкое. У Клч. приблизительно в 2 раза меньше. Показательны у Кл. эпитеты, обозначающие болезненность, слабость, старость и т. п. березы: *бледная*, *никлая*, *седовласая*, *стонущая*, *могильная*. Все эпитеты Клч. являются стандартными и широко рас-

пространенными: *старая, густая, кудрявая, непохожая, частая* 1. Эпитетов-глаголов несколько больше у Клч.

2. Тенденция к описанию в большей мере свойственна Кл. Тенденция к повествованию — Клч. и Ес.

3. Авторские новообразования всех отмеченных видов (сложносоставные, аффиксальные, лексико-семантические) обнаружены только у Кл. У Ес. — сложносоставные и аффиксальные. У Клч. — только сложносоставные.

Литература

Мартинovich Г. А.: 1) Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. 1989, № 3. С. 39—45; 2) Из опыта работы над учебным коммуникативно-тематическим словарем русского языка // Проблемы лексикографии: Сборник статей. СПб, 1997. С. 126—142; 3) О новом типе учебного словаря русского языка // Лексикография: Информационный бюллетень СПб, 2002. С. 4-23; 4) К проблеме создания коммуникативно-тематических словарей художественных произведений // Актуальные вопросы исторической лексикографии. СПб, 2005. С. 318-332; 5) Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб, 2008.

С. Ю. Семенова, к. филол. н., Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

КОЛЛЕКЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Речь идет о лингвистических аспектах мемориальной работы, проводящейся автором после потери мамы, Елизаветы Григорьевны Семеновой (1926—2004). С целью максимально возможного воссоздания ее идиолекта с 2005 г. в электронном файле записываются вспоминаемые речевые фрагменты. Фиксируется и то, что ушедший человек слышал дома — реплики домочадцев, совместные диалоги, цитация. К 2012 г. собрано около 9 тыс. единиц, образующих лексический портрет семьи.

Отдельно описывается последняя треть жизни ушедшего человека — 26 лет, с 1978 (года смерти бабушки автора) и до последнего утра 6.03.2004. Составлен ряд подробных семейных хроник, по годам. Прожитое рассматривается в общеисторическом контексте рубежа веков. Описано несколько первых лет из задуманного временного интервала, до 1982 г., и несколько последних, с 1998 г. (правда, пока без 2003 г.). В основном, восста-

новление жизненной ткани происходит по памяти; частично помогают имеющиеся дома записи (медицинские, учебные и др.).

Обе формы мемориальной работы (сбор высказываний и написание хроник) отражены в ([Семенова, 2009; 2011а; 2011б и др.]), где обсуждаются средства выражения в семейном языке определенных смыслов (отрицания, предчувствий) и особенности текстов хроник (множественные переходы во времени, апостериорные интерпретации, «плавающая» адресация). Представляется, что мемориальная работа, имеющая изначально личный характер, согласуется с общим интересом к семейной словесности, наблюдаемым ныне в отечественной науке и воплощенным в социолингвистическом изучении семейной речи [Занадворова, 2001] и в культурологической систематизации семейного знания [Разумова, 2001]. Сбор и анализ непринужденных речевых форм входит также в сферу грамматического изучения разговорной речи и в сферу лексикографии.

Файл высказываний включает такие жанры, как ремарки ушедшего человека (тревожные / афористичные / повседневные), домашняя номинация, цитировавшиеся слова бабушки, остроты знакомых, паремия и др. Много языковых игр, особенно пародий и шутовой фонетики: семья, счастливая в своем микрокосме, принимала мир внешний с большой долей юмора.

Коллекция высказываний, за вычетом, с одной стороны, общеизвестной цитации, а с другой стороны, записей личного характера, могла бы войти в другие коллекции устной речи, чтобы в такой форме продолжить свое бытие.

Тексты хроник предполагается опубликовать; одна из трудностей, связанных с подготовкой к публикации — преобразование изначальных «внутренних», сокровенных текстов во «внешние».

Литература

1. Занадворова А. В. Функционирование русского языка в малых социальных группах : Речевое общение в семье. Автореф. дисс.... канд. филол. н. — М., 2001.
2. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. — М.: Индрик, 2001.
3. Семенова С. Ю. Об отрицании в контексте счастья и печали // Логический анализ языка. Ассерция и негация. — М.: Индрик, 2009. — С. 245 — 255.
4. Семенова С. Ю. О предчувствии и его речевых свидетельствах // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. — М.: Издательство «Индрик», 2011. — С. 132 —141.

5. Семенова С. Ю. Некоторые языковые черты мемориальной семейной хроники // Вестник РГГУ. — № 11 (73), 2011. Сер. «Филологические науки. Языкознание». Московский лингвистический журнал. Т 13. — М., 2011. — С. 136—150.

S. Yu. Semenova, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, Russian State University on Humanities (Russia)

COLLECTION OF FAMILY UTTERANCES

Some linguistic aspects of the author's memorial activities after her mother's death (in 2004) are considered. In order to restore as far as it is possible the idiolect of the person gone her utterances have been recording by memory in a text file. The electronic collection includes also speech samples by the other members of the family, the folk-lore units quoted at home, the jokes of the acquaintances etc. At present the domestic discourse collection numbers about 9000 records. The greater part of the collection, without the common quotation and inmost nominalization could be adopted by other oral corpora.

The mother's life since 1978 (the year of grandmother's death) to the fatal day is being described in detailed narrative texts as well. Some annual chronicles are obtained. Before publication they should be transformed from the inner to some external countenance.

Русская литературная культура XVIII в.

Жеребкова Е. В., аспирант, Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ (Россия)

СЛОВО VERS РЕАЛЬНОСТЬ: Н. М. КАРАМЗИН («ДЕРЕВНЯ») и А. С. ПУШКИН («ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)

Конец XVIII века ознаменовался глубокой перестройкой литературной культуры: именно в этот период готовое слово постепенно утрачивает свои позиции и уступает место неготовому. В процессе этого перехода для русской литературы, прежде ориентированной на подражание образцу, как нельзя более актуальной становится проблема поэтической референции: фиксированный набор абстрактных клише уже не может служить для отображения в тексте всего многообразия окружающего мира.

Повесть Н. М. Карамзина «Деревня» можно считать одной из первых попыток конкретизации текстовой референции в рамках соответствующего тематике повести жанра — идиллии. Метод писателя, примененный в данной повести, может быть охарактеризован

как расширение семантического поля клишированного идиллического слова. Заключается он в том, что Карамзин берет набор шаблонов, свойственных риторическому тексту, и творчески обрабатывает его в своей художественной мастерской, а именно дробит их, распространяя более частными клише, в результате чего получается нечто напоминающее идиллический образ.

Названные в начале повести важные для лирического героя элементы идиллического мира: *лес, роща, луг, поле, река* — повторяются по мере развития текста, обрастая подробностями и детализируясь. Например, лес и роща оказываются представленными конкретными деревьями — *дубом, вязом и липой*, при описании которых используются слова и сочетания *листья, густая зелень ветвей, разногласный шум листьев, серебрищиеся листочки*. Луг и поле представлены *травками и цветочками*, травки — *растением Азии, колосистой рожью и ячменем*, а цветочки — *васильком и колокольчиками*. При этом внимательный автор скрупулезно отметил свойственные растениям *тонкие жилочки, зубчатые краешки, пестренькие листочки и т. д.*

Итак, Карамзин берет ограниченный набор формул и расширяет их за счет подробностей, создавая пестроту внешнего мира и вместе с тем — пестроту переживаний от созерцания каждого отдельного элемента этого мира.

А. С. Пушкин применяет метод, внедренный Карамзиным, для решения проблемы описания в художественном произведении городского и деревенского пространства. Обращаясь к традиционной оппозиции *деревня — город* и работая с мотивами, организующими данный тематический комплекс, он во многом снимает с них прежнюю условность, придавая городу и деревне реальные очертания.

В романе Пушкина «Евгений Онегин» такие элементы городского и деревенского пространства, как *шум, театр, скука, свет* обрели многоголосое, достоверное звучание за счет того, что распространились огромным количеством дробных понятий, значительно расширивших их семантическое поле. Например, понятие *шум* обрело реальность, благодаря словам, обозначающим различные звуки, а понятие *скука* от клишированного атрибута городской жизни постепенно эволюционировало до подробно описанного состояния главного героя, а затем и вовсе достигло национального и даже интернационального масштаба (английский сплин, русская хандра).

Таким образом, творчество Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина демонстрирует попытку преодолеть свойственный риторической культуре тип мимесиса, направленный на сотворение идеального дискурса, с целью создать иллюзию реального мира. С помощью ряда приемов, к числу которых можно отнести и метод расширения семантического поля клишированного слова, они постепенно лишают это слово свойственной ему стилистиче-

ской закреплённости. В результате оно утрачивает свои стилистические коннотации и начинает стремиться к тому, чтобы слиться с реальностью, обозначив вещный мир.

Zherebkova E. V.

Word vers reality: N. Karamzin ("Village") and A. Pushkin ("Eugene Onegin")

The report describes the example of the referential meaning specification in N. Karamzin and A. Pushkin's works by the expansion of the semantic field of idyllic clichés. The method consists in the processing of the rhetorical templates by their distribution with more private clichés. As a result the rhetorical formulas used before for the description of conditional village and city space lose their stylistic fixedness and start to designate the reality. Thus, Karamzin and Pushkin's works show the attempt to overcome the rhetorical type of mimesis to create the illusion of the real world.

Н. Л. Федорак, к. филол. н., Львовский национальный университет имени Ивана Франко (Украина)

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕРАСИМА СМОТРИЦКОГО И МИШЕЛЯ МОНТЕНЯ: ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Основаниями для идейно-художественного сопоставления прозы Г. Смотрицкого и М. Монтеня является их синхронная творческая деятельность, совпавшая по времени со сложными религиозными спорами и конфликтами как в Украине, так и во Франции, а также повышенный интерес обоих авторов к морально-этическим проблемам. Показательной является близость гуманистических установок обоих авторов и схожесть их гуманистических приоритетов.

В первом предисловии к Острожской Библии (1581) Г. Смотрицкий выдвигает идею «*гражданина небесного*» — то есть человека, чья истинная «держава», которую следует развивать добрыми поступками на земле, находится на небе. Классический источник этой идеи — знаменитое произведение «О граде Божьем» Блаженного Августина. Однако для Г. Смотрицкого важной была идеологема «гражданина», то есть члена некоего сообщества, чьим долгом является работать для его добра и процветания. Видим здесь зарождение одной из самых популярных в литературе украинского барокко *идеи «всеобщего блага»*, хотя контуры этой «всеобщности» у Г. Смотрицкого еще одномерные, связанные в первую очередь с монолитностью православной Церкви. И все же он уже позиционирует

себя как представителя так называемого «гражданского» течения гуманизма — в отличие от гуманистов-индивидуалистов, которых ярко представляет именно М. Монтень.

Рядом с провозглашенными *постулатами полемической толерантности, объективности и правдивости* фигурирует *идея равенства*. Религиозные противостояния во все времена связаны с дилеммой политического или морального выбора; человек должен определиться, что для него важнее: целесообразность политического момента или незыблемость моральных принципов. И Г. Смотрицкий, и М. Монтень отдавали предпочтение именно этике, а не политике.

Жизненную активность человека Г. Смотрицкий отождествляет с постоянной работой его духа, а пассивность считает следствием попустительства похотям тела, неисправимо склонного к лени. В эссе «О праздности» М. Монтень признается, как трудно ему было, несмотря на исполнение самого заветного желания уединиться и жить в спокойствии, проводя время за чтением книг, терпеть бездействие, причем в первую очередь — как об этом пишет и Г. Смотрицкий — бездействие духовное.

Среди морально-этических идей, проповедованных гуманистами, одно из главных мест занимает *идея исторической памяти и уважения к прошлому*. На страницах своих «Эссе» М. Монтень прославляет античных и просто древних политических деятелей, воинов, писателей и философов. Чем глубже он проникает в свидетельства величественных деяний предков, тем более мелочным представляется ему тщеславие современников. В полемической концепции Г. Смотрицкого идея памяти и следования исторической истине тоже занимает очень важное место. Особенно часто к опыту предков он апеллирует в трактате «Ключ царства небесного».

Кроме литературного таланта Г. Смотрицкого и М. Монтеня, высокого уровня интеллекта обоих мыслителей, открытости перед читателем, важным залогом актуальности их произведений стала укорененность обоих в традиции. Французский моралист чувствовал свою глубинную мировоззренческую связь с античностью, украинский полемист — с греческо-византийским церковным наследием, — однако, несмотря на эту весьма принципиальную разницу, гуманистические взгляды обоих авторов оказались удивительно близкими.

CONFESSIONAL OPPOSITION OF THE END OF XVI CENTURY IN THE WORKS OF HERASYM SMOTRYTSKYU AND MICHEL DE MONTAIGNE: HUMANISTIC ASPECT

Bases of comparing the texts of Herasym Smotrytskyu and Michel de Montaigne are their synchronic activity, which was at the times of wars and conflict in Ukraine and France, and also high attention paid by both authors to moral-ethics problems. Despite essential differences in the

topics, genre and stylistic palette of H. Smotrytskyy and M. de Montaigne, similarity of humanistic approaches of both authors is shown.

Русская литература XIX в.

Э. М. Афанасьева, к. филол. н., Кемеровский государственный университет (Россия)

ОНТОЛОГИЯ ИМЕНИ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В художественном произведении очевидны две модели реализации номинологической темы: имявоплощение и имяосмысление. Первая становится объектом изучения актуализированных парадигм (например, имя автора или героя). Вторая связана с идеей словесного бытия как такового. Отдельный интерес представляют номинологические возможности лирики, которая в большинстве случаев внеминотивна. Данная особенность создает условие для актуализации онтологического потенциала имени.

Онтологическое поле имени, с одной стороны, связано с его носителем (субъектом), с другой стороны, оно распахнуто в сферу другого сознания и в Бытие, образуя системы триад: Я — мое имя — Бытие; Я — другое имя — Бытие; другое Я — другое имя — Бытие. Поэтическая формула В. А. Жуковского «Имя где для тебя?» и пушкинское «Что в имени тебе моем?» являются полюсами эстетической номинологии начала XIX века, когда между «моим именем» и «твоим именем» возникает стремление к осмыслению природы слова в соотнесении с бытийной сущностью мироздания.

Авторская лирическая картина мира формирует онтологический код персонального мифа, для которого существенной оказывается рефлексия над именем автора, именем Бога, именем возлюбленной.

Онтология сакрального имени связана с процессом лирического осмысления законов миропорядка. Наиболее полно этот процесс отражен в молитвенной лирике XIX в. В стихотворениях подобного рода очевидно движение от романтической модели воплощения молитвенного дискурса по языческим образцам (ср.: А. С. Пушкин «К Морфею», «Домовому») к освоению христианских аспектов (переложения канонических текстов в творчестве А. С. Пушкина, А. А. Фета, «Молитвы» М. Ю. Лермонтова и др.).

В любовной лирике начала XIX века на смену условным литературным именам (Кларисса, Нина, Лилета) приходит категория тайны, связанная с романтической биографией поэта и историей его душевных увлечений. Пушкинский мотив «утаенной любви» и лермонтовские «тайные страдания» — явления одного порядка. Эволюция мотива тайны

имени возлюбленной связана с движением от формирования поэтической загадки к ее преодолению и рациональному обоснованию образа «NN, неведомой красы» (Лермонтов «Журналист, читатель и писатель»).

В аспекте персонального мифа в лирике н. XIX века очевиден интерес к имявоплощению, когда авторское имя становится темой поэтического текста (Пушкин «Моя эпитафия», «Моя родословная»). Параллельно в лирике этой эпохи актуализирован процесс имяосмысления. При этом имя не называется, оно присутствует в сфере минус-приема, что создает условие для его осмысления в онтологических парадигмах бытия. Ср.: Пушкин «Желание славы» 1825, «Что в имени тебе моем?» 1830; эстетический комплекс «мое названье» в лирике Лермонтова («Когда к тебе молвы рассказ» 1830, «1831го Июня 11 дня», «Ребенку» 1840).

Лирическая рефлексия на тему имени неизбежно затрагивает ценностные основы миропорядка. Категория бытия центральная для онтологии. Имя, понятое в его соотношении с бытием, получает онтологический статус. Подобная постановка вопроса обусловлена романтической эстетикой, когда слову придавалось исключительное значение. А имя, понятое как слово с особым бытийным акцентом, моделировало авторскую картину мира.

The name in poetry is often reproduced with the help of the minus-method, which means that the name is not mentioned directly, but it is implied. This creates the conditions for the understanding of it in correlation to the laws of the world order (V. A. Zhukovsky "Where is the name for you?", A. S. Pushkin "What's wrong with my name?"). Besides the process of word ontology, the situation of name implementation is realized in the Russian poetry. The author's lyric picture of the world creates the personal myth for which the reflection of the author's name, of the God's name, of beloved name is rather important.

**М. В. Отрадин, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

МЕЖДУ «СОЗЕРЦАНИЕМ» И «ДЕЙСТВИЕМ»: ПОВЕСТВОВАНИЕ В КНИГЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ ПАЛЛАДА»

В известной работе «Мысли о романе» Х. Ортега-и-Гассет писал: «...ситуация оптимальная для познания, другими словами, для усвоения максимума объективных элементов наивысшего качества, лежит где-то между чистым созерцанием и неотложным интересом» [Ортега-и-Гассет, 1991, 282]. Если говорить о творческой задаче: реальный жизненный опыт превратить в художественное целое, — то можно увидеть нечто общее меж-

ду романом «Обрыв» и книгой «Фрегат Паллада». Создателю травелога, как и Борису Райскому, тоже предстоял некий ряд событий, некий внехудожественный материал, рассказ о котором превратился в литературное произведение. В центре этого произведения — автобиографический, эпически объективированный образ. Можно сказать, что «Фрегат Паллада» — это «мастер-класс» для героя «Обрыва» Бориса Райского, которым он, конечно, по воле автора романа, не смог воспользоваться.

Гончаров опирался на богатейший опыт жанра литературного путешествия. И он делает следующий шаг в развитии этого жанра, состоящий в объективации образа путешественника. Как заметил М. М. Бахтин, «...позиция вневходимости завоевывается, и часто борьба происходит не на жизнь, а на смерть, особенно там, где герой автобиографичен» [Бахтин, 2003, 97]. Вот об этой борьбе и речь. Путешественник-рассказчик в этой книге многолик. Это так существенно, что заставляет вспомнить термин Мирослава Дрозды «нарративные маски». Это и «аргонавт», и «обломовец», который захотел войти, так сказать, в поток исторического времени, то есть перейти из состояния «пребывания» в состояние «становления», и в то же время это узнаваемый автор ставшего уже очень известным отрывка «Сон Обломова», это и изнеженный горожанин, рассуждающий об отличии «комфорта» от «роскоши», это и Улисс, который думает о своей Итаке, это и любитель «покоя», который позволяет оставаться в позиции созерцателя. Чередование ликов повествователя имеет прямое отношение к вопросу о смыслообразовании в книге «Фрегат Паллада». Очевидно, что нарративная специфика этой книги связана с ее жанровой природой. «Фрегат Паллада» представляет из себя некий синтез литературного путешествия и романа. В гончаровской книге способ повествования становится объектом эстетической рефлексии, иронического автокомментария, своеобразной игры с читателем. Фикциональность представленного мира часто подчеркивается. Творческая фантазия, воображение становятся важнейшей опорой в построении рассказа. Граница документального и фикционального демонстративно нарушается. Травелог использует давно освоенные приемы романа, но при этом все-таки остается в своих жанровых рамках.

Литература

[Бахтин, ГОД] — *Бахтин М. М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003.

[Ортега-и-Гассет, ГОД] — *Ортега-и-Гассет Х.* Философия культуры. М., 1991.

Narration becomes an object of author's reflection and ironic comments in "Frigate Pallas". Narrator who is also the main character of the book is represented in several different as-

pects. Alternation of “narrative masks” (Miroslav Drozda) is closely connected to the synthesis of the travelogue and the novel performed in the book.

Е. Р. Пономарев, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Россия)

Г. А. ГУКОВСКИЙ И СОВЕТСКОЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Понятие «идеологическое литературоведение» удобно для описания советской науки о литературе, работавшей на границе науки и пропаганды. Изучение литературы в СССР было делом идеологически значимым. В 1930-е гг. потребовалась общая идеологическая концепция литературного развития. Ей следовало быть: 1) стержневой, т. е. обобщать всю историю русской и мировой литературы; 2) марксистской — или казаться таковой; 3) гибкой — умеющей приспосабливаться к колебаниям «генеральной линии»; 4) способной пристегивать новые идеологемы в дальнейшем.

Первую попытку создания стержневой концепции предприняли «вульгарные социологи». Они попытались выстроить историю литературы, исходя из классовой принадлежности писателей. Поэт или писатель понимался ими — по образцу статей Ленина о Толстом — как рупор определенного класса. Пушкин в этой системе оказывался идеологом либерального дворянства, Гоголь — разоряющихся групп мелкого и среднепоместного дворянства, Лермонтов уже близок разночинной интеллигенции, а Некрасов первым из дворянских писателей осуществит полный отход от дворянства. Развитие русской литературы оказывалось движением к революции. Эта концепция сформулирована в первом советском учебнике, созданном для старших классов школы в 1934 году.

Однако дни вульгарной социологии были сочтены. Советская идеология круто разворачивалась в сторону имперского и национального, а предложенная концепция развития русской литературы не была достаточно гибкой. В этот момент появилась новая стержневая концепция — стадийная теория Г. А. Гуковского. Она связала марксистскую «стадийность» с художественными стилями Белинского, а идею общественно-политической значимости литературы с представлением о ее внутренней автономии.

Литература оказывается важнейшей частью политической борьбы, местом производства идей и лозунгов. Но если в книге «Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов» (1936) Гуковский представляет Сумарокова и Фонвизина литературными вождями рядом с политическим вождем — Н. И. Паниным, то в следующей монографии («Очерки по истории русской ли-

тературы и общественной мысли XVIII века», 1938) появляется фигура Радищева, объединяющая политику и литературу. Радищев напоминает вождя из соцреалистической литературы, он абсолютно гениален и как писатель и как революционер. На следующем этапе литературный вождь уже подминает под себя политику. В «Пушкине и проблемах реалистического стиля» Гуковский утверждает, что Пушкин не мог бы создать реализм, не будь у него самой тесной связи с главным общественным движением эпохи. Сначала сказано так: «...он был человеком декабристского исторического склада. И как поэт — он был поэтом-декабристом» [Гуковский 1957, 6]. Риторическое словосочетание трансформируется в чеканную формулировку: «Он был поэтом декабризма...» [Гуковский 1957, 8]. Поэт становится над схваткой, получает роль идейного вдохновителя и превращается в мыслителя, которому глубина постижения жизни не позволяет участвовать в непосредственной борьбе.

Литературные «измы», поначалу соответствовавшие экономическим формациям, прошли тот же путь развития, приобретая все большую автономию.

Концепция Гуковского стала основой всего дальнейшего идеологического литературоведения в СССР.

Литература

Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.

Evgeny R. Ponomarev

G. A. GUKOVSKII AND IDEOLOGICAL LITERARY CRITICISM IN USSR

The role of G. A. Gukovskii as creator of Soviet “ideological literary criticism” was described in the presentation. The main works by Gukovskii are examined from ideological viewpoint in its correspondence with the Marxist theory and Soviet state ideology of the 1930s. Special attention was paid to the figure of Leader in his conception. Gukovskii linked the Marxist idea that literature was a kind of propaganda with the conception of autonomous literary process.

**Т. С. Соколова, к. филол. н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия)**

ДОСТОЕВСКИЙ И НЕМЕЦКАЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ И РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.*

Достоевский владел немецким языком и в целом хорошо знал немецкую сентиментальную и романтическую литературу. Так, стоит указать, что в «Бедных людях» (1846) он использовал некоторые художественные приемы, характерные, в частности, для сентиментального романа в письмах «Страдания юного Вертера» (1774) Гете; [см.: Виноградов, 1976, 163—186; Шкловский, 1957, 19—49; Фридлендер, 1964, 62—64]. В петербургской поэме «Двойник» (1846) Голядкин в бреду обращается к Кларе Олсуфьевне: «...что делать прикажете? прикажете мне, сударыня вы моя, следуя некоторым глупым романам, на ближний холм приходить и таять в слезах, смотря на хладные стены вашего заключения, и наконец умереть, следуя привычке некоторых скверных немецких поэтов и романистов, так ли, сударыня?» [Достоевский, 1972, 221]. Имеется в виду сентиментальный роман И.-М. Миллера (1750-1814) «Зигварт» (1776), подразумевается также баллада Шиллера «Рыцарь Тогенбург» (1797; русский перевод В. А. Жуковского — 1818); см.: [Достоевский, 1972, 495—496]. При этом комические заголовки в первой редакции «Двойника» 1846 г. (снятые во второй редакции 1866 г.), как отмечается Г. М. Фридлендером [Достоевский, 1972, 486], аналогичны в том числе заголовкам глав у Жан Поля (Пауля) (1763—1825), немецкого писателя, соединявшего в своем творчестве черты сентиментализма и нарождающегося романтизма.

Эти заголовки в то же время близки гофмановским.

Нужно отметить, что из немецких писателей, чье творчество пришлось на первую четверть XIX века, именно Гофман больше всего повлиял на Достоевского.

В докладе рассматривается связь «Двойника» и повести Гофмана «Выбор невесты» (1819), анализируется значение гофмановских мотивов в итоговом произведении докторского периода творчества Достоевского — повести «Неточка Незванова» (1849). Проведенное исследование показывает, что мотивы, связанные у немецкого романтика с воздействием на человека внешних по отношению к нему, таинственных сил, получают у Достоевского психологическое значение, характеризуя внутренние движения души героя. По словам А. Б. Ботниковой, в творчестве русского писателя происходит «своеобразное “переключение” гофмановской фантастики в сферу человеческого сознания» [Ботникова, 1977, 188]. В некоторых случаях Достоевский помещает романтические мотивы в сентиментальное обрамление, тем самым делая их несколько камернее, но увеличивая их значение в раскрытии тайных (чаще всего темных) сторон души того или иного персонажа.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК—195.2011.6.

Литература

Ботникова — Ботникова А. Б. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): к проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977

Виноградов — Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976

Достоевский — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1.

Фридлиндер — Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964

Шкловский — Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. М., 1957

DOSTOEVSKY AND SENTIMENTAL AND ROMANTIC GERMAN LITERATURE OF THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Dostoyevsky`s works are filled with allusions and reminiscences from the German romantic and sentimental literature. Hoffman was the writer which had the most significant influence on Dostoyevsky. The report focuses on the analysis of Hoffman`s literature tradition in the tales of Dostoyevsky, "Double" and "Netochka Nezvanova".

М. Хикита, асп., Санкт-Петербургский Государственный Университет (Россия).

ОБРАЗ СТУДЕНТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Студенческая тема вошла в русскую литературу во второй половине XVIII века. Ее появление было связано с новыми реалиями русской жизни: основанием Петербургского, а затем и Московского университетов, с традицией отправлять молодых дворян на учебу в Западную Европу.

Впервые образ студента в русской литературе возникает в «Сказке о рождении тафтяной мушки» М. Д. Чулкова (сб. «Пересмешник, или Славенские сказки», первые 4 части — 1766-1768). Она написана в популярном жанре плутовского романа и воспроизводит его традиционную сюжетную схему. Поначалу полунищий, герой «Сказки» в итоге достигает богатства и высокого положения, женится по любви. Сам этот герой — Неох (т. е. «не унывающий») — типичный пикаро. Однако у него есть особая характеристика, отличающая Неоха от других персонажей подобного типа: это студент якобы существовавшего в древнем Новгороде университета. (Возможно, желание подобным способом инди-

видуализировать героя было подсказано личным опытом Чулкова, учившегося в «разночинной» гимназии при Московском университете.) Образ Неоха лишен психологической цельности, его превращения выглядят немотивированными. Но совокупность свойств, связанных со своим студенческим происхождением (широта образования, развитый ум, красноречие), герой сохраняет на всем протяжении романа. Они и становятся конечного основой жизненного успеха Неоха: человек эпохи Просвещения, Чулков верил во всепобеждающую силу разума и знаний.

С Московским университетом первых лет его существования была связана юность и Д. И. Фонвизина. Однако его отношение к уровню тогдашнего образования было критическим. Так, многие произведения из несостоявшегося журнала писателя «Друг честных людей, или Стародум» (ок. 1788), тесно связаны с темой воспитания. Они ясно характеризуют пренебрежительное отношение провинциального дворянства к образованным людям, но также и качество самих студентов: в большинстве своем они желают только чинов, уровень их знаний невысок, в их кратких сатирических характеристиках, перед нами предстают, по существу, несколько известных литературных типов — обжоры, поэта-графомана, щеголя-петиметра.

Н. М. Карамзин впервые ввел образ бывшего студента Своемыслова в переводе-переделке книги Жанлис «Деревенские вечера» (1787). Впрочем, характеристика этого персонажа ограничивается лишь несколькими самыми общими чертами: чудаковатость, нравственная высота, начитанность. Несколько как комичных, так и привлекательных образов европейских студентов эпизодически возникают на страницах «Писем русского путешественника» (1791-1795). Наконец, представитель еще одного типа студентов появляется в повести «Моя исповедь» (1802): ее герой, вспоминая о годах учебы в Лейпцигском университете, признается, что в ту пору предпочитал местных «нимф» профессорам и их лекциям.

С точки зрения рассматриваемой темы наибольший интерес представляет автобиографическая повесть А. Н. Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789), рассказывающая о пребывании русских дворян в Лейпцигском университете и их «бунте» против надзирателя Бокума. Изображая лидера протестующих — Ушакова, успешного в прошлом чиновника, бросившего карьеру ради «приобретения знаний» Радищев рисует человека, сочетающего в себе тягу к просвещению с вольномыслием и свободолобием.

Свое дальнейшее, более полное и разнообразное развитие тема студенчества получила уже в русской литературе XIX века.

The present report is devoted to the student image in Russian literature and to its genesis. This theme appeared in Russian literature in 1760s. It was connected with the new realities of Russian life of XVIII century: the founding of St. Petersburg and Moscow universities and the tradition of sending young noblemen to study in Western Europe, which Catherine II continued. Russian writers, in their quest for reason and Enlightenment, used different types of the student of the day to create diverse literary characters. We can see their evolution in masterpieces of the "Golden Age".

Литературный процесс в России первой половины XX в.

А. В. Гостева, асп., Воронежский государственный университет (Россия)

Стратегии страшного в прозе Л. Андреева

The strategies of the terrifying in Leonid Andreev's prose

Key words: Leonid Andreev, poetics, expressionism, insane, horror

The article is devoted to the representation of fear / horror universal in Leonid Andreev's prose. Its existence is always connected with dichotomies of chaos-order and insane-reason. The article describes how these oppositions are realized.

Репутация Л. Андреева как «писателя страха» установилась уже после самых первых его публикаций. Среди немногих филологических изысканий на эту тему следует отметить труды Л. А. Иезуитовой [Иезуитова, 2010], а также статью С. Роле [Роле, 2005]. В настоящей работе рассматривается не затронутая этими учёными сторона андреевского ужаса — мотивы, корреспондирующие со страшным и являющиеся, как представляется, инвариантными для писателя.

Зарождение и существование ужаса у Андреева всегда имеет отношение к двум взаимосвязанным оппозициям: разум / безумие и хаос / порядок. Сознание субъекта движется от ужаса к безумию, и причиной их становятся не объективные обстоятельства, но ощущение героем своего бессилия осмыслить и принять существующее положение вещей. Таким действием обладает война («Красный смех», «Иго войны») и, шире, — близость смерти: абстрактной («Елеazar»), своей, чужой: «И не смерть страшна, а знание ее <...> Только тень знания о том, о чем не должно знать ни одно живое существо, стояла там в углу, и ее было достаточно, чтобы затмить свет и нагнать на человека непроглядную тьму ужаса. Потревоженный однажды страх смерти расплывался по телу, внедрялся в кости,

тянул бледную голову из каждой поры тела» [Андреев, 1990-1996, III, 51-52]. Сознание своего «умственного» бессилия перед Неведомым пробуждает почти персонифицированный ужас и в конце концов сводит с ума.

Это бессилие у Андреева всегда присуще разуму: спасти от страха и безумия он не может и лишь приносит «невыносимую боль терзаемой мысли», не отдаляя неизбежный конец: «На мгновение замирает мысль, дойдя до того страшного для себя предела, за которым она превращается в голое и ненужное безумие» [Андреев, 1990-1996, IV, 204]. Даже подавить другие жизненные впечатления разум не способен: «...Что-то сильнее, чем рассудок с его скучным и вялым голосом, приковывало меня к месту, направляло волю...: у печали и страха есть свое очарование» [Андреев, 1990-1996, IV, 279]. В «Мысли» доктора Керженцева, безгранично полагавшегося на логику, его «мысль» обманула, завела в тупик, заставила испытать «ужас человека, который потерял все... холодное сознание падения, гибели, обмана и неразрешимости» [Андреев, 1990-1996, I, 411]. Рассудок, отвечающий за логику и причинность, претендует на роль Суперэго — но не выдерживает ее, причем не только по отношению к экзистенциальным переживаниям, но и к эмоциям.

В этом контексте возникает экспрессивный образ запутавшегося мозга: «Что-то огромное, красное, кровавое стояло надо мною и беззубо смеялось. // — Это красный смех. Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться. <...> ...Она стала круглая, гладкая и красная, как голова, с которой содрали кожу. <...> Посмотри, что делается у нее с мозгом. Он красный, как кровавая каша, и запутался» [Андреев, 1990-1996, II, 61]. Именно в этом «запутавшемся» мозге и зарождается безумие. Доктор Керженцев в «Мысли» сравнивает свою «мысль» с «пьяной змеей», не просто предавшей его коварно и вероломно, но являющейся жутким воплощением энтропии, такой же дьявольской путаницы, которая теперь у героя в голове: «...Она в запертой комнате, где много дрожащих от ужаса людей. И, холодно-свирепая, она скользит между ними, обвивает ноги, жалит в самое лицо, в губы, и вьется клубком, и впивается в собственное тело. И кажется, будто не одна, а тысячи змей вьются, и жалят, и пожирают сами себя» [Андреев, 1990-1996, I, 409]. Здесь с парой разум / безумие очевидно смыкается дихотомия порядка / хаоса [Гостева, Сулемина, 2011].

Литература

Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1990-1996.

Бондарева Н. А. Творчество Леонида Андреева и немецкий экспрессионизм: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005.

Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984.

Гостева А. В., Сулемина О. В. Страх / ужас // Русские литературные универсалии (типология, семантика, динамика). Воронеж, 2011. С. 274-369.

Иезуитова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века. СПб., 2010.

Роле С. Страх в творчестве Леонида Андреева // Семиотика страха: Сб. статей. М., 2005. С. 168-171.

Фрайзе М. Разновидности ощущения смерти в повести Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных» и типология эпох нового времени // Универсалии русской литературы. 2. Воронеж, 2010. С. 117-127.

О. А. Ефремова, аспирантка кафедры русской литературы, Новосибирский Государственный Педагогический Университет (Россия)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОВЕСТЕЙ А. М. РЕМИЗОВА

Предметом нашего исследования является организация пространства в повести «Крестовые сестры» и повести «Канавы». Пространство условно отделяется от времени и понимается как отвлеченная от действительности конструкт воображения.

Отталкиваясь от рассуждений Данилевского об «итожащей» роли произведения «Канавы» [Данилевский; 1991], возьмем эту повесть в качестве исходной точки для соотношения с более ранней «Крестовые сестры» с целью выявления особенностей топики обеих повестей.

На реальном уровне пространственной организации совпадают два топоса — Петербург как место основного действия и Москва как родовое гнездо. Различаются пространственные организации названных повестей на данном уровне тем, что в «Крестовых сестрах» отсутствуют глобальная оппозиция топосов «Россия-Европа», а также отсутствуют античные локусы. Париж воспринимается героями «Крестовых сестер» как место свершения надежд, а для Будылина из «Канавы» данный топос выступает местом, где у него открылись глаза на мир. Также различие заключается в исчезновении присущей «Крестовым сестрам» оппозиции «столицы-провинции»: происходит смена семантик провинциальных городов — Подболотье и Комаровка отличаются от Пурховца и Костринска прямой зависимостью от близлежащего Петербурга, они входят в отношения дополнения семантик «столицы», что исключает оппозицию как таковую.

Концептуальный уровень обеих повестей сходится в трансляции модифицированных версий новозаветного апокрифа о хождении Богородицы по мукам. На страницах «Крестовых сестер» текст апокрифа преломляется гораздо сильнее, чем в «Канаве». Про-

странство сна Акумовны представляет собой реверсированное пространство апокрифа — его смысловое наполнение перевернуто.

В обеих повестях совпадает семантика подневольного действия: все пространство и все герои «Канавы» с рождения во рву львином, а Акумовна не желает смотреть на «муки», по которым ее водят бесы.

Различия на концептуальном уровне заключаются в том, что в повести «Крестовые сестры» каждый топос представлен отдельно от остальных, нет того объединяющего «архипространства», которым выступает ров львиный в повести «Канавы».

На онейрическом уровне повести сходятся в наличии видений-кошмаров Маракулина в «жестокие бурковские ночи» и Баланцева на Каменноостровском, в профетической роли сновидений Маракулина о приближающейся смерти и Будылина о том, что Машу засасывает «болото» и что ему суждено проиграть в «борьбе» с Задорским. И в «Крестовых сестрах», и в «Канаве» есть толкователи снов «из народа»: Акумовна и Овсевна.

В повести «Крестовые сестры» сновидческая сюжетная линия выступает как самостоятельная, параллельная основной «реальной» (вспомним «путь» Маракулина к падению из окна в его снах). Сновидческая сюжетная линия «Канавы» не самостоятельна, она является дополняющей частью общего сюжета.

Таким образом, при анализе особенностей топика мы пришли к выводу, что «Канавы», последняя из дореволюционного цикла, и с точки зрения пространственной организации является повестью, в которой реализовался весь творческий опыт Ремизова, накопленный в цикле «романов». Об этом говорят наличие новых, семантически нагруженных локусов, более сложные отношения между основными топосами, которые проявляются в виде выстраивания их взаимосвязей в глобальную оппозицию «Россия-Европа», а также включение ее в «архипространство» канавы.

Литература:

Булгакова А. А. Топика в литературном процессе. — Гродно, 2008.

Данилевский А. А. О дореволюционных «романах» А. М. Ремизова. // Ремизов А. М. Избранное. — Л., 1991.

Summary

This paper is devoted to the level structure of two novels which were written by A. M. Remizov and called “Sisters of the Cross” and “The Wailing Ditch”. In fact the organization of named novels consists of three levels. The first level is so-called “real”. It contains the aesthetic opposition of such locuses as The Capitals and The Provinces. The second level shows the essence of St. Petersburg which itself is the capital and the province at the same time. The

last level is called as “oneirical”. All dreams and phantoms of characters are included in this level. It sets up the separate story line in “Sisters of the Cross”, but it is only addition of the story line in “The Wailing Ditch”.

С. Н. Лебедева, к. филол. н., Волжский университет имени В. Н. Татищева (Россия, Тольятти)

**«ДУША ТАК И ВОПИТ...» (человек и время в письмах И. М. Касаткина
С. П. Подъячеву)**

Письма И. М. Касаткина, обращенные к С. П. Подъячеву в период с 1923 года по 1934 год, свидетельствуют о его тяжелом душевном состоянии и творческом кризисе после 1917 года.

Болезненно пережил Касаткин гибель С. Есенина. Письмо от 31 декабря 1925 года передаёт его ощущения и, что не менее важно, — рисуют обстановку в Москве в те трагические дни. «Милый Семен Павлович! Во-первых, эти дни у нас в Москве горе: Есенин Сергей прикончил себя. Завтра хороним. А сейчас идем на Николаевский вокзал встречать тело. Печалимся все до слез <...>. Мрачное новогодие дал Сергей...» [1:9].

Переживания Касаткина усугублялись мыслью, что гибель Есенина можно было предотвратить дружеской поддержкой. 19 января 1926 года он пишет Подъячеву: «Конечно, дела с Сергеем не поправишь. Но я бесконечно любил его. И он меня не меньше <...>И вот мучает меня мысль, что я должен был, как близкий человек, иметь больше чуткости и быть как-то ближе около него в последние времена... » [11].

Начиная с 1927 года, Касаткин все чаще сетует в письмах на «творческое бесплодие», невозможность писать — по разным причинам. «<...> Чапыгин из Питера мне пишет, чтоб я бросил эту Красную Ниву и принялся за свою работу.» [11].

В письмах конца 1920-х годов Касаткин определял свое внутреннее состояние как «хандра», «тоска», «скука», он все чаще признается: «устал», «устал душой и всяко», «сильно устал», «еду лечится от усталости», «писать не могу», «томлюсь и мечусь», «не идет моя работа...». Причин такого состояния Касаткина было немало. Прежде всего, удручало писателя разрушение деревни, отношение власти к крестьянам: «12.08.26 <...> Побыл я в деревне ладно, поглядел, как живет и страдает великомученик мужик. Отдых-то там был плохой. Да и еда тоже. Вообще тяжкая кругом там жизнь!» [32]. Тяготила Касаткина и «нездоровая», по его мнению, атмосфера в современном литературном процессе: «18.02.26. <...> У нас сейчас, в верхних слоях, какое-то повелось пренебрежительное отношение к крестьянствующим писателям и к крестьянскому духу: рабочий, мол, побе-

датель, а крестьянин — что? Он-де только и глядит: как бы сорвать с города, а до остального ему дела нет...» [16]; «30 июля 1929. <...> В Москве, в литературных кругах и сферах, идет какая-то дикая склока, подсиживание, валка подножку и всяко... Нехорошо что-то!<...>»[121]; «3 января 1931. <...> Жизнь в Москве (да и везде) стала чудная и аховая. Добыча жратвы убивает не менее половины дня! Я пока за работу не принялся. И верно, о новой жизни писать трудно <...>»[142]. «15 января 1931<...>Ну, новостей тут, в литературе, много, их не расскажешь, — все борьба и перестройка... Сплошная и насквозь выправка на марксистские пути <...>. Писать ещё не начал, все какие-то делишки да беготня, будь они прокляты. Время беспокойное, напряженное, трудное время <...>» [146] ; « Март 1931. <... > Какое тут писанье, всех вихрем метет туда и сюда. Я мечтаю опять удалиться на покой как-нибудь<...>»[179].

Ответ Подъячева был более чем откровенен: « <...> Опять за кулаков взялись. Пошла чистка колхозов. Как-то все и вся примолкли и насторожились и боятся говорить о том, что есть. Из Москвы погнали многих <...>. Эх ма, упустили мы из своих рук русскую литературу. Попала она в лапы... А нам объедки... Тьфу!»[2:263].

Смерть С. П. Подъячева в 1934 году оборвала эпистолярный диалог писателей.

Литература:

1. РГАЛИ. Ф.246.Оп.1. Ед. хр. 95. Далее ссылки даны в тексте с указанием в скобках порядкового номера страницы.
2. РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 3. Ед. хр. 13.

Abstract

The article deals with the the epistolary of the peasant writer I. M. Kasatkin, repressed and prohibited in 1930, and the response letters of the writer of “pleiad” S. P. Podyachev. The letters refer to the period from 1923 to 1934 and explain the creative crisis of I. M. Kasatkin. The author of the article put new archival documents to literary use. The documents define the individual events of post-revolutionary decade.

Н. Н. Мельникова, к. филол. н., Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ «БОРДЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Бордельное пространство» русской литературы XIX — начала XX в. многосоставно, поскольку представляет собой совокупность отдельных локусов, формирующих единый континуум, концептуальным ядром которого выступает *идея не регламентированных социокультурными конвенциями сексуальных отношений между мужчиной и женщиной*.

Оно может «сужаться» до **комнаты проститутки**, отличающейся неопрятностью, безвкусицей в сочетании с претензией на роскошь (ср. салон чеховской m-me Дуду в «Вороне» или номер в гостинице «Мадрид», где живут Ольга Николаевна и ее мать-сводня, в «Днях нашей жизни» Л. Н. Андреева). Центром здесь является широкая и прочная «публичная» кровать.

«Укрупнение» этого локуса приводит к собственно **публичному дому**, впервые изображенному, видимо, В. Л. Пушкиным в поэме «Опасный сосед», а затем также в «Истории одной проститутки» Н. П. Огарева, «Записках из подполья», Ф. М. Достоевского, «Припадке» А. П. Чехова, «Яме» и «Штабс-капитане Рыбникове» А. И. Куприна, «Тьме» Л. Н. Андреева, «Невеселой» Б. А. Лазаревского, «Улице Данте» И. Бабеля и т. д.

Описания «классических» борделей дополняются изображением различных **притонов** (трактиров, кафешантанов, гостиниц, съемных комнат) Москвы, Петербурга и других городов. Так, героиня гаршинского «Происшествия» посещает «Эльдорадо», Пале-де-Кристалль, Литовский замок, а Наташка Г. И. Чулкова фланирует по «Парадизу», затем едет с гостями в гостиницу «Ницца». Ср. также: *хор* («Парадиз» Г. Чулкова, «Лиляша» А. В. Амфитеатрова), *ярмарка* (Нижегородская ярмарка в рассказе «Покинутая вакханка в доме разврата»), *сад* («Аполло» в «Итальянках» С. М. Городецкого).

Бордель может «расширяться» до **улицы публичных домов** или просто улицы, знаменитой тем, что здесь идет торговля женским телом. Например, *безымянные Улицы* в стихотворениях А. Блока («Улица, улица...») и В. Брюсова («Уголки улицы»). Среди улиц Санкт-Петербурга с «бордельным пространством» ассоциируется прежде всего Невский проспект, описанный в данном контексте некоторыми представителями массовой литературы, например, Ю. Ангаровым («Невский вечером»), П. Кузнецовым («Падшая баронесса на Невском проспекте и судьба ее дочери»), В. И. Недешевой («Невский проспект»). Свои «бордельные» улицы есть в Москве: Тверская, Яр, Стрелка, Драчевка (ср. «маршрут» главной героини в пьесе «Проклятая жизнь» И. К. Лисенко-Коньча). Наконец,

«на самой дальней окраине большого южного города» расположились «разнокалиберные» дома Ямской слободы — «ямы» Российской империи («Яма» А. И. Куприна).

«Бордельное пространство» может ассоциироваться с целым городом. Эта связь, видимо, восходит еще к библейскому образу блудницы из Вавилона, а в русской культуре и литературе олицетворяется столичным Петербургом, портовой Одессой (Л. О. Кармен «На дне Одессы») и Ригой — крупнейшим городом Российской империи, где осуществлялась вербовка и купля-продажа проституток (этой теме посвящена антология «Изображение проституции в Риге, Латвии в творчестве русских литераторов (1807 — 1944 — 2004)»).

В русском культурном континууме не происходит дальнейшего *«расширения» «бордельного пространства» в сторону страны*, так как Россия всегда имела коннотацию «матушки».

The term “Brothel Space” in Russian literature of the 19th — early 20th centuries is a range of the “places” connected to each other with the idea of the sexual relationship between man and woman, which is not regulated by the social conventions. It normally consists of the proper brothel and different dens, but it can “converge” to the prostitute room or “amplify” to the street of the brothels or to the whole city. However there is no “amplification” to the country in the Russian culture because Russia has always been the “Matushka” (mother).

Музыка, текст, перевод

В. В. Азарова, д. иск., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия).

ИДЕИ И СИМВОЛЫ ХРИСТИАНСТВА В МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ П. ДЮКА И О. МЕССИАНА

Оперы и сценические оратории, содержащие идеи и символы христианства, образуют, наряду с античностью, одно из основных направлений эволюции французского музыкального театра XIX — XX веков. К этому направлению относятся произведения Г. Берлиоза, Ш. Гуно, С. Франка, Ж. Массне, К. Дебюсси, П. Дюка, В. д’Энди, А. Онеггера, Ф. Пуленка, О. Мессиана. Глубокая духовная общность при существенных различиях эстетических ориентаций, параметров музыкального языка и принципов организации музыкальной ткани объединяет относящиеся к разным периодам эволюции французского музыкального искусства оперы П. Дюка «Ариана и Синяя Борода» (1907) и «Святой Франциск Ассизский» О. Мессиана (1983).

Лирическая драма П. Дюка написана на текст символистской пьесы М. Метелинка «Ариана и Синяя Борода, или Бесплезное освобождение» (1896). [Метерлинк, 1999, 219]. В импрессионистическую и символистскую художественную концепцию «Ариана и Синяя Борода» П. Дюка включил последовательное развитие христианской идеи, которая лежит в основе художественного замысла произведения. [Азарова, 2011, 100]. Истолкование смысла евангельского стиха в художественном замысле и композиции произведения П. Дюка дано О. Мессианом; его статья обрамлена словами из Евангелия от Иоанна : «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (La Lumière luit dans les ténèbres et les ténèbres ne l'ont pas comprise) (In. I; 5) [Messiaen, 1936, 86]. Свет Истины не был понят людьми. [Dukas, 1906, 249].

«Святой Франциск Ассизский», опера в 3-х действиях и 8 картинах на собственное либретто композитора, представляет апологию христианского подвига в жизни Святого Франциска, одного из самых прославленных мистиков в истории западного христианства. [Messiaen, 1983]. В финале произведения О. Мессиаен изложил кредо собственной музыкально-эстетической системы. Святой Франциск обращается к Творцу: «Господи! Музыка и поэзия привели меня к Тебе. Картиной, символом и жаждой Истины!». [Messiaen, 1990, 117]. Семантическая духовная связь с лирической драмой П. Дюка «Ариана и Синяя Борода» выражена появлением свето-звуковых символов в заключительном разделе «Францисканских сцен». Идеи и символы христианства составляют основу содержания музыкально-театральных произведений П. Дюка и О. Мессиаена. Эти произведения имеют важное значение во формировании концепции христианского гуманизма во французском музыкальном театре XIX — XX веков.

Литература

1. Dukas P. Ariane et Barbe-Bleue. Klavier pour piano. Éditions Durand & Fils. 1906. — 249 p.
2. Messiaen O. Ariane et Barbe-Bleue. //La Revue Musicale , 1936. Juin, pp. 80-86.
3. Messiaen O. Saint François d'Assise (Scènes franciscaines). Opéra en trois actes et huit tableaux. Libretto. Éditions Alphonse Leduc & Cie, 1983. — 159 p.
4. Messiaen O. Saint François d'Assise (Scènes Franciscaines). Opéra en 3 Actes et 8 Tableaux. Acte III — 8e Tableau. La mort et la nouvelle vie. Éditions Alphonse Leduc , 1990. pp. 117 — 124.
5. Азарова В. В. Античность во французской опере 1890 — 1900 годов. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co., Saabrücken, 2011. с. 97.
6. Метерлинк М. Ариана и Синяя Борода, или Бесплезное освобождение //М. Метерлинк. Пьесы. М., «Гудьял пресс», 1999. с. 219 — 251.

Ideas and symbols of Christianity in the works for musical theatre by Paul Dukas and by O. Messiaen.

This article is about the study of 'Ariane et Barbe-bleue' by Paul Dukas and of 'Saint-François d'Assise' by Olivier Messiaen. The author reveals crucial meaning of Christian ideas and symbols in musical contents of subject operas. Analysis of their artistic plots and of musical dramaturgy led the author to conclusions about some particularities in the way the concept of Christian humanism formed in musical theater through the XIXth and the XXth centuries.

**Г. И Благодатов, директор Агентства культурных инициатив ПРАТТИКА ТЕРЦА
(Россия)**

ОТКРЫТЫЕ АКАДЕМИИ МУЗЫКИ БАРОККО ПОДДЕРЖИВАЮТ И РАЗВИВАЮТ ИСТОРИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО

ТЕЗИСЫ (РУС.)

В статье изложена сущность нового проекта Открытых академий музыки барокко. Проект стартовал в марте 2012 года под художественным руководством автора. Проект состоит из регулярных циклов образовательных и концертных мероприятий в области исторически ориентированного исполнительства музыки XVII-XVIII вв. Обосновываются ключевые принципы проекта, описываются художественные и исследовательские цели первой Открытой академии, планы дальнейших мероприятий. Особое внимание уделяется размышлениям об аутентичном или исторически ориентированном подходе к исполнению музыки, на котором сосредоточено внимание участников проекта Открытых академий. Для нас суть аутентизма состоит в умении работать с первоисточником, понимать исторический текст в оригинале, учитывая его культурный контекст.

- В нашей системе образования исторически ориентированное исполнительство представлено недостаточно. Проект Открытых академий призван помочь восполнить этот пробел.
- Ключевыми принципами проекта выбраны: регулярность, авторитетность, открытость. Статья объясняет, почему именно они.
- Аутентичный подход музыканта-практика: что за этим стоит, почему он так актуален сегодня, как можно удержаться в его русле.
- Первая Открытая академия в марте 2012 г.: почему она посвящена клавесину, почему приглашён проф. Б. ван Асперен.
- Формат проведения Открытых академий: взять лучшее из западного опыта,

обосновать особенностями российских условий.

- Вторая Открытая академия в сентябре 2012 г.: Студия оперы барокко.

Литература

1. Le nuove musiche / G. Caccini. Firenze: Maescotti, 1601-1602
2. Франсуа Куперен. Искусство игры на клавесине. Пер. с фр. О. А. Серовой-Хортик, ред. Я. И. Мильштейна. — М. : «Музыка», 1973

АННОТАЦИЯ (АНГЛ.)

This article by G. Blagodatov describes a new project named *Open Academies of Baroque Music in St. Petersburg*. The project has been launched in March, 2012, directed by the author of the article. The project consists of regular series of educational & stage events in the field of historically informed performance (HIP) of the 17-18th centuries music. Key principles of the project are expounded, artistic & research targets of the first *Open Academy* are described. The special focus is on what the authentic, or historically informed, approach to perform music is all about. For us, the essence of authenticism lays in abilities to work with manuscripts directly, to understand the historical text in its original state, counting its cultural context.

**К. В. Зенкин, д. иск., Московская государственная консерватория (университет)
имени П. И. Чайковского (Россия)**

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ: ПЕРВООБРАЗ, ВОПЛОЩЕНИЕ, ПЕРЕВОД

В отношении музыкального искусства о переводе говорить сложно в силу символической природы знаков художественного текста и открытости их значений. И все же некоторые явления музыки достаточно близки к природе перевода в обычном, техническом смысле, выполненным исключительно ради установления коммуникации и расширения сферы воздействия произведения. Таковы многочисленные переложения симфоний и опер для фортепиано. Значительно дальше отстоят от перевода такие явления, как адаптации классической музыки к современному стилю и, в особенности, написание музыки (оперы или симфонии) на литературный сюжет — в обоих случаях смена знаковой системы влечет за собой существенное изменение смысла, то есть, создание нового произведения.

Исполнение музыкального произведения возможно рассматривать как перевод. Именно исполнительское искусство подводит к общей историко-культурной проблеме

«обратного перевода» [Михайлов, 2000] как возвращение знакам их первичного (аутентичного) смыслового поля и снятие чуждых, искажающих напластований.

Таким образом, в случае историко-культурных переводов складывается ситуация, немислимая для перевода обычного: текст формально остается тем же, но меняется его исторический контекст, изменяющий смысл знаков текста! Об этом размышлял Б. В. Асафьев, вводя понятие переинтонирования [Асафьев, 1971].

Для осуществления любого перевода в искусстве необходимо, по-видимому, следующее:

– вера в наличие смысла, не сводимого к форме знаков языка и образованной этими знаками структуры;

– вера в наличие сущностной, а не конвенциональной, связи знака и смысла.

Данные положения не подвергались сомнению классической эстетикой, при этом особенно глубокие выводы были сделаны в эпоху романтизма. Признание чего-то общего, что присуще всем искусствам и что существует помимо материала, есть, по крайней мере, путь к возможности принципиального допущения перевода с языка (материала) одного искусства на язык другого.

«Нечто», существующее до воплощения в материале, логично назвать первообразом (или прообразом), обеспечивающим единство и целостность художественной формы и являющимся идеальным критерием ее конструкции. Учение о первообразе было представлено А. Ф. Лосевым в его «Диалектике художественной формы» [Лосев, 1995]. В соответствии с антиномическим методом философии Лосева, первообраз и воплощенный образ («смысловая предметность», или «эйдос») существуют «нераздельно и неслиянно»; первообраз предполагает полную, идеальную выраженность смысла, что, однако, невозможно, поскольку художественный смысл бесконечно глубок. Поэтому образ и зависим от первообраза, и независим от него, а первообраз существует и не существует для образа — точнее, он сам находится в становлении вместе со становлением художественной формы и дает принципиальную возможность ее творческих переводов. Данное понимание синтезирует классическую традицию с представлениями 20 века (от А. Бергсона до постмодернизма).

Литература

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. — 376 с.
2. Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение / Сост. А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1995. — 944 с.

3. Михайлов А. В. Обратный перевод / Сост. Д. Р. Петров и С. Ю. Хурумов. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 856 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

K. V. Zenkin. *Work of Music: Prototype, Realization, Translation*. This is an attempt to classify translation-like phenomena in music: arrangements, performer's interpretations and as the most interesting form — historical-cultural translation (change of meaning with the same sings), including “inverse translation” [Mikhailov, 2000]. The concept of translation is regarded in one row with concepts of realization and prototype, according to A Losev [Losev, 2000]. The prototype ensures the unity of the meaning of the work and so gives possibilities for its creative translation.

А. Л. Мирецкий, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ПЕРЕВОД СЛОВ В ЧИСЛА КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДТЕКСТА В ГРЕЧЕСКОМ ТЕКСТЕ АПОКАЛИПСИСА

CONVERTING OF WORDS TO NUMBERS AS A METHOD TO DISCOVER UNDERLYING MESSAGES IN THE GREEK TEXT OF REVELATION

In this paper is analyzed correlation between the numbers received by gematria (summation of numerical values of letters) of words in the Greek text of Rev. 19:11—21. Facts are introduced showing that such correlation indicates that the Rider on the horse is Jesus Christ, and that these verses tell about the same battle as in chapter 16 of Revelation. Attention is paid to multiple appearance of numbers 2013 and 5774 in such correlation, which probably indicates the time when the described events will happen (the year 2013 of the Common Era / the year 5774 of the Jewish Era).

1. Прием перевода слов в числа путем сложения числовых значений букв (гематрия), широко известный в тот период, когда в качестве цифр использовались буквы алфавита [Dornseiff, 1925, 91—118], упоминается в самом Апокалипсисе при указании на число, которое должно стоять за именем Антихриста (число 666). Наблюдения показывают, что роль гематрии в Апокалипсисе не ограничивается только этим указанием, что в греческом тексте Апокалипсиса числа, получаемые путем гематрии, могут находиться в значимых соотношениях, которые могут создавать определенный словочисловой подтекст, что можно показать на примере Апк. 19:11—21.

2. Если, например, мы определим, сложив числовые значения греческих букв, числа, стоящие за словами и сочетаниями Ønoma (*имя*), IÜgoV (*Слово*), qeÜV (*Бог*), $\text{pistÝV ka] !lhqinÜV}$ (*Верный и Истинный*), Pomjaĭa (*меч*), P%bdoV (*жезл*), $\text{Èm%tion bebamm̄ non aÊmati}$ (*одежда, обгаренная кровью*), $\text{diad}^1\text{mata poll\%}$ (*диадемы многие*) и $\text{kaq}^1\text{menoV } \text{©p] toæ Êppou}$ (*Сидящий на коне*), употребленными в данном тексте, то увидим, что при выполнении простейших арифметических действий — сложения и вычитания — с этими числами получаются числа, стоящие за словами и сочетаниями $\{\text{lhsoæV}$ (*Иисус*), $\{\text{lhsoæV CristÜV}$ (*Иисус Христос*), kärioV (*Господь*), $\text{kärioV \{lhsoæV}$, что можно интерпретировать как содержащееся в словочисловом подтексте этих стихов указание на то, что Сидящий на коне — это именно Иисус Христос, о чем в тексте прямо не говорится. Ср.: $231 (\text{Ønoma}) + 373 (\text{IÜgoV}) + 284 (\text{qeÜV}) = 888 (\{\text{lhsoæV})$; $1269 (\text{pistÝV ka] !lhqinÜV}) + 722 (\text{Pomjaĭa}) + 377 (\text{P%bdoV}) = 2368 (\{\text{lhsoæV CristÜV})$; $1108 (\text{Èm%tion bebamm̄ non aÊmati}) + 580 (\text{diad}^1\text{mata poll\%}) = 1688 (\text{kärioV \{lhsoæV})$; $1908 (\text{kaq}^1\text{menoV } \text{©p] toæ Êppou}) - 1108 (\text{Èm%tion bebamm̄ non aÊmati}) = 800 (\text{kärioV})$.

3. Таким же путем можно увидеть указание на то, что в данном тексте речь идет о той же битве, что и в главе 16 Апокалипсиса, поскольку, хотя название Armagedón (*Армагеддон*) встречается только там, оно присутствует в словочисловых соотношениях, связанных с 19:11—21. Так, например, вычтя из суммарного числа для слов qhrĭon (*зверь*) и $\text{yeudoproj}^1\text{thV}$ (*лжепророк*), т. е. числа 2692, суммарное число для $\text{Èm%tion bebamm̄ non aÊmati}$ и $\text{diad}^1\text{mata poll\%}$ (совпадающее с числом сочетания $\text{kärioV \{lhsoæV}$), т. е. число 1688, мы получим именно то число (1004), которое является числом слова Armagedón .

4. Обращает на себя внимание многократное (более 20 случаев) присутствие в словочисловых соотношениях, связанных с данным текстом, чисел 2013 и 5774. Так, например, число 2013 получается при сложении чисел слов jIÜx (*пламя*), pæŕ (*огонь*) и

dikaiosänh (справедливость), а число 5774 — при сложении чисел, стоящих за IÜgoV toæ qeoæ (Слово Бога), Pomjaĭa Öxe=a (меч острый), basile=V (цари), ÇscurÜi (сильные) и cili%rcoi (тысяченачальники). Возможно, что в таких соотношениях (см. аналогичные примеры из других глав Апокалипсиса, а также из других книг Нового Завета: [Мирецкий, 2006, 85—113]) содержится указание на время, когда произойдут описываемые события — 2013 год / 5774 год иудейской эры (совпадают эти годы в последней трети 2013 года), хотя осознанно сделать такое указание автор Апокалипсиса не мог, поскольку таких систем летосчисления в то время еще не существовало.

Литература

Dornseiff, 1925 — *Dornseiff F.* Das Alphabet in Mustik und Magie. Leipzig, 1925.

Мирецкий, 2006 — *Мирецкий А. Л.* Словочисловой подтекст в греческом тексте Нового Завета как загадочный феномен. СПб., 2006.

Мультимедийные средства в преподавании филологических дисциплин

М. В. Максимова, доцент, Северо-Восточный федеральный университет (Россия, Республика Саха (Якутия), Якутск)

ВИДЕО ПРЕЗЕНТАЦИИ ПО ТЕКСТУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Развитие новых технологий передачи знаний и информации влияет на систему образования, вызывая значительные изменения в методах обучения. Быстрое развитие компьютерных телекоммуникационных и информационных систем, средств мультимедиа также привело к появлению новых педагогических технологий.

Участие в XL Международной филологической конференции СПбГУ 14-19 марта 2011г. в секции «Мультимедийные средства в преподавании филологических дисциплин», которой руководит Ирина Владимировна Панасюк, стало для меня огромным позитивный толчком для профессионального роста и того, как можно использовать мультимедийные средства. [2, Максимова, 2012]

Презентационные работы студентов собираются и систематизируются силами студентов Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ — членов научного кружка «**Мир зарубежной литературы**», который посещает 24 студента. Кружок начал свою работу 5 февраля 2010 г.

Главным мероприятием, организацией которого занимается кружок, является **Неделя зарубежной литературы «Молодежь и классическая литература»**. [1, Максимова, 2011] Новым мероприятием недели 2011 стало проведение Международного научного семинара «Философия души и наследие: от античности к современности» по междисциплинарным гуманитарным исследованиям СВФУ с участием доктора филологии Орлина Стефанова (София, Болгария) [3, Максимова, 2012]

В процессе оценивания презентационных работ, стали привлекать внимания работы, где было больше исследования самого текста. Появились те, кто мог и хотел попробовать себя в этом деле. Всем студентам было предложено:

1. Выбрать художественное произведение. Текст должен быть небольшим и лаконичным, удобным для прочтения. Текст не сокращается, не интерпретируется, должен быть в авторской версии;

2. Найти соответствующие канве повествования изображения в Интернете или же самим нарисовать сюжеты;

3. Подобрать музыкальное сопровождение;

4. Отобрать в критической литературе материал по творчеству автора, основным вехам жизненного пути;

5. Подготовить высказывания, цитаты, крылатые выражения автора;

6. Найти по возможности оригинал произведения, тот язык, который использовал автор.

7. Приступить к работе в программе Power Point, Windows Movie Maker, Adobe Premiere.

Современные исследователи указывают на необходимость популяризации культурного наследия с помощью новых массовых и популярных жанров, отвечающих современным требованиям, где визуальная сторона несет такой же важный смысл, что и сам текст. В качестве подобного средства может быть использован т. н. «адаптивный перевод» или культурная реинтерпретация. Главная цель проекта: популяризация произведения путем использования комиксов как наиболее массового и доступного жанра современного искусства.

Сохраняется основная сюжетная линия и система персонажей. Подобная современная интерпретация мотивов, ориентирована на то, чтобы вызвать интерес и сопереживание у читателей (особенно молодежи, которой чужда в наше время жажда чтения) к прочтению различной учебной литературы. Главная задача проекта — сделать процесс обучения интересным и познавательным в одно и то же время.

Разработан проект комикса — «адаптивного перевода» или культурной реинтерпретации по басне Федра «Лиса и Ворон» Местниковой Ньюгруйааной, студенткой 2 курса ПО-10-202 ИЗФиР, СВФУ.

Таким образом, использование информационно-технических средств в процессе обучения благотворно влияет на усвоение материала. Занятия, проводимые с использованием мультимедиа-проектора, в силу своей наглядности, красочности и простоты, приносят наибольший эффект, который достигается повышенным психоэмоциональным фоном студентов при восприятии учебного материала. Оно формирует интерес к предмету и способствует развитию творческих способностей.

Литература:

1. Мир зарубежной литературы: Материалы читательской конференции «Герой в зеркале времени» 2009 и научно-практической конференции «Отражение литературного стиля в художественном произведении» 2010. Выпуск 1.- Якутск: Издательский дом СВФУ, 2011.-216 с. п. л.13,5, тираж 100 экз. Гл. редактор Максимова М. В.

2. Новый подход в преподавании зарубежной литературы с использованием мультимедийных средств. Мультимедийные средства в преподавании филологических дисциплин: Материалы секций XXXIX и XL Международных филологических конференций 15-20 марта 2010г., 14-19 марта 2011г. С-Петербург/ СПбГУ, Филол. ф-т., Отв. ред. И. В.Панасюк — СПб., 2012.- 52с. С.34-40

3. Философия души и наследие: от античности к современности /Философия в современном мире: Материалы I Международной научно-практической конференции(28 января 2012г.): Сборник научных трудов. Секция 4. Исторические портреты в философии.- М.: Издательство «Перо», 2012.-80 с., С.72-76

The main objective of the project "Comix based on the fables of Phaedrus" is to promote reading among the students. The Foreign Literature Club of North Eastern Federal University is engaged in further development of this project. In the future we plan to expand the project.

POPOVA Marina Vladimirovna, senior lecturer in The St.-Petersburg state university

Images in the distance textbooks: whether so the educational platform is necessary?

Images of our educational complex «Communications of young scientists speaking German», more than 1000 slides with collages and questions as cognitive problems are especially effective for heuristic abilities developing both of scientists and of any participant of communi-

cations. Our collection of images, creatively processed and supplied with specific tasks appears much more richly, rather than its analog in Internet-images able to be linked but requiring expansion. In the Blended Learning suit our image-tools more for face-to-face learning and then for their on-line/off-line discussions.

Попова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Образная информация в дистанционном обучении: так ли необходима учебная платформа?

В июне 2011 г. под эгидой Германского Общества Академических Обменов и Минюста РФ состоялся семинар по внедрению в учебный процесс отечественных вузов учебной платформы MOODLE для создания дистанционных учебных пособий и занятий по методике Blended Learning. На семинаре мы представили электронные ресурсы учебно-методического комплекса «Иноязычная коммуникация молодого ученого». Однако сочленимость его видеочастей с учебной платформой ставилась нами под сомнение по причинам, релевантным именно для секции «Мультимедийные средства в преподавании филологических дисциплин». Именно в наличии видеочастей заключается большое преимущество представленного нами учебного пособия. Наши вербальные электронные ресурсы (2 части пособия «Иноязычная коммуникация» в быту и в научной деятельности) как айс-берги имеют свое продолжение в 2-х соответствующих им видеочастях. А те в свою очередь, содержат несметное количество слайдов (приблизительно по 45 картинок к каждой из $100+100=200$ ситуаций реальной иноязычной коммуникации = итого около 1000 слайдов). Это уникальные коллажи, зачастую создававшиеся нами самими в рамках слайдов, причем с заданиями, которые пробуждают мыслительную деятельность и развивают креативные и эвристические способности. Этот уникальный материал собирался десятилетиями, и, как показала практика, его составляющие часто не находят аналогов в images Интернета, на которые можно было бы сослаться при наполнении учебной платформы. Сделать ссылки на аналогичные Internet-images мы можем, но обе видеочасти учебного комплекса были бы сильно обеднены по сравнению с нашей image-коллекцией, которая значительно более эффективна при дистанционном предъявлении ее вне платформы, а на сети компьютеров лаборатории и без излишней необходимости постоянного вызова ссылок, увеличения масштабов и улучшения качества картинок, которые представлены в Интернете в сжатом виде. Крайне важно также, что собранные, отсканированные и творчески обработанные видеоматериалы снабжены в наших слайдах вопросами, а по сути — мысли-

тельными задачами, обеспечивающими основное предназначение нашего учебника — развитие эвристических способностей, необходимых для иноязычной коммуникации любого выезжающего за рубеж, и особенно для научного творчества будущих ученых. Именно в отношении видеочастей нашего учебного пособия все вышесказанное дает нам основание ставить под вопрос целесообразность и необходимость их монтажа на учебной платформе. При этом очевидно, что обе вербальные части нашего учебного комплекса в принципе хорошо монтируются на учебной платформе MOODLE и вполне соответствуют философии MOODLE, так как они были задуманы и создавались по принципам дистанционного обучения и с учетом типовых учебных заданий, практикуемых на базе всех электронных учебных платформ. Это достаточно убедительно проиллюстрировано конкретными примерами заданий всех типов в нашей одноименной статье. Там же констатируется, что в целях безопасности учебной работы в Интернете учебная платформа MOODLE нам все же необходима. Именно в целях безопасности мы готовы переработать наш видеоматериал, сократив его в количественном плане, и оставив лишь наиболее ценное в качественном плане из того, что имеет аналог в images в Интернете и может быть присоединено ссылками. Но главное, что методика Blended Learning предполагает подходящую нам фазу учебной работы face-to-face, именно после которой имеет смысл работать на платформе MOODLE on-line и off-line.

**В. Б. Ребиков, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНОЙ ПЛАТФОРМЫ MOODLE В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Почти год кафедра немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета использует учебную платформу MOODLE. В эту систему можно перейти по ссылке с сайта кафедры немецкой филологии, а туда соответственно с сайта филологического факультета.

Слово MOODLE является аббревиатурой от Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment. Переводится это словосочетание как «Модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда». Существуют и другие варианты названия этой системы: «Free source e-learning software platform», «Course Management System», «Learning Management System (LMS)», «Virtual Learning Environment VLE»). Эти названия более короткие и подчеркивают какие-то определенные отличительные черты системы. Очень удачным представляется название со словом «платформа», т. к. на эту платформу

можно устанавливать определенные элементы. Что можно установить на эту платформу, мы и попытаемся рассмотреть в данном докладе.

В данный момент на кафедре немецкой филологии имеется электронный курс немецкого языка как первого иностранного языка, как второго, а также специальные курсы, например курс Теория текста. Всего сейчас в системе Moodle зарегистрировано 84 участника. В принципе, каждый преподаватель может иметь свой курс в электронной системе для курса лекции или для практических занятий.

Окно Moodle представляет собой три столбца, два крайних узкие отвечают за управление и информацию, а центральный столбец, — окно программы. Блоки в правом столбце выполняют функцию информирования: Календарь, Пользователи на сайте, Новостной форум, Наступающие события Последние действия Обмен сообщениями, Блоки. Блоки слева служат для управления курсом. В блоке Элементы курса приводятся средства (ресурсы) курса. Ресурсами могут быть: Пояснения, Текстовые страницы, Веб-страницы, ссылки на файл или веб-страницу, Ссылка на каталог.

В качестве ресурсов могут выступать, например, Текстовые файлы, Аудио-файлы в разных форматах, Изображения, Видео-файлы и Презентации.

Особое место среди элементов курса занимает пункт под названием Тест. В системе Moodle имеется несколько типов вопросов. Для преподавания иностранных языков подходят вопросы: Описание, Эссе, На соответствие, Embedded answer (вложенный ответ), В закрытой форме (множественный выбор). Короткий ответ, Вопрос открытого типа (Тьютор), Случайный вопрос на соответствие, Вопрос Верно/неверно.

Другим важным блоком является блок Люди, имеющий пункт Участники. Этот пункт позволяет преподавателю увидеть, когда любой участник данного курса входил в систему, что конкретно делал, сколько времени потратил. Возможно представление этих данных в виде таблиц или диаграмм. Так система позволяет контролировать самостоятельную работу студента даже дома.

В блоке Управление имеется блок Оценки. Moodle имеет достаточно мощную систему оценивания. Каждый элемент курса может быть оценен. Большинство из них оцениваются автоматически на основе установок и шкалы оценок, а другие могут быть оценены преподавателем только вручную (эссе). Могут быть представлены сводные таблицы оценок по всем тестам и на всю группу, или оценки по отдельным участникам группы. Указывается начало выполнения теста, время окончания выполнения, продолжительность, количество попыток с указанием даты и времени. Данные об оценках доступны участникам курса.

This article is devoted to the application of education management system MOODLE (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) in teaching German language.

Implementation of MOODLE allows to intensify and diversify students' activity both in class and at/from home. The system provides an opportunity to integrate text-, audio-, video-files and presentations into educational process. It helps to plan, organize and automatically control students' individual work.

KEY WORDS: education management system, intensification and diversification of teaching/learning, automated assessment system.

О. В. Шмырова, к. п.н., В. Д. Борщевецкая, к. п.н., Белоцерковский национальный аграрный университет (Украина)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДКАСТОВ ПРИ РАЗВИТИИ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ

Восприятие иноязычной речи на слух, т. е. аудирование, является сложным видом речевой деятельности. Обучению аудированию в методике преподавания иностранных языков всегда уделялось большое внимание. Для формирования умений и навыков аудирования необходима длительная речевая практика и методически правильная организация процесса обучения. До недавнего времени отсутствие у преподавателей и студентов постоянного доступа к звуковым аутентичным материалам сильно затрудняло развитие данного вида речевой деятельности. Но с распространением Интернета и с расширением его технологического и дидактического потенциала появляются широкие возможности более эффективно организовать работу по развитию аудитивных умений и навыков. По мнению Е. С. Полат [Полат, 2001] одной из дидактических функций Интернет-технологий является возможность создания при помощи подлинной языковой среды, что является наиболее эффективным средством обучения иностранному языку.

Рассматривая подкастинг как учебное средство П. Менг [Meng, 2005] выделил три его фазы, предоставляющие широкие возможности для вовлечения студентов в различные виды учебной деятельности. На этапе создания подкаста студенты могут взаимодействовать друг с другом, за счет чего развиваются их коммуникативные, организаторские умения, студенты учатся работать в команде, совместно решать поставленные задачи. Возможность публикации подкаста в Интернете и доступность его для широкой аудитории мотивирует студентов на создание более качественных эпизодов, заставляет их уделять больше внимания построению и оформлению речевого высказывания. Появляется также

возможность создания учебного электронного портфолио, при помощи которого преподаватели и студенты могут оценивать уровень развития необходимых учений и навыков.

К дидактическим свойствам подкастинга относятся звуковая природа, мультимедийность, эффективная организация звукового пространства и времени, интерактивность, простота использования и доступность.

С точки зрения развития аудирования подкастинг является источником и одновременно эффективным способом получения аутентичных материалов, обеспечивая при этом возможность работать с ними без подключения к Интернету. Объединяя в себе, таким образом, преимущества радио, Интернета, а также аудио и видео записей, подкастинг значительно расширяет возможности, как традиционного, так и дистанционного, и интегрированного обучения в контексте развития умений и навыков аудирования. Применение данного учебного средства позволяет оптимизировать и интенсифицировать учебный процесс, опираясь при этом на индивидуальные особенности, интересы и потребности учащихся. Кроме того, регулярно прослушивая подкасты, изучающие иностранный язык получают возможность познакомиться с речью носителя языка, адаптироваться к языковой среде.

Formation of listening skills and abilities needs long speech practice and correct methodic organization of teaching process. Due to spreading the Internet and broadening of it's technical and didactic potential broader opportunities of more effective ways to organize the work on formation listening skill and abilities are being appeared as with the help of the Internet technologies the teacher have opportunity to create real language environment. Podcasting as a teaching device gives broad opportunities to involve students in different kinds of studying activity.

Литература

1. Интернет в гуманитарном образовании: Учеб. пособие/Е. С. Полат. — М., 2001, 272 с.
2. Meng, J. (2005). Podcasting and Vodcasting: a white Paper. Режим доступа: [[http:// edmarketing. apple. com/adinstitute/wp-content/Missouri_Podcasting_White_Paper. pdf.](http://edmarketing.apple.com/adinstitute/wp-content/Missouri_Podcasting_White_Paper.pdf)]

Общее языкознание

Е. Н. Василенко, Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова
(Беларусь)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Коммуникативная стратегия убеждения является одной из основных стратегий политического дискурса. Рассмотрим на материале посланий президентов США парламенту «О положении союза» за 2001 — 2011 годы, каким образом грамматические категории времени и залога участвуют в реализации данной стратегии.

Категория времени используется для актуализации, в первую очередь, следующих тактик: сопоставительного анализа, иллюстрирования, указания на перспективу, обещания, призыва и кооперации.

Характерно, что в проанализированных текстах 99,2% от количества всех использованных временных форм (6086) составляет употребление пяти времен: Present, Past и Future Indefinite (58,8 %, 12,2 % и 11,5 % соответственно), Present Perfect (9,9 %) и Present Continuous (6,8 %). Эти данные подтверждают тот факт, что послания ориентированы на моделирование программы «от прошлого через настоящее к будущему» [Campbell, 2008, 46], причем наибольший акцент говорящий делает на настоящем, что можно объяснить непосредственной целью посланий — представить отчет о выполненных действиях, а значит, показать их результативность в данный момент.

Прагматический потенциал категории времени могут реализовывать как отдельные граммы времени, так и использованные в одном контексте разные временные формы. Так, употребление формы настоящего времени вместо будущего приближает описываемые события к реципиенту, а значит, делает их в его восприятии более значительными: *At stake is whether new jobs and industries **take** root in this country or somewhere else* (2011); использование формы будущего времени вместо модальных глаголов призвано подчеркнуть факт будущего осуществления предложенных говорящим мер: *So tonight we set a new goal: We **will double** our exports over the next 5 years, an increase that **will support** 2 million jobs in America* (2010); оппозиция прошедшего и настоящего времен может акцентировать связь происходящего в данный момент с событиями прошлого или указывать на радикальную смену обстановки: *To insist on integrity in American business, we **passed** tough reforms, and we **are holding** corporate criminals to account* (2003).

Категория залога. В проанализированных текстах 95 % от всех употребленных временных глагольных форм составляют формы активного залога, что говорит о стремлении говорящего сделать свое выступление более живым и динамичным.

Из 283 случаев употребления страдательного залога 16 % форм образовано при помощи модальных глаголов, которые апеллируют к чувствам и мнению адресата, что делает такого рода формы более личными для восприятия: *Evil is real, and it **must be opposed*** (2002).

Интересно, что в проанализированном материале только однажды встретилась форма так называемого имперсонала, которая особенно удобна для говорящего, если он хочет избежать упоминания субъекта действия. Во всех остальных случаях субъект либо легко восстанавливается из контекста (а), либо его упоминание излишне (б): а) *America and the world **will not be blackmailed*** (2003); б) *The abolition of slavery was only a dream until it was **fulfilled*** (2005).

Таким образом, использование страдательного залога в посланиях призвано, в первую очередь, помочь говорящему представить ситуацию более объективно и независимо, а не утаить нежелательную информацию.

Литература

1. Campbell, K. K. Presidents creating the presidency: deeds done in words / K. K. Campbell, K. H. Jamieson. — Chicago & London: Univ. of Chicago Press, 2008. — 443 p.
2. State of the Union Addresses of the Presidents of the United States [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>. — Date of access: 12.10.2011.

Summary

The article is devoted to the study of the communicative strategy of persuasion in political discourse. The author focuses on the role of the grammatical categories of tense and voice in the realization of the strategy mentioned. The article deals with the material of the State of the Union Addresses of the USA presidents to the Congress.

Е. Л. Вилинбахова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ВЫРАЖЕНИЙ В КАВЫЧКАХ И С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Выражения *в кавычках* и *с большой буквы*, а также *через запятую*, *в скобках*, *точка*, и др., называют метаязыковыми, т. к. они описывают орфографические и пунктуационные особенности оформления слов. Они заинтересовали исследователей не так давно: в [Козеренко, 2009] дан анализ идиом со словом *скобки*; в [Зализняк, 2007] соотношение «функции кавычек и метаязыковых выражений *в кавычках*, *братъ в кавычки* и т. п.» предлагается как вопрос для дальнейшего исследования.

С первого взгляда, такие выражения кажутся избыточными, т. к. дублируют соответствующие символы. В докладе на материале текстов из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и интернет-источников (далее — Интернет), я анализирую, насколько сходны семантика и прагматика выражений и графических символов; действительно ли эти выражения избыточны в случаях типа 1, 2.

(1) *А такая «гуманная» в кавычках система подготовки бойцов дзю-дзюцу, к сожалению, принята почти во всем мире. (НКРЯ)*

(2) *Имелось в виду моё Дело (с большой буквы), которое, как мне стало теперь ясно и, по-сыновьи, лестно, он вполне признавал (НКРЯ)*

Обращаясь к семантике выражений (*в кавычках* ‘не заслуживающий присвоенного ему названия, якобы таковой’; *с большой буквы* ‘высшей марки, настоящий, истинный, подлинный’), отмечу, что они выступают как модификаторы значения слов, подчёркивая их (не-)совпадение с эталоном, что соответствует лишь одному из многих значений кавычек и большой буквы.

У них есть антонимы: *без кавычек* ‘без иронии, соответствуя данному лицу, предмету или названию’; *с маленькой буквы* ‘обыкновенный, ничем не выдающийся’; возможна контаминация: *в кавычках и без (кавычек)*, *с большой буквы и с маленькой (буквы)* (3).

(3) *Ещё об одном моменте, затронутом и в твоём письме, и в некоторых других, и в здешних моих разговорах со всякими доброжелателями в кавычках и без кавычек (НКРЯ)*

Семантика выражений может быть усилена, что невозможно для графических знаков: в больших / гигантских кавычках; с очень большой / огромной буквы.

Прагматически выражения *в кавычках* и *с большой буквы* выражают авторскую оценку (факультативная функция для графических знаков). В кавычках меняет положительное качество на отрицательное (4), иногда типичное свойство на нетипичное.

(4) *Гениальным, в кавычках, шагом американских властей стал запрет на наркотики (НКРЯ)*

С большой буквы преобразует стандартную степень качества в максимальную, чаще с положительной оценкой (5).

(5) *Михаил — великолепный учитель. Педагог с большой буквы. (НКРЯ)*

Также выражение используется для языковой игры, основанной на совпадении первых букв объекта и атрибута (6) или использовании эвфемизма и начальной буквы не-литературного аналога (7).

(6) *Женщина с большой Ж (Интернет)*

(7) *Чудак с большой М (Интернет)*

Таким образом, семантика и прагматика выражений *в кавычках* и *с большой буквы*, и знаков — кавычек и большой буквы, не вполне тождественна. Тот факт, что каждое из выражений встречается в текстах и без графических знаков (см. 4), причём их отсутствие не влияет на смысл, доказывает, что избыточными в таких случаях являются именно графические знаки, а не выражения. Дополнительный аргумент — аналогия с выражениями *в квадрате* и *в кубе*.

Литература

Зализняк Анна А. Семантика кавычек // *Материалы международной конференции «Диалог 2007»*.

URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/29.htm>

Козеренко А. Д. Скобки в русских идиомах // *Материалы международной конференции «Диалог 2009»*.

URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/31.htm>

Elena L. Vilinbakhova, PhD, Saint Petersburg State University (Russia)

SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF RUSSIAN EXPRESSIONS *V KAVYCHKAX* ‘IN QUOTES’ AND *S BOLSHOY BUKVY* ‘WITH CAPITAL LETTER’

The paper deals with Russian expressions *v kavychkax* ‘in quotes’ and *s bolshoy bukvy* ‘with capital letter’. In texts, they often co-occur with corresponding punctuation / orthography mark and at first sight seem redundant. However, corpus study of these expressions shows that they have special semantic and pragmatic features, including the possibility of language game, and, in fact, it is punctuation / orthography mark that can be omitted in case of their co-occurrence.

AFFECTEDNESS — «СКРЫТАЯ» КАТЕГОРИЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ

В докладе рассматривается синтаксически значимая семантическая категория, в англоязычной литературе обозначаемая как *affectedness* и не имеющая общепринятого русского названия (приблизительно «страдательность», «пациентивность», «изменение под воздействием»). Она относится к числу так называемых «скрытых» (*covert*) категорий, т. е. не имеющих собственного показателя, но предопределяющих некоторые синтаксические правила и тенденции. Проблема выявления и исследования подобных категорий сложна, т. к. они могут проявляться различными способами и при этом нерегулярно — что вообще характерно для синтаксической семантики. Проявления таких категорий в разных языках могут не совпадать (хотя часто совпадают!), но есть основания предполагать, что сам набор, по-видимому, является всеобщим или близким к тому.

Affectedness традиционно связывается с прямым дополнением и рассматривается как его прототипическое значение. Очевидно, что синтаксическая семантика наиболее ярко проявляется в тех случаях, где возможен выбор из различных синтаксических способов для воплощения одной и той же денотативной ситуации (*The thieves robbed the money from the old lady/ The thieves robbed the old lady of her money*).

В гораздо большей степени, чем с прямым дополнением, это значение связано с различными пассивными конструкциями, что часто отмечается для английского языка. Д. Болинджер [Bolinger, 1978, 26] указывает на эту особенность пассива в противоположность конструкциям с топикализацией объекта: /a/ *George my friend ran into coming out of the subway*. /b/ *George was run into coming out of the subway*. В первом предложении речь может идти просто о случайной встрече, тогда как во втором речь идет, очевидно, о столкновении (“the subject is materially affected”). Тенденция к такому осмыслению особенно сильна для английских косвенных пассивов: так, *my hat has been sat upon* значило бы, что шляпа пострадала — “is adversely affected” («это на ней сказалось отрицательным образом»), тогда как *Someone sat on my hat* может этого не подразумевать [Davison, 1980, 55]. В ещё большей степени это значение присутствует в английских *get-passives*; некоторые авторы сближают их с т. н. *adversatives*, или *adversity passives* в ряде языков, и многие примеры соответствуют такой трактовке.

Это же значение может также выражаться в принципе неоднозначными (каузативы/адверсативы) структурами типа *He had his car stolen*, причем такого рода конструкции свойственны различным языкам.

Наконец, это одно из значений некоторых типов русских безличных предложений. Для синтаксиса в целом типично воспроизведение каузальной последовательности событий: исходным моментом для описания ситуации в нейтральном случае, как правило, является агент или причина. В безличных же конструкциях, наоборот, исходной точкой является человек или предмет, подвергшийся воздействию (буквально или метафорически — когда речь идет о внутренних ощущениях человека, психических или духовных процессах). Характерно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев.

Есть основания считать категорию *affectedness* одной из особо значимых для синтаксиса наряду с каузальностью и контролем — по крайней мере для тех языков, где есть подлежащее.

Литература

1. *Bolinger, D. Passive and Transitivity Again// Forum Linguisticum. 1980. Vol. 3. No. 1.*
2. *Davison, A. Peculiar Passives// Language. 1980. Vol.56. №1*

Affectedness and syntax. The paper deals with *affectedness*, a semantic category which underlies particular syntactic phenomena, determining syntactic rules and tendencies in various languages. In particular, is relevant for direct object selection, for *be-passives* and *get-passives* in English, for some types of impersonal sentences in Russian, etc.

Т. С. Остапенко, канд. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАВТОЛОГИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Тавтология (содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части) — это языковое явление, которое имеет неодинаковое осмысление в разных научных отраслях. С целью уточнения языкового статуса тавтологии был проведен анализ причин, по которым тавтологические выражения появляются в речи говорящего. В свете антропоцентрического подхода, который признается ведущим в современной науке о языке, подобная «фокусировка внимания» на фигуре говорящего представляется вполне правомерной. Данный анализ позволил выделить четыре основные причины, по которым говорящие употребляют тавтологии. Это дает возможность разделить тавтологии на четыре группы: 1) тавтологии «по инерции», 2) тавтологии

«по привычке», 3) тавтологии «по незнанию», 4) тавтологии «по интенции». Представим краткую характеристику указанных групп.

1. Тавтологии «по инерции» характеризуются случайностью употребления, причины их возникновения в речи носят психофизиологический характер: мысль строится не сразу, говорящий нередко без надобности повторяет то, что уже сказано. Чаще всего примеры подобных тавтологий встречаются в устной неподготовленной речи.

2. Тавтологии «по привычке» представляют собой устойчивые тавтологические выражения, избыточность которых либо не осознается (*делать дело*), либо служит целям экспрессии (*диво дивное*). Данные тавтологии используются говорящим по привычке, как своеобразные «остатки наивной болтливости старины» [Евгеньева, 1963].

3. Тавтологии «по незнанию» формируют группу речевых ошибок, порочных тавтологий. Они употребляются говорящими по причине незнания точного значения одного из компонентов тавтологического выражения. Значительную часть рассматриваемой группы образуют тавтологии с заимствованными словами (*бывший экс-чемпион, преискурент цен*).

4. Тавтологии «по интенции» употребляются говорящими с какой-либо определенной целью. Лингвисты уделяют особое внимание именно этим функционально-оправданным тавтологиям [Рахманкулова, 1984, Зайц, 2001]. В большинстве случаев при целенаправленном употреблении тавтологии «переосмысляются» в речи и не воспринимаются как избыточные и неинформативные. Способ переосмысления определяет характер прагматичности той или иной тавтологии.

Необходимо отметить, что границы представленных тавтологических групп не носят абсолютно закрытого характера: одно и то же тавтологическое выражение может быть использовано по разным причинам и соответственно должно быть отнесено к разным группам в зависимости от ситуации употребления.

Таким образом, причины, по которым тавтологии появляются в речи говорящего, представляются достаточно разнообразными, и это обязательно должно учитываться при определении семантических и прагматических параметров данного языкового явления.

Литература

1. Евгеньева, А. П. Очерки по языку устной русской поэзии в записях XVII-XX вв. [Текст] / А. П.Евгеньева. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 438с.
2. Зайц, О. А. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А.Зайц. — СПб., 2001. — 185с.

3. Рахманкулова, Л. К. Тавтологические конструкции в современном английском языке (функциональный аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. К.Рахманкулова. — Л., 1984. — 19с.

In this paper four principal causes of using the tautological expressions are studied. They are inertia (automatic tautologies), habit (dictionary tautologies), ignorance (tautologies through ignorance), intention (tautologies on purpose). The brief description of each of these groups is given.

Цветкова Т. М. к. ф.н. Московский городской педагогический университет (Россия)

ОБ ИНТЕНЦИЯХ В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

1. Понятие «категория», наряду с понятиями «единица» и «уровень языка», относится к важнейшим инструментам осмысления и описания языковых объектов, функционирования языка, самой природы языка, поэтому естественно постоянное внимание лингвистов как к традиционным лингвистическим категориям, так и обращение их к новым, отражающим развитие представлений о реальном функционировании языка, его роли в коммуникации, познании, культуре.

2. Со второй половины XX в. в центре внимания лингвистов оказались не только новые единицы (отмечается, например, «укрупнение объектов лингвистики»), но изменился и сам взгляд на объект и предмет языковедения, в связи с чем появились новые направления исследований: семантика, прагматика, теория речевых актов (ТРА), социолингвистика, функциональная стилистика, лингвистика текста, дискурс-анализ, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология и др.

3. В настоящее время в отечественном языкознании получили описание и теоретическое осмысление не только грамматические категории, но и «функционально-семантические поля» (А. В.Бондарко, «Теория функциональной грамматики», исследования типологов). идея которых восходит к «понятийным категориям» О. Есперсена и И. И.Мещанинова. Такой подход оказался весьма продуктивным не только для описания системы языка, но и для выделения новых, «нестандартных» категорий, например: «категория чуждости», «категория невольности действия».

Идея функционально-семантических категорий и соответствующих полей получила развитие в функциональной стилистике: М. Н.Кожина предложила понятие «функцио-

нально-семантико-стилистические категории» для научной речи, например: «логичность», «гипотетичность», «диалогичность», «акцентное выделение» и др.

4. Особая проблема возникает в связи с такими объектами современной лингвистики, как «текст», «дискурс», «речевой акт», которые непосредственно связаны с коммуникативной деятельностью. Изучение коммуникации также требует выявления категорий, наиболее адекватно отражающих природу данного объекта. Поскольку центральной категорией деятельности является «цель», важнейшей характеристикой акта коммуникации следует признать «интенции». Выделение «интенциональных категорий» В. Хартунг считает

целесообразным [В. Хартунг]. Выделив среди интенциональных предикатов «коммуникативные (отражающие разнообразие типов человеческого общения)», С. А. Крылов говорит о «понятийной категории коммуникативности» и о понятийных категориях внутри нее, таких, например, как: побудительность, интеррогативность, этикетность др., которые свойственны определенным типам глаголов-предикатов (*приказывать, спрашивать, извиняться*) [С. А. Крылов, с.417-418]. Интенцию, коммуникативное намерение говорящего обозначает понятие «иллокутивной силы», разработанное в ТРА.

6. Изучение интенциональности как лингвистической категории «коммуникативности», является, на наш взгляд, перспективным и для лингвистики текста, где были предложены новые типы категорий: когезия, когерентность, проспекция/ретроспекция, авторизация/ адресация и др. Однако как единица коммуникации принимается текст еще не получил должного описания.

Литература

Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики . Ч. 1.— М.: Восточная литература, 2004. — 479 с.

Хартунг В. Деятельностный подход в лингвистике: результаты, границы, перспективы // Общение. Текст. Высказываний. — М.: Наука, 1989. — С.41-55.

Tsvetkova T. M.

Intentions as a part of Linguistic Categories Class

During the last years the class of linguistic categories, including not only grammar categories but functional as well (Bondarko “Functional Theory Grammar”, typologies papers), was opened for new members: Galperin, Turaeva proposed to include text categories, Kozhina — stylistic categories, etc. There exist an idea to speak about intentions as categories too (Hartung). One of the

purpose of this paper is to support the idea of Krylov to speak about performatives as a communicative semantic category.

Цветкова Т. М.

“Text conjunctions” with “supporting thesis” meaning

The article considers means of phrase cohesion which connect phrases or two parts of a text where one part has the meaning of “thesis” and the other — of an “argument”: *Это доказывается тем, что..., Это подтверждается тем, что..., Это можно обосновать/мотивировать/аргументировать следующим образом..., Об этом свидетельствует то, что..., Это проявляется в том, что...* Semantics of conjunctions, peculiarities of two parts of constructions expressing basing are analyzed.

Н. А. Любимова, д. ф.н., проф. Санкт-Петербургский Государственный Университет (Россия), А. В.Швабская, соискатель, Санкт-Петербургский Государственный Университет (Россия)

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ ФИНСКОГО ЯЗЫКА: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Finnish language represents the length opposition of vowels and consonants independent neither of quantity peak (/V:/ ~ /VC/), as in Scandinavian languages, nor of word stress. Long segments are considered either as monophonemes opposed to corresponding short ones (paradigmatic interpretation), or as biphonemic combinations. Phonological status of length also may be considered in the context of moraic count as well as in terms of syngarmonism, that all in all complicates the problem.

В финском языке представлена количественная оппозиция гласных и согласных, реализующаяся вне зависимости от ударения. Долгота в финском фонологична и выполняет смысловозначительную функцию (tuli (огонь) — **tuuli** (ветер) — **tulli** (таможня)). Все гласные, а также большая часть согласных реализуются в краткой и долгой форме. Долгие звуки обозначаются на письме последовательностью двух одинаковых букв. В финском существует сингармонизм, выражающийся в правиле гармонии гласных по ряду (в одной основе могут быть гласные только переднего или заднего ряда). Долгие гласные могут чередоваться с краткими (**maa** — **maissa**) и, наоборот (**talo** — **taloon**), в случае образования

словоформ (в основе и флексиях), но также широко представлены случаи, когда они неразложимы при словоизменении (**tyyny** — **tyynyä** — **tyynyyn**); долгие согласные могут переходить в краткие (в основах и флексиях: **tappaa** — **tapan**) или чередоваться в основе (сильная и слабая ступени: **ymmärtää** — **ymmärrän**), но, также как и гласные, во многих случаях они неразложимы при словоизменении (**synnyttää** — **synnytän**).

Для финского языка характерен феномен внутреннего и внешнего сандхи, оформленного в виде геминаты. Начальный согласный последующего слова удваивается в непрерывной речи после слов определённого типа (**menek kotiin**). Внутри слова удвоение согласного происходит перед частицей или в композите перед следующей основой (**hernekk~~e~~itto**, **otappas**, **eläkelläinen**, **aavemmainen**). Данные из диалектов финского показывают подчас картину противоположную литературной норме: Ряд северных диалектов финского языка сохранили древнее явление, когда в последнем слоге вместо долгого гласного (в современной норме) возникает архаичная последовательность VC(=h)V, где согласный -h- со временем выпал (**kotiin/kotihin**).

Для других диалектов характерно возникновение геминат в тех позициях, где в норме только один согласный, в случаях, когда за согласным следует (или когда-то следовал) долгий гласный (**tuu mukkaan**).

В литературе (на финском, английском и русском языках) наблюдаются расхождения в терминах и отсутствует единая интерпретация статуса долгих в системе финского языка. Долгие гласные называются *сдвоенными*, *долгими монофтонгами*, *последовательностью двух одинаковых кратких*. Долгие согласные — *сдвоенными согласными*, *долгими монофтонгами* и *геминатами*. Данные противоречия спровоцированы разницей в подходах к описанию подобных явлений в языках с фонологической долготой. Долгие и краткие противопоставлены в системах многих языков, но эта оппозиция в каждом языке носит особый характер (например, в исландском, шведском, норвежском, фарерском языках действует принцип слогового равновесия, где ударные слоги всегда долгие). В финском языке неопределённость статуса долгих обусловлена тем, что случаи разложения их в основах и флексиях, равно как и сохранения долготы, представлены в одинаковой степени широко. Считается, что слоговая граница проходит по середине геминаты; долгие гласные в разных словах в одинаковой позиции могут разделяться или же не разделяться слоговой границей. При определении фонологического статуса долгих в финском языке как бифонемных сочетаний или же, как долгих монофтонгов, исследователи исходят из специфики различных фонологических подходов, что, при изначальной неоднозначности вышеобозначенных языковых явлений, осложняет описание сегментного уровня финского языка.

О. В. Ширяева, к. филол. н., Педагогический институт Южного федерального университета (Россия)

ПРОЦЕСС МЕТАФОРИЗАЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ

Специфика массмедийного дискурса в самых общих чертах определяется, с одной стороны, установкой на коммуникацию с массовым сознанием (сформированным набором ментально-языковых стереотипов), с другой стороны, четкой ориентацией на целевую аудиторию, т. е. на типологическое сегментирование коммуникантов. При анализе информационно-аналитического медиадискурса следует исходить из прагматической задачи данного типа дискурса — создания *модели* анализируемого и интерпретируемого социального, экономического, политического или культурного явления.

Метафора является одним из универсальных средств моделирования и выражения коннотативных оценок явлений. Установление ассоциативных связей между ними, как следствие, формирует определенную картину мира [Арутюнова, 1990, 9-23].

Как показывает материал исследования (заголовки текстов журнала «Эксперт», 2011), метафора используется авторами информационно-аналитических текстов с целью нарушить коммуникативные и стилевые ожидания: серьезный, тяготеющий к объективности текст аналитической статьи или аналитического интервью обрамляется неожиданной, нередко провоцирующей метафорой, контрастирующей с той строгой таксономией объектов, которая устанавливается в процессе развертывания основной части текста. Метафорический заголовок (например: *Прошлое держит за ноги; Перезапуск истории; О раскулачивании школы; Топором по истории; Мясо набивает цену*) призван привлечь внимание читателя, смоделировать неожиданные ассоциации. Если основной текст апеллирует к «знанию», заголовок, пользуясь определением Н. Д. Арутюновой, обращается к «воображению». На принципе композиционного контраста между метафорическим приемом в заголовке и аналитическим дискурсом основной части построены статьи журнала «Эксперт» и др. аналитических деловых изданий («Деньги», «Коммерсант», «Секрет фирмы»).

В качестве ключевых приемов метафоризации в проанализированных примерах можно назвать: 1) неодушевленное понятие одушевляется и наделяется семантикой действия; 2) отглагольное существительное, семантически связанное с технической терминологией, применяется к явлению гуманитарному — осуществляется перенос по сходству; 3) переосмысливается фразеологическая единица, литературный образ.

Таким образом, логика процесса метафоризации [Степанов, 1995, 34-73; Глазунова, 2000] в заголовках информационно-аналитических медиатекстов состоит в стимулировании читательского интереса, генерировании парадоксальных коннотаций, а контраст в

стилевой подаче «горячего» заголовка и «холодного» текста производит эффект коммуникативного драматизма. Данные особенности позволяют авторам аналитических СМИ создавать столь необходимую современному читателю, ожидающему от масс-медиа развлечения, ситуацию игровой вовлеченности в смыслообразование дискурса. Коммуникативный дисбаланс между объективирующей тенденцией дискурса основного текста и субъективирующей тенденцией заголовка, опирающегося на коннотативные ресурсы знака, реализуется в метафоре.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 9-23.
3. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. — М.: РГГУ. — 1995. -432 с. — С. 34-73.
4. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. — СПб.: Изд-во «Питер», 2000. — 190 с.

Abstract. The report deal with a metaphorization process in headings of information and analytical media texts. A research material — headings of texts of the business analytical magazine «Expert» (2011). The author presents a hypothesis about communication of a metaphorization of the name with a pragmatical problem of an information and analytical media discourse — formation of model of the economic, social, political, cultural event. Some types of a metaphors on the basis of which the conclusion about various strategy of heading and the main text (analytical vs subjective-figurative) which together generate model of the analyzed phenomenon are analyzed.

Полевая лингвистика

Н. В. Богданова-Бегларян, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

СКАЖЕМ ТАК... (МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОЙ РЕЧИ)

В работе предлагается проект одного из словарей на материале Звукового корпуса русского языка, в словник которого должны войти специфические *дискурсивные единицы* повседневной русской речи, представляющие собой, как правило, развернутые гезитаци-

онные конструкции. Уровень таких единиц (*речевых автоматизмов*) занимает промежуточное положение между неречевыми звуками (э-э, м-м) и значимой лексикой. Соответственно, и пополнение этого словника происходит двумя путями: от неречевых звуков и слов-паразитов («снизу»): *(не) это самое, вот (...) вот,* — и от значимых лексических единиц («сверху»): *(я) думаю что, (я) не знаю, (...) скажем (...), (ты) знаешь (...), собственно (говоря), в (на) самом деле, короче (говоря), боюсь что* и под.

Предметом настоящего доклада стали результаты детального описания одной из таких дискурсивных единиц, представленной в нашей речи большим количеством вариантов: *скажем, так скажем, скажем так, там скажем, скажем там, ну скажем* и проч. Источником материала для анализа стали два корпуса русского языка: Национальный (основной и устный подкорпусы) и Звуковой (сбалансированная аннотированная текстотека и блок «Один речевой день» — ОРД). Толковые словари фиксируют — на самой периферии глагольных значений — только форму *скажем* в значении вводного слова, синонимичного *например, к примеру*; грамматики относят ее к вводно-союзным конструкциям, которые выражают в тексте отношения перечисления, указывают на приемы и способы оформления мыслей, их связь и последовательность их изложения. Анализ материала показал, что глагольные употребления данной формы попросту единичны (от 0 до 7,5 % в разных видах речи):

- *давай скажем что для...* (ОРД);
- *Ну / скажем / что так...* (НКРЯ — устн.);
- *В защиту скажем лишь, что...* (НКРЯ — письм.).

Во всех видах речи однозначно преобладают употребления данной конструкции именно как дискурсивной единицы. На материале ОРД удалось обнаружить около десятка ее разновидностей, среди которых почти половина употреблений (40,5 %) приходится на форму *скажем так*, вообще не зафиксированную словарями. Удалось также выявить ряд конкретных функций, которые выполняет данная единица в нашей речи:

- **хезитативная:**
  - *по лицам определяю / а-а // потому что понимаете / в принципе значит как ? вот / скажем вот / п... что касается азиатов например;*
- **поисковая:**
  - *там сложная публика / скажем так;*
  - *некоторые маленькие // ну например даже х... / так скажем так / два на два;*
- **дискурсивная (направляющая и финальная):**
  - *она как-то называется / язык чего-то такое / (...) ну в общем короче / (м...м) каков наш / языковой день // так скажем / да ? вот мне дали такую штуковину / и я хожу / она на мне висит // все разговоры / записывает;*
  - *в общем (...) я и не волновался | выдавался(?) // скажем так;*
- **вводное слово — ‘например, к примеру’:**

- по моим / понятиям значит / я же не отличу **так скажем** / таджика от узбека что называется.

В большинстве случаев данная единица оказывается полифункциональной, и почти во всех случаях своего употребления — в той или иной степени hesitantивной.

Представляется, что словарная статья словаря дискурсивных единиц должна включать, как минимум, две зоны: семантическую и функциональную, а сам такой словарь может оказаться полезным не только специалистам по коллоквиалистике, но и переводчикам, а также преподавателям русского языка как иностранного.

Let's say... or Materials for Dictionary of Discursive Units of Russian Speech

By discursive units we mean hesitantive constructions which are very common in Russian speech. This report is dedicated to the Dictionary of Discursive Units (hesitantive constructions).

The research is based on actual realizations of one of such units: *скажем, так скажем, скажем так, там скажем, ну скажем* and so on. Basically all of them may be translated as *Let's say*. We analyze both quantitative characteristics and functional specificity of these units in Russian speech.

И. В. Королева, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ХАРАКТЕРИСТИКИ АКТИВНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ОРД)

Активность личности в речи проявляется в трех сферах — коммуникативной, поведенческой и познавательной.

В коммуникативной сфере активность проявляется через общительность. Общительность — это индивидуальная психодинамическая характеристика индивида, проявляющаяся в стремлении к общению с людьми, легкости, инициативности, устойчивости, разнообразии и широте круга общения [Крупнов, 2005]. Основопологающим в общительности является стремление к общению. Однако такое стремление еще не составляет общительность как черту характера. К динамическим качествам общительности относят: легкость/затруднительность; активность в общении с новыми людьми; потребность в общении; отсутствие застенчивости и др. характеристики [Ильина, 1961].

Тесную связь с динамическими характеристиками общительности обнаруживают эмоции радости, а эмоции гнева и страха коррелируют с данными признаками отрицательно. Полоролевые особенности реализации общительности у девушек и юношей [О. А. Тырнова, 1996].

Свойства личности и характеристики темперамента (подвижность/инертность), социальная экстра-интроверсия как характеристики активности личности рассматривались Eysenck H. J., Cattell R.

В каждом языковом сообществе есть средний, общепринятый темп, причем отклонения от этого среднего темпа может быть связано со многими факторами: с возрастом, полом, образованием говорящего, с его психотипом или его социальной ролью в данной коммуникативной ситуации.

Проверка именно этих гипотез осуществляется в настоящее время на материале записей спонтанной речи носителей русского языка, представленном в Звуковом корпусе русского языка (подкорпус «Один речевой день» — ОРД). Темп рассматривается как интегральная характеристика речи конкретного говорящего: один человек говорит быстрее, «тараторит», у другого речь замедленная, с длительными паузами.

Связь темпа речи с характеристиками активности говорящего рассматривается на материале звукового корпуса ОРД. Все дикторы разделяются по половозрастному признаку. В качестве психологических характеристик рассматриваются: высокая эмоциональная лабильность, широкий круг социальных контактов, потребность в общении/коммуникативный потенциал, доминирование, темперамент, социальная экстра-интроверсия.

The features of being active in speech (ORD)

The paper devotes to features of being active in speech considering gender of speakers and such psychological characteristics as high level of emotional instability, wide circle of social contacts, demand in intercommunication, domination, temperament, social extra-introversion in correlation with temp of speech.

Литература

Cattell R. B. and Eber H. W. «Handbook for the Sixteen Personality Factor Questionnaire» — Illinois, 1964 г.

Eysenck H. J. «The Structure of Human Personality» — London, 1971 г.

Ильина А. И. «Общительность и темперамент школьников» — Пермь, 1961 г.

Крупнов А. И. «К вопросу о классификации свойств личности и черт характера» // Личность в межвузовском пространстве: Материалы Межвузовской научной конференции. — М.: РУДН, 2005. С. 159-163.

Тырнова О. А. «Психологические различия в проявлениях общительности у юношей и девушек» //Афтореф. дисс. канд. психол. наук — Москва, 1996 г.

Мужчинка: семантические метаморфозы

Особый интерес для современной лингвистики представляют изменения, происходящие в лексике: многие единицы нашего лексикона, активно употребляющиеся в живой речи (максимально изменчивая, подвижная система), знакомые всем говорящим и признаваемые более или менее нормативными, не находят еще пока никакого отражения в языке (относительно стабильная система) и адекватной лексикографической фиксации. Современные словари, в том числе толковые, не соответствуют в полной мере существующей языковой (речевой) ситуации. Возникает необходимость создания специального словаря, что, в свою очередь, требует обращения непосредственно к устной спонтанной речи, поскольку именно она наиболее полно представляет состояние речи на настоящий момент.

Базой для настоящего исследования стал Звуковой корпус русского языка (проект «Один речевой день» — ОРД), разрабатываемый на филологическом факультете СПбГУ. Именно на этом материале предполагается создать словарь повседневной русской разговорной речи, работа над которым может осуществляться различными способами: либо через описание наиболее частотных единиц, что может вылиться в лексикографическое описание неречевых звуков или дискурсивных единиц, либо через анализ отдельных лексико-семантических групп (ЛСГ), что представляется значительно более плодотворным. Настоящее исследование выполняется в рамках второго направления, и в докладе представлены результаты анализа употребления в нашей повседневной речи лексемы *мужчинка* из ЛСГ наименований лиц женского и мужского пола:

- *ну как всегда у неё // достаёт классный телефон / тут ни с того ни с сего / начинает мне говорить / вот этот **мужчинка** / я уже не раз от неё такое слышала / она вот () рассказывала // да?*
- *этот **мужчинка** типа // а на () короче заслуженный (э) певец Украины // при том что () он в меня влюблен в меня / он меня любит вот // и я () его тоже люблю // ну и конечно ему сорок два года / и у него есть жена / семья // вот // поэтому () как бы я его люблю он меня так любит но нам никогда не быть вместе;*
- *я была / за **мужчинкой**.*

Установление значений и коннотаций данной лексемы в разговорной речи требовало обращения к ментальному лексикону носителей языка, под которым понимается словарный запас конкретной языковой личности, определяемый не только словарем родного языка говорящего, но и всем его жизненным опытом, всей совокупностью его знаний

об окружающей действительности. В ходе исследования анализировались случаи употребления лексемы *мужчинка* в Интернет-ресурсах, кроме того, был проведен электронный опрос, в котором носителям языка предлагалось дать определение данной лексеме (без обращения к контексту). Результаты эксперимента показали, что в разговорной речи существует несколько значений лексемы *мужчинка*, различающихся по тенденции употребления в мужской или женской речи:

- 1) наименование мужчины (*уничиж., пренебр.*);
- 2) собирательный образ «нового мужчины» (*жен.*);
- 3) маленький мальчик, который уже чем-то напоминает мужчину: поступками, внешним видом, суждениями;
- 4) любовник (*уменьш-ласк., жен.*); несерьезный соперник (*муж.*);
- 5) представитель сексуальных меньшинств (*нейтр., муж.*);
- 6) манерный мужчина.

Контексты ОРД вполне укладываются в этот набор значений, а весь исследованный материал позволяет создать своего рода лексикографическое эссе (словарную статью) для данной единицы.

The article represents a contrastive lexicographical study, which aim was to define trends of changes in functioning of linguistic units — men and women nominatons. Special attention is paid to lexical unit *мужчинка*. The analysis is based on the nominations of a person and includes material from Corpus of Spoken Russian "One Speech Day", which presents the unique linguistic material, allowing to perform fundamental research in many aspects: study of real spontaneous speech, phonetics and grammar of spoken language, psycholinguistics, communication studies, etc.

Поэтика классического и неклассического нарратива

К. Ю. Зубков, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственны университет (Россия)

СЮЖЕТ В РОМАНЕ И ТРАВЕЛОГЕ: «ОБЛОМОВ» И «ФРЕГАТ ПАЛЛАДА»

Доклад посвящен основным особенностям нарративной структуры романа И. А. Гончарова «Обломов», которые анализируются в сопоставлении с травелогом «Фрегат Паллада». В качестве базового понятия в работе используется термин «сюжет», трак-

туемый скорее в русле не работ русских формалистов, а исследования [Brooks, 1984], где под сюжетом имеется в виду и когерентная нарративная последовательность, и результат воли героя к поступку, которая и создает когерентность.

В соответствии с установившимися в нарратологии представлениями [напр., см.: Kermode, 1983, 55], типичный сюжет в литературе XIX века, по крайней мере, в дофлоревском романе, линейен и отражает веру в способность связного нарратива соответствовать социальной и, у большинства авторов, онтологической структуре реальности или, по меньшей мере, представлениям наиболее значимых героев об этой реальности. Именно таким представлениям и соответствует сюжет «Фрегата Паллады», построенный на сопоставлении двух потенциально бесконечных событийных рядов: с одной стороны, движения рассказчика, посещающего различные страны, с другой стороны, прогрессивного, хотя и не вполне линейного, развития цивилизации, постепенно подчиняющего себе все страны света [см.: Васильева, 2000, 44—149].

«Обломов», однако, деконструирует сюжетную структуру, предложенную в травелогге. В отличие от тяготеющего к кумулятивности (за исключением первого и последнего — английского и сибирского — эпизодов) сюжета «Фрегата Паллады», сюжет романа является в значительно большей степени целостным и связным, близок к аристотелевской модели сюжета, где конец предопределен уже началом. В жизни героя этому соответствует упоминаемое уже в первой части романа болезненное состояние героя, ведущее его к смерти. Именно смерть, неизбежный и абсолютный финал, ставит под сомнение цельность нарративной структуры.

В докладе анализируются метанарративные фрагменты гончаровского романа: спор Обломова с литератором Пенкиным, где осуждается «статичное», лишенное подлинной сюжетности изображение жизни, и письмо главного героя к Ольге, в котором постоянное использование сюжетных понятий (герой пишет о зарождении, развитии и неизбежном конце чувства) выражает ложные, надуманные чувства и мысли. Таким образом, описать героя не может ни бессюжетная, ни сюжетная литература, а потому если в первой части господствует именно статическое изображение жизни, а во второй и третьей — единая интрига, то в последней части романа нарратив, хотя и насыщенный событиями, не воспринимается как связный и цельный. Такая сюжетная структура мотивирована парадоксальной позицией главного героя: Обломов, как и типичный герой романа XIX века, реализует последовательную жизненную программу, нарушающую привычный миропорядок. Однако эта программа, в отличие, скажем, от тургеневского романа, состоит не в том, чтобы привести движение в статичный социум, а в том, чтобы прекратить движение, остановить бесконечное развитие цивилизации. Иными словами, герой Гончарова пытается-

ся противостоять неизбежному стремлению своей жизни к смерти, а романного сюжета — к финалу.

Литература

[Brooks, 1984] — *Brooks, Peter*. Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative. NY, 1984.

[Kermode, 1983] — *Kermode, Frank*. The Art of Telling. Essays on Fiction. Cambridge; Massachusetts, 1983.

[Васильева, 2000] — *Васильева С. А.* Человек и мир в творчестве И. А. Гончарова: Учебное пособие. Тверь, 2000.

The travelogue «Frigate Pallas» by I. A. Goncharov is based on a narrative structure which is often considered typical for nineteenth-century novel. It represents social structure in the form of coherent narration. But in the novel «Oblomov» this structure appears to be ineffective to represent the main character's existence. Analysis of the metanarrative episodes of the novel reveals that standart construction is not relevant in telling on the end of Oblomov's which coincides with the end of «Oblomov»'s plot.

К. С. Оверина, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

РАННИЙ ЧЕХОВ: К ВОПРОСУ О СЮЖЕТНОСТИ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рассматривая в своей книге раннюю прозу Чехова, А. П. Чудаков делает существенную оговорку: он исследует не все представленные в раннем творчестве рассказы, некоторые жанры он сознательно исключает из выстраиваемой статистики, по причине того, что они в позднем творчестве совершенно угасают, и процесс этого угасания должен описываться отдельно [Чудаков 1971]. В число таких «лишних», непродуктивных жанров входят подписи к рисункам, комические объявления, шуточные рекламы, календари, анекдоты (не развернутые в рассказ), «мелочишки» и т. д. Вполне естественно, что, изучая эволюцию чеховского повествования, исследователь не обращается к жанрам, которым не свойственно воспроизводить какую-либо историю, моделировать сюжет вообще — ибо повествование во многом связано с построением истории. Однако закономерно возникает вопрос о природе «бессюжетных» произведений, их повествовательных особенностях и значении для становления творческой системы Чехова.

Массовую литературу отличает особый тип сюжета, основанный на взаимоотношениях повествователя и читателя. Важным для таких элементарных образований формульной литературы, какими являются чеховские «мелочишки», можно считать неизменное постулирование двух субъектов — повествователя и читателя — и установление между ними игровых отношений. Игра эта заключается в постоянном расшатывании границ фиктивного и реального: то ли реальный автор принадлежит художественному миру, то ли совершенно абсурдный текст изображает эмпирический мир. В мелких юморесках этот прием подконтролен как повествователю, так и читателю, который при желании может оценить его вместе с другими остротами, содержащимися в конкретной «мелочишке».

Подобная активность повествователя, затягивающего читателя в фиктивный мир и одновременно обнажающего литературные приемы, сохраняется и в сюжетных текстах, где читателю, однако, уже сложнее следить за развертыванием игрового «сюжета». Примером может послужить рассказ 1880 года «За яблочки».

Данное предположение пока существует в виде гипотезы: необходимо более детальное исследование, чтобы говорить об универсальности наших построений для чеховского раннего творчества или рассматривать эти особенности текстов как характерные для формульной литературы как феномена. Однако что касается именно произведений Чехова, мы считаем данную точку зрения перспективной в виду того, что она помогает представить творчество писателя как единую систему — без исключения из нее «неперспективных», отвергнутых автором жанров. Кроме того, проявляющаяся уже в самых первых рассказах интенция повествователя оставить читателя в неопределенности, отказ от чистой оценочности хотя и в игровой форме позволяет наметить еще одну нить, которая могла бы связать два полюса вечного противопоставления: Антошу Чехонте и Антона Чехова.

Литература

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

K. S. Overina

Early Chekov's prose: on the question of mass texts' narrative constructions

The subject of this paper is the narrative features of Anton Chekhov's early prose. Mass literature texts represent a special type of a plot ("syuzhet"), which is a game dialog between a narrator and a reader. From this point of view we can see (and reconstruct) the evolution of Che-

khov's narrative system without excluding those texts, which do not contain an actual story, and this is what allows to find new aspects of connection between the early and late Chekhov's work.

Е. А. Филонов, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ПОВЕСТВОВАНИЕ Н. В. ГОГОЛЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Обширная традиция изучения гоголевского нарратива отразила основные этапы становления и развития современной теории повествования. В данном докладе этапные для формирования научного представления о поэтике гоголевского нарратива работы рассматриваются в контексте эволюции задач и методов изучения повествования.

В. В. Виноградов [Виноградов 1976] открывает два направления исследования гоголевского повествования. Это, во-первых, рассмотрение его как эволюционирующей системы; во-вторых, разработка проблемы взаимодействия сюжетного и нарративного уровней текстовой организации. Вторая задача реализуется В. В. Виноградовым в соответствии с таким пониманием нарративности, в рамках которого основной структурной особенностью повествовательного текста признается наличие опосредующей инстанции — повествователя.

Г. А. Гуковский [Гуковский 1959], анализируя сказовые тексты Гоголя, подходит к проблеме нарративных уровней: он описывает два коммуникативных плана — план рассказчика (и его адресата — слушателя или наивного читателя) и план, который, пользуясь современной терминологией, можно обозначить как уровень абстрактного автора и имплицитного читателя.

Вопрос о сюжетных функциях повествовательных приемов (в применении к гоголевскому творчеству) на новом теоретическом уровне ставится В. М. Марковичем [Маркович 1989]. Исследовательская установка В. В. Виноградова обогащается новым пониманием нарративности: предметом рассмотрения при анализе повествования становится не только субъектная, но и событийная организация текста — на двух уровнях (событие в повествуемом мире и событие повествования). В первом случае актуализируется предложенная Ю. М. Лотманом концепция события как «пересечения границы семантического поля», во втором случае концепция коммуникативного события, разрабатывавшаяся М. М. Бахтиным. Этот подход был системно применен к анализу гоголевского творчества М. Дроздой и С. В. Овечкиным.

При такой изученности материала актуальным направлением исследования остается описание повествования Гоголя как *эволюционирующей* системы. Эта задача требует выявления и описания логики изменений на каждом этапе движения системы, описания природы изменений и тех процессов, которые их подготавливают.

Почти все произведения Гоголя объединялись автором в некие крупные межтекстовые единства — сборники, циклы и т. д. Представляется возможным применить систему методологических установок, сложившуюся в работах В. М. Марковича, В. Шмида, М. Дрозды и др., к анализу этих межтекстовых единств, т. е. подойти к описанию взаимодействия нарративного и сюжетного уровней в масштабах сверхжанровой структуры — а не в рамках одного текста, как это уж делалось. Исследовательская задача при таком подходе может быть сформулирована следующим образом: проследить, как та или иная динамика на уровне наррации и ее презентации влияет на выстраивание «макрособытия», «макросюжета» (возникающего на уровне цикла, сборника и т. д.) и на выстраивание коммуникативного события (т. е. на выстраивание коммуникативных стратегий нарратива в масштабах межтекстового единства).

Литература

- Виноградов 1976 — Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976
Гуковский 1959 — Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959
Маркович 1989 — Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., 1989

E. A. Philonov. N. V. Gogol's narrative system: history and prospect of studies

The paper represents an attempt to use the analysis of Gogol's narration's studies tradition as a clue for finding out the evolution of academic description of narration principles: what the requirements of this description on one or another literary theory evolution stage were, what categories turned out to be actualized and so on. Besides, the article reveals the gaps existing in scholars' vision of Gogol's narrative system today and suggests the ways of further study on this issue.

Прикладная и математическая лингвистика

Е. Л. Алексеева, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)

ЕЩЕ РАЗ О ЗАГАДКЕ ХРИСТОФОРА

В 2008 г. в каталоге рукописных книг собрания М. П. Погодина в Российской национальной библиотеке наше внимание привлекла очень интересная загадка, скрывающая имя писца рукописи № 734 — житийного сборника, написанного в Кирилло-Белозерском монастыре в 1615 г. [Рукописные, 2004, 116-117]. Писец использовал счетную тайнопись, основанную на числовых значениях кириллических букв, но представил условие загадки очень необычным и поэтическим образом как описание города, окруженного стенами с башнями, пересеченного улицами и проулками, управляемого царем и боярами, охраняемого войском, состоящим из копейщиков и суличников. В загадке повторялись в виде сумм и произведений одни и те же числа: 10, 38, 1948 и 4706, и имелись две подсказки: стены города сложены из камня *хрисолифа*, а число дворян в подчинении у каждого из пяти бояр города кириллической цифирью записывается буквами *х, ф, т, с, р*. Само собой напрашивалось предположение, что загаданное имя — Христофоръ. Действительно: в нем 10 букв; если сложить числа, обозначенные этими буквами, в сумме получим 1948; если посчитать число букв, содержащихся в названиях букв, составляющих имя (хѣрь, рци, иже и т. д.), получаем 38. Не так легко оказалось проинтерпретировать число 4706: логично было, как и в случае с буквами имени, сложить числа, обозначенные тридцатью восемью буквами названий букв имени, но искомое число получалось, только если проигнорировать одно *о* в имени [Алексеева, 2011].

Пять рукописей Кирилло-Белозерского собрания 1604-1611 гг., как было обнаружено, написаны этим же писцом Христофором, причем в трех из них имя писца зашифровано, а в двух указано явно. Среди четырех загадок, включая рассмотренную выше, нет двух одинаковых, но при этом они демонстрируют ряд общих черт и последовательное развитие от 1604 к 1615 г., что позволило предположить, что писец Христофор и являлся их автором.

В 2011 г. в рукописном собрании Российской национальной библиотеки нам удалось обнаружить сборник, содержащий эту загадку вместе с разгадкой. Это рукопись № 1556 из собрания М. П. Погодина, написанная скорописью XVII в., она не датирована и не содержит никаких сведений о писце и о месте написания [Бычков, 1882, 114-116]. В сборни-

ке содержится несколько статей, посвященных историческим событиям 1637-1641 гг., что позволяет определить нижнюю границу времени написания рукописи, а интересующая нас загадка с разгадкой под названием *Притча мудрая* завершает сборник. Эта находка представляет большой интерес по двум причинам: во-первых, текст разгадки подтверждает правильность предложенного решения, во-вторых, возникает вопрос, был ли писец Христофор автором или он воспользовался известным текстом. В рукописи № 1556 текст загадки и разгадки явно носит вторичный характер, поскольку содержит немало ошибок в передаче чисел и нелепые замены слов. Текст загадки в рукописи № 734, напротив, характеризуется стройностью, логичностью и отсутствием ошибок. Учитывая также, что данная криптограмма является кульминацией серии загадок, можно предположение об авторстве Христофора считать верным.

Литература

Алексеева Е. Л. Тайнопись в нескольких рукописях Кирилло-Белозерского монастыря начала XVII в. // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. II. СПб: Пушкинский Дом, 2011. С. 319-325.

Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. Ч. 1. СПб, 1882.

Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 3. СПб, 2004.

A solution to a cryptogram concealing the scribe's name in a Church-Slavonic MS was published by the author in 2011. Recently a MS has been discovered reproducing the same cryptogram accompanied by the solution under the heading 'A wise parable'. The paper deals with the discovery and its implications.

О. Н. Гринбаум, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

МАТЕМАТИКА ГАРМОНИИ И БОРОДИНСКАЯ СТРОФА ЛЕРМОНТОВА

В докладе обсуждаются некоторые вопросы теории русского стиха, связанные с архитектурой Бородинской строфы Лермонтова. Эта строфа относится к разряду редких и уникальных строф прежде всего благодаря нечетному числу строк (семь), особой рифме и (главное) разному числу слогов в своих строках: пять строк строфы состоят из девяти слогов 4-стопного ямба, а третья и седьмая строки включают по шесть слогов 3-стопного ямба. Такая конструкция не позволяет изучать ритмику стиха традиционным (статистическим) методом на основе «профилей ударности». В противоположность традиционному, наш метод ритмико-гармонической точности не накладывает никаких ограничений на архитектуру стиха, именно этот метод и лежит в основе представленного в данной работе

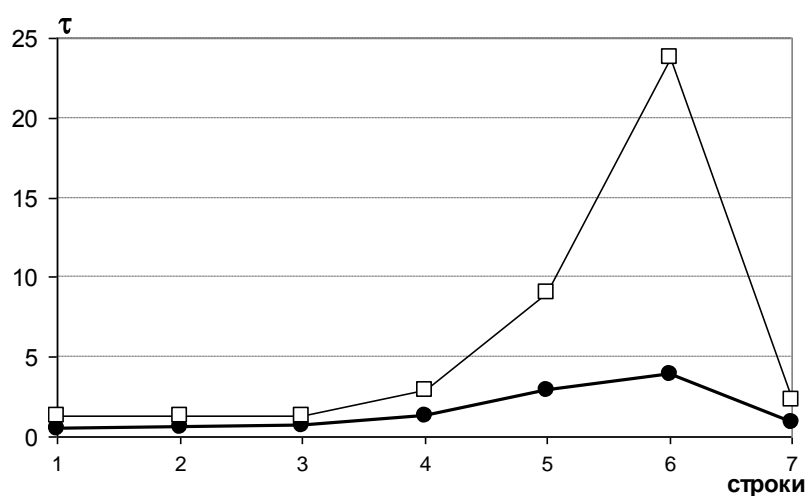

Рис. 1. Теоретические и фактические значения ритмической гармонии в Бородинской строфе Лермонтова

анализа структурной гармонии Бородинской строфы.

В работе представлен сопоставительный анализ ритмико-гармонического потенциала Бородинской строфы и фактических значений параметра ее ритмической гармонии (рис. 1, τ — ритмико-гармоническая точность стиха), а также приведены величины τ для ямбических и хорейческих 4-стиший и Онегинской строфы Пушкина.

Второй задачей явилось ритмико-смысловое изучение текста стихотворения «Бородино». Это стихотворение было напечатано в 1837 году и вместе со стихотворением «На смерть поэта» сразу выдвинуло Лермонтова на первые позиции среди лучших русских поэтов.

Основной результат работы заключается в том, что в структурно-гармоническом отношении Бородинская строфа не только получила подтверждение своему уникальному статусу, но и оказалась идеальной стиховой конструкцией для выражения смешанного возвышенно-нисходящего поэтического настроения: чувства воодушевления (в данном случае — патриотического подъема) с тут же следующим за ним чувством разочарования.

Наше исследование показало, что гениальное стихотворение Лермонтова «Бородино» не только выдерживает «поверку алгеброй гармонии», но и с позиции единого ритмо-смысла действительно оказывается в едином строю с лучшими произведениями первого поэта России — Пушкина.

Summary

The paper considers several issues of the Russian Verse Theory connected with the architectonics of Lermontov's Borodino strophe. This strophe represents a type of rare and unique strophes as it is characterized by the odd number of lines (seven), peculiar rhyme and mainly by the different number of syllables in its lines: five lines of the strophe include nine syllables of iambic tetrameter, while the third and the seventh include six syllables of iambic trimeter. The given structure doesn't allow the study of verse rhythmic with the help of traditional (statistical) methods. Unlike traditional approach, our method of rhythmic-harmonic precision doesn't impose any restrictions on the architectonics of verse, that's why it is this method that underlies the analysis of structural harmony of Borodino strophe given in this paper. The main result of our work consists in the fact that we managed to prove that in structural-harmonic aspect Borodino strophe has the status of the unique strophe, and more over, it turns out to be the perfect verse construction for the expression of mixed sublime-descending poetic mood: inspiration (in our case, patriotic rise) and the following disappointment. Our study shows that the great poem «Borodino» by Lermontov not only passes «the trial of harmony with algebra», but also from the point of view of the single rhythm-sense stands near the best works of the first Russian poet — Pushkin.

В. П. Захаров, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), И. В. Азарова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Базовые параметры специальных корпусов текстов¹³

Тезисы доклада

В статье рассматриваются базовые параметры корпуса текстов, предназначенного для специальных лингвистических целей. Описывается их варьирование и значимые отличия от общенациональных корпусов.

Современные лингвистические исследования уже невозможно представить без использования корпусов текстов, в частности, для русского языка без Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Универсальный характер НКРЯ, широкие хронологические рамки и и т. п. оказывается препятствием при выполнении специальных лингвистических задач. Идея специализации корпуса (в противоположность универсализации) как подстройки его параметров под определенную задачу была сформулирована в статьях А. С. Герда и В. П. Захарова [Герд, Захаров, 2004а] [Герд, Захаров, 2004б]. Однако до сих пор не было найдено систематического решения данной задачи.

В данной статье мы рассмотрим основные параметры специальных корпусов текста, возможности их варьирования и взаимосвязь с типами лингвистических задач.

Специальный корпус, в нашем понимании, «настроен» в каком-либо из своих параметров на конкретную лингвистическую задачу. Одной из наиболее типичных задач является автоматическое выделение терминов из текстов некоторой предметной области, для этой цели необходимо создать корпус текстов по заданной тематике. При этом трудно перечислимое множество тематических областей потребует столь же большого разнообразия корпусов текстов. Задачи настройки корпуса на определенную тему, формирование первоначального тематического эталона, его дальнейшее уточнение и возможность автоматического отбора текстов по созданному эталону обсуждаются в данной статье. Важно понять, какие параметры корпусов являются существенными, в какой степени их следует варьировать, какие инструменты необходимы для технологической и лингвистической поддержки такого варьирования.

Базовых параметры специальных корпусов:

---

13 Статья подготовлена в рамках работы по Темплану НИР СПбГУ (тема исследования "Модель интегрированного программно-лингвистического комплекса для создания специализированных корпусов русского языка")

1) количественная настройка объема корпуса на определенную тематику текстов, причем в качестве фильтра могут быть использованы такие характеристики текстов, как их тональность, жанровая структура и т. п.;

2) разновидность специфичности текстов определяет объем текстов, их авторское разнообразие для выявления общих или индивидуальных лингвистических структур;

3) совершенствование и обогащение разметки текстов, которая должна отвечать типу текстов и разнообразию решаемых задач;

4) совершенствование программного обеспечения для обработки входных и выходных потоков текстов корпусов.

Литература

Герд А. С., Захаров В. П. Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии // Корпусная лингвистика — 2004: Труды международной конференции (С.-Петербург, 11—14 октября 2004 г.). — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 122-130.

Герд А. С., Захаров В. П. Нерешенные вопросы Национального корпуса русского языка // Корпусная лингвистика — 2004: Тезисы докладов международной конференции (С.-Петербург, 11—14 октября 2004 г.). — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 27-29.

V. P. Zakharov, I. V. Azarova

Basic parameters of special text corpora

Abstract. The paper deals with basic parameters of text corpora constructed for particular linguistic tasks. The data types of special texts are scored and described through the perspective of corpus peculiarity in the contrast to national or universal corpora. These basic parameters are as follows: (1) the quantitative specification depending on text topics, polarity, etc; (2) the text homogeneity in relation to its length, authorship, authenticity, etc; (3) the corpus annotation in connection with potential data type specification; (4) the elaborated corpus software in respect to input/output texts flows.

О. А. Митрофанова, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), О. Н. Ляшевская, канд. филол. наук, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Россия), М. А. Грачкова, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), С. В. Романов, ЗАО «Интернет-Проекты» (Россия), А. С. Шиморина, Институт лингвистических исследований РАН (Россия), А. С. Шурыгина, Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

На пути к созданию каталога русских именных конструкций (на материале НКРЯ)¹⁴

Автоматическое построение каталога русских конструкций на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ, <http://www.ruscorpora.ru/>) — цель проекта, реализуемого коллективами НКРЯ и кафедры математической лингвистики СПбГУ.

Конструкция в нашем проекте трактуется как сочетание целевого слова и контекстных маркеров его значения, характеризующееся частотностью и устойчивостью. Данное определение конструкций согласуется с основными идеями Грамматики конструкций. Как контекстные маркеры рассматриваются теги, доступные в многоуровневой разметке контекстов НКРЯ: теги лемм (*lex* — лексема, которой принадлежит словоформа), морфологические теги (*gr* — грамматические признаки словоформ: частеречная принадлежность, значения грамматических категорий и т. д.), лексико-семантические теги (*sem* — признаки, указывающие на принадлежность слова к определенному лексико-семантическому классу, подробнее см.: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-sem.html>).

В данной статье обсуждается один из важнейших аспектов проекта, а именно, построение шаблонов именных конструкций на основе контекстных маркеров значений целевых слов.

Источником данных об именных конструкциях служат выборки контекстов из НКРЯ, крупнейшего русскоязычного корпуса с многоярусной разметкой. В центре внимания находятся (1) отдельные существительные из различных лексико-семантических групп: *дом, вид, орган, лук, глава...*; (2) целостные лексико-семантические группы существительных — названий инструментов (*бритва, веник, весло, карандаш, коса...*), обозначений речевых действий (*дискуссия, комплимент, обращение, обсуждение, ответ...*) и т. д.

---

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 10-06-00586-а) и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (проект FrameBank), а также проекта НИР «Модель интегрированного программно-лингвистического комплекса для создания специализированных корпусов русского языка».

Компьютерный инструмент выделения конструкций, разработанный на языке Python, работает в двух режимах: формирование классов контекстов, соотносимых с отдельными значениями целевого слова; генерация списков кандидатов в конструкции — наиболее частотных сочетаний, в которых реализуется то или иное значение целевого слова.

При анализе контекстных данных, полученных для инструментальных существительных, мы наблюдаем разнообразие конструкций с точки зрения сложности (двучленные, трехчленные и т. д.), степени устойчивости, морфосинтаксических свойств. Выявленные конструкции допускают обобщение до шаблонов, реализующих инструментальное значение. Ниже приведены примеры двучленных конструкций целевых слов, выражающих инструментальное значение **r:concr t:tool:instr:**

(1) A+S / S+A:

— тип инструмента: **r:rel der:s**: *механический, электрический* + БРИТВА и т. д.;

— сфера применения инструмента: **r:rel der:s dt:space**: *садовый* + НОЖНИЦЫ и т. д.;

(2) V+S / S+V:

— действия, производимые при помощи инструмента: ВЕНИК + **d:pref der:v | t:move ca:caus d:pref der:v**: *подметать* и т. д.;

— действия, производимые применительно к инструменту: ВЕСЛО + **d:root**: *бросать* и т. д.;

(3) S + S:

— совместно используемые инструменты: МЕТЛА + **r:concr t:tool:instr**: *лопата, швабра, щетка, веник* и т. д.

— части инструментов: **r:concr t:thing pt:residpart pc:X der:v**: *огрызок* + КАРАНДАШ и т. д.

В завершение осуществляется процедура верификации результатов: полученные списки конструкций сопоставляются со списками коллокаций, формируемыми на основе сервиса поиска биграмм С. А. Шарова (<http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>), с данными словарей МАС и БАС.

Лингвистические данные и программные средства, полученные в ходе работы над настоящим проектом, открывают возможность создания каталога русских конструкций, соотносимых с определенными значениями целевых слов.

Аннотация на английском языке

The paper presents experimental results on automatic construction identification performed on the Russian National Corpus (RNC). For this purpose we developed a toolbox which allows to extract and process co-occurrence data from RNC samples. Russian nouns are chosen as target words. By constructions we mean frequent word combinations which include a target word and frequent lexical-semantic tags — context marker of certain meanings of a target word, as well as frequent lemmas representing the given lexical-semantic tags. Extracted constructions are grouped according to their structure and content.

Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов России

О. В. Блинова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ПОНЯТИЙНОЙ ОБЛАСТИ «МИНОРИТАРНЫЕ ЯЗЫКИ»: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

В докладе речь идет о работе над Электронным терминологическим словарем понятийной области «Миноритарные языки» (ЭТС), ведущейся в рамках **гранта РГНФ № 11-34-00360а2**. Обсуждаются два ключевых этапа: 1. отбор и анализ терминов понятийной области, зафиксированных в существующих лексикографических источниках; 2. обработка коллекции текстов, относящихся к заявленной понятийной области.

Первая проблема, которую приходится решать, — это **определение объема предметной области** «миноритарные языки». Предлагается междисциплинарный подход к решению этого вопроса, поэтому учитывается и содержание словарей лингвистических терминов (как общелингвистических, так и специальных — в первую очередь словарей терминов социолингвистики и этнолингвистики), и содержание нелингвистических источников (словарей по этнологии и этнографии, этнодемографии, социологии, языковому законодательству). По тому же принципу собирается и текстовая коллекция.

На первом этапе формируется костяк словника ЭТС и база данных толкований терминов, которой можно пользоваться при дальнейшем формулировании толкований для ЭТС. В данный момент по результатам работы с лингвистическими словарями собран словник, состоящий из 799 позиций, сформирована база данных толкований терминов. Предстоит исключить из этого первоначального словника дублетные позиции. Эта работа связана с проблемой **терминологической вариантности**. В части случаев вариантный

термин будет помещаться рядом с заголовочным термином в скобках в качестве синонима.

Вопрос о включении в словник **авторских терминов** решается в пользу включения максимального количества позиций с указанием на авторство. Таким образом, на первом этапе работы выявляются термины, имеющие статус в составе специального метаязыка; формы их реального функционирования проверяются относительно употребления в корпусе специальных текстов (электронной коллекции).

Собранная коллекция текстов научных статей и монографий в данный момент состоит из 596 документов, объем документов в формате .doc составляет 2262017 словоупотреблений. В коллекцию вошли работы на русском языке, посвященные лингвистическому североведению, языковой политике, документированию малых языков, конструированию этничности и т. д. При **отборе элементов коллекции** учитывались авторитетность и дата выхода публикации. Так как нас интересует **актуальное состояние** терминосистемы понятийной области «миноритарные языки», в коллекцию включались публикации, вышедшие в последние 10 лет.

На следующем этапе тексты электронной коллекции будут объединены в единый файл и обработаны для загрузки в лемматизатор и программу, способную генерировать частотный список лемм, а также конкордансер. В результате мы получим набор контекстов употребления терминов и общее представление об узусе употребления однословных терминов. Кроме того, мы сможем извлечь из корпуса **новые термины**, не зафиксированные в имеющихся лексикографических источниках и пополнить ими словник ЭТС. Двусловные, трехсловные термины и терминологические сочетания выявляются в материалах электронной картотеки и картотеки, сформированной «вручную». Важно заметить, что решение вопроса о включении/невключении термина в ЭТС не будет производиться на основании **частоты** его употребления, так как понятно, что многие термины, имеющие прямое отношение к содержанию предметной области, (например *полуязычные носители* или *терминальные говорящие*), не являются частотными. Добавим, что организация **словарной статьи** ЭТС сознательно ориентирована на узус, так как включает **три контекста употребления термина**; контексты употребления терминов будут взяты из конкорданса.

TERMS OF A SUBJECT DOMAIN “MINORITY LANGUAGES”: CURRENT STATE

The paper discusses some issues related to creation of the «Electronic terminological dictionary of conceptual field “Minority languages”» (with support of the **Russian Humanitarian Scientific Foundation**, the project №11-34-00360a2). Two basic stages are considered: 1. selec-

tion and analysis of terms of the conceptual field fixed in existing lexicographic sources; 2. processing of a collection of the texts relating to declared domain.

Д. В. Габисова, ст. преподаватель, Владикавказский Институт управления (Россия)

ПРИЧАСТИЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ ЗНАЧЕНИЙ ЗАВИСИМОГО ТАКСИСА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

The article is devoted to the comparison of the semantic category of the dependent taxis in the Russian and Ossetian languages. It studies the field of the dependent taxis in Ossetian compared to Russian. The article ascertains the difference of the dependent taxis structure in Ossetian. Thus, participles in the Ossetian language refer to more distant periphery of the dependent taxis as they rarely act as attributes. There are no prepositional-case constructions (such as *while crossing...*, *while considering...*) in Ossetian which express the meaning of the dependent taxis. They correspond to adverbial participles.

Семантическая категория таксиса выделена сравнительно недавно [Р. Якобсон], однако временные отношения между действиями были предметом внимания учёных достаточно давно и в значительной степени исследованы лингвистами, занимающимися общими вопросами аспектологии, проблемой абсолютного и относительного времени, изучением причастий и деепричастий, наконец, исследованием различных синтаксических конструкций. Вместе с тем, выделение функционально-семантического поля таксиса означает новый этап в изучении временных соотношений между действиями, позволяет описать их более полно и адекватно.

Осетинский язык принадлежит к иранской группе индоевропейской семьи языков. Зависимый таксис в осетинском языке так же, как и в русском языке, представлен прежде всего конструкциями с деепричастиями и причастиями. Причастия в осетинском языке также относятся к периферии зависимого таксиса. Различные разряды причастий различаются употребительностью и специализацией на атрибутивной функции, поэтому они занимают разное место в поле зависимого таксиса. В большей степени атрибутивная функция характерна для причастий на *-d/-t* и причастий на *-æg*, в меньшей — для причастий на *-gæ* и для причастий будущего времени на *-inaġ*. В рамках полипредикативного комплекса причастия могут выражать различные таксисные значения, обусловленные их грамматическими особенностями.

Причастие в современном русском языке — это специфическая форма глагола, представляющая процесс, но не чистый, а осложнённый семантикой адъективности, и ха-

рактирующая грамматическими категориями вида, залога и непредикативного времени, а также рода, числа и падежа.

В осетинском языке причастие характеризуется теми же глагольными категориями (видом, временем, залогом), однако не имеет адъективных грамматических категорий: рода (в осетинском языке вообще нет категории рода), числа и падежа. Если в русском языке причастия отчетливо маркированы по залогоу, в большей степени, чем личные формы глагола (залог причастия определяется на уровне словоформы, так как на него указывают суффиксы причастий), то в осетинском языке залоговые значения в причастиях определяются переходностью-непереходностью производящей глагольной основы.

Одной из ярких особенностей осетинского языка в сопоставлении с русским является наличие в его системе причастий будущего времени. Эти причастия характеризуются модальным оттенком долженствования или целесообразности.

Структура поля зависимого таксиса в осетинском языке имеет некоторые отличия от русского языка. Так, для осетинского языка совершенно нехарактерен такой периферийный элемент зависимого таксиса, как предложно-падежные конструкции, очевидно, из-за отсутствия в осетинском языке предлогов. На осетинский язык предложно-падежные конструкции переводятся либо деепричастными конструкциями, либо конструкциями с инфинитивом (который в осетинском языке склоняется).

Литература

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетино-русский словарь. — М., 1950.
2. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. — Ч. 1. — Орджоникидзе, 1965.
3. Бондарко А. В. О таксисе (на материале русского языка) // Zeitschrift fur Slavistik, 1985. — Bd. 30. — №1.
4. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. — Владикавказ, 2006.
5. Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. — Л., 1983.
6. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. — М., 1972.

**В. Н. Денисов, к. филол. н., Удмуртский институт истории, языка и литературы
(Ижевск)**

О ПРОЕКТЕ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОМИ РСПУКБЛИКУ

В фондах старейших мировых Фонограммархивов в Вене и Берлине хранятся уникальные фонографические записи языка и фольклора финно-угорских народов, собранные австрийскими и немецкими исследователями во время I Мировой войны в 1915-1918гг. от военнопленных из Российской империи. Среди информантов оказались и представители пермских народов: *коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты*. Записями военнопленных в Германии занималась специально созданная Королевская Прусская Фонографическая комиссия, которую возглавил основатель Берлинского Фонограммархива Карл Штумпф. В Австрии инициатором и руководителем процесса записи военнопленных стали композитор Роберт Лах и его коллега, этнограф и антрополог Рудольф Пёх, которые тщательно расшифровали и описали большую часть фольклорных записей, а затем издали их в Вене и Лейпциге с 1917г. по 1940г. В 1926 году в отдельном сборнике вышло описание звуковых коллекций удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков [**Lach, 1926**].

Кроме записей, сделанных во время Первой мировой войны, в Берлинском Фонограммархиве обнаружены еще более ранние записи носителей пермских языков. Они были осуществлены немецким лингвистом и исследователем Робертом Пелисье, который в 1911-12 годах посетил с экспедицией Вятскую, Пермскую и Казанскую губернии Российской империи и с помощью фонографа зафиксировал удмуртский и коми-пермяцкий фольклорный и языковой материал [**Денисов, 2011**].

Несмотря на то, что в 1915-18гг. изначально языковые и фольклорные материалы пермских народов были записаны на восковые валики, а часть записей в Берлине — на граммофонные пластинки, сейчас они переведены в современный цифровой формат и вполне доступны исследователям. Но, к сожалению, все эти ценнейшие материалы мало известны российским ученым, поэтому не могут в полной мере использоваться для современных исследований.

Недавно совместными усилиями ученых и Представительства Коми Республики в С-Петербурге удалось заинтересовать власти этого региона историческими записями, которые хранятся в Вене и Берлине. Так, на 10 юбилейном съезде Коми народа (Коми Войтыр), проходившем в феврале этого года в Сыктывкаре, глава Республики Коми В. М. Гейзер объявил об официальной поддержке Проекта по возвращению записей коми на родину. В настоящее время идет подготовка планов Проекта и подбор участников для его реализации. Оказавшись на родине, исторические материалы почти столетней давности

должны занять достойное место в архивах научных учреждений и в дальнейшем стать основой для формирования **Электронного звукового архива** Коми Республики. Все эти мероприятия позволят в перспективе всем желающим получить доступ к уникальному звуковому наследию коми народа.

Литература:

Lach Robert. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs, Wien und Leipzig. 1926. (— 135 s.).

Денисов В. Н. Вклад немецких ученых в сохранение звукового наследия удмуртского народа. // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия. Сборник статей и материалов Международной научной конференции, посвященной 65-летию доктора филологических наук Атаманова М. Г. — Ижевск, 2011, с. 223 — 227.

Victor Denisov

On the project of return of cultural heritage to the Komi Republic

Historical sound recordings of the sound archives of Vienna and Berlin contain very rich linguistic and folklore materials of the Finno-Ugric peoples. They were collected during the First World war in prisoner-of-war camps on the German, Austrian and Hungarian territory. The historical sound recordings in the above mentioned sound archives could be very useful for Komi linguists, folklorists and musicologists as a basis for their scientific investigations. With the help of international scientific project they should be returned to the Komi Republic.

Г. В. Костина, к. филол. н., Петрозаводский государственный университет, Кольский филиал (Россия)

РУССКО-СААМСКИЙ БИЛИНГВИЗМ

Сложность проблемы билингвизма и её недостаточная изученность не дают единого понимания и толкования вопроса о том, что на самом деле представляет собой речь билингва.

Для У. Вайнрайха «Звуки, которые действительно произносит двуязычный, находятся как бы в ничейной полосе между двумя системами фонем». [Вайнрайх,1979,39].

По мнению В. Ю. Розенцвейга, переключение от одного языка к другому происходит только на глубинном уровне выражения смысла через систему соответствий. [Розенцвейг,1972,14]. Американский исследователь Р. Белл [Белл,1980] считает язык билингва своеобразным «интер-языком» и приравнивает его к конкурирующему с языками L_1 и L_2 вне зависимости от этапа его изучения. Совершенно противоположную точку зрения для ситуации изучения языка высказывает А. Е. Карлинский [Карлинский,1980], который приводит доводы, исключающие возможность существования третьей системы в речи билингва. Е. М. Верещагин вообще исключает возможность существования третьей системы в ситуации изучения билингвизма, мотивируя это тем, что «взаимодействие двух навыков не приводит к образованию третьего навыка» [Верещагин,1969,108]. Н. А. Любимова определяет фонетическую систему в речи билингва термином «промежуточные фонетические (в широком смысле) соответствия контактирующих языков» [Любимова,1988,20].

Наличие таких разных теоретических концепций в интерпретации проблем двуязычия, разный материал и методика исследования, разные условия взаимодействия языков способствуют возникновению различных типов фонетических систем двуязычия.

На территории Ловозерского района Мурманской области, существует стабильное функционирование кильдинского диалекта саамского языка и реальное русско-саамское двуязычие.

В настоящее время саамский язык используется главным образом как повседневный язык.

Дети саамов в Ловозерском районе приступают к изучению русского языка в начальной школе на уроках русского языка. Для многих из них характерен тип субординативного билингвизма, т. е. происходит усвоение русского языка в основном с опорой на L_1 , родной язык саамов. В нашем случае русско-саамского билингвизма при определении его как координативный вместе с тем имеет место и субординативность. Её проявление наблюдается, прежде всего, на фонетическом, стилистическом и далее на уровне грамматическом. Наблюдается свободное, но не полное владение языком. Такой вариант двуязычия следует отнести к координативно-субординативному, характеризующему некоторую промежуточную степень владения языком.

Литература

1. Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели. Методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 318 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев, 1979. С. 39.

3. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 108.
4. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Киев 1980. 48с.
5. Любимова Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 20.
6. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 14.

The complexity of bilingual problem and its insufficient study do not give the unity of views and interpretation of the question what in reality bilingual speech means. Availability of different theoretical conceptions, different material and investigation methods, various conditions of language interaction promote origin of different types of bilingual phonetic systems. All basic bilingual types are characterized by the degree of language understanding and knowledge. Russian-saami bilingualism is directly dependent on the degree of bilingual knowledge of native and studied language.

This article about the Tatar theatre, about its past and the present. History of the Tatar theatre I am conditional divided on 7 period: 1. Beginning of big history. 2. Theatre during October revolution and Civil war 3. Theatre 1920-1940. 4 Theatre in days of the Great Patriotic War. 5 Theatre during post-war time. 6. Theatre in 1970-2000. 7 Theatre today. Recently Tatar theatre noted the century. In article will be see short history of the Tatar theatre.

А. А. Хайруллина, аспирант, Академия наук Республики Татарстан (Россия)

Татарский театр: прошлое и настоящее.

Театр считается самым сильным средством влияния на человека, поскольку, видя происходящее на сцене, зритель ассоциирует себя с тем или иным персонажем и внутри него происходит изменения. **Начало большой истории.** За столетний период своего существования татарский драматический театр прошел большой и сложный путь. Татарский театр формировался и развивался под благотворным влиянием русской театральной культуры. Драма Габдрахмана Ильяси «Несчастливая девушка» (Бичара кыз) является первой ласточкой татарского театра. Первый публичный спектакль на татарском языке был сыгран в Казани 22 декабря 1906 года. С этого дня и берет свое начало история татарского профессионального театра. В организации первых спектаклей большую роль сыграла

часть шакирдов медресе. Им принадлежит инициатива организации первых домашних спектаклей впоследствии организовавших татарскую профессиональную труппу «Сайяр».[Гимранова Д. А 1999] **Театр во время Октябрьской революции и гражданской войны.** В годы гражданской войны и многие татарские артисты работали при войсковых частях на фронте и в запасных батальонах, выступая перед бойцами. В конце 1918 года в Казани возникла национальная советская драматическая студия, а в 1922 году — театральный техникум, который стал готовить профессиональных артистов для татарской сцены. **Театр 1920-1940 годах.** После Октябрьской революции перед татарским театром появились новые возможности для творческого роста. В это время театр рос и развивался под влиянием русской театральной культуры. В 1930 году театр участвует в Первой Олимпиаде театров народов СССР в Москве. Эта Олимпиада становится поистине культурным событием в жизни татарского театра. **Театр в годы Великой Отечественной войны.** Как и во все сферы жизни, жизнь театра с началом войны переживает переломный период. С началом войны театр активно обслуживает бойцов казанских госпиталей. Многие актеры уходят на фронт. Из спектаклей военного времени, созданных по произведениям татарских драматургов, выделяются “Хужа Насретдин”, “Марьям” Н. Исанбета и “Минникамал” М. Амира и др. Главными темами этих спектаклей является рассказ о трудности тыловой жизни. [Султанов З.] **Театр в послевоенное время.** В 1949 году в Казань приезжает группа талантливых выпускников татарской студии ГИТИСа. В 1957 году в Москве состоялась Декада татарской литературы и искусства. Татарский государственный Академический театр имени Г. Камала везет в Москву свои лучшие спектакли. На спектаклях Татарского академического театра имени Галиасгара Камала, не существовало отныне "языкового барьера" — театр начал вести постановки с параллельным переводом на русский язык и трансляцией через наушники. В 1970 году на гастролях в г. Москве театр получает высокую оценку ведущих театральных специалистов страны. **Театр в 1970-2000 года.** На рубеже 1980-90-х годов в театре происходит смена режиссерских поколений. Высокий уровень исполнительского искусства и постановочной культуры спектаклей позволил театру добиться успехов на многих театральных смотрах и фестивалях, среди которых “Науруз-2005” (г. Казань), “Истанбул-Простор-Театр” (г. Стамбул, Турция). В 1990-2000г. г. театр активно гастролирует по России, ближнему, дальнему зарубежью. [Илялова, 2002] **Театр сегодня.** Сегодня театр в жизни народа как и во все времена его существования играет особую роль. В Казани сегодня работает 2 театра, которые ставят постановки только на татарском языке: Татарский академический театр имени Галиаскара Камала и Татарский театр драмы и комедии имени Карима Тинчурина. Здесь ставятся спектакли на самые различные тематики, в разных направлениях: мелодрама, комедия,

музыкальные комедии, драма. В театре сегодня можно увидеть спектакли на такие темы как: тема семьи, любви, отношения отцов и детей, патриотические, спектакли отражающие историю татарского народа, спектакли на такие темы как наркомания, алкоголизм. Театр посещают люди разных наций и возраста, так как нет языкового барьера, потому что идет синхронный перевод на русский и английские языки. В 2006 году Татарский театр отметил свое столетие.

Литература

1. Гимранова Д. А. Актерское искусство в дореволюционном татарском театре / Д. А. Гимранова. — Казань, Таткнигоиздат. — 1999; 257 стр.
2. Илялова И. И, Актерское искусство современного татарского театра. / И. И. Илялова, -- Казань, Таткнигоиздат. — 2002; 192 стр.
3. Султанов З. Архив ИЯЛИ КФАН СССР, фонд 94, опись 1, ед. хр. 19.

Проблемы изучения русского стиха

В. А. Левицкий, асп., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

ПРОЯВЛЕНИЯ СТИХОТВОРНОГО ГЕНОТЕКСТА В СЕМИОЗИСЕ ГОРОДА

Длительный период художественное пространство трактуется как целостность. Но соотношение модели мира, принимаемой писателем, и строения сверхтекста, когнитивной и интертекстуальной структур, составляет проблему для ряда наук. Значимым видится её стиховедческое решение. К такому выводу располагает изученность образа метра, семантического (аффективного, эмфатического) ореола и т. п. С учётом указанных фактов уместно определить, как версификационный литературный текст включается в текст другого порядка, например пространственный. В данном случае взаимодополняются два вида семиозиса и способа смысловой преемственности: память метра и память места.

Оригинальный материал для интерпретации олицетворяет поэзия, написанная неклассическими размерами. Цель предложенного исследования — раскрыть статус формольника в киевском тексте русской поэзии XX — начала XXI вв. Предметом изучения является семантика ДкЗ-4.

Совершённая работа свидетельствует о задействовании *версификационного генотекста* в обозначении города. Этот термин толкуется как механизм ритмического моде-

лирования и сосредоточения языковой памяти локального текста. Генотекст предстаёт родовым понятием относительно семантических ореолов. К примеру, как абстракция высокого уровня он обобщает «ореолы-компоненты» ДкЗ с принятыми схемами 2 — 2, 1 — 2, 2 — 1, 1 — 1, 4 [Гаспаров, 2001, 147-148].

Генотекстом обеспечивается восприятие места и в отдельных жанрах, прежде всего в поэме. В подтверждение этого анализируются полиметрические произведения И. Юркова «Советская зима», «Меланхолическая поэма», «Юность» (общая часть Дк — около 35,82%); «Песня трёх апреляй...» Р. Немировского (16,7% Дк); сочинения Л. Киселёва «Первая любовь» (59,26% Дк) и С. Бондаренко «Ночной разговор с Европой...» (70,68% Дк). В них неклассический размер выполняет функцию формально-содержательной (речевой, сюжетной) и собственно содержательной (локальной, персонажной) дифференциации.

Так, Р. Немировский соотносит Дк с происшествиями, в большей мере закреплёнными за временем, чем за пространством: «Кутал прохожий нос в макинтош. // Лист // давал концерт для дождя! // (... Листа вышвыривал кто-то // под дождь, // в драму, // где первых любовников нет...)» [Немировский, 2000, 57] (размеры Дк4м, Дк4м, Д4м, Д4м). Поэма восходит к эпизоду приезда Ф. Листа, но образ музыканта причислен к природной жизни города. Концерт предназначается дождю, отождествлённому с памятью как круговоротом темпоральных отсылок. Мелодика дольника также ассоциируется с низиной: Ф. Лист выступал на Подоле.

И. Юрков аналогично размежёвывает локусы, прибегая к ДкЗ-4 для метонимического сопоставления дома с кухней.

Иным свойством Дк, наглядным в произведениях Р. Немировского и Л. Киселёва, является динамичность сцен: «Главный врач идёт по палатам... // В марлевой маске, строгий, и сзади // Свита его идёт...» [Киселёв, 2006, 72-73] (Дк4Ж, Дк4Ж, Дк3м).

Как можно заключить, в генотексте ДкЗ—4 утверждается ряд иконических элементов киевского текста (мотивы тяготения к дому, запечатления воспоминаний, размывания граней между «я» и Другим).

Литература

1. Гаспаров М. Русский стих начала XX века в комментариях. — М. : Фортуна-Лимитед, 2001. — 288 с.
2. Киселёв Л. ... всё на свете — только песня на украинском языке. — К. : Факт, 2006. — 264 с.
3. Немировский Р. Песня трёх апреляй // Дом с химерами. — К. : Факт, 2000. — С. 45—57.

The research analyses the ways of generalization of semantics in non-classical metres. As a result, the notion of genotext of a verse is defined and introduced into critical practice. Analogous term allows to make more exact interpretation of expressive haloes. The aim of proposed work is eliciting of metrical components in the structure of Kyiv text in Russian poetry. The material of the investigation includes lyrico-epic compositions by I. Yurkov, R. Nemirovsky, L. Kiselyov and S. Bondarenko.

Проблемы модерна и постмодерна

С. В. Балаева, к. филол. н., Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица (Россия)

РОМАН А. ЛЕРНЕТА-ХОЛЕНИЯ "ПИЛАТ" КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ АПОКРИФ

Литературный апокриф — это художественное произведение, повествующее о событиях Священной истории, при этом взаимодействующее с книгами Ветхого и Нового Заветов, но делающее акцент на творческом характере этого взаимодействия [Ротай, 2009].

Известный австрийский писатель Александр Лернет-Холения в 1967 году опубликовал книгу «Пилат» (Pilatus), дав ей собственное жанровое обозначение — комплекс (Ein Komplex). Роман состоит из трех частей, последняя из которых, «Приложение», не будучи частью повествования, содержит выдержки из нескольких нехудожественных текстов.

В обеих повествовательных частях романа герои пытаются ответить на вопрос, можно ли доказать существование Бога и был ли на самом деле распят Христос. Приложение формально фиксирует границы текста, но не границы книги, т. е., с одной стороны, оно находится внутри текста, а с другой стороны, ставит под вопрос текстовые границы [Mayer, 2005, 127].

В первой части романа, Донати рассказывает Бранису об «историческом» эксперименте, участником которого стал в юности. Речь идет о театральной импровизации истории Страстей Христовых. Этот якобы научный «эксперимент» строится вокруг одной «реальной» исторической фигуры — Понтия Пилата. За исключением Пилата и Иисуса Христа, другие герои Евангелий в действие не вводятся, потому что их существование поставлено под сомнение. В повествовании смешиваются три уровня времени и места.

Представляющий Пилата Донати как метадиегетический внутренний рассказчик металептически сам говорит за Пилата, что делает того почти реальным. Фигура Пилата

должна рассматриваться во взаимосвязи с переработкой Донати-Пилатом библейской истории, что ведет к концентрации на субъективно-фантастическом смысловом конструкте. Донати-Пилат отрицает реальность самого события суда и последующего распятия Христа. Здесь раскрывается апокрифическая составляющая романа — постулируется новая «правда», противостоящая канонической идеологии.

Во второй части, где читатель становится наблюдателем разговора между верховным судьей и кардиналом, проявляется модель католицизма как преимущества фантазии над нерелевантностью исторических фактов [Mayer, 2005, 248].

Идеологическая основа определяет аспекты сознания героев в произведениях Лернета-Холениа. Решающее значение имеет граница между внутренним и внешним, между «душой» и «реальностью». Соотношение между понятиями «реальный»=«внешний» vs. «нереальный»=«внутренний» превращается в «реальный»=«внутренний» vs. «нереальный»=«внешний» [Mayer, 2005, 56]. Так, писателю близка философская концепция Теодора Лессинга, который назвал культуру в широком смысле явлением доминирования «искусственного» начала над жизнью, началом «естественным» [Lessing, 1921, 11].

В «Пилате» под вопрос поставлены понятия вымысла и автора. Перед нами постмодернистский роман, автор которого ставит под вопрос канон, обманывает ожидания читателя и сомневается в рациональности и даже реальности бытия.

Литература

Lernet-Holenia A. Pilatus. Ein Komplex. Wien, 1967.

Lessing T. Die verfluchte Kultur. Muenchen, 1921.

Mayer F. Wunscherfuellungen. Erzaehlstrategien im Prosawerk Alexander Lernet-Holenias. Koeln, 2005.

Ротай С. В. Роман-апокриф как жанровая форма: методология и поэтика. Дисс. канд. филолог. наук. Краснодар, 2010.

The report covers the genre originality of the novel "Pilate" of the Austrian writer A. Lernet-Holenia. This novel belongs to the genre of literary apocrypha, in which author creatively handles a material of biblical books. In the novel there is the domination of constructions and "worlds", which actually are a part of characters, not of the surrounding world. The Austrian author mixes historic and pseudo-historic facts and declares, that the human imagination dominates the reality, according to Theodor Lessing's philosophy.

Г. Г. Ишимбаева, д. филол. н., Башкирский государственный университет (Россия)

ТРАГИКОМЕДИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ СТРАСТЕЙ: «ЖЕСТЯНОЙ БАРАБАН» ГЮНТЕРА ГРАССА

Искусство XX столетия развивалось в русле двух теологических в своей основе парадигм — авангардизма и тоталитаризма. И чувствительные тайны немецкого менталитета Гюнтер Грасс исследует в романе «Жестяной барабан» (1959) в процессе анализа авангардного и тоталитарного направлений в эстетике Германии первой половины прошлого века. Восприятие всех областей искусства в его различных формах на протяжении десятилетий писатель доверяет Оскару Мацерату, авангардному художнику, занятому изображением неизобразимого и выражающему коренные изменения в общественном и художественном сознании немцев.

Родившийся в сентябре 1924 года, Оскар Мацерат в 1952 году начинает музыкальное исследование, выражающее время сублимации трагических противоречий истории Германии в ее эстетике, и заканчивает его в год своего тридцатилетия. При помощи барабана он строит свою художественную картину мира — но не в меру законов красоты, ибо порвал с идеалами и правилами «изящных искусств». Он изображает через мировидение мировоззрение, дает слуховые образы философской мысли, создает их метафоры, моделирует немецкие историко-культурные коды, в юности категорически не приемля господствующей или навязываемой эстетики (касается ли это оперного искусства Р. Вагнера или массовых представлений и факельных шествий).

Искусство раннего Оскара Мацерата, художника-аутсайдера, отказавшегося как от сакральности тоталитарного искусства, так и от его художественных идеалов, не было идеологическим и не соответствовало политическим лозунгам эпохи, следовало эмоциям, отличалось созерцательностью и особой любовью к формалистическим изыскам, уходило от действительности в область трагической лирики и не отвечало требованиям национал-социалистических вождей.

Закономерным итогом его художественно-эстетических исканий становится открытие джаза. Но джаз, толкуемый идеологическим или прикладным образом (Клемм, Шму), Оскара Мацерата не интересует. Он тяготеет к другому искусству, чьим духовным отцом был Арнольд Шенберг.

Трагедия героя Гюнтера Грасса в том, что он делает ставку на массовую культуру. Попытка вписаться в шоу-бизнес ФРГ в качестве «Оскара-Барабанщика» закончилась катастрофой. Его жизненный и творческий крах запрограммирован эпохой установившегося экзистенциального похмелья в послевоенной Германии. Для последыша «югендстиля» и Шенберга после 1945 года наступает «нулевой градус» творчества, которому предшеству-

ет ирои-комическая эпопея творца, ставшего волей судеб натурщиком в Дюссельдорфской Академии художеств и изнутри изучившего то, что он назовет впоследствии «тупиковым направлением в искусстве» [Грасс, 1997, 530].

Но «тупиковым» оказывается и его собственный путь. Мистериальное и мифологизирующее реальность сознание Оскара Мацерата эпохи «сестры Доротеи» становится бидермайеровским — он разыгрывает в воображении целые фильмы в духе массовой культуры тех лет. Некогда свободный художник, аутсайдер и нонконформист, примиряется с примитивно-реалистическим, сентиментальным, проамериканским кино, с ориентирующей на СМИ индустрией культуры.

Трагикомедия эстетических страстей, переживаемых Оскаром Мацератом, потомком по прямой линии героев немецкой *Narrenliteratur*, обуславливает специфику его романного письма. Мир, встающий со страниц рукописи пациента клиники для душевнобольных, являет собой тотальный дадаистский коллаж, автором которого владеет экзистенциально-сюрреалистическое настроение.

Литература

Грасс Г. Жестяной барабан // Грасс Г. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. Харьков, 1997.

Ishimbaeva G. G.

TRAGICOMEDY OF ESTHETIC PASSIONS: “DIE BLECHTROMMEL” OF GÜNTER GRASS

The art of the XX century has been developing in its two paradigms — avant-gardism and totalitarianism. G. Grass studies the sentimental secrets of the German mentality in “Die Blechtrommel” in the analysis of the avant-garde and totalitarian trends in the esthetics of Germany in the first half of the XX century. The perception of the all spheres of art in its different forms throughout the decades the writer charges with O. Matzerath, an avant-garde artist who is busy with depicting the non-depictable and expressing the fundamental changes in the social and artistic consciousness of the Germans.

Психолингвистика

З. А. Игина, к. филол. н., Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя (Украина)

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО СИНТАКСИСА С ПОЗИЦИИ «ПОЛУШАРНЫХ ГРАММАТИК»

The article is dedicated to the hypothesis that prepositional objects with the locative meaning may be identified by analysing theme-rhematic complexes suggested by L. Sakharny.

Среди второстепенных членов предложения в английской грамматике выделяют элементы с пространственным значением — обстоятельство места и препозитивное дополнение. Более четкое понимание, чем является член предложения в конкретном случае, дает теория полушарных грамматик [Сахарный, 2009]. Согласно этой теории, мозг, кроме формально-логической обработки сообщения, оперирует симультанным представлением о нем, цельностью. Цельность содержит субцельности, состоящие из внутренних бытийных и маркирующих тема-рематических комплексов (ТРК), которые вводят и определяют предмет. Идея цельностей близка гипотезе о ментальных единицах [Караулов, 2010], в частности, картинах и схемах (наглядных образах и последовательностях действий).

Цель анализа фрагмента, размещенного ниже, заключается в объяснении, что выделенные члены предложения — дополнения с пространственным значением, а не обстоятельства места: My wallet. — You had it in the motel. You were holding it. It was in your hand. — Drive back to the motel. I must have left the wallet on the desk (N. Gaiman).

Ситуация предстает как цельность картины и схемы — образ потерянного кошелька и процедура поиска: добраться до конторки мотеля, взять кошелек, вернуться, отдать. В цельности выделяются субцельности: номинативные (wallet, motel/desk, hand, smb (I, you)) и связанные с действиями (having, driving for, leaving). Внутренние бытийные ТРК: есть кошелек/рука/возможность иметь/ехать. Внутренние маркирующие ТРК (smb was in the motel, smb has a hand, smb had a wallet, a wallet in the hand) группируются с бытийными (there is/was smb/smth) (рис.1).

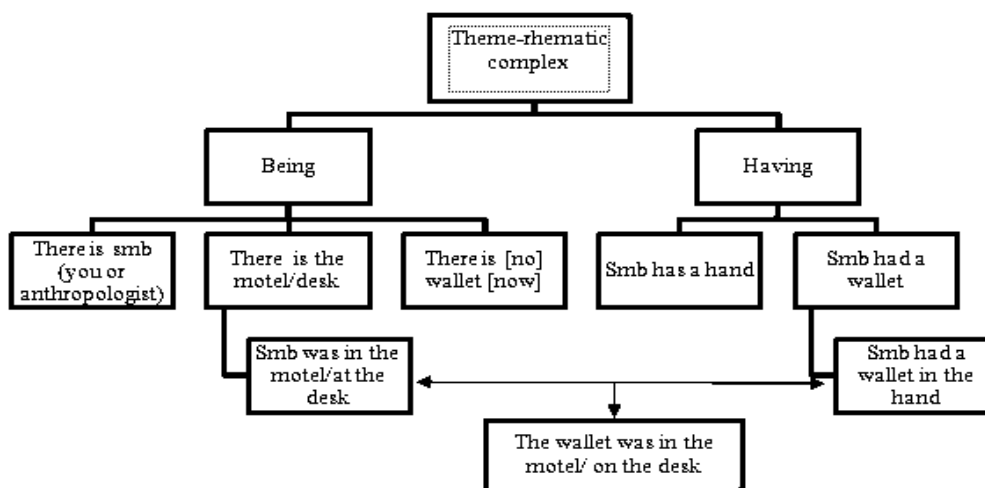

Рис.1

Внутренние ТРК, связывающие кошелек и рассказчика: бытийные (there is smb, there is the motel); маркирующие: smb can drive, can drive to the motel. Вербализация ТРК реализуется группировкой внутренних ТРК в локализованные в актуальном тексте внешние ТРК с минимальными актуальными предикативными структурами (МАПС): бытийной или бытийной и маркирующими. Предложение “You had it in the motel” состоит из эксплицитной бытийной МАПС (you) и маркирующих: had, had it, had it in the motel. Бытийная МАПС во внешнем ТРК объединяется с маркирующими в структуры куста и цепочки. «Куст» включает бытийную и маркирующие, в «цепочке» каждая следующая МАПС определяет маркирующую. Бытийная МАПС (you) в предложении “You were holding it” определяется, в частности, маркирующей (it), а в предложении “It was in your hand” уже “it” маркируется другими МАПС (was; in your hand).

«Картина» опирается на визуальное воспоминание (мужчина у конторки с кошельком в руке), «схема» касается будущего (поиск). Центральный элемент «картины» — кошелек, «схема» — процесс поиска. ТРК с бытийной МАПС «кошелек» моделируется для воспроизведения «картины» в структуре с тремя маркирующими: the wallet was in the motel (1) at the administrator's desk (2) in the hand (3). Для прогнозирования деталей «схемы» можно воспользоваться моделью цепочки, где каждая МАПС маркирует предшествующую: тема (подчеркнуто) является частью ремы (выделено) предыдущего предложения — drive back to the motel → motel has a desk → the desk is the place for the wallet. В трансформированной в «схему» «картине» «кошелек» уступает образам, приобретающим значение именно как объекты, а не места, т. е. выделенные члены предложения являются препозитивными дополнениями.

Литература

1. Сахарный Л. В. Человек и текст // Нейропсихоллингвистика. — М., 2009. — С. 158—201.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: ЛКИ, 2010. — 264 с.

О. В. Нагель, к. ф.н., Томский государственный университет (Россия)

ВЫЯВЛЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ДЕРИВАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА: ДИЗАЙН ЭКСПЕРИМЕНТА

Целью данного исследования является разработка гипотетической когнитивной модели деривационного порождения и восприятия производных знаков на примере словообразовательных типов синкретичной семантики.

Данные дериваты рождаются как ответ на активизацию разных структур сознания. Человек категоризирует объект действительности на основе определенных признаков, соотносит его с нормативной шкалой, реагирует на нормативное отклонение. Результатом объективации является сложная организация словообразовательного значения синкретичного производного, которая представлена полипропозициональной структурой и оформлена модальными планами. Например, основную пропозицию производного имени может представлять предикат, выраженный глаголом действия, зависимая пропозиция отражает факт отклонения от нормы: **работяга** — «тот, кто работает; больше нормы», при этом: (S2) полагает, что (S1) характеризуется (P), при этом $P=N$ ($M1=0$), но S1 характеризуется P всегда, часто, имеет склонность, любит и, следовательно, $P'>N$ ($M2qn$) и делает это хорошо/плохо ($M2ql$) => и это вызывает реакцию (M3): (S2 — субъект оценки, S1—объект оценки, P— предикат характеризующего суждения, N — социальная норма, P'— преобразованный предикат в процессе словообразовательного акта, M1 — модус оценки, содержащийся в семантике производящей единицы, M2 — модус оценки, перенесенный от мотивирующей единицы в процессе словообразовательного механизма, M3 — эмотивный модус как реакция на модус оценки M2, ql-определяет качественное отклонение, qn-определяет количественное отклонение) [Нагель, 2005].

В данной работе предлагается создание и проведение эксперимента, направленного на выявление особенностей восприятия производного слова синкретичной семантики в контекстном функционировании. Эксперимент проводится на оборудовании для видеоокулографии SMI RED 500, с использованием программного обеспечения Experimental Suite 3.0.

Планируется выявить влияние контекстной позиции и коммуникативной функции деривата на восприятие и обработку производного имени. При этом учитываются следующие языковые условия для стимулов:

1. **Занимаемое положение в предложении (начало, середина, конец):**

Весельчак от природы, бывший капитан дальнего плавания поддерживал боевой дух тюремной камеры. Посмотрите его ранние газетные стихи: так, еще один газетный писака, что годами обивают пороги редакций. Рубахин шёл уже самым быстрым ходом, но и тот был бегун.

2. **Выполнение коммуникативной функции:**

Функция предиката. Актуализация предикативного компонента.

Она была лакомка, Маша, и всегда умела найти в поле, на лугу, в лесу что-нибудь съедобное и вкусное.

Актуализация эмотивного модуса.

Э, Давыдов, да ты ловкач! У тебя губа не дура, — засмеялся Куженков.

Актуализация субъектного компонента.

— Подумаешь! Ничего такого в ней и нет. — Толстушка рыжая и вообще...

Функция денотата. Актуализация субъектного компонента.

Со стула позади колонок поднялся толстяк с красным от загара лицом и такими же красными руками и пошел к ним навстречу.

Актуализация предикативного компонента и модусных смыслов.

Какой-то босяк, выгнанный из гимназии.

Таким образом, формируется гипотеза о том, что процесс восприятия целевого слова в контексте характеризуется множественностью выхода, что дает основание на моделирование и проведение экспериментов, направленных на выявление особенностей восприятия производного имени при изменении условий его контекстного окружения.

Литература

Нагель О. В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (функционально-когнитивный аспект): Дисс. ... канд. филол. наук. — Томск, 2005. — 224 с.

Psychophysiological basis of derivational process: experiment design

The research presents a design of experiment using eye-tracker SMI RED 500 and Experimental Suite 3.0 to reveal peculiarities of perception of the Russian derivatives of syncretic nature. The derivatives under analysis are characterized by poly-propositional semantics and re-

quire specific attention of a reader. The experiment is aimed at establishment of correlation between textual position of the derivatives and their perception.

Н. И. Налётова, к. филол. н., Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «ОХОТА НА СНАРКА»)

Феномен игры находится в фокусе внимания современной науки. Игра определяется как действие, протекающее в определенных границах времени, пространства и смысла, по добровольно принятым правилам, вне сферы полезности или необходимости, и это действие приводит к радости и нередко вызывает смех [Цикушева, 2009]. Феномен игры освещается в различных аспектах: как один из компонентов культуры (например, работы М. М. Бахтина, И. Хёйзинги, М. М. Эпштейна), как инструмент социального (работы Э. Берна, Л. С. Выготского, Ж. Пиаже) и психологического (работы К. Бюлера, Д. Морено, З. Фрейда) развития личности, а также как определенного рода стратегия в математике и математической логике. В общей теории игры особое место отведено «языковой игре», содержанием которой является закодированная, вербально выраженная информация.

Языковой игрой называется нетрадиционное, неканоническое использование языка, «творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [Норман, 2006].

Однако сколь бы ни было много написано работ, языковая игра по-прежнему остается не до конца изученной, да и вряд ли в этом вопросе вообще можно поставить точку. Тем более интересно обратиться к творчеству одного из родоначальников языковой игры в литературе — Льюиса Кэрролла — и к его поэме «The Hunting of the Snark».

Отличительной чертой поэмы является ориентированность автора на намеренное моделирование семантических, лексических, синтаксических, словообразовательных, прагматических аномалий.

«The Hunting of the Snark» разделена на 8 разделов, каждый из которых именуется *fit*. В самом этом названии — игра слов, основанная на явлении омонимии: устаревшее слово *fitt*, означающее «часть песни», и *fit* — «судороги».

Языковая игра реализуется и в том, что имена всех персонажей поэмы, собравшихся для поездки, начинаются с буквы **B**: Bellman (Беллмен, глашатай, человек с колоколом), Butcher (Мясник), Banker (Банкир), Bonnet maker (Шляпник), Barrister (Адвокат), Broker (Брокер), Beaver (Бобер), Baker (Булочник, Пекарь), Boots (Коридорный, Слуга), Billiard-

Marker (бильярдный маэстро), Woolum (Буджум). Всего — 9 человек и бобер. Они именуют себя «crew» (экипаж).

В имени объекта охоты — моделирование семантических и словообразовательных аномалий: сложение английских слов snake «змея» и shark «акула», snarl «рычать» и bark «лаять». Имя Снарка у англоязычных людей вызывает представление и об улитке (snail), и еще о ловушке, западне (snare), или о спутанном клубке (snarl) и о корабле (bark).

Само путешествие тоже игра. Охотники переплывают море по карте Балабона — чистому куску бумаги — и прибывают в странную землю. Высадка на берег необычна: руководитель экспедиции за волосы переносит свою команду с корабля на берег, причём делает это с нежностью.

Числа составляют существенный элемент поэмы: в ней 8 «воплей», 9 человек и бобер отправляются на поиски Снарка. Герои повторяют свои реплики несколько раз, что намеренно подчеркивает автор. Посчитано и количество вещей, которые взяли с собой в дорогу охотники. Вероятно, числа призваны упорядочить ту действительность, которая создается в поэме.

Каждая строка поэмы отточена, как бритва: ловкие рифмы, грамматически верно построенные предложения [Кружков, 2000].

Литература

1. Кружков Г. М. Книга NONсенса. Английская поэзия абсурда. М., 2000.
2. Норманн Б. Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.
3. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Рос. гос. пед ун-та им. А. Н. Герцена. СПб., 2009. №12 (90). С. 169-171.

Annotation

The report is devoted to the phenomenon of language game. Modern science is now focused on this phenomenon. The recognized master of game Lewis Carroll intentionally modelled semantic, lexical, syntactic, word-formation, pragmatical anomalies in his works. It is worthwhile to reveal such anomalies and define their functions in «The Hunting of the Snark». Language game is in the name of the sections of the poem (a pun on *fit*, meaning a part of a song, and *fit*, meaning a seizure or convulsion), in the characters' names (all of them begin with the letter **B**), in the name of the object of hunting — the Snark. Numbers are destined to put in order the reality which is created in the poem.

Н. А. Слюсарь, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), А. А. Малько, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

СОГЛАСОВАНИЕ В МЕНТАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В психолингвистической литературе уделяется большое внимание так называемым согласовательным ошибкам с интерференцией [Bock, Miller 1991; Franck et al. 2006; Hartsuiker et al. 2003; Vigliocco et al. 1995]. Они были исследованы в целом ряде языков. В отличие от ошибок без интерференции, они часто встречаются в разговорной речи и в письменных текстах, а также могут быть спровоцированы в экспериментальных условиях. Классический пример из английского языка — *the key to the cabinets were rusty* (дословно, «ключ к кабинеты были ржавые»). Практически все предыдущие работы исследовали ошибки в категории числа и выявили многие грамматические и семантические факторы, влияющие на их частотность, что проливает свет на принципы работы ментальной грамматики. В частности, было отмечено, что зависимые существительные в мн. ч. провоцируют намного больше ошибок, чем в ед. ч., в связи с чем говорят об эффекте маркированности мн. ч.

Статья [Badecker, Kuminiak 2007] впервые обращается к категории рода. Авторы предлагали испытуемым сочетания вроде *pohár na čaj* (дословно, «стакан под чай») или *pohár na mlieko* (дословно, «стакан под молоко») и просили их составить предложения в прош. вр., используя эти сочетания как подлежащие¹⁵. Результаты их первого эксперимента представлены в Таблицах 1 и 2. Во втором эксперименте они также сравнили существительные ср. и ж. р. Авторы пришли к выводам, что (1) женский род маркирован по отношению к мужскому и среднему (провоцирует больше ошибок), а (2) мужской — по отношению к среднему. В данной работе мы повторили первый эксперимент на материале русского языка. Первый вывод, сделанный в [Badecker, Kuminiak 2007], подтвердился, а второй — нет. Планируются дальнейшие эксперименты.

Ошибки	Словацкий	Русский
с интерференцией	47 из 768	разница статист. значима

¹⁵ В словацком, как и в русском, глаголы согласуются по роду только в формах ед. ч. прош. вр. Зависимые существительные в Вин. п. совпадали по форме с Им. п. - известно, что только в этом случае возникает много ошибок.

без нее	5 из 768	значима	13 из 720	(критерий χ^2 , $p < 0,001$)
---------	----------	---------	-----------	------------------------------------

Табл. 1. Количество согласовательных ошибок в экспериментальных предложениях

Род главно-ного слова	Род зависимо-го слова	Словацкий		Русский	
мужской	средний	5 из 192	разница статист. значима	12 из 180	разница незначима
средний	мужской	17 из 192		19 из 180	
мужской	женский	18 из 192	разница статист. значима	22 из 180	разница статист. значима (критерий χ^2 , $p = 0,045$)
женский	мужской	7 из 192		11 из 180	

Табл. 2. Количество согласовательных ошибок с интерференцией в разных условиях

Литература

- Badecker, W., & Kuminiak, F. (2007). Morphology, agreement and working memory retrieval in sentence production. *Journal of Memory and Language*, 56, 65-85.
- Bock, J. K., & Miller, C. A. (1991). Broken agreement. *Cognitive Psychology*, 23, 45-93.
- Franck, J., Lassi, G., Frauenfelder, U., & Rizzi, L. (2006). Agreement and movement: A syntactic analysis of attraction. *Cognition*, 101, 173-216.
- Hartsuiker, R., Schriefers, H., Bock, K., & Kikstra, G. (2003). Morphophonological influences on the construction of subject-verb agreement. *Memory and Cognition*, 31, 1316-1326.
- Vigliocco, G., Butterworth, B., & Semenza, C. (1995). Constructing subject-verb agreement in speech. *Journal of Memory and Language*, 34, 186-215.

Agreement attraction errors in various languages (like *the key to the cabinets were rusty*) received a lot of attention in the last two decades. Various grammatical and semantic factors affecting their frequency were examined, which sheds light on the workings of the mental grammar. However, almost all studies focused on number agreement. We report an experiment looking at gender agreement in Russian. It allows checking and revising some of the conclusions made in the previous studies.

Н. А. Слюсарь, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), А. М. Пунченко, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ВАРИАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: КАК НОСИТЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА ОЦЕНИВАЮТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНИЯМИ

В данной работе исследуются некоторые особенности восприятия анафорических зависимостей в русском языке. В серии экспериментов мы попросили 30 носителей языка, проживающих в Санкт-Петербурге и Пскове, оценить несколько десятков предложений по десятибалльной шкале на предмет их грамматической приемлемости в определенных интерпретациях. В результате обнаружилось, что ответы участников сильно отличаются друг от друга, по-разному отклоняясь от литературной нормы (см. также [Slioussar 2011]). Это представляется интересным, так как обычно отклонения от нормы образуют систему, которая ей противопоставлена (скажем, «литературная норма — просторечие» или «литературная норма — диалектная норма») и различия между носителями ограничиваются тем, *насколько* они отклоняются от нормы. Здесь же мы имеем дело с большим разнообразием индивидуальных грамматических систем. Вариация такого рода встречается очень редко, системных описаний и анализа подобных материалов практически не проводилось (см. [Dąbrowska 2010; Street, Dąbrowska 2010]).

Опросники включали (а) предложения, содержащие именные группы в Им. п. и в Вин. п. и глагол и имеющие порядки слов SVO, OVS, OSV, SOV; (б) предложения, содержащие именные группы в Им. п. и в Дат. п. и глагол с теми же порядками слов; (в) некоторые другие предложения. В предложениях были слова *свой*, *его* и *их* и использовались различные квантифицирующие выражения. Например, «Отличники любят своих учителей», «Своих учителей любит каждый отличник», «Каждый отличник нравится своим учителям» и т. д.

Ответы разных участников очень отличались. Иногда одно и то же предложение оценивалось одним участником как абсолютно приемлемое, а другим — как невозможное с грамматической точки зрения. Проанализировав ответы, мы пришли к выводу, что на оценку высказываний в каждом отдельном случае влияло индивидуальное сочетание семантических, контекстных и синтаксических факторов. Вот некоторые из них:

1. Предложения, имеющие прямой порядок слов, зачастую оценивались выше, чем предложения с измененным порядком слов. Эта тенденция частично снималась после добавления контекста.

2. Предложения, в которых притяжательное местоимение предшествовало антецеденту, оценивались ниже. Эта тенденция частично снималась после добавления контрастирующего контекста.

3. Предложения с порядком слов OSV получали низкие оценки. При этом при введении контекста, задающего глагол как рему, или слова «очень» перед глаголом оценки повышались.

В рамках исследования запланирована еще одна серия экспериментов, которая позволит накопить большее количество данных и проследить закономерности индивидуальных грамматических систем.

Литература

Dąbrowska, E. (2010). Naive vs. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments. *The Linguistic Review*, 27, 1-23.

Slioussar, N. (2011). Russian and the EPP requirement in the Tense domain. *Lingua*, 121, 2048-2068.

Street, J., & E. Dąbrowska (2010). More individual differences in Language Attainment: How much do adult native speakers of English know about passives and quantifiers? *Lingua*, 120, 2080-2094.

Many authors from different frameworks agree that modern linguistics should be anthropocentric. This presupposes a special interest in individual grammatical systems. We conducted several questionnaires where native speakers coming from St. Petersburg and Pskov were asked to evaluate various Russian sentences with possessive pronouns. The results show a great variety of individual patterns that cannot be reduced to the more or less strict adherence to the literary norm. We identify several factors that may be responsible for this diversity by playing different roles in different speakers' grammars.

Русская эмиграция в славянских странах

Л. Г.Барсова, д. культур., профессор Санкт-Петербургской Академии театрального искусства (Россия)

ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. БЕЛЬСКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ И БЕЛГРАДЕ

В. И.Бельский (1866-1946) окончил Петербургский университет по двум факультетам (естественному и юридическому), затем специализировался в Германии по политической экономии и статистике и был удостоен в 1897 г. степени магистра. Параллельно он изучал историю, литературу, фольклор славянских народов, языки и наречия (вместе с европейскими владел 14-ю языками). С начала 1890-х гг. он все более увлекается музыкой, в частности, творчеством Н. А.Римского-Корсакова (1844-1908). Он посещает музыкальные собрания в его доме, беседует с ним и покоряет его объемом своих знаний. В 1895 г. композитор предлагает Бельскому стать соавтором либретто оперы «Садко», далее — автором либретто опер «Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», «Золотой петушок», а также «Стенька Разин», «Навзикая» и др. Именно в Бельском он нашел идеального союзника: они совместно обсуждали не только многочисленные источники сюжетов опер и тексты, но и процесс создания музыкальных образов. Как наиболее совершенное по литературным достоинствам, университетские филологи оценили либретто «Китежа». Премьера оперы в 1907 году прошла с триумфом, ее концепция оказалась особенно близкой художественной среде трактовкой мифа и истории, исканиями смысла жизни, связью с актуальными течениями искусства модернизма. Драматической оказалась судьба последней оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок»: цензура требовала смягчения сатирической трактовки образов, на что не согласились ни автор либретто, ни композитор. После его неожиданной кончины Бельский продолжил борьбу за воплощение авторского замысла.

В период 1920—1940 гг. В. И.Бельский с семьей жил в Белграде и здесь он стал одним из активных деятелей в среде русской диаспоры как носитель традиций отечественной культуры. Он создает Русское музыкальное общества и становится его Президентом, организует с участием членов общества спектакли и концерты, крупным композиторам посвящаются просветительские лекции-концерты. Авторитет Бельского таков, что с ним советуются при постановках опер Римского-Корсакова в Белграде и Загребе: он отстаивает «чистоту стиля» и сохранение всех нюансов при переводе текста на сербский язык, выступает против постановки “Золотого петушка“ в виде балета и др. Особенно его заботила

идея образования и воспитания молодого поколения эмигрантов в духе почитания культуры и истории Отечества, в том числе и через изучение истории и теории русской музыки. По линии Общества организуются специальные курсы, на родном языке исполняется полностью и в отрывках целый ряд опер отечественных авторов, неизменно вызывая интерес не только у русской диаспоры, но и коренных жителей Белграда. Дома у Бельских регулярно устраивались музыкальные собрания — аналогичные петербургским, в них принимали участие музыканты, ранее также соприкасавшиеся с Н. А. Римским-Корсаковым: А. Е. Ростовцева, первая исполнительница партии Любавы в опере «Садко», М. Н. Каракаш, Ф. В. Павловский (известные певцы и режиссеры), трио братьев Слатиных, а также его близкие. С началом войны немцы вывезли семью в Германию (Шветцинген), где в 1946 г. остановилось его сердце.

Вклад В. И. Бельского в сохранение и внедрение в сознание русской диаспоры Белграда периода 1920-1940 гг. интереса к изучению отечественной культуры и музыки не переоценим и должен стать одним из слагаемых истории культуры России XX-го столетия.

SOME ASPECTS OF V. I. BELSKY'S WORK IN ST. PETERSBURG AND BELGRADE.

V. I. Belsky (1866-1946) received his M. S. in 1897 graduating from St. Petersburg and Heidelberg universities, however his passion for music and especially for N. Rimsky-Korsakov's work had brought him to collaborate with the composer, where V. I. Belsky has written on his operas the most outstanding librettos. In 1920-1940s in Belgrade he devoted his work to the idea of preserving the cultural traditions of Russia through music and the education of the young emigrants in the spirit of honoring the history of the Homeland.

Т. Рюнкянен, д. гуман. н., Научный центр прикладной лингвистики, университет г. Ювяскюля (Финляндия)

ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МОЛОДЫХ ИММИГРАНТОВ В ФИНЛЯНДИИ

This paper looks at linguistic and cultural identification of Russian-speaking immigrant adolescents in Finland. The paper is based on a longitudinal case-study on young Russian-speaking adolescent immigrants' integration into Finnish society through language and education. This is a qualitative study the data of which consist of thematic interviews with Russian-speaking adolescents and their parents. Sixteen immigrant families with school-age children living in the Jyväskylä region, Central Finland, were chosen as the target group. Parents (n=18) were inter-

viewed on two occasions, in 2002 and 2005, whereas the interviews of adolescents (n=15) took place in 2008. All the adolescents participating in the study were first-generation immigrants, born in Russia or in various regions of the former Soviet Union, who had moved to Finland with their parents. The age of the interviewees ranged from fourteen to twenty-three, and most of them were students. The main focus in the paper is on the use of Finnish and Russian, competence in these languages, and their meaning for adolescents immigrating at different points of their lives. The paper also describes what features of linguistic and cultural identification of Russian-speaking immigrant adolescents were found and what changes have taken place in their integration process.

Отличительной особенностью иммиграции Финляндии является бóльшая численность русскоязычных по сравнению с другими языковыми и культурными группами [Tilastokeskus, 2010]. В 2010 г. в Финляндии проживало почти 55 тыс. человек, отметивших своим родным языком русский. Это составляло около 1% всего населения страны. Действительное количество русскоязычных, по всей видимости, превышает данные официальной статистики. К этой группе в Финляндии относятся наряду с так называемыми «старыми русскими», проживающими в стране уже более трехсот лет, также иммигрировавшие в разные исторические периоды этнические русские, ингерманландские репатрианты и представители других национальностей бывшего СССР. Русскоязычные Финляндии представляют собой достаточно гетерогенную группу: часть из них проживает в стране на протяжении многих поколений и интегрировалась в финское общество, тогда как многие говорящие на русском языке иммигрировали в страну недавно и еще только ищут свое место в нём. Молодые иммигранты, вынужденные формировать свою идентичность в переплетении культур, занимают особое положение.

В докладе рассматривается языковая и культурная идентификация живущих в Финляндии молодых русскоязычных иммигрантов. Доклад основывается на материалах качественного лонгитюдного исследования [Rynkänen, 2011], основу которого составили тематические интервью с проживающими в регионе г. Ювяскюля, Центральной Финляндии, русскоязычными молодыми иммигрантами и их родителями (всего 33). 15 русскоязычных молодых людей приняло участие в исследовании. Все они являются иммигрантами первого поколения, родившимися в России или разных регионах бывшего Советского Союза, и переехавшими в Финляндию вместе со своими родителями в период с 1991 г. по 2002 г. Время их пребывания в стране варьируется от 6 до 17 лет. Во время проведения интервью по своему возрастному составу они являлись 14-23-летними. Родной язык большинства молодых людей и их обоих родителей – русский. Это

также язык домашнего общения в большинстве исследуемых семей. В докладе в центре внимания находятся, в частности, следующие вопросы: Какое место занимают русский и финский языки и культура в жизни молодых иммигрантов? Какие особенности языковой и культурной идентификации выявлены у них? Какие изменения произошли за время иммиграции в идентификации русскоязычной молодёжи?

Результаты исследования показали, что языковая и культурная идентификация русскоязычной молодёжи, иммигрировавшей в разные периоды жизни: в дошкольном, младшем школьном и подростковом возрасте, имеет свои особенности. В языковом окружении и употреблении иммигрировавших в дошкольном возрасте преобладает финский язык. Большинство также определяет его родным языком. Эти молодые люди в большей степени идентифицируются с финноязычными и считают себя представителями финской культуры. Иммигрировавшие в младшем школьном возрасте идентифицируются как с традиционной, так и с новой культурой, используют в повседневной жизни как финский, так и русский языки, и владение обоими языками считают важным. Вместе с тем значение финского языка в жизни этих молодых людей постепенно возрастает, и вследствие этого аффективные связи и степень идентификации с ним становятся прочнее. В свою очередь, большинство иммигрировавших в подростковом возрасте идентифицируется с русской культурой, использует в большей степени русский язык и лучше владеет им. Тем не менее, наряду с ним они используют в повседневной жизни также финский язык, и умения в нём считают важным.

Таким образом, результаты исследования дают основания полагать, что идентичность молодых русскоязычных иммигрантов формируется путём принятия отдельных элементов обеих культур, русской и финской, являясь в т. ч. гибридной, комплексной, фрагментарной, противоречивой, зависящей от различных контекстов. Эта идентичность постоянно развивается и меняется с течением времени и в зависимости от ситуации, является непрерывным «предметом переговоров», иными словами обсуждается и определяется в диалоге между ними и их окружением.

Литература

Rynkänen, T. 2011. Русскоязычные молодые иммигранты в Финляндии — интеграция в контексте обучения и овладения языком. University of Jyväskylä. Jyväskylä Studies in Humanities 168.

Tilastokeskus 2010. Tilastokeskuksen PX-Web-tietokannat. Väestö, väestörakenne. Доступно в Интернете: URL:<http://pxweb2.stat.fi> (дата обращения: 12.11.2010)

З. К. Шанова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ВАЛЕНТИН АРСЕНЬЕВ — РУССКИЙ ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК В БОЛГАРИИ

Creativity of the russian poet Valentin Arseniev figures prominently on the history of Russian emigration of the first wave. His translations of bulgarien writers and poets on russian language contribute to the popularization of bulgarian spoken word in Russia.

Творчество поэта Валентина Арсеньева занимает видное место в истории русской эмиграции первой волны, а его переводы с болгарского языка на русский оставили след в истории болгарской и русской культур.

Валентин Арсеньев (наст. фамилия Нечаев) (1908 — 1979) родился в Харькове в семье офицера Пантелеймона Нечаева и Софьи Арсеньевны, урожденной баронессы фон Меершейд-Гилессем. Его отец принимал участие в Первой мировой войне, а потом в составе Добровольческой армии в Гражданской войне. В 1920 г. семья покинула Россию с армией Врангеля, вместе с которой эвакуировались около 150 тысяч человек, из них 20 тысяч женщин и 7 тысяч детей [Парфенова, 1977, 5]. В Турции смерть унесла отца и младшую сестру. Валентин с матерью перебрались в Болгарию. Всего на территории Болгарии оказалось свыше 35 000 русских эмигрантов. В 1928 г. ушла из жизни и мать, Валентин остался один на чужой земле. Пришлось много и тяжело работать — чернорабочим на стройках, углекопом на шахте. Постепенный переход к левым убеждениям, арест, ссылка, годы подполья, партизанский отряд [Речник, 1976].

Писать стихи В. Арсеньев начал еще в школе. В 1934 г. вышел сборник стихов «Искания», основной мотив в них — тоска по утраченной родине. В середине 1930-х годов, будучи студентом Софийского университета, сотрудничал в газетах, журналах, публиковал свои статьи, а также переводы болгарских поэтов — Н. Вапцарова, Хр. Смирненского, Хр. Радевского, М. Исаева и прозаиков — Св. Минкова, Г. Караславова, О. Василева, Т. Генова и др. Как филолог, он участвовал в подготовке русско-болгарского словаря Саввы Чукалова, в написании ряда учебников по русскому языку и литературе.

В дальнейшем работа над переводами художественной литературы становится основным видом деятельности В. Арсеньева. Он принимал участие в подготовке издания сочинений Христо Ботева к 100-летию со дня рождения (1948), в его переводе в этом сборнике вышли стихотворение «Гайдуки» и четыре фельетона. За 30 лет работы В. Арсеньев перевел и опубликовал самостоятельно или в соавторстве свыше 180 произ-

ведений самых разных жанров. Это произведения классиков болгарской литературы — И. Вазова, Й. Йовкова, Элина Пелина, писателей П. Ю. Тодорова, А. Страшимирова, А. Жендова, писателей второй половины XX в. — П. Вежинова, Н. Хайтова, Б. Райнова, А. Гуляшки, С. Северняка и многих других. Особое место занимают поэтические переводы — сборники стихов Хр. Смирненского, Н. Фурнаджиева, П. Пенева, А. Германова, В. Андреева; отдельные стихотворения поэтов Д. Дебелянова, Гео Милева, Е. Багряны, Д. Габе, В. Ханчева, Б. Божилова, В. Петрова, Л. Стефановой, Л. Левчева и др. Русский поэт и переводчик Валентин Арсеньев активно способствовал популяризации болгарского художественного слова в России, своим творчеством обогатил русскую и болгарскую литературу и культуру.

Литература

Парфенова Е. Б. Казачья эмиграция в Европе в 1920 гг. АКД. М., 1977

Речник на българската литература. Т. I. София, 1976.

Русский язык и ментальность

А. С. Айдарбекова, преп., Южно-Казахстанская государственная фармацевтическая академия (Казахстан)

КОНЦЕПТ ПОЛЫНЬ В РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Целью данного исследования является изучение концепта полынь в русской и казахской лингвокультурах. В русском языке акцентируются такие концептуальные признаки концепта *полынь*, как «горечь», «запах». Этимология слова *полынь* связывается с понятием 1) горечь (от слова полеть-гореть) 2) беловатая, сероватая, седая (по цвету). Толковые словари дают возможность судить о семантике лексемы, репрезентирующей концепт *полынь*. Данные анализа словарных дефиниций (толковые словари Ушакова, Ожегова, Даля, БАС, МАС) позволяют выделить такие признаки концепта *полынь*, как: 1. Эфиронное растение с сильным запахом; 2. Растение серебристого, серого цвета; 3. Сорняк, растение, способное расти там, где ничто больше не может расти; 4. Лекарственное растение; 5. Растение, обладающее инсектицидными свойствами; 6. Пряное растение. Основным признаком *полыни* — ее горечь — становится символом горькой судьбы.

На Руси *полынь* почиталась как обрядовое растение и часто использовалась для магических действий. Это наиболее эффективное средство против русалок и схожих с ними

мифологических персонажей славянского фольклора, являлась оберегом от нечистой силы.

На основании анализа словарных дефиниций толковых словарей казахского языка можно выделить основные когнитивные признаки концепта *жусан*: 1. Растение с запахом (горьким, острым, терпким, сладким, густым); 2. Лекарственное растение; 3. Единственное растение, способное расти и выжить там, где другие не смогут; 4. Корм для скота.

Процесс познания характеризуется способностью человека описывать объективную и виртуальную реальность как «очеловеченную», соразмерную ему самому.[Пименова,2007,102].. В сравниваемых концептуальных картинах мира для *полыни-жусана* характерна репрезентация через концептуальную метафору «полынь-внутренний мир» (радость, ликование, горечь, одиночество, умиление. Анализ толковых словарей русского и казахского языка и результаты направленного психолингвистического эксперимента (метод интерпретационного анализа) показали, что общими когнитивными признаками русского концепта *полынь* и казахского концепта *жусан* являются признаки «горькое растение». Анализ данных корпуса (НКРЯ) позволил увидеть, что это свойство ложится в основу создания метафоры «горькая судьба» в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры. В казахской лингвокультуре основной образ — «горький запах полыни — запах Родины, дома».». Данные образы можно считать стандартизированными, поскольку именно эти образы чаще всего ассоциируются с *полынью-жусаном* и закрепились в сознании современных носителей русского и казахского языков. Однако психологическое значение концептов *полынь/жусан* намного шире их лексикографического значения, в основном за счет присутствия таких когнитивных признаков, как «эмоциональная оценка горьких свойств растения».

Литература

Пименова М. В. Концепт сердце: образ, понятие, символ: монография.- Кемерово:КемГУ, 2007.- 500с..

Д. Г. Демидов, д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ДЛЯ ЧЕГО НЕОБХОДИМО ИЗУЧАТЬ СПОР ОБ УНИВЕРСАЛИЯХ (= У-Х)?

В законах (з.) языка (я-а) проявляются з. мышления. Силлогистика строится на синтаксич. основе я-а, система категорий — на морфологич., онтология логич. понятий (п-й) — на лексич. основе я-а.

В учебниках классич. логики (Л.) вместо **п-я** иногда вводится его заместитель — **термин**. Такой вариант классич. л. называется формальным. Сами же п-я распределяются по индивидам, подвидам, видам, родам. Все п-я, за исключ. индивидов, выражаемых именами собственными, называются **у-ми**, или общими п-ями. Им противостоят индивиды, то есть п-я с очень большим содержанием и минимальным (атомарным, по Б. Расселу) объемом. О споре об у-х упоминают, чаще ограничиваясь средневековой схоластикой. В книге [Колесов, 2007] прекрасно показана судьба этого спора в русской философии (ф-фии) XIX-XX вв. В нашу задачу входит показать принципиальное знач. этого спора для л. и я-знания XX века вообще, а не только русской религ.-ф-фской мысли, и для поиска оснований науки о ментальности.

Мысль, что признание идей до вещей (*universalia ante rem*) — признак реализма (р-зма), признание идей только после вещей (*universalia post rem*) — признак номинализма (н-зма), неточна. Р-сты подразумевают у-и и до вещей, и в вещах, и после вещей. Вопрос ставится онтологически: если п-я реальны, т. е. существуют как вещи, то они суть предмет онтологии. Если п-я не существуют как реальности, то мы принимаем за таковые только слова (*voces*), — так в *н-зме*.

Материалы для истории учений об у-х имеются в [Prantl, 1855-1870; Вундт, 1998; Попов, Стяжкин, 1974; Флоренский, 1915].

Элейцы плохо умели применять з. тождества, софисты гераклитовский принцип релятивизма довели до абсурда и были н-стами. Л. они подменяли риторикой. Сократ развил учение о п-и. Он считал, что основой бытия является некоторая фиксированная система п-й. Это р-ст и плюралист, как сейчас Б. Рассел. Среди учеников Сократа был н-ст Антисфен и р-ст Платон.

Платону удалось соединить учение о п-и с диалектикой. Он сформулировал з. противоречия; первым начал исходить из предиката и научился к одному и тому же предикату подставлять разные субъекты. В результате ему удалось вывести такие предикаты, которые сами по себе субъектами никаких суждений быть не могут, высшие у-и, которые называются категориями, например: *бытие, покой, движение, тождество, различие*. Принципиально важно (и это отмечает позитивист Прантль), что Платон оставил список категорий открытым.

Аристотелева (А-лева) л. знает уже з. противоречия и з. исключенного третьего. А-ль научился у Платона применять и 4-й з. л., з. достаточного основания, однако точную формулировку этого з. дал только Лейбниц. А-лево учение о категориях содержит уже законченный список из 10 общих п-й. Л. он не ставил в зависимость от метафизики и придал

ей инструментальный характер, назвав «Органомом», орудием мысли. А-ль не желал подводить п-е под класс всех возможных объектов, — признак концептуализма.

Противоречие средневековой схоластики состояло в том, что она основывалась на а-лизме в логич. технике, но вопрос об у-х решала в духе платоновского р-зма. Основателем схоластич. метода считают либо Эригена (Прантль, Рассел), либо Ансельма Кентерберийского [Grabmann, 1961]. Оба суть р-сты. Но даже крайний р-зм Эригена оставляет место для зародыша н-стич. направления: у-и для него суть *слова*.

Схоласты много обсуждали категории А-ля и «5 имен» (*quinque voces*), введенные Порфирием: 1) род, 2) вид, 3) видообразующее отличие, 4) собственный признак (*proprium*), 5) случайный признак. (В иной формулировке находим их у Пирса.) Росцелин первым пошатнул р-стские устои схоластики.

Если собрать разнообразные высказывания мыслителей Средневековья, как это сделал Прантль, то получим более десятка вариантов решения вопроса об у-ях.

1) У Росцелина у-и суть только голоса (*voices*).

2) У Абеяра у-и можно редуцировать до речи (*sermones*), поскольку предикат вещи никогда не может стать самой вещью.

3) Допущение того, что разум (*intellectus*) или п-е (*notio*) в смысле Цицерона — это как раз то, что называют у-ями.

Это три варианта н-зма. Концептуализм Абеяра — вариант н-зма. Принципиален отказ концептуалистов от реальности общих п-й. Р-сты «держатся за вещи» (*rebus inhaerent*), но и они разбиваются на множество партий:

4) У-и по существу соединены с индивидами, откуда *status*, в котором рассматривают индивид (Готье из Мортани). Эту т. зр. иногда присоединяют к н-стич.

5) Платонич. р-зм (Бернар из Шартра).

6) Допущение Жильбера из Пуатье о врожденных идеях (*formae natae*).

7) У-и содержатся только в *colligere* (собираемые п-я) (Госленус из Суассона).

Эти пути приводят к некоторым сложностям, в частности,

8) к допущению, что *maneries* (роды, с т. зр. н-зма) сводятся к упомянутому выше вопросу о *status*.

9) У-и суть абстрактные формы, как математич. (Иоанн из Солсбери). Это добавление легло в основание математич. логицизма Фреге, Уайтхеда и Рассела.

10) Различие между родом и индивидом лежит только в особенности наличного бытия, у-я же может содержаться как во множестве, так и в единичной вещи.

11) Интуитивный р-зм автора *De generibus et speciebus*. Отказ от обсуждения проблемы вообще у Боэция, Николая Кузанского, ср. его слова: *nullum omnino totum constare*,

ipsi qui hanc sententiam tenet, nobiscum credunt. (Совсем не объясняя общие п-я, тот, кто имеет схожее чувство, поверит нашему мнению.)

12) Особая проблема р-зма — вопрос о том, где находятся у-и — в нашей душе, как ее психич. интенция, или вне души, как субстанция. [Schuppe, 1910] доказал, что у-и находятся в нашей душе, но это не лишает их субстанциальности.

Н-зм приближается к сенсуализму. Не только общее не существует, но и словами можно выразить только отдельные сущности. Постепенчатое восхождение от вида к роду не имеет в н-зме никакого онтологич. значения. Вместо обозначенного *significatum* и *significatum generis* (*genus*) н-сты подставляют фигуративные выражения (*figura locutionis*), а эти последние представлены в словах.

После Оккама в университетах Европы стала развиваться н-стич. *logica moderna*. В Новое Время борьба приобрела новые и, к сожалению, более непримиримые формы. Такова объективная картина! Как бы нам ни хотелось отмахнуться от проблемы и «оставить», «похоронить» ее в схоластике! Ср. двойственную позицию Декарта [Rombach, 1965, I, 142] — основателя научного метода, ср. [Флоренский, 1915, 8, 22, 24, 62].

Несмотря на успехи наук о природе, действовала непреложная внутренняя л. науки духа, и метафизикой заниматься продолжали. А для этого необходимо было оставаться на позициях р-зма. Монадология Лейбница, диалектич. л. Гегеля, педагогика Гербарта, я-знание Гумбольдта, психология Анри Бергсона, имманентная л. Шуппе, математика Фреге имеют р-стские основания. Наконец, после открытия з. относительности Эйнштейна, сама физика пришла к необходимости иметь основания в р-зме, в частности в п-ях пространства, времени и вещества, разрабатываемых с т. зр. монизма и органицизма Уайтхедом. Р-зм, между прочим, представляется одной из обязательных составляющих принципа дополнительности Нильса Бора.

В я-знании н-сты Соссюр и Моррис пытаются переиначить трактовку теории знака, выработанную последовательным р-стом Пирсом, поэтому я-знание стало отставать от физики, несмотря на блестящие успехи сравнит.-историч. метода, который поначалу исходил из я-а как саморазвивающегося объекта природы. Для Пирса знаком было не слово, а мысль. Слово же было внешним выражением, означаемым мысли. Существуют две взаимоисключающие теории знаков: р-стская Пирсова и н-стская Соссюрова.

В аналитич. ф-фии нет единства в решении спора об у-х. Так, Рассел склонялся к р-зму [Рассел, 1999, 388].

У-и есть (они суть реальности)

У-й нет (по крайней мере, как реальностей)

р-зм	н-зм (и концептуализм)
платонизм	а-лизм
logica antiqua и logica nova	logica moderna
идеализм и идеал-р-зм	материализм и идеализм
имманентное	трансцендентное (или несуществующее)
метафизика	аналитич. ф-фия
органицизм	атомарность
волны	корпускулы
рациональная дедукция	наглядная индукция
идея	(индивидуальная) вещь
содержательное слово	бессодержательное слово
диалектич. и имманентная л.	формальная л. и логистика
(когнитивное) я-знание	формальная лингвистика
невербального мышления нет	идет поиск «невербального» мышления
единая я-овая и научная картина мира	разделяются научная и я-овая картины мира
Пирс, Уайтхед, логич. атомизм Рассела	логич. атомизм Витгенштейна

Конечно, освобождение от онтологии позволяет формализовать и изолировать логич. аппарат для конструирования новых, совершенно неведомых, лишенных естества вещей. Возникает впечатление, что в науке в эпоху просвещения происходил тот же процесс, что и в наше время в производстве. Натуральное замещается искусственным с той же функцией. Для нашей области из всего вышесказанного следует, что в оппозиции «когнитивное я-знание : формальная лингвистика» с т. зр. р-зма определение «когнитивное» избыточно. Оно необходимо только для отрыва лингвистики от дескриптивизма и бихевиоризма. Если к р-зму добавить требование монизма, то совершенно определенно выводится и последняя оппозиция — «единая я-вая и научная картина мира (с т. зр. р-зма) : разделение научной и я-вой картин мира (с т. зр. н-зма)». Ср. [Любимова, Бузальская, 2011], где показана т. зр. единой я-вой картины мира как родового п-я.

Литература

Grabmann M. Die Geschichte der scholastischen Methode. Bd.1-2. Basel-Stuttgart, 1961.

Prantl Carl Geschichte der Logik im Abendlande Bd. I-IV. Leipzig, 1855-1870.

- Rombach Heinrich. Substanz, System, Struktur: Die Ontologie des Funktionalismus und der philosophische Hintergrund der modernen Wissenschaft, I-II. München, 1965-1966.
- Schuppe W. Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik. В., 1910.
- Вундт В. Введение в ф-фию. М., 1998.
- Колесов В. В. Р-зм и н-зм в русской ф-фии я-а. СПб., 2007.
- Пирс Ч. С. Избранные ф-фские произведения. М., 2000.
- Любимова Н. А., Бузальская Е. В. "Картина мира": содержание, терминологич. статус и общая иерархия ее составляющих // Мир русского слова. 2011, №4.
- Свящ. Павел Флоренский Смысл идеализма. Сергиев Посад, 1915.
- Попов П. С., Стяжкин Н. И. Развитие логич. идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
- Рассел Б. Ф-фия логич. атомизма. Томск, 1999.
- Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.
- Уайтхед А. Н. Избр. работы по ф-фии. М., 1990.

Аннотация — Summary

История борьбы реализма и номинализма обостряется к нашему времени. Имена нарицательные суть универсалии, по поводу которых языковед явно или неявно выносит суждение о реальности их существования. Всё реалистское языкознание когнитивно по определению.

The history of the struggle of realism and nominalism is exacerbated by our time. Universals are common nouns. In connection with these names linguist says explicitly or implicitly, whether they really exist or not. All cognitive linguistics is realist by definition.

Л. Н. Колесникова, к. филол. н., Орловский государственный университет (Россия)

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-ОРЛОВЦЕВ

The Russian language is a reflection of the Russian culture. Russian mentality, character of Russian people, his «Russian spirit» and «the mysterious Russian soul» are particularly apparent in the language of poetry and prose of great Russian writers-classics, in particular, writers of Orel: I. S. Turgenev, I. A. Bunin, K. D.. Balmont, A. A. Fet, Fl. Tyutchev, A. K. Tolstoy, M. M.

Prishvin, etc. The article considers the peculiarities of the Russian mentality in specific works of some of the above authors.

Русский язык, образно говоря, — это «зеркало» культуры русского народа, «отражение русскости». Русская ментальность, характер русского человека, его «русский дух» и «загадочная русская душа» особенно ярко проявляются в языке поэзии и прозы великих русских писателей-классиков, в частности, писателей-орловцев. И. А. Бунин, первый из русских писателей лауреат Нобелевской премии, признавался: «Я родился в том плодородном подстепье, где образовался русский язык и откуда вышли все великие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым». По словам Н. С. Лескова, «Орел вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родине ни один другой русский город!». Орел по праву называют третьей литературной столицей России (после Москвы и Санкт-Петербурга), а Орловский край, Орловию — душой России. «Россия и русское слово (как проявление ее души, ее нравственного строя) есть нечто нераздельное» (И. Бунин).

Термин *ментальность* понимается как «мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов, 2007, 11]. Основу ментальности может составить поэтическое, романтическое начало или, напротив, трезвый реализм, практицизм, прагматизм, образное мышление или аналитический склад ума и точка зрения. Так, в *русской ментальности*, прежде всего, *усматривается эмоциональное начало и язык русский*, по словам академика В. Г. Костомарова, способен «действовать на эмоции, минуя разум» [Костомаров, 1998, 32].

Одна из сторон русской ментальности обусловлена тем, что русский народ сохранил некую *первозданную связь с природой, идеалом которой выступают степные просторы и безбрежные леса*. Эти особенности русской ментальности отразил в своем творчестве И. С. Тургенев, образно, психологически тонко и живописно передав в рассказе «Певцы» восприятие народной песни русским человеком: «...в голосе Яшки была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь расстилалась перед вами, уходя в бесконечную даль...».

Особенность восприятия русским человеком *пространства* находит воплощение в представлениях и понятиях, которые отсутствуют в словах и выражениях других народов. Так, например, европеец применяет понятие *свобода*, смысловое значение которого для

него состоит в том, что это гарантированное ему государством право делать собственный выбор и нести за него ответственность. Для русского человека более адекватным выражением его представлений о *свободе* являются понятия: *воля, вольная воля*. «Русская «воля» — это свобода, соединённая с пространством, с ничем не ограниченным пространством» [Лихачев, 1989, 17]. К. Д. Бальмонт признавался: «Из всех слов могучего и первородного русского языка, полногласного, кроткого и грозного, языка живого, сотворённого и, однако же, без устали творящего, больше всего я люблю слово — *ВОЛЯ*. Это слово — самое доброе и всеобъемлющее. *Воля есть воля-хотение, и воля есть воля-свобода*. Творческий язык, любящий многообразие своих достижений, создаёт крылатые слова: «*Всякому своя воля. Воля — свой Бог. Божьей воли не перевалишь... Вольный свет на волю дан*» [Бальмонт, 1924, 25].

Удаль молодецкая, воля, просторы России ярко описаны в поэзии А. К. Толстого: «Край ты мой, родимый край! Конский бег *на воле!*». По отзывам современников, Алексей Константинович Толстой был человеком благородной и чистой души. Творчество А. К. Толстого, проникнутое *любовью к русской природе и родине*, сказалось в ясности и точности изображения природы, в верности и глубине раскрытия *душевных переживаний* поэта в известном стихотворении «Колокольчики мои, Цветики степные!». Поэт-орловец замечательно выразил особенности русского национального характера, его вольность, широту и максимализм в известном стихотворении: «*Коль любить, так без рассудку...*». Эмоциональность, страстность, безотчетность и неосознанность любви выражена во многих стихотворениях А. К. Толстого: «*Ты не спрашивай, не распытывай, Как люблю тебя, почему люблю, И за что люблю? и надолго ли?*» В стихотворении «Средь шумного бала» — поэт признается: «*Люблю ли тебя — я не знаю, Но, кажется мне, что люблю*». Любовь воспринимается поэтом как стихийная сила, как море, с приливами и отливами: «*Не верь мне, друг, когда, в избытке горя, Я говорю, что разлюбил тебя, В отлива час не верь измене моря, Оно к земле воротится, любя*».

Любовью к человеку и природе наполнена и поэзия Ф. И. Тютчева: «*Люблю грозу в начале мая*» (невольно вспоминается и Пушкинское — «Мороз и солнце: день чудесный!»: в одном ритме написаны стихи); «Я помню время золотое» и др. Вдохновенные стихи Тютчева лишены бессознательного любования, как у А. К. Толстого; они глубоко философичны. Природа в его стихах одухотворена, она мыслит, чувствует, говорит: «*Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик — В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык*». Любовь — многогранное, сложное чувство. Как выразить его? Ф. И. Тютчев пишет: «*Как сердцу высказать себя, Другому — как понять тебя, Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь!*».

Если любовь в поэзии Ф. И. Тютчева полна разрушительной страсти («*О, как убийственно мы любим!*»), то лирический герой А. А. Фета с особой нежностью обращается к своей возлюбленной: «*Я пришел к тебе с приветом! Рассказать, что солнце встало!*». Он заботлив и нежен по отношению к любимой: «*На заре ты ее не буди, на заре она сладко так спит*» и др. Пылкие чувства влюбленных отражает природа. Природа у Фета — живая и мыслящая: «утро дышит», «лес проснулся», «играла луна» и т. д. Используя прием олицетворения, поэт добивается потрясающего эффекта общения, единения человека с природой. Шедевром лирики А. Фета является стихотворение «*Шепот, робкое дыханье, трели соловья...*». Картина пейзажа включает в себя сцену свидания влюбленных. Общение людей и жизнь природы переданы в динамике, хотя в стихотворении нет ни одного глагола.

М. М. Пришвин признавался, что пишет для тех, «кто чувствует поэзию прекрасных пролетающих мгновений жизни»: «Мороз замечтался о далекой тропической стране, нарисовав на окне *причудливые узоры*; «*Видел кто-нибудь, как умирает лед на лугу в лучах солнца*». Это умение характерно для многих писателей. В стихотворениях в прозе И. С. Тургенева читаем: «*Стой! Какой я теперь тебя вижу, останься навсегда такой в моей памяти*»; или — «*О лазурное царство! О царство лазури, света, молодости и счастья!.. Я видел тебя, во сне!*»; или — «*Как хороши, как свежи были розы*» (тот же мотив в поэзии И. Мятлева и И. Северянина). Поэзия и проза многих русских писателей музыкальна, поэтому не случайно их художественные произведения положены на музыку («Песнь торжествующей любви» И. С. Тургенева); написаны романсы на их стихи: «Утро туманное, утро седое» (И. С. Тургенев), «Сияла ночь. Луной был полон сад» (А. Фет), «Я встретил Вас» (Ф. И. Тютчев) и т. д.

Следует отметить, что «созерцание, мечтательность породили *стремление к красоте* как внешней, так и, что характерно для русских, *внутренней*. На Руси всегда в чести были *души утончённые, возвышенные, так называемые интеллигентные* (И. А. Ильин). Такими же наблюдениями поделился и поэт К. Д. Бальмонт: «Я люблю Россию и русских. О, мы, русские, не ценим себя! *Мы не знаем, как мы снисходительны, терпеливы и деликатны. Я верю в Россию, я верю в самое светлое её будущее*», — писал он в одной из статей 1913 года. И. С. Тургенев также *верил* в будущее России: «*Мы народ юный и сильный*», — писал он. Для Тургенева *любовь к России* превыше всего: «*Люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на земле, что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить*», пишет он в романе «Накануне». И не случайно в стихотворении «Русский язык» И. С. Тургенева признается: «... ты один, мне *поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!*.. Но *нельзя верить, чтобы такой язык не был*

дан великому народу». Та же вера в русский народ, в Россию характерна и для Ф. И. Тютчева: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить». Ментальность русского народа трудно описать в логических понятиях. Однако в наше время известна и такая строчка: «Давно пора, ... мать, умом Россию понимать» (И. Губерман). Русские исторически патриотичны, привязаны к своей Родине. Русская ментальность и сегодня требует проявления высоких пылких чувств, красоты душевных и духовных переживаний, любви к окружающему миру, России, природе, человеку [Колесникова, 2001].

Следовательно, в настоящее время важно изучать русский язык в лингвокультурологическом аспекте (язык через культуру, культуру — через язык) изучая, в качестве эталона, образца, классические художественные тексты [Колесникова, 2007]. Филолог живет для вечности. «Слово вечно. То, что вечно — человечно» (А. А. Фет). Поэтому современное обучение русскому языку должно быть связано с чтением классических художественных текстов, в особенности, произведений писателей-орловцев. Важно отметить, что стройные, веками отшлифованные языковые структуры художественного текста дисциплинируют мысль; языковое оформление мысли содействует четкости самой мысли. Вследствие этого не только знание, но и *понимание, осмысление* русского литературного языка, языка художественных произведений русских классиков должно выступать в качестве универсальной — всесторонней и глубокой — характеристики гармоничной и культурной языковой личности, способной «в мире жить — с миром жить» и принимать плодотворное участие в современном диалоге культур.

Литература

Бальмонт К. Д. Русский язык (Воля как основа творчества). — М., 1924.

Колесникова Л. Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. — Орел, 2001. — 288с.

Колесникова Л. Н. Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры. Монография в 3-х томах.- Орел, 2007.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — С-Петербург, 2007.— 624с.

Костомаров В. Г. Текст в диалоге культур. — М., 1998.

Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. — М., 1989.

Н. В. Лучкина, к. филол. н., П. А. Бабенко, к. пед. н., Ростовский государственный медицинский университет (Россия)

НЕКОТОРЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Abstract: Significant changes in social and cultural conditions of interaction and communication in different languages and cultures could not be reflected in the language and mentality. It becomes a matter of scientific analysis of philologists, culture expert, and philosophers. There are different points of view of the impact of globalization on language: some scientists believe that the development of literary language is not in danger, while others observed a very strong negative tendencies, manifested most clearly in verbal communication, while others welcome the leveling of national identity.

Единого мнения о том, что происходит с языком и ментальностью в XXI веке, когда значительно изменились социокультурные и коммуникативные условия взаимодействия носителей разных языков и культур, не существует. Глобализационные процессы, идущие во всех сферах жизни, не могли не найти своего отражения в языке, что стало предметом научного анализа.

1. Наиболее подробный и убедительный анализ того, что происходит в настоящее время с языком и ментальностью дан в монографии академика В. В. Колесова [Колесов, 2004]. Важным является утверждение о необходимости разделения языка и речи при оценке происходящих изменений. Язык, являющийся хранителем концептов, не изменяется слишком резко в отличие от речевой коммуникации, в которой пульсирует повседневная жизнь. В. В. Колесов считает, что русская ментальность усредняется до *бэзик-раин*, что «связано с коррозией национальной формы сознания путем разрушения системы русских слов» [Колесов, 2004, 204]. Прагматизм носителей языка заставляет их достигать сиюминутных успехов в практической деятельности, а для этого язык им необходим лишь для осуществления информативной функции.

2. Наблюдение о противостоянии двух диалектически противоречивых тенденций содержится в учебном пособии Т. Б. Ратбиля «Основы изучения языкового менталитета». С одной стороны, русское концептуальное пространство подвергается воздействию инокультурных и «иноментальных» жизненных установок, а с другой стороны, любой развитый литературный язык с богатыми культурными традициями, к каковым относится и русский язык, способен противостоять силе внешних влияний и сохранять свойственные ему способы концептуализации мира, характерные для русского языкового менталитета.

3. Во многих философских и культурологических работах анализируются деструктивные изменения национального культурного пространства в результате процессов глобализации. Новая информационная среда изменила диалог культур: интегративная суперкультура нивелирует и поглощает разнообразие локальных культур. Это отражается и на языке: начинают господствовать интегративные языковые тенденции, подчиняя разные языки тому, который в наибольшей степени способен себя распространить.

4. Л. Аннинский в книге «Какая Россия мне нужна», в главе «Скрещенье душ в мире миров», поставил важный вопрос: что представляет собой турок, живущий в Германии, усвоивший с младенческих лет поведенческие и интеллектуальные навыки? Это турецкий немец или немецкий турок? Таких людей становится все больше благодаря миграции населения. Они должны владеть и родным, и неродным языком, чтобы адаптироваться к новым условиям и получить образование и работу. Что будет с их ментальностью? Как будет протекать их культурная самоидентификация? Эти вопросы ждут своего решения.

5. Приведем особый взгляд на язык и ментальность, принадлежащий В. Цаплину. В его книге «Гипноз разумности» говорится о том, что социальная глобализация приведет человечество «к нормальному состоянию, когда не только исчезнут придуманные и искусственные границы, но и культура станет единой и общей, вобрав в себя лучшие части ныне изолированных культур» [Цаплин, 2010, 316]. «Племенное» мышление В. Цаплин называет архаикой. Интернет, по его мнению, уже привел к фактическому исчезновению границ, а единственным препятствием, остающимся здесь, является язык. В. Цаплин негативно оценивает попытки поиска и учета «национальных интересов, ментальностей и историй», что лишь сохраняет и углубляет племенные предрассудки.

Литература

1. Аннинский Л. А. Какая Россия мне нужна. — М., 2004.
2. Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб, 2004.
3. Ратбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. — М., «Флинта». «Наука», 2010.
4. Цаплин В. Гипноз разумности. Мышление и цивилизация. — М., «Астрель», 2010.

Русский язык как иностранный и методика его преподавания

Е. В. Бузальская к. пед. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ УЧЕБНЫХ ЖАНРОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Система лингводидактического тестирования по РКИ является средством фиксации промежуточных результатов обучения иностранных учащихся речевой деятельности. Несмотря на унификацию итоговых результатов, пути их достижения допускают определенную степень вариативности. Особенно это проявляется при формировании умений письменной речи, где последовательность зачастую носит «скачкообразный» характер, что связано с фокусировкой внимания программ и учебных пособий на создании работ в рамках речевых жанрах жесткой структуры и на совершенствовании умений рассуждения. При этом повествование, описание объекта или его состояния постепенно превращаются во вспомогательный, иллюстративный, не самостоятельный, тип речи. Следствием подобного неравновесия является преобладание ориентации на формирование *навыков* работы в рамках определенных жанров (запоминание особенностей структуры, формул, маркированных конструкций). Письменная же работа — текст, формирование *умений* его построения должно опираться на специфический алгоритм последовательности формирования умений. В его основу могут быть положены требования постепенного усложнения взаимодействия в нем текстовых категорий.

Так, формирующими умения на уровне владения языком, соответствующим требованиям ЭУ — БУ являются: 1) интенция (контролируемая извне преподавателем или учебным пособием); 2) когезия (связность) в своей формально-грамматической и лексико-семантической разновидности; 3) когерентность (цельность) становится важной категорией в момент перехода к самостоятельному конструированию. Информативность и ситуативность становятся центральными категориями при подготовке к сдаче ТРКИ-1, ТРКИ-2. Последние две текстовые категории — воспринимаемость и интертекстуальность характеризуют коммуникативные речевые жанры с внутренней, не заданной извне интенцией, что релевантно для продвинутого этапа обучения (ТРКИ-3, 4).

В соответствии с данной логикой представляется возможным организовать поурочную систему упражнений и заданий (рис.1), направленных на формирование умений реализации данных текстовых категорий в письменной речевой деятельности. *Упражнение* связано с повторением однотипных действий. *Задание* — с решением единичной зада-

чи с опорой на мыслительный процесс, умения. Продолжением линии функционального усложнения письменной деятельности становится работа с *учебными речевыми жанрами* — теми, которые существуют только в рамках учебного процесса и теми, которые имеют перспективу дальнейшего выхода в непосредственную коммуникацию.

Структ. ед–ца	Варианты письменных работ	Текстовая категория
Упражнение	диктант, списывание, трансформация	Когезия
Задание	изложение, сочинение, составление плана	
Создание учебного речевого жанра	конспект, реферат, курсовая, диплом эссе, письмо другу и пр.	Когерентность
		Информативность
коммуникатив- ного речевого жанра	доклад, аннотация, статья, открытка рассказ, эссе, резюме, заявление и т.д.	Ситуативность
		Воспринимаемость
		Интертексту- альность

Рис. 1. Текстовые категории и типы структурных единиц.

Классификация, связывающая текстовые категории с умениями создания письменных работ, позволит: 1) преодолеть фрагментарность процесса формирования умений письменной речевой деятельности; 2) избежать существующей на данный момент излишней формализации процесса обучения на среднем этапе; 3) расширить спектр умений, приобретаемых студентами на продвинутом этапе.

Buzalskaya E. V.

Text categories in learning genres of writing speech.

The article is devoted to the classification of genres of writing used in the process of teaching Russian as a foreign language. The classification is based on the characteristics of text types, which shows a gradual complication of the result of written work, reveals the "genre gap," that violate the continuity of the formation of written skills and allows to propose ways to fill them.

Е. А. Долгих, аспирант, РГПУ им. А. И. Герцена (Россия)

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ II СЕРТИФИКАЦИОННОГО УРОВНЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА МАТЕРИАЛАХ СЕТЕВОЙ ПРЕССЫ

Annotation: This article examines the importance of the network press in teaching the language and culture of the present-day mass media as well as the Russian language stylistics at the advanced stage of teaching Russian as a foreign language. It proposes a model for analysis of

news stories from network press with regard for their genre-specific and genre-forming characteristics.

Keywords: network press, multimedia, hypertextuality, multi-media character, interactivity, stylistic variants of speech.

Гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность, особенности структуры и языка сетевой прессы открывают новые возможности для освоения культурологического и страноведческого материала, расширения познавательной информации, обогащают язык дополнительными лексическими вариантами [Трофимова, 2005].

Цель обучения заключается в формировании у иностранных учащихся коммуникативной и стилистической компетенции при чтении сетевых газетных текстов в процессе обучения русскому языку как иностранному посредством усвоения совокупности коммуникативных, психологических, социологических, социолингвистических знаний. Для работы в иностранной англоговорящей смешанной аудитории продвинутого этапа мы предлагаем текст заметок, опубликованных в сетевых газетах «Time out Санкт-Петербург», «Time Out Москва», «ОК!».

Методика обучения предполагает организацию работы в рамках трёх этапов:

I. Этап презентации специфики стилистики российского медиатекста сетевой прессы в зависимости от тональности и адресованности издания (рассматривается структура сетевой прессы, ее свойства: гипертекстуальность — разветвленный ссылочный аппарат; мультимедийность — обязательные презентативные визуальные знаки; интерактивность — обсуждение заметки с другими читателями или автором в режиме он-лайн).

II. Этап формирования и тренировки умений понимать медиатекст прессы подразумевает работу учащихся с рядом упражнений с целью приложения полученных на предыдущем этапе знаний (просмотреть видеоматериалы к заметкам, затем написать и озаглавить сами заметки, подобрать подходящие по смыслу гиперссылки к заметкам и т. д.).

III. Этап практической реализации коммуникативных умений. Задания этого этапа направляют учащихся на работу по созданию текстов с частичной заданностью социолингвистических параметров. Например, написать 2 заметки (рассчитанную на массового читателя и на определенную аудиторию (студенты, молодежь и т. д.). Придумать иллюстрации, возможные гиперссылки, предложить сюжет видео к заметке.

Благодаря обучению на материалах сетевой прессы студенты:

1. знакомятся с понятием сетевая пресса, стилистическими отличиями изданий в зависимости от их адресата, взаимодействием языковых особенностей и визуальных признаков текста сетевой заметки.

2. учатся определять стилистические варианты речи: книжный, нейтральный и разговорный, — а также способы написания заметки, используя разную лексику и стилистику в зависимости от цели текста.

3. овладевают основными жанрообразующими и жанроопределяющими признаками заметок (гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность), узнают о важности иллюстраций, ссылок и видео при создании заметки сетевой прессы.

4. узнают, что типологические особенности заметок влияют на внутренние компоненты заметки: на язык (его разговорность, книжность или нейтральность; образность или конкретность) и структуру заголовков, лидов и текстов (развернутость или сжатость, прозрачность или непрозрачность, эмоциональность или сдержанность и т. д.), усваивают, что компоненты заметок сетевой прессы необходимо рассматривать в их тесной взаимосвязи, иначе они теряют диалогичность, становятся статичными и линейными.

5. выясняют, что сетевые заметки сохраняют стилистическое единство языка заголовка, лида и текста заметки, а официальный, книжный стиль остается доминантой издания, ориентированного на не массового читателя (Time Out Санкт-Петербург). Для массового читателя автор все также обращается к разговорному языку и открытой оценке (Time Out Москва).

Литература

Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России : функционирование рус. яз. в Интернете : концептуал.-сущност. доминанты/ Г. Н. Трофимова; Гильдия лингвистов-экспертов по документац. и информ. спорам, О-во любителей рос. словесности. — М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов : Тип. ИПК РУДН, 2005. — 380 с.

Колесова Д. В., к. ф.н., доц. СПбГУ (Россия)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ

Русские люди общаются, имея в виду и конкретное лексическое значение слова, и некоторую ипостась концепта. Иностранцы же обычно знают лишь о лексическом плане содержания. Эта ситуация порождает проблему при коммуникации, в чем можно убедить-

ся, читая вместе со студентами актуальные тексты, в которых встречается концепт «болото».

БОЛОТО — символ внешнего покоя, таящего опасность гибели. Видимость болота — неподвижность и тишина — обманчива. Болото вызывает неприятие физиологическое (как к вязкому и зыбкому) и нравственное (как к ненадежному и скрытно предательскому), и только в постоянных его жителях привязанность к родному месту достигает глубины апологетического поклонения. Страх, который испытывает человек к болоту, сдерживает активность человека, поэтому на болоте остаются загадочные островки древней жизни.

Образное наполнение концепта позволяет без лишних объяснений передать слушателям ощущение грязи, которая засасывает и лишает жизни неосторожного путника, при этом никаких оскорбительных слов и намеков в адрес оппонентов не произносится (ср.: интернет-болотная публика).

Можно ли каким-либо образом научить тех, для кого русский — не родной язык, понимать говорящего точнее, на более глубоком уровне? Мы предполагаем, что обычно концепты в публицистическом политическом тексте используются так: это идеологическое заострение понятия/символа/образа, которое позволяет вызывать в сознании воспринимающего человека необходимые коннотации, но не требует припоминания всего спектра оттенков и значений, которые присутствуют в национальном концепте. Автор художественно-публицистического текста ожидает, что читатель воспримет несколько коннотаций и сможет оценить переливающийся различными оттенками смысла концепт. Истинно художественный текст открывается благодаря представлению о всей глубине национального концепта.

Однако степень актуализации концепта зависит также и от того языкового сознания, которое отражает конкретный фрагмент.

Изменение глубины концептуального наполнения наглядно можно увидеть в таких художественных произведениях, авторы которых ставят перед собой задачу персонализации субъекта речи. Посмотрим на роман Фигля-Мигля «Ты так любишь эти фильмы». Фрагменты текста здесь озаглавливаются именем персонажа, и развитие сюжета читатель видит глазами то преуспевающего директора частной школы, то популярного кинокритика, то рефлексирующего шизофреника, то асоциального наркомана, то таксы главной героини. Незрелое «природное» сознание оперирует внешней стороной концепта; болезненно рефлексирующее сознание задерживается на отдельных сторонах концепта, не достигая синтеза в восприятии и творчестве; сознание человека, решившего отрешиться от

старого мира, похоже на мозаику из обломков традиционных артефактов и само стремится к распаду; сознание художника и эстета базируется на образах и символах.

Итак, полноценному и глубокому пониманию текстов способствует представление о национальных концептах. Это представление может быть вполне интуитивным, оно опирается на знакомство с текстами, в которых находит отражение тот или иной фрагмент национального мировоззрения. Другое дело — не носитель языка. Ему приходится совершать путь вполне аналитического характера: знакомиться с описаниями, правилами, наблюдать за примерами.

В общем, преподавателю языка полезно иметь в виду, что знакомство с особенностями функционирования концептов в текстах может направить мысли реципиента в нужную сторону.

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости и возможности предупреждения коммуникативных неудач в общении носителя языка и иностранца, порожденных тем, что слово носителя языка часто указывает не только на лексическое значение, но и на ментальные дефиниции.

Summary. The article raises the question of necessity and possibility of prevention of failures in communication between native and non-native speakers resulting from the fact that the word of a native speaker is often characterized not only by its lexical meaning, but also by its mental definitions.

Е. Р. Ласкарева, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Summary. The study derived adverbs in the course “Derivation” seems appropriate for both native speakers and foreign students. The author has systematized and presented material on a reasoned adverbs: the principles of working with some of the exercises of the new textbook.

Keywords: derivative adverbs, ways of word formation, exercises, strengthening vocabulary.

1. Изучение производных наречий в курсе «Словообразование» представляется целесообразным как для носителей языка, так и для иностранных учащихся. Автором систематизирован и отобран материал по мотивированным наречиям, лингвистической ба-

зой исследования послужили труды известных лингвистов, а также материалы Грамматики-80. В докладе рассмотрены принципы работы с некоторыми из упражнений авторского пособия по лексике, включающего в себя три раздела, где второй раздел посвящен производной лексике. Для курса русского языка как иностранного тема является актуальной уже на начальном этапе обучения, поскольку производная лексика составляет большую часть списка в лексических минимумах по русскому языку как иностранному, начиная с минимума для элементарного уровня владения языком.

2. В докладе рассмотрены упражнения на производные наречия в трех группах. Группы выделены с учетом основных способов словообразования наречий: 1) суффиксальный способ: *быстро; искренне; дружески; пешком; полностью* и др.; 2) префиксально-суффиксальный способ: *по-моему, по-прежнему: по-дружески; потихоньку; вскоре; вручную; вдвойне; вначале* и др.; 3) сложные, суффиксально-сложные и префиксально-сложные наречия: *полулежа, мимоходом, вполголоса, втридорога* и др. Обращается внимание на словообразовательные форманты в наиболее частотных наречиях, а также на методику презентации материала в иностранной аудитории: упражнения на наблюдение, моделирование и контроль. Особо отмечены упражнения на лексическую сочетаемость слов в предложении, на возможную стилистическую маркированность наречий, например: *горячо — любить, пусто — в доме; изложить — кратко, грамматику знает — слабовато* и т. п. варианты. Отметим, что в докладе примеры представлены в виде фрагментов из упражнений второго раздела пособия. Всего на производные наречия для данного раздела нами составлено более шестидесяти упражнений.

3. Как уже было отмечено, производные наречия, как и производные слова других частей речи, входят во второй раздел книги «Прогулки по русской лексике». В то же время логическая и структурная организация материала пособия позволяет представить наречия и в других разделах и главах и при другой классификации. Так, производные наречия можно изучать в первом разделе в теме «Антонимы»: *далеко-близко, трудно-легко, налево-направо, слева-справа* и т. п.; в теме «Синонимы»: *немного-мало, здорово-отлично, легко-просто* и др.; «Степень выраженности признака»: *хорошо, прохладно* и др.; «Иностранные слова»: *абсолютно-совсем, элементарно-просто* и др. В третьем разделе в следующих главах: «Близкие по значению слова»: *наугад — наобум — на удачу* и др.; «Лексическая сочетаемость»: *на славу — поработать, работать, трудиться; наизусть — выучить, читать, рассказывать, знать* и др. Отметим, что в докладе примеры представлены в виде фрагментов из упражнений пособия по соответствующим главам первого и третьего разделов.

4. Набранный и разработанный нами материал должен послужить базой для работы преподавателя-практика, а также может быть использован при самостоятельном изучении студентами данной темы. Все составленные нами упражнения построены по принципу нарастающей сложности и направлены на выработку умений анализа производных слов, при этом мы маркируем словообразовательные форманты в производных наречиях и определяем производящие слова абсолютно корректно, в соответствии с академическими нормами. Представленные упражнения адресованы как носителям языка, так и тем, для кого русским язык не является родным. «Взаимопересекающаяся» по главам и разделам пособия лексика — особая гордость автора, поскольку при такой организации материала учащиеся получают возможность повторять самые частотные единицы по нескольку раз, могут расширить и активизировать свой лексический запас.

Литература

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Ласкарева Е. Р. Прогулки по русской лексике. — 2-е изд. — СПб., 2011.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова. — М., 2000.

Русская грамматика. В 2-х тт. Том 1. — М., 1980.

Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: Учеб. пособие / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — М., 2007.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2003.

Н. А. Любимова д. филол. н., Е. В. Бузальская к. пед. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

СИСТЕМА КООРДИНАТ ГЛОБАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Антропоцентрическая направленность современной научной парадигмы привела к выделению ряда объектов, исследование которых невозможно ограничить рамками одной науки. Таким объектом в лингвистике является, например, текст, в лингвокультурологии — концепт, в когнитивистике — модели стратегической организации речи и т. п. Необходимость использования данных сразу нескольких смежных наук о языке приводит к отсутствию для многих из них единой классификации, которая отражала бы специфику их

бытия. Философским основанием для построения такой классификации может стать система координат глобальной Картины мира (далее — КМ).

Применительно к КМ оказывается возможным говорить о трех базовых системах: мифологической, религиозной, научной [Любимова, Бузальская 2011]. Пользуясь такими категориями гештальтпсихологии, как *фон* (время и пространство КМ) и *фигура* (субъекты действия), оказывается возможным описать параметры трех указанных систем, добавив к ним динамический компонент, который условно можно назвать *интенцией КМ*.

В *мифологической картине мира* (далее — МКМ) характеристиками такого *компонента фона*, как *Пространство* становятся цельность и ландшафтность, *Время* МКМ строится на основании осуществления циклического возврата к изначальному, «правильному», миру. Это требует ритуальной реакции от человека, исполнения определенных ролей. *Интенцией* МКМ является установление субъект-объектной связи — построение системы глобального мироустройства, «запуск» сакральной истории мира, предоставляющей модели для подражания, которые организуют мир объектов и структуру социума (иерархия архетипов, заданных мифами). В *религиозной картине мира* (далее — РКМ) первый *компонент фона* — *Время* двойственен: существует абсолютное Бытие Бога (неисчислимое время) и сотворенный мир (исчислимое время). Вторым *компонентом фона*, *Пространство*, также разделен на мир видимый и мир недоступный зрению большинства людей. Это область сакральных фигур (святые, пророки, подвижники и др.); это область процессов, описывающих общение Бога с человеком (откровение, видение, молитва и пр. духовные феномены); это область объектов, наделенных сходными функциями (икона, просфора). *Интенцией* РКМ является установление субъект-Субъектной связи человека с Богом. Результатом подобного переключения вектора освоения мира с внешнего на внутренний является структурирование сознания, формулирование аксиологических догматов, постулируемых как принципиально недоказуемые. В *научной картине мира* (далее НКМ) *компонент фона* *Время* представлен в виде спирали (циклическость смены научных парадигм плюс линейный вертикальный прогресс). *Компонент фона* *Пространство* — плоскость естественной среды обитания. *Интенцией* НКМ является определение и использование объект-объектных связей, существующих в материи внешнего мира. Для этого используются *фигуры* — логические построения и экспериментальные исследования.

Описание объектов исследования с точки зрения определения их положения внутри глобальной картины мира — тяготения к одной из трех ее основных осей координат: мифологии, религии, науке — может служить основанием для классифицирования объектов исследования разных наук: литературоведения (при этом *фон* рассматривается в качестве хронотопа, *фигуры* — персонажей, *интенция* — как сюжет произведения), теории речевых

жанров (*фон, фигура, интенция* являются основополагающими характеристиками соответствующих типов дискурса — религиозного, мифологического, научного и их производных разновидностей — физического, христианского, фольклорного дискурсов и пр.), генристики, теории функциональных стилей.

Литература

Любимова Н. А., Бузальская Е. В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих// «Мир русского слова» №4 2011 — С. 13-20

Liubimova N. A., Buzalskaya E. V.

The coordinate system of the world view.

The article is devoted to the value of one of the key terms in the anthropocentric paradigm — world view. The modern use of this term requires a special theory of its use in linguistic research for the study of complex objects (genres, discourses, strategies, tactics, concepts, etc.). This approach gives a more complete "picture" of the objects, pointing to the global cause of their specific characteristics.

К. Е. Полупан, к. пед. н., СПбГУ (Россия)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

In this issue it is told about the ways to express the preventive intention of speech in the modern Russian language — from interjections to proverbs. Especially detailed is the description of the aspects of verbs in the expressions which realize the preventive intention of speech.

В русском языке предостережение выражается с помощью различных конструкций: во-первых, это отрицательный императив СВ (*Не оцарапайся!; Не упусти свой шанс!; Не останься у разбитого корыта/в дураках/ни с чем!; Не поцарапай стекло!; Не отстань от группы!*).

Предостережение может выражаться инфинитивом и сослагательным наклонением СВ (*Как бы тебе не опоздать, Как бы ты не простудился*).

Вариант выражения предостережения со словом «осторожно» распространен в устной речи: *Осторожно, машина!; Осторожно, скользко!* или просто *Осторожно!*

Предостережение может выражаться и НСВ: *Смотри, не пей холодную воду; Смотри, не бери папину чашку; Смотри, веди себя хорошо* и др.

Ключевым фактором распознавания интенции говорящего является интонация. Интонация предостережения предполагает повышение и последующее понижение тона на ударной части: *Осторожно, машина!* Это соответствует ИК-3, характерной для вопроса без вопросительного слова: *Они уже уехали в Москву?* Интонация предостережения отличается отсутствием категоричности, свойственной запрету и угрозе; ее можно охарактеризовать как встревоженно-заботливую. Даже междометие *Ах!* или *Ой!* может, будучи произнесено с данной интонацией, выразить предостережение.

Предостережение имеет логическую структуру: Действие 1 (Д1) => Действие 2 (Д2), где Д1 — неосторожное/необдуманное/неоправданное действие, а Д2 — его негативные последствия. Зависимость между Д1 и Д2 часто отражается в паремиях. Некогда высказанное в речи предостережение становится пословицей, единицей языка.

Предостережение является элементом **языкового значения** пословиц, а не только их референциального смысла, зависящего от ситуации употребления. Поэтому многие пословицы не только способны выразить интенцию предостережения в речи, но и репрезентируют в языковой системе одноимённый концепт.

Формальные логико-грамматические признаки, по которым можно отнести пословицу к репрезентантам концепта «предостережение», таковы:

- наличие эксплицитного или имплицитного указания на причинно-следственную связь между некими Действием 1 (Д1) и Действием 2 (Д2) (где Д1 — неосторожное/необдуманное/неоправданное действие, а Д2 — его негативное последствие);
- способность аналогичной грамматической конструкции в непословичной речи выразить предостережение как речевую интенцию.

Выделяется **8 пластов пословиц-предостережений**: 1. Тип *Не рой другому яму: сам в неё попадёшь*; 2. Тип *Поспешишь — людей насмешишь*; 3. Тип *На чужом несчастье своего счастья не построишь*; 4. Тип *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*; 5. Тип *Не в свои сани не садись*; 6. Тип *Семь раз отмерь, один раз отрежь*; 7. Тип *Бережёного Бог бережёт*; 8. Тип *Не всё то золото, что блестит* [Полупан, 2011, 17-18].

Процесс обучения РКИ целесообразно строить вокруг единого семантического центра, например, семантики предостережения. Следуя принципам функциональности и концентризма, нужно постепенно расширять круг изучаемых способов выражения рассматриваемой семантики от центрального (НЕ + императив СВ) к периферическим, а так-

же двигаться от анализа собственно предостережения к смежным с ним интенциям, выражаемым, в том числе, пословицами.

Литература

Полупан К. Е. Формирование лингвокультурологической компетенции на материале паремий, репрезентирующих концепт «предостережение». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. — СПб.: 2011.

Н. Ю. Романова, к. пед. н., Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна (Россия)

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСА СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ДИЗАЙН»

Несмотря на общие черты, типичные для всего научного стиля в целом, каждому отдельно взятому языку специальности свойственны особые характеристики, которые следует учитывать при преподавании языка для специальных целей.

Текст по специальности рассматривается нами как форма реализации дискурса специальности, под которым мы, вслед за Е. В. Сергеевой, понимаем совокупность текстов одной сферы жизни, имеющих свой тематический репертуар и обладающих общими языковыми характеристиками [Сергеева, 2002]. Дискурс особым образом (с помощью концептов и фреймов) организованная структура знания, пользователь которой неизбежно следует определенной системе правил — дискурсивным стратегиям [Булатова, 1999]. Дискурсы определяются и различаются не только набором концептов и фреймами, которые они образуют, но также и частотностью использования этих фреймов и концептов. Набор и реальное заполнение концептуальных узлов индивидуально не только для каждой культуры и языка, но и для каждого отдельно взятого дискурса. Источником информации о дискурсе специальности являются тексты, разнообразные в функциональном и жанровом отношении.

Нами рассматривается дискурс специальности дизайн. Дизайн — комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность, интегрирующая естественно-научные, технические и гуманитарные знания, инженерное и художественное мышление, направленная на формирование на промышленной основе предметного мира в чрезвычайно обширной зоне контакта его с человеком во всех без исключения сферах жизнедеятельности.

Центральной проблемой дизайна является создание культурно и антропосообразного предметного мира, эстетически оцениваемого как гармоничный, целостный. Отсюда особая важность для дизайна — это использование наряду с инженерно-техническими и естественно-научными знаниями средств гуманитарных дисциплин — философии, культурологии, социологии, психологии, семиотики. Все эти знания интегрируются в акте проектно-художественного моделирования предметного мира, опирающегося на образное, художественное мышление.

Развитию дизайна у нас в стране до недавнего времени (1997) не уделяли должного внимания: дизайн как дисциплина отсутствовал в учебных программах вузов, поэтому ощущается острый дефицит в литературе учебно-методического характера на русском языке, в которой раскрываются основные понятия дизайна, описывается его история, специфика и основные методы дизайнерской проектно-художественной деятельности, роль дизайна в современной проектно-художественной культуре в целом. Существующие издания затрагивают лишь отдельные аспекты дизайна, многие носят сугубо научный или, напротив, популярный характер и не всегда могут быть использованы в учебных целях при обучении иностранных студентов. Этот вопрос особенно обострился сегодня с открытием во многих российских вузах дизайнерских специальностей и появлением студентов-иностранцев, изучающих дизайн в России.

Дискурс устроен по определенным правилам, характерным для данного языка. Чтобы учить пониманию русского дискурса дизайна, необходимо знать особенности, касающиеся как языкового материала, из которого строится дискурс, так и способов его структурирования.

Формой реализации дискурса является текст, письменный и устный. Опираясь на различные типы текстов — журнальные, газетные, энциклопедические, научные статьи, художественные тексты, справочники, а также интервью и устные рассказы о дизайне, необходимо выявить универсальные особенности текстов о дизайне, описать общую концептуальную структуру и основные стратегии дискурса дизайна. Дискурс дизайна — особый тип дискурса, в котором можно выделить специфические особенности в семантике лексем, содержании концептов и способах их экспликации.

Анализ научных статей о природе дизайнерской деятельности, новых парадигмах дизайнерской практики, исследованиях в области дизайна, взаимодействии дизайнера и потребителя показал, что наиболее близок дискурсу дизайна искусствоведческий дискурс, исследованный А. П. Булатовой. Под искусствоведческим дискурсом А. П. Булатова понимает вербализованный опыт мышления относительно области объектов, бытующих как произведения искусства, организованный в рамках стратегий восприятия, авторитета и

других искусствоведческих стратегий. Описываемое этим дискурсом денотативное пространство является пространством артефактов — произведений искусства [Булатова, 1999]. Близость дискурса дизайна к искусствоведческому дискурсу обусловлена тем, что дизайн сейчас воспринимается прежде всего как особый вид искусства. В научных статьях о природе дизайнерской деятельности, о взаимодействии дизайнера с потребителем отмечается, «сегодня в начале XXI века стало окончательно ясно, что дизайн, долгое время считавшийся чем-то вроде умения оформлять предметно-пространственное оснащение нашей жизни, — это искусство» [Дегтярева К. А., Петрова С. Г., 2011, 29] «Дизайн как новый вид искусства состоялся» [Дегтярева К. А., Петрова С. Г., 2011,]

Вместе с тем дискурс дизайна принципиально отличается от искусствоведческого дискурса, так как дизайн обладает собственным спектром эстетических и социальных задач, своим образно-философским смыслом, образован специфическими материально-художественными структурами, наделен индивидуальными технологиями реализации своего утилитарно-практического и культурно-эстетического потенциала. В научных статьях подчеркивается, что дизайн — искусство нового этапа развития цивилизации, эры прав человека и рыночных отношений, основанных на приоритете потребительских ценностей в укладе жизни общества. Такой подход означает пересмотр многих ортодоксальных положений эстетики. Главное — новое понимание категории «художественный образ», венчающей работу художника. Вместо привычной единственности произведения художественного творчества — преднамеренное тиражирование дизайнерской продукции. Вместо активно выраженной духовности — опосредование «высокого» через внешне непритязательные житейские потребности, синтезирующие «естественные» и нравственные начала. Вместо подчеркивания исключительности, даже недостижимости идеала — уверенность, что идеальное есть норма, выражение оптимизма на уровне «смысла бытия». Проповедуется идеология целенаправленного преобразования присущей человеку жажды прекрасного в технологию внедрения прекрасного во все стороны нашей жизни. Узловые концепты, единые для всего искусствоведческого дискурса, составляют пять концептуальных областей: человек, артефакты, бытие, природа, эстетика. В дискурсе дизайна важнейшие концепты трансформируются: человек превращается в потребителя, заказчика, покупателя, а бытие — в быт. Одновременно подчеркивается значимость профессии: дизайнер предстает всемогущим творцом. «Тотальная оформленность среды обитания человека, ожидающая нас в недалеком будущем, означает, что наша жизнь станет протекать как бы внутри сознания дизайнера, роль которого постоянно возрастает». [Заостровцев, Сухов, 1998,58]. Об этом же свидетельствует использование прецедентных текстов: «И если красота спасет мир, то ей не обойтись без помощи дизайна» [Заостровцев, Сухов, 1998,59].

Русскоязычный дискурс дизайна представляет собой сумму выраженных вербально и графически знаний, общих для всего человечества. Вместе с тем он имеет свои национальные особенности как в референциональной части (принятые в стране системы измерения, традиции структурирования научного изложения, набор учебных дисциплин для получения той или иной специальности и т. д.) так и на языковом и на речевом уровнях. Овладение русским дискурсом дизайна означает овладение не только суммой знаний определенной специальности, но и способами их выражения на русском языке. В то же время дискурс дизайна нужно рассматривать с точки зрения вербально выраженной ментальности, мировосприятия, создающего особый мир. Концептуализация знания и стратегии искусствоведческого дискурса непосредственно связаны с глубинными структурами общеязыкового мышления на русском языке.

Литература

- Булатова А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 1999, №4.
- Дегтярева К. А., Петрова С. Г. Необходимость исследований в области дизайна. // Дизайн. Материалы. Технология. 2011, №2 (17).
- Сергеева Е. В. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект, СПб, 2002.
- Заостровцев А. П., Сухов В. Н. Дизайн России. СПб., 1998.

Славяно-германская компаративистика

М. М. Кондратенко, к. филол. н., Ярославский государственный педагогический университет (Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В НЕМЕЦКИХ И СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Успехи в исследовании контактных языков (на Балканском полуострове, на славяно-балтийском пограничье и др.) вызывают вопрос: могут ли лингвистические феномены, постулируемые для языков, находящихся в непосредственном контакте, быть в той или иной степени актуальными для языков, генетически родственных, но достаточно удаленных друг от друга в географическом отношении?

Сходство между немецким и славянским диалектным материалом на лексико-семантическом уровне связано либо с наличием заимствований (лексических или семан-

тических), либо с параллелизмом (другими словами — независимостью) семантического развития. Лексические заимствования также представляют интерес в семантическом плане, поскольку заимствование может быть обусловлено «слабостью» репрезентации определенного фрагмента понятийного поля. Так, среди различных заимствований в славянских языках в обозначениях интервалов времени чаще других иноязычным является наименование астрономического часа: ǫro в словенских резьянских говорах, sat в болгарских говорах, šteńa — в кашубских и др.

Семантические совпадения между славянскими и немецкими диалектами можно наблюдать в обозначениях времени как глобального понятия. В лексике средневосточно-франкских немецких говоров (или говоров Северной Баварии) в значении «время» зафиксирована лексема Derweil, с корневой морфемой Weil-, восходящей предположительно к и.-е. *k̑eie «находиться в состоянии покоя». Образ неподвижности, отсутствия изменений лежит в основе других производных хрононимов в этих говорах, например, лексемы Sitzweil «вечер». Сходное семантическое явление наблюдается в соседних славянских нижнелужицких говорах: chyla — «некоторое время» и «покой, досуг».

В лексике немецких и славянских говоров обращают на себя внимание также глаголы, обозначающие рассвет, в том числе производные от названия дня: grauen (буквально: становиться серым), tagern (производное от Tag «день») в средневосточнофранкских и ободневать, ободнять в ярославских. Аналогичное представление раннего утра как времени перед днем представлено и в других севернославянских говорах — у лужичан do dńa, в северо-западной Белоруссии — прадднем. Серый цвет как признак рассвета отсутствует в ярославских, но присутствует в других славянских, например, в северо-западных белорусских говорах: шараць (т. е. сереть) — «рассветать».

Некоторые параллели между славянскими и немецкими хрононимами можно наблюдать и в наименовании своеобразного «маленького» праздничного дня, наступающего через определенный период после основного, например: Kleinneujahr (буквально: малый Новый год) «день поклонения волхвов» через неделю после Нового года в говорах Средней Франконии и małe jatšy (малая Пасха) «следующее воскресенье после Пасхи» в нижнелужицких говорах. Подобные пространственные характеристики, а именно «большой» и «маленький», отражаются в болгарских названиях праздников Богородицы 28 августа и 21 сентября — голямата чорква и малката чорква.

Большую часть выявленных семантических параллелей следует отнести к случаям независимого семантического развития того признака понятия, который актуализируется в номинации, что обусловлено, по-видимому, общими семантическими архетипами и различными внеязыковыми факторами.

The article centers round the cases of semantic coincidence based on lexical material of Slavic and German dialects. The problem of the reasons of the coincidence is investigated. Groups of words in which this coincidence is more often present are figured out.

С. А. Шишкина, к. филол. н., Тюменский государственный университет (Россия)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ ИНТЕРЕСА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

The paper deals with the conceptualization of the emotion of interest in the Russian and English languages. The cross-linguistic research of the lexical units discloses the characteristics of the conceptual world view of a language speaker.

Одна из актуальных проблем современной лингвокультурологии — изучение такого когнитивного феномена, как вербализация эмоций. Анализ психических переживаний человека дает возможность выявить особенности культурных предпочтений и доминант определенного языкового коллектива, этнической общности.

Существуют различные подходы к анализу структуры концепта. Большинство исследователей вычленяют в составе концепта три взаимосвязанных компонента: образное содержание, понятийное, или информационное содержание, и ценностное, или значимостное содержание.

В нашей статье мы остановимся на образном содержании изучаемых концептов, так как когнитивный образ является первичным, базовым слоем в структуре концепта. Он отсылает концепт к материальному миру, и осмысление внутреннего мира происходит по подобию внешнего.

Для выявления образного содержания концептов *interest* и *интерес* был проведен анализ сочетаемости имен концепта на материале лексикографических источников. В результате были выявлены разноаспектные признаки, среди которых в первую очередь следует отметить признаки неживой природы.

В языковой картине мира абстрактные сущности часто соотносятся с элементами бытия — огнем, водой, воздухом и землей. Проведенный анализ показал, что концепт *interest* нередко актуализируется посредством признака «огонь». Он реализуется в словосочетаниях *a burning interest: If you have a burning interest in something or a burning desire to do something, you are extremely interested in it or want to do it very much* [2], *a spark of interest: she doesn't show a spark of interest* [4], *to kindle one's interest: the project kindled his interest* [4].

Универсальными признаками огня в языке являются его физические характеристики «горячий», «приносящий тепло». Интерес также может характеризоваться этими признаками: *he took a warm interest in the subject of university education* [4].

Русский концепт интерес также содержит концептуальную метафору «интерес — огонь»: они возбуждают самый **горячий интерес**; они проявили **горячий интерес** к новому делу [5].

Интерес вербализуется с помощью других признаков неживых предметов. По признаку «размер» интерес может характеризоваться как большой: *I read your article with great interest* [3], узкий: *narrow interests* [4] или широкий: *broad interests* [4]. Кроме того, он обладает признаками «острота»: *Tom had always had a keen interest in music, so he started a band. The children have a keen interest in having a pet, so I bought them a cat* [4] и «сила»: *to have a strong interest in something* [4].

В русском языке были выявлены признаки «размер»: *эти темы вызвали большой интерес* и «сила»: *сильный интерес к судьбе Вали* [5].

Кроме того, интерес в англоязычной картине мира обладает рядом антропоморфных признаков, таких как «лень», «безделье»: *idle interest* [3], «оживленность»: *a lively interest* [3], «ум», «интеллект»: *intellectual interests* [4].

В русском языке также присутствуют признаки «оживленность»: *живой интерес к их быту и обычаям* и «интеллект»: *разносторонние интеллектуальные интересы* [5].

Таким образом, наблюдается принципиальное сходство в способах концептуализации интереса в данных лингвокультурах, что может быть объяснимо сходством форм вербального освоения мира разными этносами.

Литература

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. [Текст]. / С. И. Ожегов. — М.: Русский язык, 1986. — 796 с.
2. English-Cobuild Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reverso.net/english-cobuild/> (дата обращения: 14.01.2012).
3. Longman Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 14.01.2012).
4. The Free dictionary by Farlex. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 14.01.2012).
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.01.2012).

Славянское языкознание

О. В. Блинова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)

АВТОРСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМОЙ В ОДНОМ ВАРИАНТЕ «ЗАПАДНОПОЛЕССКОГО ЯЗЫКА»

Материал так называемого «западнополесского (микро)языка» авторства Н. Шеляговича (далее — ЗЯ) интересен не только с точки зрения типологии литературных языков. По сути, в данном случае мы имеем дело с продуктом индивидуального творчества. Более того, принимая во внимание специфику ЗЯ, возможно, следует рассматривать этот идиом как в значительной степени искусственный.

Дело в том, что автор провозгласил стратегию формирования нормы ЗЯ, согласно которой был вынужден отбрасывать «неполесские» языковые элементы: *«за норму поліськиї володы трэ браты најнэроц тэ, шо е властывэ но польшучкам, чого ныма в гынчых»* [Балесы, 1989, 6]. К последним относятся элементы белорусского, украинского и русского литературных языков. «Полесский» же материал — это диалекты белорусского Брестско-Пинского и украинского Волынского Полесья (в частности, говоры южной части Ивановского р-на Брестской обл. и смежной территории Волынской обл.) [см. Klimčuk, 1999]. Чтобы увеличить степень отличия (дистанцию) от упомянутых литературных языков, Шелягович заменял западнополесские лексемы, принадлежащие общему с этими языками лексическому фонду, словами собственного изготовления.

Методы формирования «национально-специфичного» словаря вполне прозрачны: реактивизация архаической диалектной лексики, изготовление разнообразных неологизмов, калькирование, заимствования (особенно из неблизкородственных языков) и т. д.¹⁶. Постановка вопроса о сознательном формировании искусственно «полесской» грамматики более неоднозначна.

В ЗЯ можно выделить три типа склонения, которые мы условно обозначим как *ā-склонение, *ǫ-склонение и *ī-склонение. Рассмотрим два из них.

	<i>волóда</i> — «язык», <i>гíр</i> «пан»	
ед. ч.	*ā	*ǫ
Им.	<i>волóд-а</i>	<i>гíр</i>

---

16 О специфике словарного состава ЗЯ см. также: [Klimčuk, 1999], [Цыхун].

Вин.	<i>волóд-у</i>	<i>гíр-а</i>
Род.	<i>волóд-ы</i>	<i>гíр-а</i>
Местн.	<i>волóд-ы</i>	<i>гíр-овы</i>
Дат.	<i>волóд-ы</i>	<i>гíр-овы</i>
Твор.	<i>волóд-ою</i>	<i>гíр-ом</i>

Для *ā-склонения примечательны варианты формы твор. ед. типа *з мапыню* (от *мапына* «карта»). Отметим наблюдаемые в парадигме *ǫ-склонения окончания дат. ед. - *овы* (по *світовы, Даныловы*) и преобладание флексии -*овы* в формах местн. п. ед. ч. (у *спарезовы*). Во мн. ч. интересно обобщение флексии —*эј* в род. мн., ср. *людэј; органэј, бюрократэј; радэј* (от *рада*).

Для интерпретации полученных сведений необходимо сопоставление с данными по словоизменению западнополесских говоров; последние, как показано в [Зінчук, 2009], в этом отношении исследованы фрагментарно. Для первоначального сравнения использован перевод «Нового Завета» на говор села Симоновичи Дрогичинского района Брестской области, сделанного лингвистом Ф. Д. Климчуком [Климчук, 2010]. Этот перевод ориентирован на узус¹⁷.

Предварительные выводы таковы: флексия -*овы* в дат. и местн. ед. используется Климчуком так же последовательно, как и Шеляговичем. Вероятно, эти следы исторического склонения на *ǫ имеют «естественное» происхождение, а не введены как отличительная особенность¹⁸. Для вариантных форм твор. ед. типа *з мапыню* соответствий не найдено, эти формы можно считать авторской инновацией. В род. мн. у Климчука, по первоначальным наблюдениям, для существительных условного *ǫ-склонения используется флексия -*ув* (*грішныкув, клóпотув*), а флексия -*эй* наблюдается в основном у слов, изменяющихся по типу *ā-склонения (*сє'стрэй, смóквэй, вильмóжэй*).

Литература

Балесы Полісья: Інформаціjnэ, лытырацько-уміjныцкэ и штудіjно-популярнэ выданне грамадсько-культурнаго згуртавання «Полісьсе». 1989. № 1.

Зінчук Р. Словозміна західнополіських говірок як предмет опису: стан і перспективи дослідження // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2009. Вип. 26. Ч. II. С. 131-136.

¹⁷ Хотя и не исключено, что Ф. Д. Климчук в какой-то степени ориентировался на традицию ЗЯ Н. Шеляговича.

¹⁸ По крайней мере, наличие -*овы* в дат. ед. подтверждается другими источниками, см. [Зінчук, 2009, 132].

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. (Перевод Ф. Д. Климчука). Мн., 2010.

Klimčuk F. D. Некоторые особенности письменной традиции Полесья // Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen. Tübingen, 1999.

Цыхун Г. Пра заходнепалескую літаратурную мікрамову (праект М. Шэляговіча) // [Электронная публикация] http://languages.miensk.com/Lang_Eu_As_Af/Indoeuropean/West_palesian/prajekt_sheliah.htm

THE INVENTION OF NOUN PARADIGM IN «WEST POLESIAN (LITERARY) LANGUAGE»

The paper discusses some features of so-called West Polesian language (WPL). WPL is one of East Slavic idioms; it is usually classified as "microlanguage". We analyzed aspirations of the founder of language (M. Šyljahovič) to artificially increase a language distance between WPL and surrounding "big" languages. For instance, we touched on development of the WP vocabulary through the use of neologisms, calques, borrowings from unrelated languages. Some elements of the system of noun inflection in WPL is also considered. The WP morphology based on local dialects seems "more natural", than vocabulary.

Паутова У. В., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ПОСЛОВИЦЫ О ЖЕНЩИНЕ В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

В народной мудрости сербов и хорватов женщина занимает одно из центральных мест. Собранные пословицы (Словарь сербских пословиц В. Караджича и Интернет-словари) разделены по семантике на 2 группы: I — описание женского характера; II — оценка жизни женщин.

К основным чертам женского характера сербохорватские пословицы относят:

- 1) строптивость: **Лакше је скувати жељезо него савладати женину тврдоглавост** *‘Легче сварить железо, чем преодолеть упрямство женщины’* (в основе пословицы — представление о металле, приготовить который путем варения (не сварки) невозможно; преодолеть женское упрямство труднее);
- 2) болтливость: **Жене су да зборе, а људи да творе** *‘Женщины [существуют], чтобы говорить, а мужчины — чтобы делать’*;
- 3) глупость: **Прорицала је баба да ће бити после кише блага** *‘Предсказывала баба, что после дождя будет грязь’* (женщина недалекая, «предсказывает» само собой разумеющееся);

4) ветреность: **Жена мужу коротује толико колико ври земљана пињата кад се с огња дигне** 'Жена по мужу носит траур столько, сколько кипит глиняная миска, когда ее снимут с огня' (после смерти мужа жена быстро его забудет); **Што је баби мило то јој се и снило** 'Что бабе мило, то ей и снилось' (о желании выдать желаемое за действительное);

Пословицы, дающие оценку жизни и быту женщины, разделяются на подгруппы:

1) женщины как некое зло для мужчин: **Жена је рај за очи, пакао за душу и чистилице за цеп** 'Женщина — рай для глаз, ад для души и чистилице для кармана' (женщина как причина душевных мук и материальных проблем мужчины; в слове «чистилице» оживляется внутренняя форма и проявляется связь с глаголом «чистити» 'чистить, обчищать');

2) характеристика социальной роли женщины: **Женско је туђа срећа** 'Женщина — чужое счастье' (замужняя девушка становится для родителей чужой).

3) необходимость для мужа присматривать за женой: **Жену много не мази, него је припази** 'Жену много не балуй, а постереги ее' (жену могут увести, если муж ее не бережет);

4) оценка труда женщины: **Женски донос празни понос** 'Женская прибыль — пустая гордость' (женский труд оценивается низко, не связан с зарабатыванием денег); **Женски посао је приложак од меса** 'Женская работа — мясной довесок' (труд женщины — малое дополнение к работе мужчины).

Кроме этих пословиц с отрицательной (в основном) коннотацией, выделены пословицы, показывающие важную роль женщины в семье, обществе: **Не стоји кућа на земљи него на жени** 'Дом стоит не на земле, а на женщине'; **Ђе жене није, ту није ни куће** 'Где нет женщины, там нет и дома' (женщина как хранительница домашнего очага). Важна роль женщины и в социальном становлении мужчины: **Чоек не може бити чоек, докле га жена не крсти** 'Мужчина не может быть мужчиной, пока его не крестит женщина'.

Итак, женщина воспринимается в народной мудрости сербов и хорватов в основном негативно, что связано с многовековым противопоставлением женщины мужчине как темного начала — светлому, но при этом она хранительница домашнего очага, основа становления мужчины как личности. Противоречивые оценки показывают интерес к отношениям мужчины и женщины и значимую роль женщины в обществе.

Литература

1. Караџић В. Ст. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. У Бечу, 1849.
2. Izreke o ženama i muškarcima / URL: <http://izrekeiposlovice.com/2011/02/izreke-o-ženama-i-muškarcima/>
3. Српске народне пословице // Вики-цитат / URL: <http://sr.wikiquote.org/sr/>

Proverbs about a woman in the Serbo-Croatian language

The article discusses proverbs about a woman in the Serbo-Croatian language. Several semantic groups of such proverbs are outlined. Proverbs reflecting traits of the woman's character, her place in the society are analyzed. The proverbs' analysis shows that a woman has contradictory perceptions: she is a great evil for a man, but also a big benefit. There are more proverbs with a negative connotation than with positive because of a long-lasting traditional opposition of a man and a woman as good and evil and special attention of the society to all negative phenomena.

А. С. Сидоренко, Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (Беларусь)

Способы репрезентации негативных эмоций в белорусском языке (на материале художественных текстов)

В последние десятилетия в связи с закреплением в рамках научных исследований антропоцентрической парадигмы, выдвинувшей в центр внимания человека как такового, в языкознании оформилось новое направление — лингвистика эмоций, обратившее внимание на изучение особенностей эмоциональной сферы личности и способов ее вербализации.

В языке эмоции могут быть репрезентированы тремя основными способами:

1) непосредственным выражением (с помощью междометий, инвективной лексики), например:

«Божя мой! Шаснацаць год жыла з гэтым чалавекам! Аддала яму ўсё» [Шамякін, 1996]; *«Ах, чорт, які гэта тут ёлун! Якая падла!»* [Караткевіч, 1950];

2) прямой номинацией (лексемы-номинанты, представленные различными частями речи), например:

«I ўвесь час душу яе ціснула гора і смутак» [Чорны, 2000]; *«Толькі тут я зразумеў, што нема крычаў не хто іншы, як я. Мне стала сорамна»* [Караткевіч, 1950];

3) описанием (в результате оценки, которой подвергается состояние человека со стороны). Анализ научной литературы позволяет выделить следующие наиболее типичные для художественных текстов модели описания эмоций:

- описание двигательных реакций и жестов субъекта эмоции, например: «*Можна, ён успамінаў, ці не асталася яшчэ чаго, і не бачыў, як Паліводскі раптам збалеў тварам і рукамі зрабіў рух туды да яго*» [Чорны, 2000];

- описание внешнего выражения физиологических реакций организма человека на определенное эмоциональное состояние, не регулируемых волевым усилием, например: «*Некалькі разоў твар Паліводскага зменьваў свой колер: то чырванеў, то зелянеў, то бялеў, то зноў чырванеў*» [Чорны, 2000];

- описание характера звучания речи субъекта эмоции, например: «*Я і не спадзяваўся на такі вынік маіх слоў, але пасля іх голас ціха войкнуў і спуджана закудахтаў...*» [Караткевіч, 1950];

- употребление фразеологизмов, например: «*Гэта быў жах, застарэлы цёмны жах. Не той жах, які прымушае на хвіліну ўстаць дыбарам валасы ...*» [Караткевіч, 1950];

- использование средств словесной выразительности, в частности — метафор и сравнений, например: «*Твар яго быў чырвоны, і вочы свяціліся белым полымем*» [Чорны, 2000];

- указания на последствия, к которым могут привести эмоции, например: «*... я ведаў, што ад такога раптоўнага спуду людзі часта вар'яцелі або заставаліся нямымі*» [Караткевіч, 1950];

- описание предметов и тех их качеств, которые способны вызвать негативные эмоции у человека, например: «*І твар гэтага мужчыны быў жывейшы <...> і такі дзіўны, жорсткі і змрочны, што можна было спалохацца ...*» [Караткевіч, 1950];

- отсылка читателя к общеизвестным, стереотипным ситуациям, которые имеют отношение к определенным эмоциям, например: «*Улоў мой быў зусім мізэрны, і таму я быў злы, як поп, які прыйшоў на хаўтуры і раптам заўважыў, што нябожчык уваскрэс*» [Караткевіч, 1950].

Літэратура

Караткевіч, У. С. Дзікае паляванне караля Стаха [Электронны рэсурс] / У. С. Караткевіч. — Рэжым доступу: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1000097>. — Дата доступу: 10.03.2012.

Чорны, К. Пошукі будучыні [Электронны рэсурс] / К. Чорны. — Рэжым доступу: <http://old.knihi.com/corny/posuki.html>. — Дата доступу: 10.03.2012.

Шамякін, І. П. Сэрца на далоні [Электронны рэсурс] / І. П. Шамякін. — Рэжым доступу: <http://knihi.com/samiakin/serca.html>. — Дата доступу: 18.03.2012.

Summary

The article is devoted to the problem of the language representation of emotions. The author studies the methods and means of the representation of negative emotions in Belarusian based on the fiction.

Е. А. Смердова, аспирант, Пермский государственный педагогический университет (Российская Федерация)

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ НЕПРОЗРАЧНОСТЬ КАК АВТОРСКИЙ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Я. ИВАШКЕВИЧА “OPOWIADANIE Z PSEM”)

Summary: the referential opacity of the text is understood as a situation of semantic ambiguity. Its main reason is an indirect reference. The indirect reference used in the story by J. Iwaszkiewicz “Opowiadanie z psem” is regarded as the author's stylistic strategy. The report presents a system of specific conditions which promote the semantic ambiguity appearances in the text, among them: an autoreference, an indirect reference, a lack of the discourse (space and time) localizers etc. The report includes the possibilities of the interpretation of referentially opaque text.

Статья посвящена проблеме интерпретации референциально непрозрачных текстов. Если референция — это способ зацепить высказывание за мир [Арутюнова, 1982, 18], то значит, этот процесс осуществляется не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне высказывания и текста. В зависимости от использования тех или иных видов референции, высказывание порождает как референциально прозрачную ситуацию (допускающую однозначную интерпретацию), так и референциально непрозрачную (при которой интерпретация, или затруднена, или становится невозможной) [Куайн, 2000, 109]. Материалом для исследования референциальной непрозрачности послужил рассказ Я. Ивашкевича “Opowiadanie z psem” («Рассказ с собакой») (1964) [Iwaszkiewicz, 2008, 358-370].

Референциально прозрачные тексты создаются при помощи прямой референции. Она обеспечивает локализацию высказывания относительно точек времени, пространства повествования, актуализацию субъектов действия. Так, в рассказе “Opowiadanie z psem”:

— знаками пространственной актуализации текста выступают имена собственные *Medorek, Janek*, указывающие на местность со славяноязычным населением;

— функцию актуализаторов точки времени выполняют лексемы *samochody* (*автомобили*), *kolejka* (*электричка*), указывающие на середину XX в.;

— в качестве актуализаторов субъектов выступают дескрипции *starszy człowiek, zmęczony* (*пожилой человек, уставший*) и т. д., которые, однако, не дают точного описания их внешности, черт характера и пр.

Таким образом, прямой референцией очерчиваются границы возможного текстового мира.

Эффект референциальной непрозрачности создаётся при помощи непрямого и автонимного видов референции. Непрямая референция позволяет автору перевести событийный нарратив в разговор об идеях (Бог, Вечность, место человека в мире). Механизм не прямой, или косвенной референции обнаруживается в интертексте — отсылках к различным текстам культуры (роману О. Хаксли «Контрапункт», квартету Л. Бетховена “Heilige Pankgesang” и др.).

Автонимной референцией создаётся эффект двойничества: два персонажа как грани одного субъекта, диалог обращается во внутреннюю речь [Якобсон, 1985, 324]. Основной функцией автонимной референции становится акцентирование внимания на тексте памяти одного человека. Текст памяти совместно с текстами культуры образуют интеллектуальное пространство, в которое переносится повествование.

Эффект референциальной непрозрачности рассматривается как авторская стратегия. С одной стороны, следствием не прямой референции становится невозможность «однозначной» интерпретации текста. С другой стороны, это единственно возможный инструмент создания «истинного» сюжета, который разворачивается как «история идей». Интерпретация референциально непрозрачного текста обладает низкой степенью конвенциональности. Напротив, читатель обладает достаточно большой свободой участия в создании интерпретирующего метатекста, поскольку основанием интерпретации становится его текстовая память.

Литература

Iwaszkiewicz J. Opowiadanie z psem // J. Iwaszkiewicz. — Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2008. — S. 358-370.

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Радуга, 1982. Вып. XIII. — С. 5-25.

Куайн У. Слово и объект [Текст] / У. Куайн. — М.: Логос, Праксис, 2000. — 386 с.

Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков

Н. В. Богданова, к. педагогических наук, Северо-западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА В СИСТЕМЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ И СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ

Famous methods of teaching foreign languages in non-linguistic universities are systematized, a classification and a comparative analysis of approaches and methods are represented, a new competence integrated approach to making intensive language teaching courses for participants of academic mobility programmes in non-linguistic universities is proposed in the article. This problem is of great interest due to expansion of international contacts and active involvement of Russian universities in Bologna Process.

Европейское образовательное сообщество выстраивает свою деятельность в соответствии с принципами Болонского соглашения. Неотъемлемой частью программы Болонского процесса является академическая мобильность [Касевич, 2005]. Одновременно известны факторы, ограничивающие развитие мобильности в российских вузах: дисбаланс во взаимообмене студентами — преобладают потоки студентов из России в Западную Европу при почти полном отсутствии обратных потоков; преобладание числа студентов на уровне магистратуры и незначительное участие студентов на уровне бакалавриата; отсутствие единых стратегий и механизмов по развитию программ академической мобильности [Nevala, 2008]. Одной из основных причин перечисленных ограничений является *слабая языковая подготовка* участников программ академической мобильности. Иноязычная подготовка в вузе — это процесс усвоения лингвистических, специальных и социокультурных знаний, речевых умений и практических навыков, направленный на профессиональное, коммуникативное и общекультурное развитие будущего специалиста, готового к постоянному профессиональному росту, непрерывному самообразованию, решению практических задач в условиях современного информационного общества. На основе сопоставительного анализа подходов предлагается использовать *компетентностно-интегрированный*, который предполагает определение необходимых компетенций иноязычной подготовки для каждого участника программ АМ и взаимосвязанное формирова-

ние умений во всех четырех видах речевой деятельности — аудировании, говорении, чтении и письме, а также интеграции курса обучения профессиональному иностранному языку в программу обучения специальным предметам [Богданова, 2012]. *Программы обучения* ориентированы на выполнение участниками АМ следующих функций: ознакомительные поездки; языковые курсы; научные конференции и семинары; летние и зимние школы; международные семестры; программы двойных дипломов; научные стажировки; совместные научные проекты; чтение лекций. Успешные результаты обучения профессиональному языку подтверждены немецкими коллегами в языковых центрах ряда университетов Германии. Курс обучения профессиональному немецкому языку на *основе интеграционной модели* приводит к лучшим результатам по сравнению со «стандартным» курсом обучения при сохранении того же объема часов. «В то время, когда развитие общеязыковой коммуникативной компетенции соответствовало обычному темпу обучения курсов, произошло значительное увеличение речевой производительности в профессиональной сфере и обработки информации по интересующему материалу» [Steinmetz, 2000].

В *компетентностно-интегрированном подходе* предлагается использовать *метод моделирования результатов* и их представления как норм качества освоения программы обучения. Под результатами понимаются набор компетенций, включающие знания, умения и навыки обучаемого. *Компетентностная модель* представляет описание набора компетенций, которыми должен обладать участник программ АМ.

Наиболее эффективными могут быть:

— *метод коммуникативных заданий*, который предполагает учебные стратегии и тактические приемы упражнения на формирование коммуникативной компетенции — *ролевые игры, презентации* выполненных заданий, развернутый обмен мнениями — *дискуссии, интервью, обзоры, драматизация (игровое моделирование)* и т. д. как результат — продукт в виде письменного или устного высказывания,

метод создания базы данных с использованием Интернет ресурсов и индивидуальных учебных материалов по специальности участника программ АМ, результат — презентация, реферат, аннотации, доклады, *интегрированные задания и аутентичные профессионально-ориентированные* тексты по специальности.

Для данной целевой аудитории целесообразно использовать *программы функционально-содержательного и модульного* типа. Роль преподавателя и учащегося определяется следующим образом: преподаватель — менеджер процесса обучения, учащийся — активный участник и партнер, как при создании программы, так и в процессе ее реализации. Формы контроля связаны, прежде всего, с определением уровня владения языком со-

гласно общеевропейской шкале уровней — входное и итоговое тестирование, определение набора компетенций, самооценка обучаемого.

При разработке программ языковой подготовки необходимо объединить усилия, как преподавателей иностранного языка, так и специалистов по профилю программы АМ, поскольку: «Это не только задачи, ориентированные на специфику языка, но и очень сложные междисциплинарные задачи, определяемые с учетом каждого отдельного предмета, решаемые только в сотрудничестве с экспертами» [Fearn, 1998]. Отбор учебных материалов осуществляется, прежде всего, с учетом потребностей целевой аудитории и важности для коммуникации в социальных и профессиональных областях деятельности. Для выявления данных потребностей целесообразно проводить анкетирование обучаемых [Арсеньев, 2009]. После проведения аттестации знаний обучающихся можно судить о достижении целей курса обучения. В дальнейшем можно принимать решения об изменении содержания программы обучения, о необходимости корректировки и совершенствовании методов и приемов. Потенциальными преимуществами разработанного подхода являются: высокая интенсивность курса обучения; возможность учета необходимых компетенций и индивидуальных потребностей участников программ АМ; интеграция профессионального языка в общезыковую подготовку на ранних этапах обучения; разработка тематических модулей и УМК для программы курса обучения языку совместно со специалистами в каждой отдельной области; использование принципов построения Европейского языкового портфеля и проектной методики для контроля и самоконтроля результатов обучения и определения уровня владения языком. **Компетентностно-интегрированный подход** позволяет учесть индивидуальные особенности участников программ АМ и достичь максимального результата и эффективности обучения для данной целевой аудитории.

Литература

- Fearn, Anneliese. Methoden des fachbezogenen Unterrichts Deutsch als Fremdsprache: Fachsprachen, Languages for Special Purposes, Berlin; New York: de Gruyter, 1998, 961-965 (HSK 14.1).
- Nevala J., Tervonen J., Korotkov A. S. International Education and Science Cooperation: Proceedings of the International Education and Science Cooperation, Sankt-Petersburg, June 2-6, 2008, с. 252-254.
- Steinmetz, Maria. Fachkommunikation und DaF-Unterricht: Vernetzung von Fachwissen und Sprachausbildung am Beispiel eines Modellstudiengangs in China. München: Iudicium, 2000.
- Арсеньев Д. Г., Богданова Н. В., Назарова А. В. Формирование профессионально-ориентированных программ в рамках международного образования. // Труды СПбГТУ № 509.- СПб., 2009, с. 3-8.

Богданова Н. В., Коротков А. С. Иностраный язык в системе академической мобильности студентов неязыковых вузов. // Педагогика. — М., 2012, №2. С. 71-79.

Касевич В. Б. Болонский процесс и школа // Вестник образования. 2005. № 17. С. 54—61.

С в е д е н и я о б а в т о р е :

Богданова Надежда Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Северо-западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, Пискаревский пр. 47, 195067, Санкт-Петербург, тел. 8(812)5431514,

Моб 8-911-762-9847

df1_mechnik@mail. ru специальность ВАК 13.00.02

С. Л. Божик, Санкт-Петербургский Государственный Университет (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

В современной методической литературе немало написано про обучение диалогической речи, но все приёмы предназначены для европейских учащихся, обучаемых в рамках коммуникативного подхода. Возможно ли их использование или адаптация при обучении студентов из КНР?[Lee Gek Ling, 2003]

В методике преподавания иностранных языков сложились два подхода при обучении диалогической речи — дедуктивный и индуктивный. Изучив преимущества и недостатки обоих, и основываясь на собственных наблюдениях, нам представляется эффективным обучение на начальном этапе студентов из КНР диалогической речи в рамках дедуктивного подхода, что, во-первых, обусловлено особенностями их восприятия и мышления. Рассматривая особенности мышления носителей иероглифической культуры и опираясь на исследования мозга и способы обработки информации его правым и левым полушариями, исследователи приходят к выводу, что визуальные образы и интонационные изменения речи, поступаая в мозг, обрабатываются правым полушарием. Таким образом, при распознавании иероглифов доминирует правое полушарие, что говорит об образном мышлении носителей иероглифической культуры. [Иванов, 1978]

Во-вторых, ещё один аргумент в пользу дедуктивного подхода — дедуктивные приёмы рассуждений в древнем Китае и существование в китайской культуре принципа дедуктивно-дидактической цепи рассуждений, когда частное положение логическим пу-

тем выводится из общего. [Мащенко, 1999, 120] Так и при дедуктивном подходе диалог-образец является образцом, оперируя которым учащиеся в дальнейшем создают свои собственные диалогические высказывания.

В рамках дедуктивного подхода основными этапами обучения диалогической речи являются: презентация диалога; усвоение языкового материала; усвоение способов связи реплик в диалоге; его воспроизведение; расширение возможностей диалога-образца за счет изменения компонентов ситуации; воспроизведение видоизмененного диалога.

Для организации самостоятельной диалогической речи учащихся им задаются различные речевые ситуации, которые являются новыми и незнакомыми. То есть на этом этапе диалог-образец и его элементы усвоены, обучаемые могут использовать их в качестве образца и уже самостоятельно строить свои собственные диалоги, опираясь на новые речевые ситуации и тем самым знакомясь с новой социокультурной реальностью, что является ещё одним аргументом в пользу дедуктивного подхода.

Таким образом, обучение диалогической речи студентов из КНР на начальном этапе с помощью дедуктивного подхода является не только эффективным, но и обоснованным.

Литература

Lee Gek Ling. Teaching English to students from China. Singapore: Singapore University Press, 2003

Демидов В. Как мы видим то, что видим. М.: Знание, 1987. С.9-10

Иванов В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: 1978. С. 24

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2000.

Мащенко С. П. Обучение устной монологической речи иностранных студентов-филологов продвинутого этапа на основе текстов духовно-нравственной тематики различной жанровой принадлежности: На примере китайских учащихся: диссертация на соискание ст. кандидата пед. наук. Рос. гос. пед. ун. им. Герцена, 1999. С.120

<http://azps.ru/handbook/o/obra358.html>

<http://perevod-online.com/chinyaz/o-filosofii-kitayskogo-yazyka/>

<http://www.modernstudy.ru/pdds-14-1.html>

Summary

In modern methodology books a lot of methods of teaching dialogue speech in English can be found, but whether it is possible to use or adapt them, teaching Chinese students is the object of the given research.

The article highlights the problem of teaching dialogue speech to Chinese beginner level students and explains why teaching dialogue speech to Chinese students through a deductive approach is effective and proved by the peculiarities of the culture and perception of students belonging to a system of hieroglyphic writing.

Л. А. Воронина, к. пед. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КУРСА «ИСТОРИЯ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ» В ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННОГО БАКАЛАВРИАТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА» И ЕГО МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Студенты-иностранцы на отделении иностранного бакалавриата в своем подавляющем большинстве являются студентами из КНР. Профессия преподавателя является очень почетной и желанной для каждого представителя дальневосточных стран, в том числе и для носителя китайского языка и культуры. Именно поэтому, согласно опросу, большинство выпускников нашего отделения имеют дело с образовательной сферой, временно или постоянно. Однако профессиональной подготовки в рамках специальности не предполагается.

Тем не менее, этот пробел можно заполнить, предложив им на выбор некоторые методические спецкурсы, одним из которых является «История методов обучения иностранным языкам». Для рассматриваемых условий курс обладает рядом преимуществ: 1) нет необходимости в заранее сформированных методических понятиях и, следовательно, во владении специальной терминологией; 2) курс на выходе предполагает целостное и системное представление о состоянии обучения иностранным языкам не только с момента возникновения и до современного этапа, но и с оглядкой на регионы [Крысько, 2009]; 3) студенты становятся способны самостоятельно разбираться в методиках обучения и, соответственно, выбирать подходящую методику для собственных нужд.

Однако существует ряд методических проблем в реализации данного учебного предмета. Согласно учебному плану данная дисциплина представляет собой курс лекций в количестве 32 аудиторных часа. Из-за специфики контингента слушателей лекция как организационная форма обучения в своем традиционном понимании (имеется в виду лекция-информация [http://msk.treko.ru/show_dict_859]) представляется затруднительной или даже не подходящей: студентам из КНР трудно не просто воспринимать научно-методическую информацию, но тем более ее конспектировать.

Однако существуют различные нетрадиционные формы проведения *лекций* [Берденникова и др., 2006], благодаря которым становится возможным формальное сохранение требуемой формы обучения (лекции как таковой) при эффективной передаче знаний с сохранением всех присущих лекции *функций* [http://msk.treko.ru/show_dict_859], и ее *особенностей* [там же]. Так, например, в рассматриваемых условиях обучения лекции могут сочетаться в следующей последовательности: 1) вводная лекция (№1); 2) лекция-визуализация (№2-13); 3) лекция-консультация (№14); 4) лекция-конференция (№15) и 5) проблемная лекция (№16).

При подборе определенных видов лекций не следует забывать об «основных требованиях к ним: научность, доступность, системность, наглядность, эмоциональность, обратная связь с аудиторией, а также связь с другими организационными формами обучения» [Научно-педагогическая практика, 2004, 14].

Литература

Берденникова Н. Г., Меденцев В. И., Панов Н. И. Организационное и методическое обеспечение учебного процесса в вузе: Учебно-методическое пособие. — СПб.: Д. А.Р. К, 2006. — 208 с.

Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Г. Крысько. — 5-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 320 с.

Научно-педагогическая практика: Метод. рекомендации / Авт.-сост.: С. И. Дворецкий, Е. И. Муратова, С. В. Варыгина, Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. — 32 с.

http://msk.treko.ru/show_dict_859

Summary

After completion of the training program, "English Language and Literature," the majority of graduates of associate his career with teaching English. However, training in the specialty is not assumed. Nevertheless, during their training, we can offer them a choice of some methodological courses, for example, "History of Methods of Teaching Foreign Languages." Since it is a contingent of this academic discipline mainly consists of various non-traditional forms of lectures such as lecture-visualization, lecture-consultation, lecture-konferetsiya or problematic lecture.

**Т. Е. Доброва, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ ИЗ КНР

The article is devoted to the computer competence development of students of linguistics. The targeted group is the fourth-year students from the People Republic of China. Some specific attention is drawn to the problems students face carrying out their qualification papers. Possible reasons for such problems are analyzed. Some recommendations are developed. It is shown that these recommendations help to ensure more successful development of the computer competence.

Компетентностный подход применительно к российскому высшему профессиональному образованию рассматривали такие ученые, как Н. И. Алмазова, Н. В. Баграмова, В. А. Козырев, Н. Ф. Родионова [Алмазова, 2003; Баграмова, 2004]. Учитывая распространение информационных технологий, неудивительно, что в последнее время информационная компетентность специалиста неоднократно привлекала внимание исследователей [Азимов, 2006; Евдокимова, 2007]. Хуторской, рассматривая информационную компетентность, отмечает, что это, несомненно, одна из ключевых компетентностей, выделяя у нее субъективную и объективную стороны [Хуторской, Тришина, 2012]. В данной работе мы будем говорить о субъективной стороне информационной компетентности, формируемой у студентов из КНР в процессе написания ими выпускной квалификационной работы на степень бакалавра по программе «Английский язык и литература».

Основные проблемы, с которыми сталкиваются студенты из КНР при осуществлении такого рода деятельности можно подразделить на информационные и коммуникативные.

Информационные трудности связаны с недостаточным владением основными функциями программ Microsoft Office. Коммуникативные проблемы обусловлены этнокультурными отличиями. Так студенты из КНР не всегда соблюдают основные правила ведения электронной переписки, принятые в нашей культуре, например, не всегда указывают свое имя в электронном письме руководителю, не всегда ссылаются на источник информации, которую они используют в своей работе. Особую проблему составляют трудности, связанные с версией Microsoft Office на китайском языке.

В результате проведенного анализа и основываясь на опыте руководства выполнением квалификационных работ студентами из КНР, разработаны конкретные рекомендации для руководителей и студентов. Показано, что выполнение предложенных рекомен-

даций обеспечивает индивидуальный подход, наличие быстрой обратной связи, создание базы вариантов текста работы и отсутствие утомительной правки конечного варианта.

Таким образом, использование информационных технологий при выполнении квалификационной бакалаврской работы способствует более эффективному формированию информационной компетентности у студентов филологов из КНР.

Литература

Азимов Э. Г. Теория и практика использования компьютерных программ в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Информ.-учеб. центр ГИРЯП, 2000ю —149 с.

Алмазова Н. И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: Автореф... д-ра пед. наук. — СПб., 2003. — 47 с.

Баграмова Н. В. Компетентностный подход в образовании с проекцией на обучение иностранным языкам// Синтез традиций и новаторства в методике изучения иностранных языков. Материалы межвузовской научной конференции. — Владимир: ВГПУ, 2004. — С. 14 — 19.

Евдокимова М. Г. Система обучения иностранным языкам на основе информационно-коммуникативной технологии (технический вуз, английский язык). Автореф. дис... докт. пед. наук. (13.00.02). — М., 2005. -22 с.

Хуторской А. В., Тришина С. В. Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования — [электронный ресурс], режим доступа <http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.ht>

М. В.Любшина, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ОПТИМАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Преподавание языков, как любая другая деятельность, предполагает наличие некоей цели, определяющей результат данной деятельности. Новые тенденции в общественной, экономической, политической, технической и экологической сферах жизни склоняют методистов к постановке новых целей в системе образования.

Изменениям подверглись методические требования к преподаванию языков. Сегодня методисты предлагают новые стратегии построения учебного процесса, стараясь уйти от неэффективных, устаревших технологий.

В настоящее время существует около ста педагогических технологий и несколько их классификаций. Исследователь В. П.Беспалько разделяет педагогические технологии

по типу организации и управления познавательной деятельности [Беспалько, 1989]. Другая классификация принадлежит В. Т. Фоменко, который противопоставляет традиционное и современное построение учебного процесса.

Согласно принципу вариативности, современные педагоги могут выбирать и конструировать педагогический процесс по любой модели, включая авторскую. Ряд методистов полагают, что эффективный процесс обучения невозможен без осознанного выбора и применения современной теории обучения и воспитания.

Один из наиболее важных критериев отбора оптимальной педагогической технологии специалисты видят в правильной, т. е. диагностичной постановке цели обучения [Педагогические технологии, 2004]. Таким образом, становится возможным подбор технологии для узких целей. Другой значимый критерий выбора оптимальной педагогической технологии состоит в создании установок и мотивации на обучение.

Необходимо учитывать при этом, что одним из критериев любой педагогической технологии является воспроизводимость, т. е. возможность повторения алгоритма действий данной технологии любым преподавателем. Среди условий воспроизводимости технологии не только достаточная квалификация педагога, но и его знакомство с деталями данной технологии, а также наличие определенных учебных средств, предписанных ее создателями. Отсутствие оных, к сожалению, также ограничивает выбор оптимальной педагогической технологии для осуществления эффективного учебного процесса. Единственным выходом из подобной ситуации видится авторская доработка существующих или создание новых технологий.

Литература

Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. — .: Педагогика, 1989. —192 с.

Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов педагогических специальностей /Под общей ред. В. С. Кукушина. — М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д, 2004. — 336 с.

Щенников С. А. Дидактика электронного обучения // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 83-90.

Lyubshina M. W.

The problem of choosing the optimal educational technology

The article considers educational technologies in teaching foreign languages. Special attention is paid to two classifications of educational technologies. The author identifies the main selection criteria of educational technologies such as diagnostically goal-setting, reproducibil-

ity and motivation settings. Designing of educational content in terms of a new technological environment is suggested as a solution of selection problems.

Д. А. Мезенцева, асп., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Для российских вузов в связи с неуклонным ростом поступающих из КНР, а также активным внедрением дистанционных образовательных технологий (ДОТ) в образовательный процесс актуальна проблема обучения китайских студентов иностранным языкам при помощи ДОТ [Муравьева, 2012]. Важность решения данной проблемы несомненна, поскольку ДОТ были созданы с учетом западных культурных ценностей и изначально не рассчитаны на работу с учащимися, являющимися представителями других культур, что нередко порождает негативное отношение студентов к обучению при помощи данных технологий [Wang, 2006].

В ряде исследований, посвященных применению ДОТ для обучения китайских студентов разных специальностей, в том числе студентов-филологов, были выявлены особенности китайской культуры, которые влияют как на опыт традиционного, так и дистанционного обучения студентов из КНР [Wang, 2006], [Wigham, Fynn, 2012], [Li, Kirkup, 2007], [Zhao, McDougall, 2008], [Earl, Cong, 2011], [Zhu, Valcke, Schellens, Li, 2009]. Некоторые из этих особенностей (коллективизм, конформизм, консерватизм, иерархичность взаимоотношений, забота о репутации) в сочетании с языковым барьером и неумением работать с ДОТ приводят к пассивному учебному поведению китайских студентов и не дают им в полной мере использовать преимущества использования ДОТ для овладения иностранными языками. Другие особенности (стремление к гармонии, уважение к труду), напротив, помогают студентам преодолеть возникающие трудности.

Таким образом, использование ДОТ для обучения студентов из КНР иностранным языкам предполагает разработку и внесение ряда корректив, в результате чего ДОТ не только не приведут к снижению эффективности обучения, но, напротив, помогут преодолеть негативное влияние одних национально-культурных особенностей и усилить положительное влияние других.

Литература

- K. Earl, Y. Cong. Chinese international students' experience of studying online in New Zealand // Waikato Journal of Education. 2011. Vol.16. N1. P.93-105.
- N. Li, G. Kirkup. Gender and cultural difference in Internet use: A study of China and the UK // Computers & Education. 2007. N 48. P. 301-317.
- H. Wang. How cultural values shape Chinese students' online learning experience in American Universities. 2006. URL: <http://athenaeum.libs.uga.edu/handle/10724/9316> (дата обращения: 14.04.2012).
- C. Wigham, J. Fynn. An asynchronous virtual space for contact-based oral work with Chinese students learning English. 2012. URL: <http://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00672695> (дата обращения: 14.04.2012).
- N. Zhao, D. McDougall. Cultural influences on Chinese students' asynchronous online learning in a Canadian University // Journal of distance education. 2008. Vol.22, N2. P. 59-80.
- C. Zhu, M. Valcke, T. Schellens, Y. Li. Chinese students' perceptions of a collaborative e-learning environment and factors affecting their performance: implementing a Flemish e-learning course in a Chinese educational context // Asia Pacific Education Review. 2009. Vol.10. N2. P.225-235.
- М. Муравьева. Каким студентам в России жить хорошо // STRF. RU: периодическое Интернет-издание «Наука и технологии РФ». 2012. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?d_no=45811&CatalogId=222&print=1 (дата обращения: 14.04.2012).

Аннотация

The present report deals with the conflict between the peculiarities of online learning based on the values of Western culture and cultural characteristics of Chinese students. Here we consider the advantages and disadvantages of online learning for Chinese students studying foreign languages and offer a number of recommendations for facilitating their online learning experience.

Т. И. Низовец, канд. филол. н., НОУ ВПО Московская гуманитарно-техническая академия (Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ-ЖУРНАЛИСТАМ

В докладе предлагается комплексная модель анализа медиатекста, которую можно использовать на уроках иностранного языка в практике обучения студентов-журналистов.

Предлагаемая модель составлена на основе изучения аутентичных учебников по журналистике, изданных за последние несколько лет в Великобритании, и предлагаемой в них системы экзаменов.

В анализе медиатекста независимо от платформы, на которой он был создан, следует опираться на следующие понятия:

1. Репрезентация
2. Идеология
3. Язык
4. Жанр
5. Целевая аудитория
6. Медиаорганизации

Студенту предлагается определить, насколько перечисленные выше понятия определяют форму, содержание и структуру текста.

Репрезентация является ключевым понятием медиатеории. Объектами репрезентации могут выступать отдельные лица, социальные группы, профессиональные сообщества, государственные организации, явления общественной жизни, и т. д. Анализируя репрезентации в тексте, студенты должны ответить на вопросы о том, кто или что представлено в тексте, как и почему.

Идеологии можно условно разделить на политические и социальные. Иногда выделяют идеологии, имеющие религиозную основу. Студенту необходимо определить, какая система взглядов, какие ценности и моральные принципы лежат в основе создания того или иного имиджа в тексте.

Медиаорганизация отвечает за производство и распределение медиапродукции. Студенту необходимо показать, как качество и формат продукции определенной медиаорганизации зависит от источников ее финансирования, системы государственного регулирования и контроля за деятельностью СМИ, а также от внутренних норм и правил, принятых в организации.

При анализе использования **языковых средств** в медиатекстах учитываются следующие факторы:

- цель создания медиатекста;
- ситуация общения;
- необходимость соответствовать жанрово-стилистическим требованиям журнала/газеты/канала или желание нарушить существующие нормы;
- необходимость оправдать ожидания целевой аудитории;

- стремление к соответствию существующим нормам и способам репрезентации или попытка их нарушения;
- индивидуальные предпочтения автора;
- эффект использования языковых средств.

При анализе **жанрово-стилистических особенностей медиатекста** следует ответить на вопрос о том, как ожидания целевой аудитории формируют соответствующий тип текста. Интересно проследить, почему стирается грань между некоторыми жанрами и возникают новые специфические жанры? Почему новые жанры возникают на определенном историческом отрезке и в определенных экономических условиях?

Целевая аудитория определяет многие параметры медиатекста. Анализируя взаимоотношения между автором текста и аудиторией, следует иметь в виду, что аудитория часто не является пассивной, а принимает активное участие в создании текста.

Задача преподавателей иностранных языков в условиях стремительного развития новых технологий заключается в том, чтобы помочь студентам овладеть способами вербального и невербального общения с помощью новых технических средств.

Литература

Andrews M., Stevenson E., AQA Media Studies. — Cheltenham: Nelson Thornes, 2009. — 183 p.

Branston G., Stafford R. The Media Student's Book. — London, New York: Routledge, 2010. — 457 p.

O'Sullivan T., Dutton B., Rayner P. Studying the Media. — London: Hodder Arnold, 2003. — 326 p.

USING AUTHENTIC TEXTS IN TEACHING ENGLISH TO STUDENTS-JOURNALISTS

The article deals with the main concepts of Media theory. An integrated model of media text analysis is presented whereby students can reveal the effects of such notions as representation, ideologies, media language, genre, audience and media organization on the production and consumption of the text. The suggested approach to text analysis can be used as a regular type of classroom activities and part of examination procedures. The system applies to print-based texts as well as web-based texts. It may serve as a springboard for the development of oral and written communication skills.

Ю. Г. Седёлкина, к. пед. н., А. Ю. Афанасьева, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

The authors start with a summary of the lexical approach and proceed with an explanation of how it could be applied to a regular English course. They explore what the lexical approach promises if used in a «background» course aimed at developing speaking and listening skills and based on TV series, «background» meaning that the course only briefly overlaps with the actual English course, and most of the work is conducted by the students at home. The authors suggest ideas for picking a TV series and offer a description of the course structure, both the lessons and the homework.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

В рамках Лексического подхода (ЛП) вводится понятие грамматикализованной лексики, в составе которой помимо отдельных слов выделяются многословные лексические комплексы (ЛК), оперирование которыми способствует гармоничному формированию лингвистической компетенции учащихся [Lewis, 1993].

Термин коллокационная компетенция (КЛК) обозначает способность учащегося замечать, воспринимать и воспроизводить ЛК в речи. Недостаточный уровень КЛК приводит к сбоям при порождении и восприятии речи [Hill, 2000]. На границе уровней самостоятельного (B2) и свободного (C1) владения языком учащиеся сталкиваются с проблемой понимания сообщений, не имеющих чёткой логической структуры и выраженных смысловых связей, доступная для понимания речь ограничивается литературным языком.

Для решения этой проблемы предлагается модель наблюдение — постановка гипотезы — эксперимент. На стадии наблюдения учащиеся впервые встречаются с языковым материалом и распознают в нем ЛК. Затем следует постановка гипотезы — работа по организации этих ЛК по какому-либо принципу. На стадии экспериментирования учащиеся используют эти ЛК в коммуникации, формируя и формулируя при этом правила их функционирования в речи. Успешность коммуникации, а не формальная правильность высказывания, подтверждает, корректирует или опровергает гипотезу. Материал для наблюдения — аутентичные тексты большого объёма, при работе с которыми запускается природный механизм овладения языком [Chomsky, 1957] и развивается психологическое чувство языка [Беляев, 1965].

Таким материалом являются телевизионные сериалы, при отборе которых необходимо учитывать их известность, содержание и технические данные. Это сериалы каналов, которые существуют за счёт рекламы (ABC, NBC, Fox), имеющие крупные награды (Primetime Emmy, Golden Globes), но малоизвестные в России. В плане содержания это

комедийные или комедийно-драматические сериалы со сквозным сюжетом и какой-либо интригой, время и место действия которых отражают современную действительность за последнее десятилетие, а проблематика инициирует дискуссию.

Фоновый курс (ФК) позволяет в течение одного учебного семестра посмотреть первый сезон (6-8 серий) с продолжительностью серий 20 мин. Под него отводится два занятия по 4 а. ч. в начале и в конце учебного семестра, на которых ведётся работа с первой и последней серией соответственно. Эти серии, делятся на 4 отрывка, просмотру каждого из которых соответствует свой этап урока, вид работы и лексический фокус. Остальной материал выносится в письменные домашние задания, что не отнимает времени от основного курса.

Дополнение базового языкового курса ФК, основанным на современном захватывающем телесериале, способствует развитию самостоятельных учебных стратегий и КЛК учащихся [Woolard, 2000], их социокультурной компетенции и дискурсивных навыков.

Литература

Chomsky, N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957.

Hill, J. Revising priorities: from grammatical failure to collocational success // Teaching Collocations. Further Developments in the Lexical Approach. Thomson and Heinle., 2000, p. 49.

Lewis, M. The Lexical Approach. LTP, 1993.

Woolard, G. Collocation — encouraging learner independence // Teaching Collocations. Further Developments in the Lexical Approach. Thomson and Heinle. 2000, p.32-36.

Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1965.

Olga Fedorova, Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University of Technology and Design (Russia)

DESIGNING OF THE CONTENT OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN A MULTIPLE-DISCIPLINE NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

The article deals with the problem of developing scientific approaches to the design of the content of foreign language teaching in non-linguistic universities as it has not been researched yet. Designing of the content of foreign language teaching is determined by the following group of didactic principles: 1) the dynamics of the content, 2) its multi-functionality for students, and 3) the reflexive nature of the content mastering, 4) communication multi-functionality, and 5) problem solving principle. Educated principles are detailed in the article.

**О. Н. Федорова, к. педагог. н., Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна (Россия)**

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МНОГОПРОФИЛЬНОМ НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Реформирование высшего профессионального образования на основе компетентностного подхода тесно связано с проектированием и внедрением третьего поколения стандартов компетентностного формата. Однако, как отмечают современные исследователи, ни в России, ни в какой-либо другой стране не было ни одной реформы высшего образования, в рамках которой вопросы изменения содержания образования не были бы основными.

Современная дискуссия — это нормальный процесс поиска ответа на то, чему и как должна учить высшая школа в XXI веке, когда при огромном потоке информации обучение и развитие становится затруднительным. Что касается содержания обучения иностранному языку в неязыковых многопрофильных вузах, то — это главная цель планируемых изменений с позиций компетентностного подхода, вызванная социальным заказом общества на подготовку компетентного специалиста, владеющего иностранным языком в профессиональной и научной сферах.

Методическая наука рассматривает содержание обучения не как статичную, а как постоянно изменяющуюся и развивающуюся категорию. Следовательно, появляется необходимость в научном осмыслении сущности содержания обучения иностранному языку и разработке новых теоретических подходов к его конструированию.

Анализ теоретических исследований показал, что проблема разработки научных подходов к конструированию содержания образования в последние годы активно исследуется в педагогике. Профессор Перминова Л. М. научно обосновала логико-дидактический подход к конструированию содержания общего образования, в дидактике получает развитие логико-информационный подход, автором которого является Федоров Б. И. Однако практически не разработанными остаются теоретические основы конструирования содержания обучения иностранному языку в высшей школе.

Технологию конструирования процесса обучения иностранному языку можно представить как единство технологии конструирования содержания обучения, технологии конструирования материальных средств и технологии конструирования деятельности. Конструирование процесса обучения начинается с конструирования его содержания.

Содержание обучения — категория, педагогически интерпретирующая цель обучения иностранному языку, которая с позиций компетентностного подхода определяется как формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности, то есть

готовности использовать иностранный язык практически как в процессе осуществления профессиональной (производственной и научной) деятельности, так и для целей самообразования.

Цель обучения является многокомпонентной категорией, следовательно, и содержание обучения также будет многокомпонентным, поскольку в основе его формирования в неязыковых вузах будет находиться иноязычная профессионально-коммуникативная компетентность в единстве всех составляющих её компетенций.

Конструирование содержания обучения иностранному языку определяется следующей группой дидактических принципов: 1) динамичности содержания обучения; 2) полифункциональности содержания обучения; 3) рефлексивного характера освоения содержания; 4) проблемности.

Направленность обучения иностранному языку на развитие студента требует использования всех названных принципов в конструировании содержания обучения при ведущем значении принципа проблемности в обучении.

Социолингвистика

Н. М. Бичурин, соискатель, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ФРАНЦИИ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЙ АКТИВИЗМ

The paper focuses on sociolinguistic situation in South-Eastern France, namely on linguistic varieties of Occitan and Francoprovençal spoken in the French Alps and across the State borders, in Italy and, for the Francoprovençal, in Switzerland. The research was conducted combining methods of interview, observation and participant observation in 2009 — 2012. The language activists' discourse on language use is compared to the actual use that could be observed during activists' meetings, including more particularly the Occitan meetings in Provence (Rescontres occitans en Provença) in summer 2011.

Согласно представлениям местных языковых активистов, на юго-востоке Франции Альпы не отделяют Францию от Италии и Швейцарии, а, напротив, объединяют две трансграничные языковые общности: франкопровансальскую и окситанскую. Наша работа сравнивает наблюдаемую языковую ситуации в альпийских районах Франции и ее репрезентацию в дискурсе активистов. Полевые исследования сочетали методы интервью,

наблюдения и включенного наблюдения (на франкопровансальских и окситанских встречах) в 2009 — 2012 гг.

В 1999 г. одновременно с переписью населения во Франции впервые за два столетия проводится масштабное исследование по использованию языка [Clanché, 2002; Эран, Филон, Дебре, 2004]. Вопреки традиционным представлениям о «единой и неделимой» Франции, обнаруживается, что с каждым четвертым французом в детстве родители говорили на языке, отличном от французского, причем в 8% случаев французский не использовался вовсе. В 13.3 % случаев родители говорили на региональном языке. Выделяются 75 «языков Франции», в числе которых «окситанский» (2 млн. носителей) и «франкопровансальский» (60 тыс.) [Sibille, 2003, 123, 187]. В 2008 г. статья о «региональных языках» появляется в Конституции Франции.

Мы выделяем две основные категории носителей окситанского и франкопровансальского, различающиеся по времени и источнику усвоения идиома: первым языком они являются для немногочисленных пожилых жителей деревень; большинство современных носителей выучили идиом в сознательном возрасте — чаще всего, в академической обстановке, в школе или на языковых курсах, но с опорой на то, что слышали в детстве в кругу семьи или у прочих носителей, для которых идиом был родным. Именно последние входят в ряды языковых активистов и влияют, более или менее успешно, на языковую ситуацию.

Информанты-активисты признают, что использование идиома практически ограничивается общением с другими активистами в рамках активистской деятельности: («Друг с другом мы говорим только по-французски, потому что это все-таки наш язык / мы на нем выросли, мы на нем думаем / если бы мы стали говорить по-окситански, это выглядело бы искусственным»). Поэтому особую роль в жизни общности играют встречи активистов как попытка временного воплощения мечты об идеальном окситанском/франкопровансальском обществе.

— «Окситанские встречи в Провансе» выступают в представлении активистов в качестве «места, где люди собираются, чтобы поговорить по-окситански». В действительности, с одной стороны, около половины участников по-окситански говорить не умели; с другой стороны, обнаруживается, что даже у них был минимальный контакт с языком вне Встреч («начинающие» указывали на различные фонетические реализации — например, *nié, niét, niesch, niòch* в значении «ночь»: «*A у нас в деревне говорили...*», «*A у меня дед говорил...*»)

— Встречи как место «социализации, мы оказываемся в окситаноязычном обществе, двуязычном, скажем // И дети с самого раннего детства видели, как функционирует

язык». На деле, дети видят, что «функционирует язык» всегда наряду с французским; к детям по-окситански практически никто никогда не обращается. С другой стороны, конструируя образец двуязычного франко-окситанского общества, Встречи позволяют участникам говорить на идиоме, который вне этого контекста, в особенности в рамках тесных семейных отношений, кажется «непривычным», «неестественным», чересчур «искусственным».

Литература

Clanché, François. «Langues régionales, langues étrangères : de l'héritage à la pratique» / Insee première N° 830 — Février 2002. www.insee.fr (29.02.2012)

Sibille, Jean. « Le francoprovençal » // *Les langues de France* / Cerquilini, Bernard (Ed.), Paris : PUF, 2003. — P. 117 — 123.

Sibille, Jean. « L'occitan ou *langue d'oc* » // *Les langues de France* / Cerquilini, Bernard (Ed.), Paris : PUF, 2003. — P. 173 — 190.

Эран Ф., Филон А., Депре К. «Динамика языковой ситуации во Франции в XX в.» // Этнографическое обозрение. — 2004. — N 4. — С. 114 — 119.

Н. Г. Галеткина, магистр этнологии, Национальный Исследовательский Университет — Высшая Школа Экономики (Санкт-Петербургский филиал) (Россия)

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЛУЧАЙ С «ПИХТИНСКИМИ ГОЛЛЕНДРАМИ»

В докладе идет речь о потомках столыпинских переселенцев с Волыни, составляющих большинство населения деревень Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник Иркутской области. Основатели деревень на прежней родине входили в состав этнорегиональной группы «бужских голлендров».

О Пихтинске как о «немецкой деревне» мне впервые довелось услышать от работавших в районе архитекторов, которые ссылались при этом на фамилии местных жителей (Кунц, Людвиг, Гильдебрант и др.) и на имеющиеся у них старинные «немецкие» книги. При непосредственном знакомстве оказалось, что богослужебные книги, напечатанные старинным готическим шрифтом, написаны на польском языке. Выяснилось, что помимо воскресных богослужений польский язык можно услышать во время традиционных свадеб, похорон, крестин. При этом языковая компетенция жителей сильно различается в зависимости от их возраста.

На основании интервью с информантами старшего поколения можно говорить о более значительной роли польского языка в жизни группы по приезде в Сибирь: по-польски молились, писали письма, читали книги. В общении с местными жителями и представителями власти использовался русский язык. В советское время он стал занимать главенствующее положение во многих сферах жизни рассматриваемого сообщества.

Однако в повседневном общении, особенно если в качестве коммуникативного партнера выступают люди старшего поколения, до сих пор преобладает идиом, представляющий собой диалект украинского языка. Местные жители называют его «наш» язык, иногда — «хохлацкий», однако при этом подчеркивают его отличие от украинского.

Таким образом, языковой репертуар рассматриваемой группы составляют три идиома. Но парадоксальность ситуации заключается в том, что решающую роль в процессе этнической самоидентификации жителей Пихтинска играет немецкий язык, а вернее, факт его незнания. Идентичность местного сообщества строится на отрицании предлагаемых извне определений, в первую очередь, на отрицании категоризации их в качестве немцев. При этом незнание немецкого языка является для пихтинцев главным аргументом: «Нас считают немцами, а мы — не немцы; мы по-немецки никогда не говорили».

Несмотря на то, что в интервью часто звучит утверждение, что по приезде на участок переселенцев ошибочно записали немцами, архивные документы не подтверждают факта такой записи. Складывается впечатление, что на тот момент времени этническая принадлежность не входила в число важных групповых характеристик. Лишь с 1920-х гг. государство начало определять пихтинцев преимущественно на основе их этнических характеристик. В последующее десятилетие это стало критическим фактором, так как во многом определило судьбу всего сообщества: идентифицированные государством как «немцы», они перешли в разряд «неблагонадежного населения» и в массовом порядке оказались в трудовой армии.

На фоне травмирующего опыта трудовой армии и негативного отношения к себе окружающих при отсутствии явных оснований для немецкой самоидентификации пихтинцы все чаще подчеркивали ошибочность внешнего определения. Противостояние навязываемой извне этнической идентификации становилось значимой чертой их групповой идентичности, определило ее специфику, которую можно обозначить как *«протестная» этническая самоидентификация*.

Annotation

The paper deals with a non-ordinary case of ethnic identity formation in a local settled community and the role of the language factor in this process. It is talked of habitants of three

Siberian villages in Irkutsk Region, founded by “stolypin” settlers from Volyn in 1910. Identified by the soviet state as “Germans”, called by modern media as “Dutchmen”, “Poles”, “Germans”, they reject all ascribed definitions but do not give their own variants instead. In result we see a protest ethnic self-identification (“we are not Germans”) argued by the fact of German language ignorance.

М. В. Гаранович, к. филол. н., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)

Языковая идентичность субкультур в рамках единого социокультурного пространства¹⁹

The subcultures functioning in city cultural space of Perm and Perm Region, are extremely various. Also a variety of languages and the language options serving these subcultures from here follows.

Today the group of linguists of the Perm university collected the most actual slang lexical units and lexico-semantic fields in the lexicon functioning in "languages" of representatives of various subcultures of Perm Region, namely role-players, fans of the Formula-1, sales representatives of distribution companies, fans of Japanese animation, players of online games, participants of night search games, snowboarders are analysed, etc. On the basis of a database the creation of «The dictionary of slang lexicon of youth subcultures of Perm» is supposed.

Субкультуры, функционирующие в городском культурном пространстве г. Перми и Пермского края, чрезвычайно разнообразны. Отсюда вытекает и разнообразие языков и языковых вариантов, обслуживающих данные субкультуры.

На сегодняшний день коллективом лингвистов под руководством профессора, доктора филологических наук Т. И. Ерофеевой Пермского государственного национального исследовательского университета собраны наиболее актуальные сленговые лексические единицы и проанализированы лексико-семантические поля в лексике, функционирующей в «языках» представителей различных субкультур Пермского края, а именно ролевиков, фанатов Формулы-1, торговых представителей дистрибьюторских компаний, любителей японской анимации, игроков онлайн-игр, участников ночных поисковых игр, сноуборди-

---

¹⁹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 11-04-00009а «Языковые субкультуры в структуре городской культуры»

стов и др. На основе базы данных предполагается создание «Словаря сленговой лексики молодежных субкультур г. Перми».

На понятие «субкультура» можно выйти через феномен «группового языкового сознания», которое отчетливо проявляется в сплоченных группах (общностях) — субкультурах: «Групповое сознание как интегральная характеристика любой более или менее организованной или очерченной общности существует объективно независимо от сознаний отдельных индивидов, обладает по отношению к ним принудительной силой и заставляет человека следовать нормам, принципам и правилам поведения своей группы» [Николаева, 2004: 89]. Таким образом, формируясь в определенной социальной среде или культуре, человек одновременно формируется и в определенной субкультурной среде. Социальным группам, формирующимся на основе общности интересов свойственно создавать свою собственную, отличную от других культуру, собственные знаковые системы

Приведем некоторые примеры субкультурного переосмысления лексических единиц, которые мы обычно можем встретить в городской коммуникации:

— **из лексикона ночных поисковых игр** (*маньяк* — человек, готовый броситься на поиски заветного кода куда угодно и когда угодно, даже в самых экстремальных для других участников условиях; *пенсионеры* — экипажи, которые приезжают на локацию, когда код сняли; *aborигены* — местные жители района, где спрятан код);

— **из лексикона ролевиков** (*маньяк* — человек, приезжающий на полевою игру только для того, чтобы побиться на мечах, независимо от концепции игры и своей роли; отличается склонностью к немотивированному убиению всех встреченных; *дивный* — первоначально — самоназвание толкиеновских эльфов; в нынешнем значении — человек, не желающий принимать повседневную реальность и потому настойчиво декларирующий свою принадлежность к миру фантастическому, «заигравшийся»).

Очевидно, что коммуникация возможна только в том случае, если коммуниканты владеют общим кодом — языком субкультуры.

В целом необходимо отметить, что анализ лексики субкультурных образований показывает, что городская культура и субкультура, будучи неразрывно связанными, функционируют в едином культурно-языковом ареале города, являясь отражением стиля жизни, ценностей, поведения, общества. Наличие субкультур не должно оцениваться отрицательно. Все эти культурные формации являются интеграционным целым единого культурно-языкового пространства и не противопоставлены городской культуре, они являются равноправными составляющими языковой культуры города и обогащают ее новыми языковыми элементами.

Литература

Основы теории коммуникации. Учебно-методическое пособие для студентов специальности 350400 «Связи с общественностью» / Сост. Ж. В. Николаева. - Улан-Удэ: ВСГТУ, 2004

М. С. Глушкова, асп., Национальный минерально-сырьевой университет "Горный" (Горный университет) (Россия)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ ТЕМАТИКИ

Аннотация

The article is dedicated to the particularities of polemics structure studies in the modern Russian scientific discourse. This type of discourse simultaneously confronts different points of view and retains the development of possible conflict, polemics. The article describes the particularities of the speech behavior of Russian native speakers in the situation of scientific discussion, the significance of the moderator is specified.

Тезисы

Речь выступающих в научном дискурсе отличается стремлением к объективности, точностью и логичностью. Ораторы освещают различные точки зрения, логически доказывают связи между фактами, часто подтверждают выводы результатами экспериментов.

Дискурс возможно рассматривать с точки зрения особой схематичности его построения, как определенный сценарий, с которым соотносится речевое поведение коммуникантов в ситуации научной дискуссии.

Схему построения дискуссии в научном дискурсе можно обозначить следующими пунктами: 1) представление выступающего; 2) обозначение круга интересов и темы доклада; 3) доклад по указанной теме; 4) ремарки модератора; 5) вопросы аудитории;

б) ответы на них; 7) слова благодарности и пожелания успеха в дальнейших исследованиях.

Для научного дискурса ситуация конфликтного общения, острой полемики не является типичной, хотя иногда встречается в научном сообществе. Построение данного типа дискурса сдерживает конфликтное общение, устанавливает определенные рамки поведения выступающих.

Но сдержанность научного общения не означает отсутствия споров и разногласий в рамках научного сообщества. Наличие спорных моментов, различных точек зрения и мнений становится двигателем развития научных учений, причиной зарождения новых школ.

Положение и опыт в научной сфере являются важными характеристиками, в зависимости от которых аудитория прислушивается к выступающему, принимает его мнение или отвергает его. Правильное представление или самопредставление в научной среде буквально позволяет или не позволяет участникам вести дискуссию, даёт или отнимает у них право голоса.

Важную роль в формировании полемического научного дискурса и его развертывании играет модератор дискуссии. Именно этому человеку даётся негласное право торопить и останавливать ораторов, давать право голоса желающим задать вопросы (или не давать такого права), представлять как выступающего, так и его оппонентов и сторонников, что особенно важно в официальной ситуации, когда люди плохо знакомы друг с другом.

В научном дискурсе тактика представления сохраняет наиболее традиционный вид, а именно — представление по фамилии имени и отчеству, с указанием степеней и званий, учебного заведения или исследовательского института, который представляет выступающий.

Литература

Grice H. P. *Logic and conversation*. N. Y., Academic Press, 1975.

Поварнин С. И. *Спор. О теории и практике спора*. М., 1990.

Щукина Д. А., Атаева Е. В., Беспалова О. Е. и др. *Основы деловой коммуникации. Уч. пособие по русскому языку и культуре речи*. СПб., 2011.

А. А. Громыхина, аспирант, Волгоградский государственный университет (Россия)

ГЕТЕРОНОМИНАТИВНАЯ СИСТЕМА ТОПОНИМОВ В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Топоним «Волгоград», номинации которого изучаются в данной работе, как и другие топонимы, обладает рядом особенностей. Они указывают на необходимость применения к обозначению географического объекта гетерономинативного подхода как изучение системы вариантных представлений объекта в тексте:

а) топонимы относятся к числу лингвистических единиц, представляющих ключевые понятия культуры [Вежбицкая, 2001], а именно: репрезентирующих категорию пространства, относящегося к первичным концептам культуры, на которые опирается вся концептуальная система и из которых развиваются все остальные концепты [Степанов, 1997, 105];

б) для современного урбанизированного общества город есть необходимый элемент картины мира индивида, и топоним становится феноменом духовной жизни человека: «Город является культурной константой, объективированной в социальном пространстве и одновременно представленной в духовной культуре, менталитете людей» [Ильин, 2004, 12].

В данной работе используется расширительное понимание гетеронимативности как свойства не только отдельного текста, но и целостного интертекстуального регионального пространства СМИ. Понятие гетеронимативной системы, использованное в нашем исследовании, включает всестороннее рассмотрение различных номинаций основного объекта — номинаций города Волгограда — с позиции их системного функционирования в пространстве региональных СМИ, анализа рекуррентности единиц по структурным, семантическим, функциональным характеристикам и рассмотрения жанрово-тематической специфики текстов-источников. Несмотря на превалирование в текстах СМИ первичного идентифицирующего имени «Волгоград» и вторичных обобщающих номинация (*город, регион, край, часть России*), как показал анализ нашего материала, совокупность текстов сохраняется в сознании носителя языка в виде многообразных характеризующих вторичных номинаций [Громыхина, 2010], конкретизирующих семантику первичного имени объекта по признакам: «центральное место», «город-герой, прославившийся по всему миру благодаря переломной Сталинградской битве», «экономического состояния города», репрезентированное преимущественно отрицательно оценочными единицами вторичного означивания.

Таким образом, изучение гетеронимативной системы вариативных способов именования города позволяет построить ментальный образ города как отражение всей совокупности семантических компонентов его номинаций и выражение речевых предпочтений региональных авторов в выборе форм означивания.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Предложение и смысл: Логико-семантические проблемы. — М.: Наука, 1976.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Громыхина А. А. Модели развернутых вторичных номинаций (на примере наименований г. Волгограда) // Арнаудов сборник: доклады и сообщения. Т. 6. — Русе: Издательство «ЛЕНИ-АН», 2010 — С 491-496.
- Ильин В. Г. Город как концепт культуры: Дис. ... д-ра социол. наук: 24.00.01. — Ростов-на-Дону, 2004.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 838 с.

In given work we use an expansive understanding geteronominative as the properties not just a single text, but also a holistic intertextual area of a regional media. We designed the parameters for the analysis of geteronominative directed to the thematic and functional characteristics of primary and secondary nominations toponym "Volgograd". This approach allows not only to create a common image invariant of the geographical object, but also we can to identify the language and speech preferences of the speakers of modern Russian in the selection of variant forms of representation of thought.

В. Б. Гулида, к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ассоциативный эксперимент как способ исследования отношения к языку²⁰

Исследование отношения носителей языка к своему идиому и языкам других групп можно, по-видимому, считать той областью изучения языка, где видна «условность грани между исследовательскими интересами психолингвистики и социолингвистики» (Фрумкина 2001). Такая трактовка этого раздела социолингвистики «дает добро» на использование психолингвистических методик в социолингвистических целях.

Обращение к методике свободного ассоциативного эксперимента вызвано тем, что в разделе социолингвистики, известном своими апробированными экспериментальными методами, в частности, методом скрытых масок (matched guise technique, Giles, Powesland 1975), растет критическое отношение именно к методической стороне вопроса. По мнению критиков получаемые экспериментальные данные не дают реальных оценок испытуемыми языкового материала, а отражают их представления о том, как следует оценивать языковые коды\единицы, т. е. их ответы не спонтанны, а проходят «самоцензуру». Факт расхождения между сознательными установками к пользованию языком и неконтролируемой речевой деятельностью, дающей отличные от экспериментальных данных результаты, известен и сформулирован У. Лабовом как «асимметрия продукции и рецепции». Русскоязычный пример расхождений: при опросе респондент утверждает, что он говорит

---

²⁰ Работа выполнена в рамках проекта "Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики"

тОрты, аэропОрты, диспЕтчеры, а в спонтанной речи «выдает» торты, аэропорты и диспетчерА. Модификации метода скрытых масок в направлении более «экологичных» вариантов принципиально задачу получения неконтролируемых спонтанных языковых оценок не решают, поэтому логично обращение к иному способу запроса данных: свободный ассоциативный эксперимент по самим условиям проведения (заданием мгновенно отреагировать первым пришедшим в голову словом или цепочкой слов) позволяет, как будто, избежать этапа контролирования испытуемым своего ответа и получить искомую индивидуализованную оценочную реакцию.

Представленные в статье данные ассоциативного эксперимента:

- 200 испытуемых старшего, среднего и младшего поколений.
- Общее число ассоциаций -10 000, социально значимых — 3608.
- Материал — 44 стимула\20 широко употребительных слов в не\нормативных акцентных вариантах

позволяют сопоставить оценочные категории, которыми оперируют носители языка в этом эксперименте, с оценочными категориями метода скрытых масок, проанализировать их социальную семантику и способы обозначения социальной маркированности стимула.

На данном этапе получены следующие результаты:

1. данные ассоциативного эксперимента предоставляют более *богатый метаязык* в области языковых оценок, чем набор оценочных ярлыков, содержащийся в методике скрытых масок;

2. оценочные категории, используемые при работе методом скрытых масок, представляют собой *универсальные социопсихологические характеристики личности* (компетентный, интеллектуальный, честолюбивый, ответственный) в противоположность *локальным социокультурным типам* (тетки из бухгалтерии, офисный планктон, тихие трезвые слесари VS наши слесарЯ), которыми оперируют испытуемые в ассоциативном эксперименте.

3. в данных ассоциативного эксперимента частотны два типа реакций: мета-оценочного типа и эмоционально-оценочного типа. Второй тип по форме ближе к речевому действию.

Литература

Фрумкина Р. М. Психолингвистика. Москва Academia 2001, с.206

Giles, H and Powesland, P. Speech Style and Social Evaluation. London, Academic Press, 1975

The free association test can be employed to address questions directly relevant to sociolinguistic study, such as eliciting informants' spontaneous uncontrolled language attitudes in experimental research. Owing to its conduct requirements the FAT does not allow informants' controlling their reactions to the stimulus (inevitable in matched guise technique experiments). The present article reports first observations of the data on language attitudes obtained through FAT. (200 Russian-speaking participants, 42 socially marked stimuli; total reactions 10 000; of them 3608 socially relevant). Preliminary results: the meta-language in FAT data is richer VS MGT set of labels; uncontrolled attitudinal categories differ in quality from MGT labels.

Стилистика: динамические явления в современном русском языке и художественных текстах

Клюшин П. В., независимый исследователь, Санкт-Петербург (Россия), Маркасова Е. В., д. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ «НЕ+ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ+ЛИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ²¹

Конструкция «не + личное местоимение + ли» умеренно распространена в художественной литературе и публицистике и слабо представлена в устном повседневном общении. Это можно увидеть на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Звукового корпуса русского языка «Один речевой день» (ОРД).

Словари указывают, что частица ЛИ употребляется для усиления вопросительности и для выражения сомнения, удивления [Ефремова, 2004, 267]. Функция «усиления» воплощается также в особой мелодике местоимения, стоящего между двумя частицами: оно произносится с повышением тона, что может стать конфликтогенным фактором в живом общении. Если две частицы (НЕ и ЛИ) опоясывают личное местоимение, создаётся ситуация, когда адресант занимает «сильную» позицию: его вопрос уже содержит намёк на ожидаемый ответ адресата. Отрицательная частица НЕ ставит адресата в неловкое положение: он вынужден согласиться с адресантом. Частица ЛИ «усиливает вопросительный характер предложения». Не случайно местоимения второго лица используются в этой конструкции чаще прочих, причем ТЫ чаще, чем ВЫ.

---

²¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Информационная система коммуникативных сценариев спонтанной русской речи» (РГНФ № 12-04-12017В)

Конструкций, содержащих личное местоимение в прямом падеже, больше, чем конструкций, содержащих местоимения в косвенных падежах. Это обусловлено коммуникативной задачей лица, в речь которого она включена: конструкция служит для установления прямого контакта адресанта и адресата, говорящий использует её для непосредственного обращения к собеседнику.

В большинстве случаев конструкция служит средством выражения частной претензии или общего недовольства деятельностью адресата. Исключением является конструкция НЕ Я ЛИ, служащая для выражения подчеркнутого превосходства говорящего над адресатом. Например: «Не я ли твердил тебе, что ты до сих пор хотел жить такую жизнь, какой нет?» (И. А. Гончаров). Аналогичным образом ведет себя местоимение МЫ, служащее в подобных конструкциях для выражения идеи солидаризации с адресатом («не мы ли с тобой всех предупреждали») или с незримыми, но существующими союзниками адресанта («не мы ли вас предупреждали»). Конструкции с местоимением МЫ коммуникативно менее конфронтационны, чем их аналоги с местоимениями Я и ТЫ.

Интересен исторический аспект распределения позитивной и негативной коннотации в исследуемой конструкции. До середины девятнадцатого века она использовалась как для выражения восхищения адресатом, так и для обвинения адресата. В двадцатом веке для прозаических контекстов преобладающей является отрицательная коннотация. Например: «Не ты ли собирался бросить меня под колеса бензовоза, сбить машиной?» (И. Ефимов). При этом в поэзии конструкция «не+личное местоимение+ли» сохраняет связь с высокой тематикой и по-прежнему служит средством выражения восхищения или преклонения перед адресатом. Например: «Не ты ли душу оживишь?» (А. Блок)

Литература:

Толковый словарь служебных частей речи русского языка. / Под ред. Т. Ф.Ефремовой. М., 2004. С.267.

Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: Предлоги. Союзы. Частицы. Междометия. Вводные слова. Местоимения. Числительные. Связочные глаголы. Под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд. М., 2003.

Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>

Klyushin P. V., Markasova E. V.

THE SEMANTICS OF THE CONSTRUCTION «NEGATIVE PARTICLE + PERSONAL PRONOUN + INTENSIFYING PARTICLE» IN RUSSIAN.

The report deals with the usage of the construction in Russian written texts and everyday communication. It used to serve for expressing of polar addresser's emotions (admiration for an addressee or indignation about addressee's conduct) in the 18-1st half of 19 century. In the 20th century the availability of positive connotation reduced in usage of the construction in oral speech. However, it still exists in Russian poetry.

**Ю. М. Кувшинская, канд. филол. н., Национальный исследовательский Университет
— Высшая школа экономики (Москва, Россия)**

**СОГЛАСОВАНИЕ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ, ВЫРАЖЕННЫМ
ИМЕННОЙ ГРУППОЙ СО СЛОВОМ «БОЛЬШИНСТВО»**

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0228, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012-2013 гг.

Корпусные методы исследования дают возможность по-новому взглянуть на трудные вопросы стилистики, одним из которых является выбор формы числа сказуемого в предложениях с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием со словом «большинство». Нами было проведено исследование употребление таких предложений в период с 2000 по 2010 г. на базе Национального корпуса русского языка с целью уточнить условия употреблений форм числа сказуемого в них и проследить тенденции развития вариативности в таких предложениях.

В результате были выделены сильные и слабые факторы, влияющие на выбор форм числа. Большинство этих факторов указывалось исследователями [Граудина 1976 Скобликова 2005 Corbett 1998 Розенталь 2010 Голуб 2008 Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева 2002], однако статистический анализ современного употребления позволил уточнить прежние данные. В частности, вопреки устойчивому мнению о том, что если слово большинство не имеет зависимых слов, то сказуемое ставится только в ед. ч., исследование с помощью НКРЯ показало, что в 24 % случаев сказуемое ставилось во мн. ч., и это было обусловлено прежде всего коммуникативной установкой говорящего. Кроме того, было скорректировано общепринятое положение о том, что при наличии согласованного определения к подлежащему сказуемое употребляется преимущественно во мн. ч.: НКРЯ показывает, что

сказуемое в этих случаях употребляется так же, как и в других предложениях, с небольшим преобладанием форм множ. числа.

Было выяснено, что актуальное членение влияет на выбор числа сказуемого: если подлежащее оказывалось в реме, сказуемое употреблялось преимущественно в ед. ч.

Поскольку в речи факторы, способствующие употреблению той или иной форме числа, нередко встречаются в одном предложении, была предпринята попытка описания взаимодействия разнонаправленных факторов. В результате было обнаружено, что сильные факторы, поддерживающие форму ед. ч. сказуемого, всегда оказываются более влиятельными, чем сильные или слабые факторы в пользу мн. ч. сказуемого.

Из этого следует, что несмотря на очевидную тенденцию к употреблению в таких предложениях сказуемого во мн. ч., говорящий руководствуется прежде всего необходимостью грамматического согласования подлежащего и сказуемого. При этом действует и обратная тенденция: осуществление коммуникативной задачи говорящего невзирая на грамматические условия и нередко в диссонансе с ними. Поэтому ни один фактор не предопределял выбор формы ед. ч. в 100 % случаев.

Литература:

Corbett 1998 — G. G. Corbett. Agreement in Slavic. Bloomington, 1998.

Голуб 2008 — И. Б. Голуб. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М.: Эксмо, 2008.

Граудина 1976 — Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976.

Розенталь 2010 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-Пресс, 2010.

Скобликова 2005 — Е. С. Скобликова. Согласование и управление в русском языке. М., 2005

Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. Стилистика современного русского языка и культура речи. М.: Академия, 2002.

Abstract

In the report the predicate agreement in the sentences, where the subject is a phrase with the word “bolshinstvo”, is considered on the base of Russian National Corpus. The author assigns and discusses the strong and weak factors, which influence the choice of predicate agreement. She makes an attempt to describe the coordinated action of the factors and to find out the tendency of the usage of such constructions.

А. С. Кулева, к. филол. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия)

КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Dictionary of Russian Poetic Language of XXth c. is one of the few author's dictionaries, where the individual entries are devoted to short-form adjectives, the form of the degrees of comparison etc. This approach is justified by the material: the researcher has the opportunity to analyze the specifics of the use of these forms in the language of poetry. So, short-form adjectives in the poetry of the Silver age are interesting from the point of view of creation, the stylistic coloring, etc.

Важной проблемой, встающей перед составителем словаря, можно назвать определение начальной формы слова, присвоение слову грамматических и стилистических помет, а это во многом зависит от избранных составителями принципов составления словарной статьи [Григорьев, 1979; Шестакова, 2011]. В «Словаре языка русской поэзии XX века» краткие формы, формы степеней сравнения, причастия и деепричастия выделены в отдельные статьи. Этот подход оправдан материалом: позволяет проанализировать специфику употребления этих форм в языке поэзии. Однако он же ставит новые задачи перед составителями.

В 5 т. СЯРП прилагательные на буквы Н и О представлены в 2376 статьях.

Краткие формы демонстрируют большое своеобразие. Это авторские употребления: **НААЛКОГЛЕН**, **НЕИССЛЕЖЕН**, **НЕМАРКСИЧЕН**, **ОБЕССЫНЕН**, **ОТРОПЩЕН**. В ряде случаев необычность краткой формы связана с преодолением грамматической нормативности: **НЕОБЫДЕН**, **НЕОГЛЯДН**. Чаще разница между полной и краткой формой состоит скорее в ее стилистической окраске, чем в лексическом значении. Из этого следует вопрос: как различия между полной и краткой формой отражать в зоне значения словарной статьи?

Стилистические различия полных и кратких форм могут отражаться в постановке помет: **ОСИЯН** [книжн.] / **ОСИЯНЕН** [книжн.] / **ОСИЯННЫЙ** [прил.]; **ОГНИСТ** [устар.] / **ОГНИСТЫЙ**.

При определении стилистической окраски и грамматической нормативности формы в языке поэзии Серебряного века необходимо обращать внимание на исторический аспект. Так, слова *ограян*, *отчален*, *охлопан* хочется назвать индивидуально-авторскими употреблениями и сопроводить пометой «нов.». В современных словарях они отсутствуют. Однако глагол *огрять* есть в словаре Даля, формы *отчален* и *охлопан* — в словаре Ушакова. Согласно поэтическому подкорпусу НКРЯ эти слова встречаются у Вяч. Иванова, Сельвинского.

Употребление кратких форм оказывается идиостилевой чертой. Так, при известном различии в материале на буквы Н и О (ср. обилие форм с отрицанием на Н) примерное соотношение кратких и полных форм у разных авторов совпадает: Н — 1000 кратких на 4991 полных, О — 755 на 2596.

В среднем полные формы в языке десяти поэтов употребляются в 3—5 раз чаще, чем краткие. Разброс довольно велик: Цветаева, Кузмин, Хлебников используют краткие формы всего в 2—4 раза реже, чем полные, тогда как максимальное различие — 1 : 9 (у Есенина). Велика доля кратких форм в поэзии авторов, склонных к стилистическому разнообразию, стилизации (Кузмин, Хлебников, Цветаева, а также Анненский и Пастернак), тогда как предпочитают полные прилагательные Блок (стиль которого скорее нейтрален), Есенин (книжные краткие формы не органичны в фольклорных стилизациях), акмеисты Ахматова и Мандельштам; Маяковский занимает промежуточную позицию.

Итак, краткие прилагательные в поэзии Серебряного века интересны с точки зрения словотворчества, стилистической окраски и т. п. На их примере заметны изменения, за век произошедшие в языке. Важен вопрос о постановке стилистических помет, заполнении зон значения и комментариев в этих словарных статьях.

Литература

Григорьев 1979 — Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), Т. Е. Реутт, Н. А. Фатева. Т. I-IV.. М., 2001- 2010.

Шестакова 2011 — Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

А. С. Прохорова, асп., Московский педагогический государственный университет (Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РУССКОЙ РЕЧИ РУБЕЖА XX — XXI ВВ.

В настоящее время все больше стало появляться наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности, которые используются с целью подчеркнуть половую принадлежность лица: *Кстати, до сих пор жива старейшая икебанистка, возглавлявшая клуб...* [*«Нижегородские новости», 2001*]. Если подобная необходимость не возникает, то для обозначения лиц женского пола используются существительные мужского

рода, лишённые указаний на половую принадлежность: *И врач команды Татьяна Ивановна Попова повела меня в домик...* [«Известия», 2003].

В разговорной речи существует тенденция выражать отнесение подобных слов к лицам женского пола путем постановки сказуемого в форме женского рода: *А тогда кондуктор трамвая посетовала...* [«Учительская газета», 2002].

Наименования лиц женского пола по профессиональной принадлежности часто образуются при помощи суффиксов —ш— и —их— и являются коррелятивными парами номинациям мужского рода: *кассириша, дилерша, промоутерша; дворничиха, сторожиха и т. д.* Также для номинаций лиц женского пола используются суффиксы: —ниц— (*айтишница*), —щиц— (*акупунктурищица*), —к— (*комиксистка, коллажистка*).

Высокую степень продуктивности при образовании наименований лиц мужского пола по профессиональной принадлежности проявляют форманты: —щик— (*креативщик*), —ник— (*seoшник*), —ист— (*визажист*), —ор— (*аниматор*). Отметим тенденцию вариативности при образовании слов от одной и той же производящей основы: *спамерша — спамщица, тиццер — тиццеола — тиццерист и т. д.*

Префиксация в настоящее время непродуктивна среди лексем — наименований лица по профессиональной принадлежности, но отмечается большое количество наименований с иноязычными префиксоидами: **медиа-** (*медиа-аналитик*), **кино-** (*кинопродюсер/ша*), **контент-** (*контент-менеджер*), **ит-** (*ит-администратор*), **веб-** (*веб-дизайнер/ша*), **арт-** (*арт-директор*).

Как факт словообразовательной инновации в разговорной речи отметим универбацию (*мануал, муниципал*), а также — усечение (*админ*).

Небольшую группу составляют двухсловные наименования лиц по профессиональной принадлежности (*агент/ка страховой/ая*).

Производящей базой для новых наименований в большинстве случаев выступают заимствованные основы [Яковлева, 2010; Исаева, 2010]. Иноязычное слово в структуре производных наименований лица передается как средствами русской, так и латинской графики: *web-мастер* и *вебмастер*.

В нашем исследовании мы не считаем возможным обойти вниманием новообразования — названия лица, ярко характеризующие словообразовательные новшества в русском языке рубежа XX-XXI вв., поэтому в ряде случаев анализу подвергаются «потенциальные» и «окказиональные» слова.

Литература

1. Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. — Воронеж: Научная книга, 2009. — 517 с.
2. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — М.: Астрель, АСТ, 2005. — 640 с.
3. Исаева Н. В. Новые наименования лиц на рынке труда (структурно-семантический и функциональный аспекты). Автореферат дисс. канд. филол. наук. Москва, 2010. — 20 с.
4. Русская грамматика. Под редакцией Шведовой Н. Ю., т.1. — М.: Академия наук СССР, Институт русского языка, 1980. — 783 с.
5. Яковлева А. В. Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке (семантические особенности и пути формирования): диссертация кандидата филологических наук : 10.02.01. — Ярославль, 2010. — 235 с.

А. С. Прохорова, асп., Московский педагогический государственный университет (Россия)

ANNOTATION

The quantity of lexemes which name a person by his or her profession considerably increased lately. In this regard the paper is devoted to the main tendencies in the sphere of producing the new words with the meaning of a person involved in this or that profession. The main ways of word-formation of these names are considered and the most productive word-formation types are detached. Also the examples of functioning in modern speech of lexemes which name a person by his or her profession are given. The special attention is given to the new words which name women by their's professions and to its word-formation structure.

С. В. Рябушкина, к. филол. н., Ульяновский государственный университет (Россия)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СКЛОНЕНИИ РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Наблюдения за функционированием имен числительных (далее — ИЧ) в современной речи показывают: нет другой части речи, в которой разрыв между нормативными требованиями и реальной речевой практикой был бы столь велик. Нарушения норм склонения сложных и составных ИЧ (у простых девиантные формы довольно редки) в речи многочисленны, но большинством говорящих не осознаются как неправильности: отмечая зо-

ну грамматической нестабильности, узуальные формы оказываются ошибками диагностическими — демонстрируют тенденции развития языка.

Кроме того, можно говорить об определенной грамматической нейтрализации, синтаксической изоляции ИЧ — использовании номинатива ИЧ как бы вне синтаксических отношений. Например, в аппозитивных конструкциях в собственном наименовании (*ВАЗ—21144*) и при параметрических существительных (*на высоте **пять тысяч метров***) или же в паратактических конструкциях разговорной речи при ситуативной номинации, точнее — предикации как номинации (*Завтра **восемь пятнадцать** дайте билет. — **Восемь пятнадцать** отменили, берите **девять ноль-ноль***. — Диалог в кассе автовокзала, г. Ульяновск, 2010).

Русские ИЧ имеют дробную систему склонения, которая складывалась на протяжении всей письменной истории языка и формирование которой еще не закончено. Выделяются три структурных типа ИЧ — простые, сложные и составные. Лексикализация сложных произошла сравнительно недавно: имен десятков — к 18 в., а имена сотен еще в начале 20 в. использовались и в слитном (обычно прямые падежи — *двести, пятьсот*), и в раздельном написании (преимущественно косвенные — *двухъ сотъ, пяти сотъ*). Орфографический разнобой свидетельствует не только об отсутствии единых правил правописания, но и о незавершенности процесса лексикализации: *сто / сот* воспринимается скорее как обозначение счетной единицы (ср. также современные контексты типа *несколько сот человек, много сот тысяч лет назад*). Впрочем, говорить о полной лексикализации имен сотен нельзя и сейчас, несмотря на кодифицированное слитное написание, поскольку они — единственные из всех сложных слов русского языка — сохраняют внутреннее склонение: морфологический механизм снабжает их избыточной информацией, дублируя показатели падежа.

Такая же избыточность характерна и для составных ИЧ, которые, несмотря на раздельнооформленность, семантически цельны, т. к. обозначают одно понятие, определенное число / количество, хотя и с помощью нескольких ИЧ разных разрядов (*с **двумя тысячами пятьюстами девяноста семью рублями***). В устной речи избыточность частично устраняется — упрощается склонение многокомпонентных ИЧ: это можно объяснить и влиянием закона экономии, и стремлением синтагмы к обобщенному цельному оформлению, к унификации косвенных падежей. При этом используется либо номинативная, либо генитивная стратегия оформления не-конечных имен сотен (*Депутат вчера встретился с **трехсот пятидесятью избирателями**, а сегодня — с **пятьсот семидесятью избирателями***), что обусловлено их структурными особенностями (об этом подробнее см. [Рябушкина, 2009, 2010, 2011]).

Литература

- Рябушкина С. В. Актуальные тенденции в склонении русских числительных // Филологические науки. 2009. № 6. С. 76—85.
- Рябушкина С. В. Имя числительное и «экспансия номинатива» // Вестник МГОУ. 2011. № 4. С. 41—46.
- Рябушкина С. В. *С двухсот сорока дивизиями...* // Языковые измерения: пространство, время, концепт. В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 445—455.

The article examines some active processes in the sphere of Russian numerals. The author links the speech variations in numerals to their structure and morphological peculiarities of the components, pointing out, in particular, different manifestations of the “hundreds” as a component in complex numerals.

Тестология

И. Г. Большакова, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ШИББОЛЕТ-ТЕСТ КАК МЕТОД ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОЦЕНИВАНИЯ

Считается, что систематическая экспериментальная работа в области количественного измерения способностей человека началась в XIX столетии. Однако и до этого периода существовала тысячелетняя практика испытаний способностей человека, которая была основана на интуиции. С древних времен в обстановке межгрупповых или межнациональных конфликтов у представителей тех или иных социальных групп возникала необходимость идентификации людей по принципу «свой — чужой» на основе общности/различий языковых явлений. И в этих случаях в качестве средства для идентификации как «пробный камень» часто использовался один и тот же прием — требование произнести определенное слово или фразу, которые сразу выдавали «чужака». Этот прием получил название «шибболет-теста» (shibboleth test).

Этимология понятия «shibboleth test» такова. В Библии приводится описание войны, происходившей около трех тысяч лет назад между ефремлянами и жителями Галаада. В их языках было небольшое, но легко обнаруживаемое различие в способе произношения согласного звука sh. Гилеадиты тайно проникли на территорию Эфраимитов. Чтобы обнаружить вражеских солдат, от всех подозрительных чужаков потребовали произнести слово «shibboleth», и по тому, произносилось ли оно как shibboleth или sibboleth, определяли

«своих». Если обнаруживалось, что слово произносится «неправильно», врага убивали. В результате погибло около сорока двух тысяч человек, не справившихся с предложенным испытанием.

Таким образом, лингвистический тест служил критерием социальной идентификации, на основании которого принималось решение о праве человека на жизнь.

Этот пример далеко не единичен. Не стоит думать, что подобные события можно относить только к древности и мрачному средневековью. Шибболет-тесты не знают временных границ, они использовались в разные времена и в разных культурах. Это явление коснулось и наших соотечественников. Так, во время Русско-финской войны 1918 года финны использовали в качестве шибболета слово «yksi» («один») для того, чтобы отделить русских, многие из которых были одеты в гражданскую одежду, от представителей местного населения. Шибболет-тест использовался по отношению к русским и на Украине — солдатами батьки Махно для того, чтобы опознавать большевиков, присланных экспроприировать запасы провизии.

Можно привести примеры относительно недавних событий на острове Шри-Ланка (1983) и в Ливане во время войны между ливанскими христианами и палестинцами, которые говорят о том, что шибболет-тесты — это не достояние прошлого, а инструмент, который регулярно извлекается на свет в случае межнациональных и межэтнических конфликтов.

Однако известно немало случаев, когда шибболет-тесты использовались в благих целях, например, во время борьбы с захватчиками.

В приведенных выше примерах лингвистические тесты типа «шибболет» используются для установления социальной идентичности и часто имеют фатальные последствия для тех, кто их выполняет. Можно было бы воспринимать этот вид языковых тестов как достаточно курьезный и экзотический, если бы не обстоятельство, которое роднит их со многими современными и широко используемыми тестами на знание иностранного языка, — политический контекст лингвистического тестирования. Но речь идет не только о международной или национальной политике. Результаты языкового оценивания на уровне крупных, общегосударственных проектов непосредственно связаны с распределением таких насущных ресурсов, как, например, рабочие места, получение образования, финансовое обеспечение разработки и проведения тестов. Вопрос справедливого распределения этих ресурсов перестает иметь чисто академический характер.

Традиционный психометрический подход к тестам порой заслоняет от нас иное — социальное — измерение проблемы использования тестов. Между тем вопрос о роли языкового тестирования в обществе зачастую недооценивается. Обращение к шибболет-

тестам способно привлечь внимание к природе и социальным последствиям применения лингвистических тестов и обозначить проблему более зримо и ярко.

Литература

1. McNamara T., Roever C. *Language_testing: The_Social_Dimension*. Language Learning Research Club, University of Michigan, 2006.
2. Зайцев В. Г. За Волгой земли для нас не было. Записки снайпера. — М.: Современник. 1981, глава 9
3. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование. Москва, Высшая школа, 1989.
4. Нюстрем Э. Библейский энциклопедический словарь (историко-религиозный), 1868 .
5. Павловская И. Ю., Башмакова Н. И. Основы методологии обучения иностранным языкам: тестология. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007.
6. Шкловский В. Б. «ZOO или Письма не о любви». СПб, Азбука-Классика, 2009.
7. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_shibboleths
8. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Шибболет>

The article is devoted to the problem of shibboleth tests that demonstrate the significance of linguistic assessment in different societies. The author analyses the social role and functions of linguistic tests and their potential ability to influence important political and social decisions.

И. Ю. Павловская, проф., д. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Оценка профессиональной компетенции преподавателя иностранного языка в вузе (выступление на Круглом столе секции тестологии)

Умение преподавать в стенах нашего университета традиционно считалось искусством, а не наукой. На педагогическую подготовку выпускников — филологов уделяется всего 20 академических часов лекций и школьная педагогическая практика. Для современного преподавателя этого, безусловно, недостаточно.

Назрел момент для принятия административных решений по этому поводу, и в этом году было принято такое решение: преподавателям английского (пусть пока только одного) языка было предложено пройти международную сертификацию с помощью экзамена *Teaching Knowledge Test* Кембриджского университета. Причем для подготовки к

нему предложена оригинальная программа обучения в Центре переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвокультурологии.

Программа, также как и экзамен, состоит из шести модулей (не считая модуля для учителей младшей школы, который мы не рассматриваем). Три модуля взаимосвязаны: 1) — «Система языка и речевая деятельность. Основы теории овладения языком и методики преподавания иностранного языка», 2) — «Планирование урока и использование лингвометодических ресурсов», 3) «Ведение и ход урока. Педагогический менеджмент», и три независимых модуля: «Знание системы языка» («Knowledge About Language»), Модуль по практике преподавания («TKT: Practical») и «Интегрированное обучение иностранному языку» (CLIL).

В разработке курсов участвовали — к. ф.н., доц. С. Б. Дектерев, к. п. н., доц. Т. М. Панова, к. ф.н., доц. Е. К. Рохлина, к. п.н., доц. Ю. Г. Седелкина, ст. преп. П. А. Терехова — все специалисты в узкой, порученной им для разработки области.

Курс знакомит слушателей с основными современными понятиями лингвистической теории и теории преподавания и усвоения иностранных языков. При этом преподаватели-эксперты делают акцент на различиях в терминосистемах и концепциях российской и британской методических школ, проанализировав и сопоставив их. Основной базой такого анализа является глоссарий, прилагаемый к материалам ТКТ. В качестве базового учебного пособия для слушателей предлагается *TKT Handbook* и *TKT Course* [Spratt, Pulverness, Williams, 2012].

В нашу «постметодологическую» эру широко принято положение о том, что каждый образовательный контекст нуждается в собственном методе преподавания. Преподаватель должен быть гибким, принимать собственные решения в критические моменты, обладать не только языковыми и педагогическими, но психологическими и управленческими знаниями и навыками. Роль преподавателя постоянно переформулируется, и этому также посвящен ряд вопросов в тесте ТКТ. Оптимальной моделью занятия в данных условиях является модель «тест-обучение-тест».

Перспективы развития настоящей программы видятся в:

- освоении более адекватных инструментов измерения методической компетенции — экзаменов CELTA, DELTA, TESOL;
- написании учебника/монографии по развитию методической компетенции преподавателя;
- изучении и применении зарубежного опыта в измерении методической компетенции преподавателя по другим языкам.

Литература

Mary Spratt, Alan Pulverness, Melanie Williams. The T K T Course. Modules 1, 2 and 3. Cambridge University Press, 2012, 256 p.

Abstract. The paper deals with the question of certifying English language teaching competence of university teachers. A teacher-training programme leading to the Cambridge TESOL *Teaching Knowledge Test* is presented and discussed. Perspectives are seen in using other instruments of teaching competence, such as CELTA, DELTA and TESOL, as well as writing a new preparation course book and researching similar tools designed for other languages.

Томаш Гарриг Масарик: жизнь и творчество. Современное прочтение, к 75-летию со дня смерти

О. М. Малевич, к. филол. н., Союз писателей Санкт-Петербурга (Россия)

Т. Г. МАСАРИК И ОТОКАР БРЖЕЗИНА НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

В первое десятилетие существования первой Чехословацкой республики у нее было два вполне официальных персональных символа — ее многолетний президент Томаш Гарриг Масарик (1850 — 1937) и многолетний (1916 — 1918, 1921, 1925, 1928 и 1929 гг..) кандидат на Нобелевскую премию, поэт и эссеист Отокар Бржезина (Вацлав Игнац Ебави) (1868 — 1929).

Оба они родились в Моравии: Масарик — на ее юго-востоке, на границе со Словакией, Бржезина — на юго-западе (сейчас его родной городок Початки входит в состав Южно-чешского края). Оба происходили из социальных низов: Масарик — сын кучера и кухарки, Бржезина — сын сапожника и служанки.

На рубеже 70-ых и 80-х гг. XIX века Масарик становится вождем реалистов. Правда, тогда этот термин в Чехии был скорее политическим, чем эстетическим. Но и в литературе Масарик и его сторонники поддерживали реалистические тенденции. На рубеже 80-х и 90-х гг. и Вацлав Игнац Ебави открывает для себя реализм. Но уже в 1892 г. поэта-романтика и прозаика-реалиста Вацлава Даншовского (его первый литературный псевдоним) на журнальных страницах сменяет Отокар Бржезина, которого все воспринимают как одного из провозвестников символизма.

Прямых упоминаний о Бржезине в до сих пор изданных томах сочинений Масарика мы не находим. Но в журнале Масарика «Наше доба» весьма критически оценивались

произведения не только чешских, но и русских символистов. Нет упоминаний о Масарике в ту пору и в письмах Бржезины. Тем не менее не вызывает сомнения, что Масарик находился в поле зрения молодого Бржезины. О Масарике Вацлав Ебави и его друзья редко писали, потому что его деятельность была у всех на виду. входила в повседневную панораму общественной жизни.

Во взглядах молодого Масарика и молодого Бржезины было немало общего. С детства в душах обоих разыгрывалась борьба разума и веры, науки и религии. «Жизнь Иисуса» Ренана обоих побудила к размышлениям о божественной природе Христа. Обоих от официального католицизма отвратил постулат о непогрешимости папы. Оба отвергали веру в божественное Откровение. Оба выступают как критики клерикализма. В философском плане для обоих была характерна высокая оценка художественного познания.

Во многом совпадала и их общественная позиция. Оба выступают против социального угнетения и гегемонии экспансивных наций. Оба весьма критически оценивают как деятельность консервативной партии старочехов, поддерживавшей венское правительство, так и деятельность их наследников — либеральной младочешской партии.

В мировоззренческом становлении и Т. Г. Масарика, и Отокара Бржезины огромную роль сыграла русская литература и прежде всего творчество Толстого и Достоевского, которых Масарик считал апостолами «новой религии», основанной не на вере в откровение, а на убеждении.

Эту близость исходных позиций Масарика и Бржезины и взаимное уважение подтвердила и их встреча в 1906 г., когда в эстетических пристрастиях они уже разошлись.

T. G. MASARYK AND OTOKAR BŘEZINA AT THE TURN OF 20TH CENTURY

In the 80's of the 19th century T. G. Masaryk and O. Březina were rather close in their views. Both supported realism. The problem „modern man and religion“ was one of the main for each of them. The papal infallibility doctrine turned both of them against Catholicism. Both have criticised the modern social and internacionál word order. The meeting in 1906 confirmed their kongeniality of the starting positions and mutual respekt, though they no longer shared aesthetic vievs.

**И. М. Порочкина, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия)**

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И Т. Г. МАСАРИК

Профессор философии Пражского университета, а с 1918 г. президент Чехословакии Т. Г. Масарик неоднократно бывал в России и высоко ценил русскую культуру. Он решительно отверг октябрьский большевистский переворот и всемерно помогал русским эмигрантам, рассчитывая на их скорое возвращение на родину. Среди российских изгоев, осевших в чешской республике, была известная культурная и общественная деятельница России С. В. Панина. «Красная графиня», как называла её царская охранка, была членом ЦК партии кадетов, своё немалое состояние тратила на дело народного просвещения и поддержки малоимущих, и стала первой женщиной, вошедшей в правительство России.

Вряд ли можно говорить о личном знакомстве Масарика с Паниной до войны, поскольку революционная же судьба свела их довольно близко. Панина стала активной участницей и во многом организатором жизни русских беженцев в Чехословацкой республике. Масарик, инициатор так называемой Русской вспомогательной акции, зачастую вступал с нею в деловой и дружеский контакт.

К началу 10-х гг. XXI в. русским учёным удалось снять негативные штампы и создать объективные портреты большинства «запрещённых» в советское время зарубежных деятелей искусства, науки, политики, восстановить судьбы и показать величие вклада в европейскую культуру выдающихся представителей русской эмиграции. Однако, в изучении русского зарубежья остаётся ещё немало белых пятен. Например, четырнадцатилетний пражский период в жизни Паниной. В ряде работ о ней Чехословакия вообще не упоминается, называются лишь Франция, Англия, Швейцария и США. Настоящий доклад посвящён именно пражским годам её жизни и деятельности. Помимо прочего в нём впервые используются материалы пражских архивов, а также периодика тех лет.

С. В. Панина приехала в Прагу по приглашению дочери Президента Алисы Масарик в 1924 г. Вскоре Паниной было предложено возглавить создаваемый тогда Алисой Масарик и Джоном Крейном «Русский очаг», который по замыслу его создателей должен был служить культурным потребностям русской диаспоры. В отведенных для этого двух этажах большого доходного дома Панина, используя опыт её петербургского Лиговского Народного дома, создала, как она говорила, «островок родины». В «Русском очаге» появилась библиотека-читальня, буфет с недорогой русской кухней, залы для лекций и выступлений. Помимо этого Панина возглавила «Дни русской культуры», проходившие в день рождения А. С. Пушкина, «Общество взаимопомощи русских организаций по соци-

альным пособиям», «Общество взаимопомощи русских женщин», вошла в комитет «Фонда поддержки русских студентов, обучающихся в Чехословакии», стала членом «Главного комитета общероссийского союза городов за границей». Именно Паниной Президент доверил руководство своим фондом под названием «Вспомогательный фонд Т. Г. Масарика».

С. В. Панина стала желанным гостем и в Граде и в Ланах, загородной резиденции Президента. Для Масарика её посещения были возможностью поговорить по-русски, узнать о проблемах русских изгоев, побеседовать о русской литературе. «Панина относится к тому прекрасному типу русских людей, благодаря которым я полюбил Россию» записала однажды слова Масарика его архивариус. Уважение и признательность, которые испытывала к Масарику сама русская беженка, выразились в её письме от 2 марта 1930 г. по случаю 80-летия Президента. Панина написала, что в личности Масарика она видит «торжество лучших, высоких человеческих начал». «В своей жизни Вы совершили столько великих и добрых дел, что теперь безмерное множество людей, всё воскрешённое Вами государство, посылает Вам в эти дни своё глубокое уважение, благодарность и любовь».

Irina M. Porochkina

Cultural life of Russian emigrants in Czechoslovakia was supported morally as well as financially by the Czechoslovak government. T. G. Masaryk, then the President of Czechoslovakia initiated “The Russian Action”. The paper is based on the archival documents found by the author, and describes close collaboration of Masaryk and Countess Sofia V. Panina, a distinguished Russian public figure and a politician. T. G. Masaryk highly appreciated her efforts to soften for her compatriots the difficulties that come from exile.

Уралистика

Берн А. А. соиск., ст. преп., Санкт-петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ДИРЕКТИВ В ФИНСКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

Вежливость мы могли бы охарактеризовать как адекватное лингвистическое и экстралингвистическое поведение языковой личности в определённой культурной среде. Анализ данной категории получил широкое освещение в лингвистике на материале различных языков как в плане исследования универсальных особенностей межличностного

взаимодействия, так и в плане выявления культурной специфики речевых актов в разных языках. Использование средств выражения вежливости особенно важно при выражении директив — импозитивных речевых актов. Для изучающего иностранный язык владение речевыми нормами делового дискурса особенно важно.

Анализируя побудительные речевые акты делового дискурса согласно степени нарастания импозитивности высказывания, мы пришли к выводу, что наиболее важными параметрами для анализа являются следующие: 1) инициальный/вторичный/сопутствующий или контактоустанавливающий / рутинный характер высказывания 2) источник каузации 3) выгодополучатель 4) характер каузируемого действия — идёт ли речь о получении или изменении чего-либо, какова степень полноты охвата действия, сроки его реализации 5) наличие препятствий для реализации действия 6) источник препятствий.

Основные значения каузации в рассматриваемых нами случаях — это значения побуждения к началу какого-либо действия и регуляции его процесса. При этом для выражения побуждения к началу действия используется форма вопроса высказывания и условного наклонения глагола. Если выгодополучателем является агент, речевой акт приобретает инструктивный характер, каузируемое действие выражается посредством повелительного наклонения. Если выгодополучателем является каузатор, используются утвердительные неопределённо-личные и условные конструкции, а также вопросительные высказывания с глаголом в форме условного или индикативного наклонений. Наименее импозитивными являются рутинные, вторичные директивы — единственным средством смягчения категоричности является форма вопроса. Наиболее импозитивными являются контактоустанавливающие ситуации и случаи, требующие исправления агентом каузируемого действия.

Е. В. Захарова, Институт языка, литературы и истории Карельского Научного Центра Российской Академии Наук (Россия)

ЛАНДШАФТНЫЙ ТЕРМИН «ПАХТА» В ТОПОНИМИИ КАРГОПОЛЬЯ

Ландшафтный термин *пахта* ‘болото (сырое и сухое, заросшее и незаросшее травой, кустраником, лесом); покос на болоте; заросшее русло реки’ [Дерягин, 1987, 19] выступает в названиях болот, озёр, ручьёв как в самостоятельном употреблении, так и в роли детерминанта сложных по структуре топонимов: *Вайпахта, Валдапахта, Гойпахта, Лайпахта, Лепакта, Нешпахта, Пахта, Пахтовский ручей, Пахтозеро* и др. Топонимический

ареал накладывается, очевидно, на маршруты транзитных водно-волоковых путей, пересекавших водоразделы рек Онега и Северная Двина.

В архангельской топонимии встречается *похта* как фонетический вариант к *пахта*: *Нешпахта/Нежпахта*, *Валдапахта/Валдопахта*, *Леппахта/Лепохта*, в то время как в северном Белозерье и в других районах Вологодской области фиксируется модель *похта*: *Похта*, *Запохотье*, *Похтозёра*, *Запохотский ручей* и др. С учетом привязки ее к Белозерью, рано подвергшемуся древнерусскому освоению, сопряженному с неразличением *a* и *o*, *пахта* превратилась в *похту*.

Для понимания этимологии термина предлагается обратить внимание на приоб.-фин. лексему *rehku/rehk* ‘гнилая, трухлявая древесина’, которая вписывается в ряд примеров звукоперехода приоб.-фин. *e* > севернорус. *a* в словах с заднерядными гласными (*vehka* > вахта, *vehmasto* > вагмас, *rehku* > пахта [Муллонен, 2002, 64]), а также приоб.-фин. *hk* > рус. *хт* (*pihk* > пихта [Меркулова, 1960, 50-51], *vihko*, *vihk* > вихтус [Матвеев, 1995, 32]).

Хотя приоб.-фин. *rehku/rehk* и севернорус. *пахта/похта* имеют разную семантику, вепсская лексема активно используется в топонимии, часто именно в наименованиях болот [Муллонен, Кузьмин, 2008, 230-231]. В карельской топонимии основа не востребована, в связи с чем можно полагать, что в Каргополье мы имеем дело с вепским наследием: *Пёхка*, *Пёвка*, *Пёховское болото*, *Пёхтач*, *Пёхтальница*, *Пехозеро* и др.

Картографирование топонимов свидетельствует о том, что в Поонежье две топоосновы — вепс. *Rehk* и севернорус. *Пахта* сосуществуют, при этом намечаются разные пути проникновения названных типов на эту территорию: *Пахта* распространяется из Белозерья через известный Ухтомский волок в Поонежье, а оттуда далее на восток, *Rehk* оттягивается из Восточного Обонежья по местным волокам, соединяющим бассейн Онежского озера с бассейном р. Онега. Такая ареальная и фонетическая дистрибуция свидетельствует о разных этноязыковых истоках топооснов. Если основа *Rehk*- и ее варианты маркируют продолжение на восток исторического вепсского ареала, то *Пахта/Похта* являются языковым наследием другого, родственного в языковом плане, этноса, населявшего в свое время до активной русской колонизации район Белозерье — Поонежье.

Литература

Дерягин В. Я. Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме:

«Топонимика Кенозера» Ч. II. Архангельск, 1987. 36 с.

Матвеев А. К. Апеллятивные заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995.

№ 2. С. 29—42.

Меркулова В. А. К этимологии слова пихта // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М., 1961. С. 46—51.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.

Муллонен И. И., Кузьмин Д. В. Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 217—256.

The paper presents an analysis of one of landscape terms of substrate origin from the Kargopolje toponymy, which reflecting different stages in the ethno-linguistic history of the region. Reconstruction of the distribution ranges of toponymic models facilitates both etymological interpretation of the substratal term and identification of the main waves of human colonization of Kargopolje, the ethnic origins of these waves, and the boundaries of the settlement ranges of ethnic groups in the area.

Н. Н. Колпакова, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ВЕНГЕРСКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РУССКОМ ТЕКСТЕ

Тезисы доклада

Попытки разработки и закрепления норм передачи венгерских имен собственных на русский язык с 70-х годов прошлого века предпринимались неоднократно, однако, как показывает практика, без особого успеха. Непоследовательность в передаче венгерских имён собственных на русский язык, как это не удивительно, продолжается. Любой читатель русских текстов, содержащих венгерские имена собственные, имеет возможность убедиться в этом. В практике передачи некоторых букв и буквосочетаний с венгерского языка на русский игнорируются правила, настойчиво предлагаемые рядом исследователей, поскольку они не учитывают многие существенные особенности венгерского языка. Всё это заставляет задуматься:

1. об адекватности их передачи на русский язык в целом ряде случаев и о систематическом игнорировании некоторых рекомендаций;
2. об адекватности их грамматической адаптации в русском тексте;
3. об актуальности замены существующих, традиционно употребляемых (хотя и не всегда приемлемых) графических форм на новые, более правильные;

4. о том, чем должен руководствоваться начинающий переводчик или же автор текста по любой венгерской тематике, не владеющий венгерским языком;

5. о влиянии языка оригинала на передачу имён собственных (существенно, в этом отношении, с венгерского или с другого иностранного языка выполнен перевод).

Что же не удовлетворяет в целом ряде случаев передачи венгерских имён собственных на русский язык тех, кто владеет венгерским языком?

1. Одним из самых спорных моментов является способ передачи венгерских мягких согласных, фиксируемых на письме диграфами *gy*, *ty*, *ny*, в русских эквивалентах с мягким знаком перед гласным (*Gyula* → *Дьюла* вместо принятого в современной переводческой практике *Дюла*), не имеет однозначно закреплённого способа передачи на русский (л или *ль*?) и т. д.

2. Представляет трудности и склонение венгерских имен, попадающих в русский текст (иногда это связано с наличием у венгерского имени русских вариантов с конечным мягким и твердым согласным *l*)

3. В целом ряде случаев венгерские имена собственные нуждаются в более адекватной, чем это предлагалось до сих пор, передаче на русский язык. Как это можно осуществить на практике? Вероятно, придётся взять на себя смелость и предложить в готовящихся публикациях замену неудачно транскрибированных ранее имён на новые, руководствуясь определённым списком.

4. В качестве нормативного пособия можно представить список фигурирующих в текстах имён, предложив для каждого из них вариант, наиболее адекватно отражающий и минимально искажающий звуковой облик венгерского имени.

5. Переводная литература имеет свои особенности. В частности, венгерское имя собственное может получить неодинаковые русские соответствия и адаптацию, в переводах, выполненных с английского и с венгерского языка.

В заключение подчеркнём, что актуальность критического осмысления предлагаемых в настоящее время правил передачи венгерских имён собственных на русский язык очевидна. Не приходится сомневаться также в целесообразности попыток унифицировать систему передачи иноязычных имён собственных на русский язык и сделать её приемлемой для многих иностранных языков. Однако в стремлении к единообразию не следует забывать о необходимости учитывать более полно фонологические, орфографические и орфоэпические особенности отдельных языков.

Аннотация

The article deals with the problem of Hungarian proper names and their equivalents in Russian texts and translations from Hungarian (or other languages) into Russian. In practice some ways of transcription of letters and combinations of letters in Hungarian proper names offered in theory have been constantly ignored by specialists in the Hungarian language and first of all by translators. The article brings out the reasons of the situation which is now and then much more serious than it seems to be and suggests possible solutions.

Лудыкова В. М., д. ф. н., проф., Сыктывкарский государственный университет

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВЫРАЖЕННЫМ СУБЪЕКТОМ В КОМИ ЯЗЫКЕ

1. Безличные предложения представляют собой основную, наиболее употребительную и пеструю по структуре и семантике группу односоставных предложений в коми языке.

2. В коми языке выделяются модели безличных конструкций (а) без субъекта и (б) модели с выраженным субъектом.

3. Организующим центром безличных конструкций выступают безличные глаголы, личные глаголы в безличном употреблении, безлично-предикативные слова.

4. Субъект безличных конструкций выражается формой генитива, датива, аккузатива имени существительного или местоимения. Падежная форма субъекта зависит от семантико-грамматических свойств главного члена.

5. Безличные конструкции с выраженным субъектом сообщают о психических, физических состояниях человека, живого существа, о процессах, происходящих независимо от воли человека, о результате действия, а также имеют различные модальные значения.

6. Компоненты, называющие субъект состояния, произвольные действия, а также указывающие на место, время совершения действия, во многих случаях структурно и семантически являются обязательными членами предложения. Именно они способствуют формированию безличности.

Ключевые слова

Коми язык, синтаксис, безличные предложения, выражение субъекта и главного члена безличных предложений, семантика субъектных безличных предложений.

Аннотация

The article considers the impersonal sentences with a distinct subject in the Komi language. The analysis of the methods of expressing the main part and semantics of impersonal sentences is given. Defined case forms of the noun (pronoun) acting in a role of the subject, depending on the semantics of the ways of expressing the main part of the sentence. The specific characteristic constructions of the Komi syntax are shown.

Н. А. Пеллинен, к. филол. н., Институт языка, литературы и истории, Карельский НЦ РАН (Россия)

СИНТАКСИС КАРЕЛЬСКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ

Колыбельная — жанр детского фольклора, обнаруживающий формальную и функциональную связь с заговорами, причитаниями, поэзией карельской метрики в целом.

Обратимся к четырём наиболее характерным для карельской колыбельной моделям глагольного управления.

1) Глагольное словосочетание с зависимым именем в партитиве, выражает длительное незаконченное действие, направленное на одушевленное лицо:

<i>Uinottelen pienokaista,</i>	<i>Усыпляю малыша,</i>
<i>Vakauttelen vakahaista.</i>	<i>Успокаиваю новорожденного.</i>

В рассматриваемой модели в функции глагола часто выступают рефрены, которые не сообщают о том, как и какое действие совершается, а лишь выступают в своеобразной роли побуждения к действию:

<i>Bai, bai, pikkaraiste lapsušte,</i>	<i>Баю-баю, маленького ребеночка,</i>
<i>L'uuli, l'uuli, poigašte,</i>	<i>Люли, люли, мальчика,</i>
<i>Bai, piendy pun'ušte!</i>	<i>Баю, маленькую крошку!</i>

2) В глагольном словосочетании с зависимым именем в аккузативе также выступают объектные:

<i>Mie se laulan lammin lummen,</i>	<i>Я спою кувшинку ламбы,</i>
<i>Meren lummen luikutan.</i>	<i>Прокричу кувшинку моря.</i>

Использование падежа аккузатива, идентифицируемого в языке лишь на уровне синтаксиса, указывает на результативность действия.

3) Глагольное словосочетание с зависимым именем в аллативе (ливв.), адессиве-аллативе (с.-к.) выражает действие, направленное на адресата:

<i>Mierä se laulan lapsellani,</i>	<i>Я пою моему ребенку,</i>
------------------------------------	-----------------------------

Enkä kellä mui**lla**.

И не пою други**м**.

В некоторых случаях структурно-функциональный анализ типичных для колыбельной песни синтаксических моделей позволяет выявить семантику падежной формы в тексте. Так, в собственно-карельском наречии, а также в некоторых говорах ливвиковского наречия исторически совпали по форме падежи адессив («чем, кем») и аллатив («чему, кому»). И такие случаи колыбельных как *hoikkasormellani* могут быть поняты и как 'тоненьким пальцем', и как 'тоненькому пальцу' ('тонкопалому'):

Mierä laulan lapsell**ani**,

Я пою моему ребенку,

Soitan hoikkasormell**ani**.

Играю моим тоненьки**м** пальце**м**

[или мое**му** тонкопало**му**].

Для установления семантики синтаксемы сопоставлено множество структурных схем предложений этого типа, представляющих в тексте баек синтаксический параллелизм. Общая для подобных синтаксем схема PRON_{НОМ} V_F N_{АЛЛ} указывает на то, что форма *hoikkasormellani*, скорее всего, представляет собой именно объект, а не орудие действия.

4) Глагольное словосочетание с зависимым именем в транслативе, обозначающее процесс перехода в какое-либо положение, состояние, в текстах колыбельных представлено двумя вариантами: а) часть моделей с указанной семантикой выражает прямые объектные отношения: *heiluo herraksi hyväksi* 'качаться в хорошего господина', *kiikkuo suutijaksi/suuren čipun istujaksi* и т. д. 'качаться в судьи/в сидящего в большом углу' и др.; б) в иных случаях в словосочетании представлено двойное управление, т. е. глагол вступает в отношения с двумя существительными: *tuutie lasta* 'баюкать ребенка' и *tuutie turvakseni/puijen pilkkojaksi* 'баюкать на свою опору/в колющего дрова' и др. Вместо глагола может выступить также рефрен в том же значении:

Tuuvin lasta tuomariksi,

Баюкаю ребенка **в** судьи,

Baiju, lasta baijariksi.

Баю, ребенка — **в** бояре.

Использование словосочетаний с падежом транслативом наглядно иллюстрирует синкретизм мышления пестуны, так как слово, произносимое над колыбелью младенца, по народным представлениям, имело магический смысл.

Литература

Iso suomen kielioppi. Päätoim. Hakulinen, Auli. // SKS:n toimituksia 950. Helsinki. 2004.

The analyses represents an appeal to the syntax peculiarities of the Karelian lullaby. The wide-spread models of sentences in Karelian lullabies are considered in connection with their

function and the syncretical mentality point of view. Some events of verbal rection are also analysed.

В. С. Пукиш, соискатель, Адыгейский государственный университет (Россия)

ПО ПОВОДУ РОДСТВА МЕЖДУ ВЕНГРАМИ И ЧЕРКЕСАМИ

Мы вводим в отечественный научный оборот два документа, касающиеся широко обсуждавшейся в Венгрии во 2-й пол. XIX в. гипотезы о генетическом и языковом родстве венгров (угров) с кавказскими народами. Это — статья карпаторусского писателя Александра Духновича (1803—1865) «Нѣчто о черкесах» [Духнович, 1989]²² и отчеты о двух венгерских экспедициях на российский Северный Кавказ, осуществленных в 1895 — 1896 гг. графом Евгением Зичи (1837—1906) [Vasárnapi Újság, 1895, 1896]²³.

В своей статье А. Духнович опровергает утверждения о родстве между венгерским и черкесским языками по причине общности части лексического фонда, для чего приводит аффиксы, выражающие грамматическое значение мн. ч. им. сущ. в этих двух языках и примеры текстов.

Однако примеры эти на самом деле являются тюркскими. Это можно объяснить тем, что тюркские языки использовались на Кавказе в качестве *lingua franca*, а также тем, что черкесами долгое время называли представителей всех коренных народов Кавказа — как в Европе, так и в изгнании в Турции.

Духнович правильно заключает, что на основании одной лишь общности части лексического фонда нельзя делать вывод о родстве языков.

Утверждение Духновича о том, что венгерский язык ранее «также подлинно кавказкй был», созвучно мнению, правильность которого решил проверить Евгений Зичи.

Отчеты о кавказских экспедициях Зичи отсылались «с мест» в редакцию пештского еженедельника “Vasárnapi Újság” их участником Лойошем Садецким.

Члены экспедиции отправились из Новороссийска через Екатеринодар в черкесские аулы и далее, к живущим в кавказских долинах кабардинцам, карачаевцам и др. С

---

²² Духнович О. Твори. Том III. – Пряшів, 1989 (далее – Духнович О. Твори...). – С. 230 – 231.

²³ Gróf Zichy Jenő ázsiai utazása. Vasárnapi Újság (далее – VÚ), 1895. 19. sz. – P. 315 – 306; A Kaukázusból. Gróf Zichy Jenő kutató utazása. VÚ, 1895. 27. sz. – P. 437 – 438; A Kaukázus népeiről. VÚ, 1895. 28. sz. – P. 453 – 455.; Dagesztán. VÚ, 1895. 29. sz. – P. 471 – 474; Gr. Zichy és utitársai Dagesztánban. VÚ, 1895. 31. sz. – P. 502 – 507; Gróf Zichy és társai útjából. VÚ, 1895. 33. sz. – P. 535 – 538; VÚ, 1895. 34. sz. – P. 562; VÚ, 1895. 51. sz.; VÚ, 1896. 9. sz.

исторической и языковедческой точки зрения венгерскую экспедицию интересовали прежде всего черкесы, которых они считали обломками гуннского союза Аттилы. Мадыяры, убегая от печенегов, разделились на две части, одна из которых вернулась в Аланию. Возможно, что их потомками являются современные кабардинцы и соседние народы, в языковом отношении мало отличающиеся друг от друга, заключает автор. В самом центре степей члены экспедиции нашли древний город Маджар (ныне г. Буденновск, ранее Святой Крест. Ср. также: с. Бургун-Маджары, совр. Левокумский район Ставропольского края). Автор отмечает, что черкесы свои старые кинжалы называют *мадьяр*; мы добавим, что в Грузии *маджарой* называют молодое вино.

Далее Садецкий рассказывает о быте *адыгов*, «которых принято называть черкесами, признанных потомками народов, родственных с древними мадыярами». Для современного исследователя эти сведения несут немного этнографического материала, но интересны с точки зрения представлений европейцев 120-летней давности о кавказских народах. По мнению автора, черкесский язык сходен «с венгерским как в некоторых словах, так и в словообразовании и грамматических формах».

После краткого второго путешествия граф Зичи прибыл в Будапешт с еще большей уверенностью в том, что на Кавказе он разыскал прародину венгров. От осетин-*дигорцев* он часто слышал слово *маджар*, используемое ими как выражение восторга. У черкесов, живущих на противоположном от Екатеринодара берегу Кубани, он наблюдал «типично венгерские типы лиц» и встретил среди них троих детей, носящих имя Аттила (по-видимому, тюркско-черкесское Адиль).

Во 2-й пол. XIX века венгерские ученые занимались поисками исторических корней своего народа. Именно венгры были одними из первых исследователей языка и культуры обских угров (О. Регули, Б. Мункачи, К. Папои); они также искали своих языковых родственников на Северном Кавказе (члены экспедиции Зичи). И даже те их оппоненты, кто отрицал родство венгров с кавказскими и тюркскими народами, считали, что изначально венгерский язык относился к кавказским (А. Духнович).

Литература

1. Gróf Zichy Jenő ázsiai utazása. Vasárnapi Újság (далее — VÚ), 1895. 19. sz. — P. 315 — 306; A Kaukázusból. Gróf Zichy Jenő kutató utazása. VÚ, 1895. 27. sz. — P. 437 — 438; A Kaukázus népeiről. VÚ, 1895. 28. sz. — P. 453 — 455.; Dagesztán. VÚ, 1895. 29. sz. — P. 471 — 474; Gr. Zichy és utitársai Dagesztánban. VÚ, 1895. 31. sz. — P. 502 — 507; Gróf Zichy és társai útjából. VÚ, 1895. 33. sz. — P. 535 — 538; VÚ, 1895. 34. sz. — P. 562; VÚ, 1895. 51. sz.; VÚ, 1896. 9. sz.

2. Духнович О. Твори. Том III. — Пряшів, 1989. С. 230 — 231.

Abstract:

The article considers a popular hypothesis of the 2nd half of the 19th century on assumed affinity of Hungarian and Circassian languages. It reviews the article “Some Things About the Circassians” by the Ruthenian writer A. Dukhnovich (1803—1865), and travel notes of the members of two Hungarian expeditions to North Caucasus (1895—1896) organized by Count J. Zichy (1837—1906).

Dukhnovich denies allegations on such affinity based on the community of the vocabulary of the two languages, while Zichy, on the contrary, (as he thinks) finds many cultural and linguistic proofs of such alleged affinity.

А. П. Родионова, к. филол. н., Институт языка, литературы и истории, Карельский НЦ РАН (Россия)

О СЕМАНТИКЕ ПРИЧИНЫ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

По мнению многих исследователей категория причины плавно вытекает из категорий пространства и времени, и это доказывается тем, что существует определенный иерархический ряд в развитии значений: пространство>время>причина. Именно поэтому, многие падежные окончания и послеложные конструкции, имеющие свое основное пространственное значение развивают в себе как временное, так и, например, причинное значение.

У каждого падежа имеется свое *ядерное* значение, как, например, обозначение места у внешнеместных и внутреннеместных падежей. Но очень часто падеж с основным пространственным значением приобретает оттенок причинности.

Падеж	Пространственное значение	Временное значение	Причинное значение
Элатив	ливв. Norjaspäi tuldih miestü Норвегии прибыли’, с.-к. ottima avannošta ’брали из проруби’, люд. ruadospäi tulin ’я с работы пришел	ливв. mendih ildupäiväs ’пошли с вечера’, с.-к. huomeneksesta alkau ’с завтрашнего дня начинается’, люд. Pокrovaspäi ’с Покрова’	с.-к. šielä muattii lapšeteē vilušta ’там дети спали из-за хо- лода’, люд. hebo höhöttäy nälgäs, šüödä kyzyu ’лошадь ржет от голода, есть просит’

Иллатив

ливв. tulou randah 'подходит к берегу',	ливв. myöndypäiväh 'до дня продажи'	ливв. hevot töllöttih nälgäh ' лошади
с.-к. panet järveh 'закинешь в озер',	с.-к. tähä päiväh 'до этого дня'	с.-к. sovan aikana 'околели от голода',
люд. läksin mečсаha 'пошел в лес'	люд. männyzih vuozih 'до последних лет'	люд. kaikki kylän miehet jätih eloh 'во время войны все мужчины выжили'
		люд. rahvas kuoliškaž nälgai 'люди стали умирать от голода'

Развитие значений от пространственного к причинному можно также пронаблюдать и на примере послелогов.

В Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков ALFE рассмотрены послеложные основы, характерные также и для карельского языка, обозначающие причину, источник. Немаловажно, что у этой группы послелогов выступает локальная именная основа taka-, perä- 'задняя часть' esi- 'передняя часть', vasta 'место, находящееся напротив, спереди' [ALFE-3, 300, 305]:

ср. *с.-к.*, *ливв.* pereä, *ливв.* peree, *перя*, *люд.* peräd 'из-за', или, например: *с.-к.* takie, tavutta, toatetta, *ливв.* tuatettu, *с.-к.* tuačči, *ливв.* taaci 'из-за'. Это в очередной раз подчеркивает идею о первичности пространственных значений, и о развитии причинно-следственных из пространственных:

perä 'из-за' (из-за чего). Партитивная *perä*, формы послелога образована от существительного *perä* 'зад, задняя часть предмета, вещи' и имеющая первоначально локальную основу [SSA, 2, 342] выражает в послеложных конструкциях причинное значение:

ливв. Koldovstvan **perä** kuoltih 'Из-за колдовства умирали'; **с.-к.** hänen **perä** mie ruutuim bedah 'из-за него в беду попали' [KKS, IV, 206]; **люд.** a hän šida **perat** polt 'из-за этого он поджег (дом)' [LT, I, 81].

Безусловно, причина является достаточно важной в жизни человека категорией — категорией мышления и логики, тем не менее, ее выражение по средствам грамматических категорий в разы меньше, нежели пространственно-временных.

Литература

ALFE-3 = Atlas Linguarum Fennicarum 1. Helsinki: SKS, 2004. 464 с.

KKS, IV = Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, IV — 1993. 610 с.

LT, I = Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: SUS 129, 1963. 453 с.

Causal relationship is one of the major categories of thought and logic. According to many researchers, the category of cause develops from the categories of space and time, and this is proved by the fact that there is a certain hierarchy in the development of meanings: space > time > cause.

For this reason, many case endings and postpositions structures, with its basic spatial meaning develop as temporary and causal significance. The expression of their grammatical categories is found less frequent than the space-time, because cause is more mental category and more difficult to understand.

О. А.Якименко, Санкт-Петербургский государственный университет, Кафедра финно-угорской филологии, старший преподаватель

ВЕНГЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРИНИМАЮЩЕЙ КУЛЬТУРЕ

В работе предпринимается попытка дать обзор основных тенденций и критериев отбора венгерской литературы для перевода, суммируются результаты проведенного автором опроса, а также проводится анализ причин популярности конкретной переводной литературы в условиях принимающей культуры и возможные пути дальнейшего развития событий.

С 1990 гг. венгерская литература в русских переводах «не идет». Со стороны можно предположить, будто в России литература восточной и центральной Европы потеряла актуальность в результате политических и идеологических перемен в бывших соцстранах. Обзор книжного рынка показывает, что это не так: с конца восьмидесятых и до сих пор существует «пул» достаточно популярных восточноевропейских авторов: Павича, Кундеры, Вишневого и т. д., регулярно выходящих в русских переводах. Однако, для среднестатистического русского читателя в венгерской литературе узнаваемыми остаются лишь имена Имре Кертеса или Петера Эстерхази но нет никакой гарантии, что их кто-то читает. Процесс угасания интереса можно проследить и на материале издания «Венгерская лите-

ратура в русских переводах с 1988 по 2008», одним из составителей которого является автор статьи.

Вопрос, естественно, стоит шире — почему та, или иная литература становится популярной в принимающей культуре. Фридрих Шлеермахер еще в 1813 году заметил, что перевод неизбежно влияет либо на принимающую, либо на «отдающую» культуру (но не на обе вместе) [Шлеермахер, 2000 (1813)]. Современная западная теория перевода склонна исповедовать дескриптивный подход с применением скопос-теории (в трактовке Хольц-Мянттари или Гедена Тури), но хотелось бы взглянуть на проблему не столько с позиций теории перевода, сколько с точки зрения взаимодействия (или отсутствия взаимодействия) двух культур.

Стратегия перевода и переводчика во многом зависит от степени «авторитетности» автора или культуры, которую он представляет, в принимающей культуре. Известных авторов и классические произведения переводят с большей тщательностью, нежели тех, кто нуждается в дополнительном представлении, или кого надо «встраивать» в принимающую литературу. При переводе известных писателей издатели (переводчики, редакторы) внимательнее следят за сохранением стиля и содержания. С менее известными дело обстоит хуже и часто сводится к накатанным приемам и неточным решениям. Гидеон Тури указывает еще и на то, что характер перевода зависит от степени известности того или иного жанра в принимающей культуре. Т. е. если тот, или иной жанр совершенно отсутствует в ПК — переводчики более тщательно сохраняют особенности оригинального текста, если же жанр уже сложился и в ПК, то приходится следовать его канонам уже в ПК [Toury, 1980].

На первый взгляд, между венгерской и русской литературой должна быть тесная связь: есть общее прошлое и традиция. Возникает вопрос: почему на современном российском литературном рынке отсутствует именно венгерский дискурс?

За последние 20 лет с венгерского на русский были переведены произведения более 150 авторов (ср. на итальянский — 168, на испанский 58, на английский — более двухсот). Но есть качественная разница: если сравнивать только списки фамилий — все важнейшие авторы на месте, но при более тщательном анализе видно, что «главные» книги этих авторов так и не были переведены (Краснахоркаи), или переведены, но не изданы (Шпиро, Драгоман). Много выходит только в журналах (Месёй, Краснахоркаи), антологиях или очень малыми тиражами. Из библиографии также видно, что в 1980-90-е гг. издатели не следили за европейским рынком, но продолжали следовать советским стратегиям книгоиздания (само по себе это не плохо, но многие авторы оказались «за бортом») — т. е. издавали авторов типа Мате Залки. Упущения связаны не только с современными авторами,

но и т. н. «заново открытыми»; яркий пример — Шандор Марай, чьи дневники вышли уже на всех европейских языках, а на русском — лишь небольшая публикация в 1993 г. [Марай, 2002].

Анализ ответов, данных экспертами в ходе опроса, а также собственные наблюдения позволяют выделить следующие причины:

- отсутствие полноценной школы венгерского перевода на момент становления современной русской переводческой традиции (начиная с горьковской «Всемирной литературы») — в основном, венгерские тексты переводились через немецкий;

- за исключением нескольких переводчиков, в советские годы практически вся венгерская поэзия переводилась через подстрочники;

- отсутствует система «оповещения читателей» и нормальный институт литературной и переводческой критики;

- сложные историко-политические отношения двух стран, «культурно-ментальное отчуждение»;

- разный историко-культурный фон (несхожесть контекста);

- «заикленность» венгерской литературы на внутренних вопросах.

Возможные пути решения — формирование критической массы, выпуск тематических номеров литературных журналов, создание новой переводческой школы, привлечение литературы как одного из средств формирования образа страны, расширение границ литературоведения.

Литература

Два десятилетия венгерской литературы в русских переводах: 1988-2008 гг. Аннотированная библиография. Сост. и предисл. Илоны Киш, ред. О. Якименко. Будапешт: Magyar könyv alaptápany / Венгерский книжный фонд, 2009. 112 с.

Марай Шандор. Дневники// Иностранная литература, 1993, №12. Земля! Земля!.. (Из книги воспоминаний)// Венгры и Европа. Сб. эссе. М.: Новое литературное обозрение, 2002, с. 283—336.

Шлейермахер Ф. О разных методах перевода (1813) // «Вестник МГУ. Сер. Филология». 2000. № 2.

Toury G. In Search of a Theory of Translation. Tel-Aviv, 1980.

Since the 1990s Hungarian literature has been having a hard time with the Russian readers. An outside observer might think that was due to the general decline of Russia's interest in Central and Eastern European literature in the course of the changes that took place within the

'change of the regime'. That, however, is not true: some authors like Pavić, Kundera and others did manage to gain popularity among the Russians. If you ask a regular Russian book-lover about contemporary Hungarian authors they are likely to name Kertész (as a Nobel-prize winner) and Eszterházy (because the name sounds familiar). There is smaller chance the person asked has actually read their works. The book *Hungarian Literature in Russian Translation between 1998 and 2008* (ed. Yakimenko) provides a clear picture of the process. It offers a basis for analysis and a chance to answer a question: whom and why would they translate and how would they choose certain titles. The paper is meant not only to demonstrate the situation but also to find out whether there is a chance for success Hungarian literature might enjoy with the demanding Russian audience. The latter also brings us to the problem of how a foreign language literature becomes popular in the recipient culture. The paper contains references to numerous critical reviews and studies in Russian.

Фольклор новейшего времени, постфольклор и проблемы традиции

Е. А. Абашкина, асп., Самарский государственный университет (Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЮЖЕТОВ И ЗНАКОВ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В СОВРЕМЕННОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ Л. ГОРАЛИК)

Современная малая проза использует знаки волшебной сказки для построения игрового пространства, в рамках которого становится очевидным проницаемость и уязвимость представлений о повседневности современного человека.

При этом, заимствуя и переосмысляя каноны сказки, современная литература рефлексирует над проблемностью границы между взрослым и ребенком, которая рассматривается ею как достаточно неустойчивая. Таким образом, в докладе тенденция включения элементов и знаков волшебной сказки в современную прозу существует как попытка построить диалог с миром детства.

Обращение к волшебной сказке здесь становится не памятью об архаических ритуалах и коллективных смыслах и не поводом для морализаторства, а знаком того, что современный взрослый человек переживает детство как нечто близкое, как пространство актуальных смыслов, связанное с его настоящим.

Легкость, с которой взрослый человек начинает играть в сказочные сюжеты, может свидетельствовать об отсутствии у него жестких представлений о мире — в этом случае взрослый уподобляется ребенку, для которого мир еще не обрел структурность. В мире ребенка фантастическое не исключается, но допускается. Взрослые же герои современной

малой прозы зачастую уподобляются детям в своей готовности принять существование фантастического в своей повседневности.

Ребенок чаще всего воспринимается в культуре как не-субъект — человек, для которого границы мира еще не существуют как нечто устойчивое, незыблемое, человек, который в силу частых трансформаций собственного тела, допускает и возможность трансформаций мира [Недель, 2000]. Взрослый человек должен опираться в своей жизни на четкие и достаточно устойчивые представления о действительности, которые служат основой для его взглядов.

Однако в рассказах Горалик главным событием большинства историй становится потенциальная проницаемость границ реального мира, которую открывают взрослые герои. При этом показательна и та легкость, с которой взрослые герои верят в возможность волшебного в реальном мире.

Происходит это во многом потому, что современный мир множеством своих характеристик уподобляется миру сказочному. Так, Славой Жижек пишет о «тоске по реальности» современного человека, который за множеством зрелищ, предлагаемых телевидением не способен разглядеть реальные события [Жижек, 2002]. Человек современной культуры теряет ощущение реальности и оказывается близок ребенку в своей возможности допустить существование фантастического в мире повседневности.

Литература

1. Жижек Славой. Добро пожаловать в пустыню Реального /пер. с англ. А. Смирнова. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
2. Недель А. Размещаясь в неизбежном. Эскиз сталинистской метафизики детства // Логос. 2000. №3 (24). С. 54-100.

ACTUALIZATION OF PLOTS AND SIGNES OF MAGIC FAIRY TALES IN THE MODERN SHORT STORIES (ON THE EXAMPLE OF TEXTS BY L. GORALIK)

In article the problem is considered to use plots and signs of magic fairy tale is the modern short stories. Elements of the magic fairy tale are used for creation of game space in which there is obvious a lameness of the general ideas of daily occurrence.

Е. Е. Бычкова, соискатель, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Россия)

«Я в стопе!» или новые образы и словесные формулы детской подвижной игры

Игры детей вбирают в себя целый спектр значений: они могут стать как формой их мироосмысления, житнетворения, так и фактом передачи фольклорного знания.

Настоящая статья представляет собой фрагмент исследования многообразия фольклорных жанров, ритуализированных практик, игровых моделей, бытующих на территории одного из дворов города Кемерово (Западная Сибирь). Материалом для данного исследования стали записи рассказов детей преимущественно младшего школьного возраста, проживающих в данном пространстве.

По наблюдениям М. В. Осориной, именно во дворе ребёнок вступает в сложную систему отношений с другими детьми и окружающим миром [Осориная, 2007]. Опыт дворового общения диктует круг фольклорных жанров и вырабатывает стиль общения, в котором ребёнок нередко встречается с ситуацией испытания (например, традиция дразнения, словесные заманки, обряды посвятительного свойства и т. д.). В силу своей коммуникативной неопытности, ребёнку зачастую сложно с ними справиться. Одним из способов, изобретённым для этого детской культурой являются словесные формулы. Как пишет В. В. Головин, характеризуя особенность детского права: «Нормы поведения постоянно фиксируются на словесном уровне при помощи своеобразных формул-клише. <...> Эти жанры и словесные формулы постоянно и адекватно используются при спорных ситуациях, при нарушении стереотипов поведения или правил игры, словом, в ситуациях, когда торжество справедливости возможно лишь при использовании данных текстов» [Головин, 2002, 28]. Мироощущение ребёнка в целом характеризует повышенное внимание к слову. Оно как будто материально осязаемо и может воздействовать на многие явления жизни. В игровой реальности словесная формула организует ход игры на различных её этапах, призвана поддерживать внутренний игровой этикет.

Однако так как детская культура в целом характеризуется большим вниманием к современным реалиям, в игровую ситуацию встраиваются новые формулы, отражающие дух времени. «На детей, как писал ещё Г. С. Виноградов, несомненно имеет влияние, хотя и неведомо, незаметно для них, всё, что говорится или поётся, сказывается в повседневной жизни» [Виноградов, 1999, 374]. Взгляд ребёнка, более пристальный, чем взгляд взрослого человека, по-своему воспринимает окружающую действительность на разных её уровнях: будь то СМИ, финансово-экономическая ситуация, предметные новшества.

Одной из интересных тенденций, зафиксированной в ходе наблюдения за дворовыми подвижными играми, является, например, введение игроками формулы «Я в стопе!», служащей символической заменой формуле «Я в домике!». Для неё характерен особый жест: игрок держит руки параллельно друг другу, подняв кисти рук, сжатые в кулаки.

Влияние живой жизни помимо вводимых в ход игры словесных формул фиксируется также в названиях и образах детских подвижных игр, закреплённых за исследуемым пространством: «Бомж», «Скелетоны», «Телепопа», «Трансформеры», «Зомби», «Машина едет-едет, стоп!» и т. д. Введение детьми новых образов, словесных формул в парадигму своего фольклорного знания позволяет им моделировать новые игровые ситуации, соответствующие веянию времени, а также осуществлять их передачу следующему поколению детей, сохраняя и преумножая локальную игровую традицию.

Литература

Виноградов Г. С. Страна детей. СПб, 1999.

Головин В. В. Детское обычное право в контексте игры // Теория и история игры. Вып. 2. М., 2002. С. 27 — 43.

Осорова М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2007.

Ychikova Yekaterina

“I am in stop!” or some new images and special expressions of children’s games.

The article is devoted to the analysis of some new special expressions and images, which are using by children in their games. The research is based on the records of children’s descriptions of 2003-2010 collected on the territory of one of Kemerovo’s playground. The children were aged from 6 to 13. The introduction of the new images and expressions in children’s lore allow them to rich local tradition of playing, to model new game’s situations and transmits their knowledge to the next generation of children.

В. Е. Добровольская, к. филол. н., Государственный республиканский центр русского фольклора (Россия)

РОЗЫ И КОНФЕТЫ ИЛИ КОЛЬЕ И МЕХА: ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОДАРКАМИ (ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ТРАДИЦИИ).

На протяжении XX в. можно говорить о двух периодах в дарении подарков девушкам: это период от 20-х до 80-х гг. XX в. и период, началом которого стала перестройка.

Головные платки были одним из самых ходовых подарков девушке до 70-х гг. XX в. Считалось, что платок не должен был быть дорогим по стандартам времени дарения.

Несколько иная ситуация связана с туалетной водой. До 60-х гг. XX в. юноша мог подарить девушке духи и одеколоны советского производства. Но, это был подарок, связанный с переходом из статуса друга в статус жениха. С 60-х гг. XX в. недопустимым подарком для девушки становятся французские духи, в то время как продукция отечественного производства рассматривается как «нормальный приличный подарок».

Книгу мог подарить одноклассник, но никак не «мальчик с которым ходят». С 60-х гг. ситуация несколько изменилась, девушке из определенной социальной среды юноша мог подарить книгу, но не любую. Подарком любимой мог стать томик стихов поэтов серебряного века или поэтов-шестидесятников, а так же альбомы по искусству.

В 20—40-ые гг. букеты были самые аскетичные и соответствующие сезону. Конфеты считались подарком надежным и проверенным временем. Единственное, что в 20—30-е гг. это чаще были не конфеты, а шоколад. Затем стали дарить развесные конфеты. Постепенно подарком стали только конфеты в коробках.

Особенно устойчивым подарком в 20—60-е гг. была чашка, которая постепенно из разряда подарков юношей девушкам перешел в семейные подарки женщинам семьи.

Недопустимым подарком было нижнее белье и ювелирные украшения.

Таким образом, до начала перестройки подарком для приличной девушки были цветы, конфеты, духи, головные косынки и чашки. Совершенно недопустимыми подарками считалось нижнее белье и ювелирные украшения. Безусловно, могли быть и другие подарки, но они носят индивидуальный характер.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась.

Цветы дарят теперь круглый год, а букет, который дарят девушке, должен отвечать критерию «богато». Что касается конфет, то в подарок девушке принято дарить конфеты ручной работы.

Дарить можно любые духи, но опытные молодые люди уверенно говорят, что главным в таком подарке является флакон, а не запах. Удивительно, но девушки тоже считают, что в духах, которые тебе дарят — главным является флакон.

Белье и ювелирные украшения считаются лучшими подарками. Меха это желанный подарок для девушки, и в записях последнего времени шубка рассматривается как приличный подарок на Новый год или день рождения.

Таким образом, в современных условиях подарок становится предметом демонстрации благополучия, как потенциального жениха, так и самой девушки. С другой стороны, такие подарки рассматриваются как денежные вложения выгодные как юноше, так и девушке. И хотя большинство наших исполнителей на прямой вопрос о том, можно ли рассматривать подарок как средство покупки сексуального контакта отвечали отрицательно в большинстве размышлений о подарках звучала именно тема обмена подарка на сексуальный контакт.

Таким образом, то, с чем так боролись девушки прошлого, и чего так боялись юноши — то есть того, что подарок может рассматриваться как намек на покупку сексуальных контактов, намек на то, что девушка отличается вольными нравами и не соответствует образу «комсомолки, спортсменки и просто красавицы» в настоящее время становится совершенно естественным, подарок становится неким эквивалентом денег за которые мужчина покупает понравившуюся ему девушку, и уже нельзя сказать, что молодые люди этого не осознают, хотя пока еще открыто не декларируют это.

Author treats traditional rules of gift giving in urban culture and their evolution in XX — early XXI centuries. Records in question were taken during last twenty five years from respondents living in Moscow and Moscow region and some cities of Vladimir and Yaroslavl regions belonging to deveral generations (1910-1990s years of birth). Situations which obige one to make a gift are described, as well as the types of gifts and gift-givers. Particular attention is paid to changements in choise of objects used as gifts, emergence of new or disappearance of old typical situations of gift-giving, emergence of new types of gift-givers and comparison of corresponding rules in main urban centres, provincial towns and villages.

Фонетика

С. В. Мощева, к. филол. н., Ивановский государственный химико-технологический университет (Россия)

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

Исследование феномена интенциональности речевого поведения остается одной из актуальных задач современной лингвистики, к которому обращались и обращаются в своих научных изысканиях как отечественные, так и зарубежные ученые.

Для нашего исследования представляет особый интерес выявление особенностей реализации определенного речевого намерения в конкретном речевом акте. Очевидно, использование различных языковых средств для экспликации и интенсификации выражения намерения по отношению к факту служат для достижения интенции убеждения.

Реализация воздействия в видах дискурса с манипулятивной составляющей, к которым относится и дискурс массмедиа, предполагает учет фактора адресата. Принимая во внимание фактор массовости адресата речи и необходимость воздействия на большую часть аудитории, адресант сообщения выбирает мишени воздействия, которые обладают свойствами *универсальности* и *коллективности*. Осуществление данной функции требует обращения к определенным языковым уровням, фонетический уровень является наименее комплексно изученным, однако не менее значимым [Мощева, 2012].

Изучение англоязычного и русскоязычного рекламного материала дает основание утверждать, что явления *аллитерации*, *консонанса*, *ассонанса* достаточно характерны для печатных рекламных текстов («*Jaguar ... Don't dream, drive it*»; «*Beanz Meanz Heinz*»; «*Skim milk does not come from skinny cows*»).

Интересным для оформления текстов массмедиа можно считать и обращение к *звукоподражанию* («*Pepsi-Cola is the Drink for you! Nickel, nickel, nickel, nickel. Trickle, trickle, trickle, trickle...*»; trickle — капать, течь тонкой струйкой).

Общая фонетическая окраска текста создается выделяющимися (выдвинутыми) на общем фонетическом фоне близко расположенными повторами; выдвинутость этих элементов сообщает им ритмическую роль, которая оказывается тем более заметной, чем теснее расположены повторы [Арнольд, 1981].

Нами было отмечено, что *рифма* — востребованный способ оформления англо- и русскоязычных рекламных текстов для различных типов целевой аудитории («*Match the stars to the cars*»).

К достаточно активному способу оформления РТ можно отнести *игру слов*, построенную на полной, либо частичной фонетической схожести слов (омонимии — паронимии): «*Music is art. Muzak is science*» — реклама компании «Muzak Corporation» (music — muzak); вычленение в составе звукокомплекса слов-омофонов используется в качестве приема языковой игры: «*new MAXwear lipcolor*» — реклама губной помады «Max Factor»; «*Selfexpression*» — реклама рубрики в журнале «Self».

Анализ печатного рекламного материала указывает на многочисленные случаи, в которых основой аттракции могут быть морфологические совпадения в конце/начале слова: «*Electricity — Clean Simplicity*»; «*The safest and prettiest way to get that just-spent-the-day-at-the-beach look. Try Cover Fx Bronzed Fx Bronzing Powder*».

На основе анализа экспериментального корпуса можно сделать вывод, что в текстах массмедиа присутствует достаточное количество *иноязычных инкрустаций*, образованных при помощи приемов транскрипции или транслитерации. Именно русскоязычные рекламные тексты достаточно активно включают иноязычные инкрустации: «*Клуб Дискавери — ждет своих друзей!*» — (discovery — открытие); «*Морсберри — фруктовое удовольствие!*» — (berry — ягода).

Таким образом, коммуникативная интенция представляет конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего, мотивирует речевой акт, лежит в его основе, воплощается в интенциональном смысле, который имеет разнообразные способы языкового, в том числе и фонетического, выражения в высказываниях.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. С.210-216.
2. Моцьева С. В. Выразительный потенциал текстов массмедиа. Анализ языковых уровней / Монография. Germany, Saarbrücken: LAP, Palmarium Academic Publishing, 2012. 140с.

Summary: In the report the actual problems of pragma-linguistics connected with the phenomena of intention and intentionality are considered. Much attention is paid to phonetic stylistic devices existing in a language as a system for the purpose of logical and emotional intensification of the utterance.

Формальные методы анализа русской речи

И. С. Кипяткова, к. т. н., В. О. Верходанова, А. Л. Ронжин, д. т. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Сегментация и анализ внеязыковых элементов в речевом корпусе научных докладов

Одной из проблем автоматического распознавания разговорной речи является наличие речевых сбоев, таких как озвученные паузы, артефакты, самокоррекции. Вокализованные (озвученные) паузы могут быть вызваны различными причинами: сомнения, размышления и др. Артефакты — это преимущественно короткие неречевые элементы, например, причмокивание, цоканье языком, звуки, связанные с громким дыханием. Наиболее подробно типы речевых сбоев рассмотрены в работе [Подлеская, 2007]. Для системы автоматического распознавания речи вокализованные паузы и артефакты не несут информативной нагрузки и поэтому должны быть устранены на ранних уровнях обработки сигнала [Ронжин, 2011].

Для того чтобы отделить внеязыковые элементы от ключевых слов и исключить их из дальнейшей обработки, нужно создать их акустические модели. Для обучения акустических моделей внеязыковых элементов в данном исследовании был собран корпус русской речи, который содержит доклады на семинаре шести человек (трех мужчин и трех женщин). Общий объем корпуса составляет 70 мин. В ходе сегментации корпуса были выделены артефакты и заполненные паузы хезитации. Для обучения и тестирования использовались внеязыковые элементы, которые встретились в корпусе более двух раз. В результате были построены модели для трех типов артефактов (вдох, прочищение горла/кашель и причмокивание) и восьми типов заполненных пауз (/a/, /ay/, /э/, /эм/, /эу/, /м/, /мэ/, /мнэ/). Каждая модель внеязыкового элемента строилась на основе лево-правой скрытой марковской модели, содержащей три основных состояния.

Всего было просегментировано в корпусе 1052 внеязыковых элемента, их суммарная длительность составила 7 мин, что равняется примерно 10 % от длительности всех записей выступлений докладчиков на семинаре. Большую часть внеязыковых элементов составляют заполненная пауза /э/ (46 % общего числа внеязыковых элементов) и вздох (32 %), эти элементы присутствовали в речи всех шести дикторов. Также в речи большинства дикторов присутствовали элементы «кашель», /эм/, /м/.

Были проведены эксперименты по распознаванию выявленных внеязыковых элементов. Точность распознавания всех элементов составила 87 %. При этом точность рас-

познавания элементов «причмокивание», /а/, /ау/, /мэ/, /мнэ/ составила 100 %. Хуже всего распознавалась заполненная пауза /э/, точность распознавания которой оказалась равной 79 %. Также точность распознавания ниже 90 % оказалась у элементов /эм/, /м/, при распознавании эти элементы путались между собой.

Проведенные эксперименты показали достаточно высокий процент распознавания внеязыковых элементов. В дальнейшей работе планируется увеличить количество моделируемых внеязыковых элементов и провести эксперименты по проверке правильности отделения внеязыковых элементов от ключевых слов. Работа выполнена в рамках НИР СПбГУ № 31.37.103.2011.

Литература

1. Ронжин А. Л., Евграфова К. В. Анализ вариативности спонтанной речи и способов устранения речевых сбоев // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. 2011. Т. 2. Вып. 3. С. 227—231.
2. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2. 2007. № 2. С. 2—23.

In the paper, the results of analysis of extralinguistic elements that were extracted during segmentation of the corpus of spontaneous speech containing records of six speaker's talks at a small workshop are presented. The segmentation of artefacts (breath, cough, and smack) and filled pauses allowed us to assess the appearance frequency and duration of these elements in speaker's talks. We created computational models of extralinguistic elements that occurred in the corpus more than two times. The accuracy of extralinguistic element recognition in the collected corpus was 87 %.

Фразеология и библия

К. Е. Полупан, к. пед. н., СПбГУ (Россия)

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ В ПОСЛОВИЦАХ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

There is a great deal of preventive proverbs in the Russian language. In this issue it is told about those of them which come from the Holy Gospel, where practically all of them are used to prevent (so, both the intention of speech and the conceptual meaning of the proverbs are preven-

tive). In modern contexts the Gospel preventive proverbs are often used to realize different intentions of speech — threat, reproach, censure etc. — rather than prevention.

Предостережение представляет собой одну из семантических доминант пословичного пространства языка. Мы выделяем 2 формальных логико-грамматических признака, позволяющих сделать вывод о наличии у пословицы как единицы языка предостерегающей семантики:

- 1) наличие эксплицитного или имплицитного указания на причинно-следственную связь между некими Действием 1 (Д1) и Действием 2 (Д2) (где Д1 — неосторожное/необдуманное/неоправданное действие, а Д2 — его негативное последствие);
- 2) способность аналогичной грамматической конструкции в непословичной речи выражать предостережение как речевую интенцию [Полупан, 2011, 17].

Этим признакам соответствует множество пословиц, имеющих евангельское происхождение: *Не хлебом единым жив человек; Не служи двум господам; Не судите, да не судимы будете; Не мечите бисера перед свиньями (да не попрут его ногами); Ищите и обряцете; Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; Злое дерево приносит злые плоды; Царство разделится — скоро разорится; Нет пророка в своем отечестве; Кто поднимает меч, тот от меча и погибнет* и др.

Предостережение — один из важнейших концептов, объективированных текстами Священного Писания, в том числе Евангелиями. Цель религиозных текстов — направить человека на путь спасения души, при этом человек свободен в своем выборе. Свобода выбора образа действий адресатом — одна из основных черт предостережения, в отличие от угрозы и запрета.

Предостерегающие пословицы использованы в тексте Евангелия, как правило, именно с целью предостеречь адресата, т. е. концептуальный план предостережения совпадает с интенциональным. В современных текстах пословицы-предостережения могут использоваться не только с целью реализации интенции предостережения, но и многих других интенций — осуждения, обличения, угрозы и др.

Пословица *Не суди, да не судим будешь* часто используется в современной речи с целью оборвать человека, произносящего осуждающее высказывание, с целью не столько предостеречь адресата, сколько просто сделать так, чтобы он не говорил того, что неприятно слышать. Важнейший семантический элемент предостережения — забота об адресате — в данном случае отсутствует.

Пословица *Кто поднимет меч, от меча и погибнет*, используется в современном языке чаще всего для реализации интенции угрозы. Используя эту пословицу, современ-

ные носители русского языка вспоминают не Евангелие, а фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), герой которого произносит данную пословицу, выражая угрозу.

Таким образом, пословицы евангельского происхождения, объективирующие концепт предостережение, при речевом употреблении могут реализовывать разные интенции — в современном языке не столько предостережение, характеризующееся заботой об адресате, сколько осуждение, упрек, угрозу и другие интенции, имеющие целью достижение «блага для себя». Это свидетельствует о том, что пословицы постепенно отчуждаются от источника своего происхождения и приспосабливаются к современным языковым, речевым и нравственным условиям.

Литература

Полупан К. Е. Формирование лингвокультурологической компетенции на материале паремий, репрезентирующих концепт «предостережение». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. — СПб.: 2011.

Французские чтения

**Н. А. Тулякова, к. филол. наук, Национальный исследовательский университет
Высшая Школа Экономики (Россия)**

ЛЕГЕНДА В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ГЮГО

В эпоху романтизма возрастает интерес к фольклорным жанрам, в том числе и к легенде. Для Гюго подобный интерес характерен на протяжении всего творчества и проявляется в различных жанрах: в предисловиях, публицистике, литературе путешествий, поэзии, прозе.

В предисловиях к «Кромвелю» и к сборнику «Оды и баллады» Гюго косвенно противопоставляет легенду истории, считая, что именно легенда становится предметом изображения в романтической литературе: «Драма излагает легенды, а не факты. Это хроника, а не хронология» [Гюго, 1956, 92].

В книгу путешествий «Рейн» Гюго включает топонимические и сказочные легенды. Топонимическая легенда рассказывает историю, связанную с каким-либо местом, и может носить комический (легенда из IX письма) или трагический характер («Легенда о злом архиепископе» из письма XX). К легенде сказочного типа относится «Легенда о прекрасном Пекопене и красавице Больдур, » (XXI письмо), в основе которой лежит фабула

волшебной сказки. В любом случае, легенда повествует о том, как персонаж расплачивается за свою глупость, ошибку и преступление. Легенды из книги «Рейн» отражают ностальгию по старой Европе, полной сказок и преданий.

Далее Гюго обращается к понятию «легенда» в предисловии к поэтическому циклу «Легенда веков», который называет «историей, подслушанной у преддверия легенды» [Гюго, 1956, 303]. Автор хочет изобразить историю человечества «одновременно во всех планах — историческом, легендарном, философском, религиозном, научном» [Там же, 301]. Для выполнения этой грандиозной задачи Гюго выбирает именно легенду, которая интересна ему не столько своей формой, сколько содержанием, как жанр, объединяющий и предполагающий многие планы. Легенда предполагает непобедимую веру в судьбу человека, даже если оперирует понятиями трагического. Человек является в легенде центром, ради которого существует и земля, и история, и жизнь, и смерть, и без него невозможно исполнение предназначения мира.

Наконец, Гюго прибегает к осмыслению легенды в художественной прозе. В романе «Девяносто третий год» он открыто противопоставляет историю и легенду, однако не мыслит их друг без друга: «История бретонских лесов в период между 1792 и 1800 годами могла бы стать темой специального исследования, и она на правах легенды вошла бы в обширную летопись Вандеи. У истории своя правда, а у легенд — своя. Правда легенд по самой своей природе совсем иная, нежели правда историческая. Правда легенд — это вымысел, итог которого — реальность. Впрочем, и легенды и история обе идут к одной и той же цели — в образе преходящего человека представить вечное. Нельзя полностью понять Вандею, если не дополнить историю легендой; история помогает увидеть всю картину в целом, а легенда — подробности» [Гюго, 1973, 180]. Поэтому действие романа переносится из Парижа в леса Вандеи, а вместо центральных политических деятелей главными персонажами становятся обыкновенные люди.

Таким образом, легенда в творчестве Гюго предстает как жанр, характеризующийся повышенной эстетической и этической значимостью, существованием в связке с историей и поэзией, наличием поэтического вымысла, героико-трагическим содержанием.

Литература

1. Гюго В. Девяносто третий год // Гюго В. Девяносто третий год. Эрнани. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1973.
2. Гюго В. Легенда веков // Гюго В. Легенда веков // Гюго В. СС: В 15 тт. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 13.
3. Гюго В. Предисловие к «Кромвелю» // Гюго В. СС: В 15 тт. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 14.

The article studies Victor Hugo's attitude to the legend, its opposition to history in Hugo's prose and poetry and in publicistic works (prefaces). The author also analyzes types of the legend in the book "Le Rhin" and peculiarities of its functioning.